

ISSN 1813-7083

2025 – № 3

**СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

2025 – № 3

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; канд. филол. наук А. А. Озонова (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук В. А. Горбунова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Н. В. Налегач (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Рудей-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Исмагилова Е. И.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Календарный и сезонно-приуроченный фольклор чувашей в условиях сибирской диаспоры 9
- Солдатова Г. Е.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Фольклор в обрядах кондинских манси (по воспоминаниям А. М. Коньковой) 25

Литературоведение

- Дергачева-Скоп Е. И.** (Новосибирск, НГУ, ГПНТБ СО РАН)
Концептуальная основа повествовательного пространства «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: «скрытая цитата» 45
- Козлов А. Е.** (Новосибирск, НГПУ)
«Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского: традиции Bildungsroman и «работа над ошибками» 62
- Репонь А., Цинтула И.** (Банска Быстрица, Университет им. Матей Бела)
Замечания о главном герое русской классической литературы 1825–1925 годов 78
- Серегина С. А.** (Москва, ИМЛИ РАН)
Л. Н. Толстой в художественном сознании С. А. Есенина: к истории вопроса 92
- Давыдов С. Н., Хатямова М. А.** (Томск, ТГУ)
Становление лирического дневника А. Штейгера («Этот день» – «Эта жизнь») 104
- Каминский П. П.** (Томск, ТГУ)
В. П. Астафьев – корреспондент «Чусовского рабочего» (1951–1955) 117
- Сивцева-Максимова П. В.** (Якутск, СВФУ)
Рукописи А. Е. Кулаковского в академическом издании 130
- Марьин Д. В.** (Барнаул, АГАУ)
«Ты какой-то... интересный поп»: Еще раз об образе попа в рассказе В. М. Шукшина «Верую!» 144
- Полева Е. А., Ключник И. А.** (Томск, ТГПУ)
Специфика детективной интриги в романе Лены Элтанг «Радин» 157
- Куликова Е. Ю.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Тайна и загадка: о слиянии детектива и фэнтези в современной литературе (на примере цикла романов Лены Обуховой «Городские легенды») 170

Языкознание

- Норманская Ю. В.** (Москва, ИСП РАН, ИЯз РАН)
Есть ли разноместное ударение в лесном ненецком языке (по данным говора с. Халясавей) 183

Новикова Н. М. (Новосибирск, НГУ)	
Особенности интонационной интерпретации графического предложения в зависимости от формальных характеристик содержащихся в нем пунктуационных знаков (точка с запятой, двоеточие, тире)	211
Аникин А. Е. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Заметки из истории русской лексики (по материалам «Русского этимологического словаря»)	225
Шагдурова О. Ю. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Бытийные значения глаголов положения в пространстве в хакасском языке	239
Тюнтешева Е. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)	
Сравнения с параметром «блеск, сияние» в алтайском и хакасском героическом эпосе	251
Филимонова Е. В. (Москва, ИЯз РАН)	
Средства выражения интенсивности в русском жестовом языке	265

Рецензии

Патроева Н. В. (Петрозаводск, ПетрГУ)	
Рецензия на книгу: Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: Монография. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.	281

2025 – No. 3

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Aiiiana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Viktoiriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Natalya V. Nalegach, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

Institute of Philology SB RAS
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Ismagilova E. I.**
Calendar and seasonally-timed folklore of the Chuvash in the conditions of the Siberian diaspora 9
- Soldatova G. E.**
Folklore in the rituals of the Konda Mansi (based on the memoirs of A. M. Konkova) 25

Literature

- Dergacheva-Skop E. I.**
The conceptual basis of the narrative space in the “History of Siberia” by Semyon Remezov: “hidden quotation” 45
- Kozlov A. E.**
“People of the Forties” by Aleksey Pisemsky: Bildungsroman traditions and “working on mistakes” 62
- Repoň A., Cintula I.**
Remarks on the protagonist in Russian classical literature between 1825 and 1925 78
- Seregina S. A.**
Leo Tolstoy in the artistic consciousness of Sergei Yesenin: toward a history of the question 92
- Davydov S. N., Khatyamova M. A.**
The formation of A. Shteiger’s lyrical diary (“This Day” – “This Life”) 104
- Kaminskiy P. P.**
Victor Astafyev – a reporter of *Chusovskoy rabochiy* (1951–1955) 117
- Sivtseva-Maksimova P. V.**
The manuscripts of Alexei Kulakovsky in academic publishing 130
- Maryin D. V.**
“You are some kind of... interesting priest”: Revisiting the image of a priest in the story by Vasily Shukshin “Veruyu!” 144
- Poleva E. A., Klyuchnik I. A.**
Specifics of the detective plot in the novel “Radin” by Lena Eltang 157
- Kulikova E. Yu.**
Mystery and enigma: on the fusion of detective and fantasy genres in modern literature (a case study of the novel series “Urban Legends” by Lena Obukhova) 170

Linguistics

- Normanskaja J. V.**
Does the Forest Nenets language as spoken in Khalyasavey village exhibit phonological accent? 183

Novikova N. M.	
Prosodic features of written sentences depending on formal characteristics of their punctuation marks: a case study of semicolons, colons, and dashes	211
Anikin A. E.	
Notes from the history of the Russian vocabulary (a case study of the Russian Etymological Dictionary)	225
Shagdurova O. Yu.	
Existential meanings of verbs of position in space in the Khakass language	239
Tyunteshcheva E. V.	
Comparisons regarding the parameter of “shine, glow” in the heroic epics of Altai and Khakass	251
Filimonova E. V.	
Expression of intensification in Russian Sign Language	265

Reviews

Patroeva N. V.	
Book review: Generalova E. V., Zinovieva E. I. Istoki russkoy frazeologii: ustoychivye sochetaniya yazyka delovogo i povsednevnogo obshcheniya Moskovskoy Rusi 16–17 vv.: Monografiya [The origins of Russian phraseology: Fixed expressions in the business and everyday language of Muscovite Rus’ (16th–17th centuries): Monograph]. St. Petersburg, Publishing Press Association, 2024, 462 p.	281

Научная статья

УДК 398(=512.111)(571)

DOI 10.17223/18137083/92/1

Календарный и сезонно-приуроченный фольклор чувашей в условиях сибирской диаспоры

Екатерина Игоревна Исмагилова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

Аннотация

Рассматриваются отдельные жанры календарно-обрядового и сезонно-приуроченного фольклора – песни зимних поздравительных обходов, масленичные и хороводные песни, зафиксированные от потомков сибирско-чувашских переселенцев. Дана характеристика этнографических контекстов исполнения фольклорных образцов, анализ содержания и некоторых поэтических приемов, присутствующих в их текстах; выявляются закономерности, свойственные бытованию сезонного фольклора в локальных традициях чувашей Сибири. Произведения этой жанровой сферы к настоящему моменту перешли в практику пассивного хранения. Функция исполнения произведений календарного и сезонно-приуроченного фольклора переосмысливается: из обрядовой она становится праздничной, развлекательно-коммуникативной. Вводятся в научный оборот материалы созданного в 2021–2023 гг. интернет-ресурса «Атлас звучащих фольклорных текстов».

Ключевые слова

народные песни чувашей Сибири, календарный фольклор, сезонно-приуроченный фольклор, сибирско-чувашская диаспора, фольклор сибирских переселенцев

Для цитирования

Исмагилова Е. И. Календарный и сезонно-приуроченный фольклор чувашей в условиях сибирской диаспоры // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 9–24. DOI 10.17223/18137083/92/1

© Исмагилова Е. И., 2025

Calendar and seasonal folklore of the Chuvash in the context of the Siberian diaspora

Ekaterina I. Ismagilova

Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

Annotation

This paper attempts to characterize the calendar works of the Chuvash calendar-ritual and seasonally timed folklore recorded in various localities of the Siberian region. A description of the ethnographic context and an analysis of the text content are provided. The corpus of this study comprises accounts from tradition bearers concerning holiday celebrations and folklore samples, specifically winter congratulatory round songs (Surkhuri festival), Maslenitsa, and round dance songs, documented among descendants of Siberian-Chuvash settlers between 2003 and 2024. The Surkhuri festival folklore texts feature livestock fertility blessings for household hosts alongside humorous threats directed at stingy hosts. Maslenitsa songs (*çăvarni yurri*) predominantly celebrate youth sleigh-riding festivities. Round-dance songs (*văyă yurri*) exhibit diverse thematic content encompassing dance celebrations, spring nature depictions, and lyrical-philosophical meditations on life and its transience, and others. A thorough examination of the poetic text in both the Maslenitsa and Peter the Great songs reveal the presence of recurring patterns in their organization. These patterns include the use of aphorisms, cumulative stanza construction, and figurative parallelism. Currently, these calendar and seasonal folklore works have transitioned to passive preservation status. Their performance is characterized by festive, entertaining, and communicative functions. In a similar way, the shift in functional affiliation, away from the ritualistic and magical domain, defines the existence of calendar folklore in its originating territory, the Volga region.

Keywords

folk songs of the Chuvash of Siberia, calendar folklore, seasonally-timed folklore, Siberian-Chuvash diaspora, folklore of Siberian settlers

For citation

Ismagilova E. I. Calendar and seasonally-timed folklore of the Chuvash in the conditions of the Siberian diaspora. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 9–24. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/1

Сфера календарно-обрядового фольклора издревле занимала важнейшее место в структуре чувашской фольклорной традиции. Маркирование той или иной календарной вехи сопровождалось исполнением соответствующих фольклорных произведений – как правило, песен [Культура Чувашского края, 1995, с. 250–251].

Несмотря на то что в отношении календарного фольклора особенно остро стоит проблема его неизбежной утраты и забвения, известно, что отдельные образцы этой жанровой сферы сохранялись в живом бытовании в микролокальных традициях чувашей Сибири вплоть до второй половины XX в. [Исмагилова, 2013; Исмагилова, Федотова, 2021; Исмагилова, 2025].

Исследование чувашского календарного фольклора в Сибири не теряет своей актуальности и в настоящее время. Изучая образцы этой сферы, можно проследить уровень сохранности текстов, бытующих в фольклорной диаспоре, рассмотреть

реть и оценить адаптивные свойства чувашской традиционной культуры, проявившиеся в иноэтнической среде и более суровых климатических условиях.

Цель настоящей статьи заключается в характеристике чувашского календарно-обрядового и сезонно-приуроченного фольклора, зафиксированного в различных местностях Сибирского региона. В задачи работы входят рассмотрение этнографического контекста исполнения фольклорных образцов, анализ содержательных закономерностей текстов избранных календарных произведений, выявление особенностей, характерных для бытования этой сферы фольклора в локальных традициях чувашей Сибири. Материал исследования составили рассказы носителей традиции о проведении праздников, а также более сорока образцов календарного и сезонно-приуроченного фольклора, зафиксированных сотрудниками Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и Института филологии СО РАН в ходе полевой работы с 2003 по 2024 г.¹

Нами изучены отдельные календарные и закреплённые за определённым сезонным периодом жанры [Исмагилова, 2013; Исмагилова, Федотова, 2021], однако тема функционирования календарного фольклора в сибирско-чувашской диаспоре к настоящему моменту еще не получила исчерпывающего раскрытия. В качестве методологической предпосылки для изучения этой темы укажем на необходимость сравнения сибирского бытования произведений обозначенной жанровой сферы с их функционированием на материковой территории традиции. Подобное сравнение будет способствовать характеристике уровня сохранности того или иного жанра календарного фольклора, а также особенностей бытования этих текстов в сибирско-чувашской диаспоре.

Обряды и фольклор праздника *Сурхури* / *Раумав*

Годовой календарный цикл открывает праздник *Сурхури* («овечья нога»), отмечаемый в период зимнего солнцеворота. В процессе христианизации на этот животноводческо-земледельческий праздник наложилось празднование Рождества Христова, отсюда возникло новое название этой календарной вехи – *Раумав*² [Чуваши..., 2009, т. 2, с. 126]. Этот праздник длился неделю, в течение этого времени совершались поздравительные обходы сельских дворов группами мальчиков и подростков с песнями о наступлении праздника и благопожеланиями хозяевам. Односельчане одаривали ребят, угощали их каленым горохом – символом благополучия мелкого скота, а также колобками из теста – *ййва*³, орехами и другими лакомствами. Дети поздравляли хозяев, желали приплода скота, урожая и благополучия дому, подбрасывая при этом горох. Скупых хозяев участники обряда вышучивали, пели им корильные песни. Существовала также традиция ряженья

---

¹ Полевые аудио-, фото- и видеоматериалы хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (далее – АТМ НГК). Ряд этих материалов (аудиообразцы, их паспортные данные, тексты, переводы, характеристика жанровых, содержательных и композиционных параметров и др.) размещен на страницах интернет-ресурса «Атлас звучащих фольклорных текстов», созданного в 2021–2023 гг. (далее – АЗФТ).

² В традиции верховых чувашей *вирьял* сохранилось прежнее название праздника.

³ *Ййва* (*ййвача*) [ййв́а, ййв́ача] – колобок, печеное тесто из разных сортов муки без начинки. Пекли на поду печи или на сковороде, пропитывали маслом или медовой сытой. Считалось праздничным и обрядовым блюдом, выпекали в дни *Сурхури*, *Џаварни* и некоторых других торжественных случаях» [Матвеев, 2011, с. 152].

в медведя, козу, цыган, стариков и старух и т. п., в этом принимала участие молодежь постарше, парни и девушки. Со второй половины XIX в. в ряде местностей в Поволжье обряд зимних поздравительных обходов претерпел христианизацию: учителя и ученики церковно-приходских школ в процессе обходов исполняли рождественские песнопения; этот обычай бытует в некоторых районах Чувашии вплоть до настоящего времени [Чуваши..., 2009, т. 2, с. 126].

В Сибири традиции празднования *Сурхури* / *Раштав* сохранялись вплоть до последней трети XX в. Приведем тексты воспоминаний потомков сибирско-чувашских переселенцев об этом празднике⁴.

Никитина Е. Е.: На Рождество стряпали большой пирог – *хуплу*. Собирались друг у друга, ходили в гости. Сеяли пшеницей. Приходили в дом и говорили: «Сею-сею, посеваю, с Новым годом поздравляю». В святки ходили ряженные, кто как может одевались – шубу выворачивали, одевали медвежью шкуру, мазали лицо углем. Это было еще в 1970-е гг.⁵

Леван Р. П.: *Сьргори*. На Рождество стряпали галушки, в масле жарили. И мы, маленькие, бегали в каждый двор. Нам насыплют в карман, и ходим. К своим таким, близким ходили, когда крестные, по соседям. «Рождество» мы не пели, но ходил пел один у нас, молитву какую-то. В каждый двор заходил, пел. Его давно нет. Паша Александров его звали. По-чувашски пел⁶.

Яруткина З. Н.: Колядовали... Приходят в дом когда, мы пекём эти, как их, ерúшки, «орешки» называются, нигде таких не пекут, у чувашей только. Там растапливается сливочное масло, сахар, мука, получается песочное тесто. Когда приходят, угощают этими «орешками». Поют не на русском, а на чувашском⁷.

Несмотря на то что рассказов о поздравительных обходах к настоящему моменту зафиксировано очень много, фольклорные тексты, посвященные празднику *Сурхури*, были записаны в Сибири в очень малом количестве – всего два образца новогодней припевки «*Сурхури – Кёркури!*»⁸. Возможно, это обусловлено тем, что этот пласт фольклора лучше сохранялся у чувашей *вирьял*, потомки которых значительно реже встречаются в Сибири, чем носители низового (*анатри*) и средненизового (*анат-енчи*) чувашских диалектов.

Рассмотрим образец, записанный в Омской области. Этот текст содержит пожелание хозяевам дома приплода овец, скота («Один барашек, другая овечка»), а также шуточные угрозы, направленные в адрес скупых хозяев:

---

⁴ Тексты рассказов информантов приведены дословно, с сохранением речевого стиля носителей традиции.

⁵ Записано в 2009 г. в д. Казанка Казачинского р-на Красноярского края от Е. Е. Никитиной (АТМ НГК, колл. № А0244).

⁶ Записано в 2008 г. в д. Кондратьево Муромцевского р-на Омской обл. от Р. П. Леван (АТМ НГК, колл. № А0238).

⁷ Записано в 2008 г. в д. Машканка Тарского р-на Омской обл. от З. Н. Яруткиной (АТМ НГК, колл. № А0238).

⁸ Первый образец записан в 2008 г. в Омской обл. (подробная информация о нем, текст, перевод и аудиозапись содержатся в АЗФТ,

https://folkmap.philology.nsc.ru/song/surhuri_grigorii2), второй – в 2024 г. в Республике Хакасия [Исмагилова, 2025].

Чувашский текст ⁹

Сурхури, Кёркури!
П[э]ритака, те припутяк.
Пире куккаль памасан.
Ѓатма хёрри катӓлтӓр!
Пире йӓва памасан,
К[ӓ]мака ани сурӓлтӓр!

Русский перевод ¹⁰

Сурхури, Кергури ¹¹!
Один барашек, другая овечка.
Если нам не дадите пирога,
То край сковороды пусть отколется!
Если нам не дадите *йава*,
То устье печи пусть отколется!

Деревня Машканка Тарского р-на Омской обл., в которой был записан этот текст, была образована в 1927 г. чувашскими переселенцами из Красночетайского р-на Чувашии. На территории выхода был записан близкий вариант этой колыбельной песни [Сурхури..., 2018, с. 22] ¹². Он несколько более полный, чем в сибирском варианте, и содержит восемь строк вместо шести:

Сурхури, Кёркури!
Притака та припутяк.
Сурӓх хури саламат!
Ёне хури винават!
Пире пӓрса памасан.
Ѓатма хёрри катӓлтӓр!
Пире йӓва памасан,
Кмака сӓмки катӓлтӓр!

Сурхури, Кергури!
Один барашек, другая овечка.
Овечий хвост – *саламат* ¹³!
Коровий хвост – *виноват* ¹⁴!
Если нам не дадите гороха,
То край сковороды отколется!
Если нам не дадите *йава*,
То устье печи пусть отколется!

Опираясь на Хрестоматию чувашских календарных песен, содержащую образцы, записанные в различных районах Республики Чувашия в последние десятилетия XX – начале XXI в., укажем, что песен праздника *Сурхури* / *Раишав* не так много сохранилось и на материковой территории традиции: в сборнике приведены лишь 10 подобных образцов [Там же, с. 15–27]. Примечательно, что эти произведения распространены преимущественно у верховых чувашей (8 текстов) и отчасти у представителей средненизового диалекта (2 текста). В Сибири же, в частности в Новосибирской обл., в традициях средненизовых и низовых чувашей народные образцы календарной поэзии заменило фольклоризованное рождественское песнопение – тропарь «Рождество Твое» [Исмагилова, 2021, с. 100]. Подобное бытование христианских песнопений в народно-исполнительской среде, начавшись еще в середине XIX в. на материковой территории традиции, продолжилось и на новых местах проживания чувашских переселенцев.

⁹ Записано в 2008 г. в д. Машканка Тарского р-на Омской обл. от З. Н. Яруткиной (АТМ НГК, колл. № А0238).

¹⁰ Расшифровка и перевод чувашских текстов здесь и далее выполнены Е. В. Ермиловой (Федотовой), за что мы выражаем ей благодарность.

¹¹ *Кергури* – рифмующееся с названием *Сурхури* имя «Григорий» в чувашском произношении, употребляемое колядовщиками в качестве обращения к хозяину дома.

¹² Образец песни праздника *Сурхури* был записан в 1985 г. в д. Санкино Красночетайского р-на Республики Чувашия [Сурхури..., 2018, с. 514].

¹³ *Саламат* – нагайка. Хвост овцы сравнивается с нагайкой, поскольку похож на нее формой.

¹⁴ Слово «виноват» здесь употребляется, вероятно, для рифмы.

Празднование *Сурхури / Раштав* непосредственно переходит в следующий праздник, *Кáшарни* («морозная неделя»), адаптированный православием как Крещение. Это время традиционных собраний молодежи, гаданий в овчарне, на гумне, по колям забора и т. п. Молодежь гадала и в Сибири, о чем у местных чувашей сохранились красочные воспоминания.

Лаптева В. А.: Мы ходили в стайку. Кто барана или козла поймает, значит, муж будет военный, а нет, так простой муж будет. Курицу приносили в дом. У кого зерно клюет, значит, работающий муж будет. Ходили, обувь кидали через плечи, у кого дальше, мерили, тот первый замуж выйдет. Палисадники вот обнимали, считали, у кого чётно выпадет, тот скоро замуж выйдет. Под окном слушали, какое мужское имя услышат¹⁵.

Леван Р. П.: Под окошками ходили, слушали. Если ругаются, значит, замуж выйдешь – ругаться будешь, если про хорошее говорят, замуж выйдешь за хорошего¹⁶.

Вплоть до настоящего времени в сельской местности бытуют и другие обычаи, уже обусловленные христианством: сбор воды из природных источников в ночь перед праздником Крещения (согласно народным представлениям, в эту ночь вся вода в реках, озерах и колодцах становится святой и целебной), рисование мелом крестиков на потолке и над входом для сохранения домов от «нечистой силы». Фольклорные же тексты, посвященные празднику *Кáшарни*, сибирские чувашки не исполняют.

Песни праздника Масленицы

Масленичные песни *çаварни юрри* сохранились у сибирских чувашей значительно лучше. В чувашских населенных пунктах Новосибирской, Омской, Кемеровской областей и Красноярского края было зафиксировано два десятка образцов этого жанра. Эти песни исполнялись во время деревенских праздничных гуляний, еще в 1960–1970-е гг. проводившихся в отдельных чувашских населенных пунктах¹⁷.

Ко второй половине XX в. у сибирских чувашей сложился не вполне однородный песенный репертуар, исполнявшийся во время масленичных гуляний. Исполнительницы старшего возраста хорошо помнят, что пелись «специальные песни» – *çаварни юрри*. В их текстах главенствуют образы праздничного, радостного катания молодежи в саниях:

*Лаишисене кўлери лайахисе,
Ялан сил(и)хи вёсёсем кáтрисе?
Хёрёсене лартари чиперрисе,
Сассиссем те шанкрав
пек усçисе?*¹⁸

Запряжем ли лошадей хороших,
У которых концы грив всегда кудрявы?
Посадим ли (в сани) девушек красивых,
У которых голоса звонкие
как колокольчики?

¹⁵ Записано в 2009 г. в д. Казанка Казачинского р-на Красноярского края от В. А. Лаптевой (АТМ НГК, колл. № А0244).

¹⁶ Записано в 2008 г. в д. Кондратьево Муромцевского р-на Омской обл. от Р. П. Леван (АТМ НГК, колл. № А0238).

¹⁷ Обстоятельства исполнения масленичных песен подробно описаны в нашей более ранней работе [Исмагилова, 2013, с. 137–138].

¹⁸ Записано в 2003 г. в Новосибирской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/zapryazhem_li_loshadei_horoshih).

Коню и саням в текстах масленичных песен отведено особое место: они воспеваются, прославляются:

<i>Ѕ[ă]варни сѹни – сѹт сѹни, сѹт сѹни.</i>	Масленичные сани – светлые сани, светлые сани.
<i>Ѕѹти юлтăр сѹл сине, сѹл сине.</i>	Пусть свет останется на дороге, на дороге.
<i>Ѕѹти ўкет сѹл сине, сѹл сине. Ячѣ юлтăр ял сине, ял сине.</i>	Свет падает на дорогу, на дорогу. Имя пусть останется на деревне, на деревне.
<i>Ѕ[ă]варни лаши тур лаши, тур лаши.</i>	Масленичный конь – гнедой конь, гнедой конь.
<i>Ѕилхи витѣр сѹл вѣрет, сѹл вѣрет.</i>	Сквозь гриву ветер дует, ветер дует.
<i>Турти тăрăх тар юхатъ, тар юхатъ¹⁹.</i>	По оглоблям пот течет, пот течет.

Вместе с катанием на санях в текстах *ѕăварни юрри* воспеваются молодость, удаль молодых людей и красота девушек:

<i>Уттарар-и паян та чуптарар-и</i>	Шагом ли поведем [коней] сегодня да бегом ли,
<i>Аслă сѹлта шур юрсем нур чу[x]не?</i>	Пока есть белые снега на больших дорогах?
<i>Ёсѣр те-и паян та, ай, сѹер-и,</i>	Попить ли нам сегодня да, ай, поесть ли,
<i>Ѕамрăк пусра сывлăхсем нур чу[x]не?</i>	Пока есть в молодой голове здоровье?
<i>Хурама та пѣкѣ, йѣсшăлтăрма, Чѣлтѣр витѣрнѣ чухишăл тăртатать,</i>	Дуга да из вяза, погромек латунный, При вдевании повода постукивает,
<i>Ай-хай, савнăтусăм, ай, хуракусăм,</i>	Ай-гай, любимый друг мой, ай, черноглазый мой,
<i>Сăмахне каличчен, ай, йăлкулатъ²⁰.</i>	До того, как сказать свое слово, ай, улыбнется.

В некоторых текстах подчеркивается особая ценность девушек – будущих невест, а также отражены народные представления о красоте, в частности предпочтение людей со светлыми волосами темноволосым²¹:

¹⁹ Записано в 2022 г. в Кемеровской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenichnye_sani_svetlye_sani).

²⁰ Текст записан в 2022 г. в пос. Чертинский Беловского р-на Кемеровской обл. от З. В. Васильевой (АТМ НГК, колл. № А0274).

²¹ О подобных предпочтениях, присутствующих в текстах хороводных песен, записанных в Чувашии, свидетельствует также исследователь традиционного мировосприятия чувашей О. Н. Терентьева [2015, с. 110–111]. Она не объясняет причины такого предпочтения. Выскажем свое предположение: противопоставление светловолосых девушек и юношей темноволосым тесно связано с историей формирования чувашского народа в XIII–

*Блттайн с[ă]мартă кустартăм,
Чул хулая ситертĕм.
Чул хуларă чул хаклă,
Пир[ĕ]н вăхăтра хĕр хаклă²².
Çак çаварни ма килет?
Хурисене хурланма,
Саррисене савăнма²³.*

Золотое яйцо катала,
До Нижнего Новгорода докатила.
В Нижнем Новгороде камень дорогой,
В наше время девушки дорогие.
Эта масленица зачем приходит?
Темноволосым – горевать,
Светловолосым – радоваться²⁴.

В ряде песен присутствуют традиционные для чувашской народной поэзии размышления о жизни, скоропроходящей молодости и быстропроходящей Масленице:

*Чупрăм, антăм, ай, сырмая,
К[ă]вак хут укça, ай, пуçтарма.*

Побежала, спустилась, ай, к реке,
Собирать голубые бумажные купюры
денег.

К[ă]вак хут укça, ай, пичетсĕр,

Голубые бумажные деньги,
ай, без печати,

Ман яш ёмĕр, ай, телейсĕр²⁵.

Моя молодость, ай, без счастья.

Женщины, чья молодость пришлась на послевоенный период и последующие десятилетия, свидетельствуют о том, что во время празднования Масленицы могли петься «разные песни» – и чувашские, и русские (в том числе песни XX в.), «что обычно пели, то могли петь и на Масленицу». Среди подобных образцов достаточно широко распространенная в Сибири песня с балладным содержанием о девушке Насте, которая была убита во время масленичных гуляний. Несмотря на более позднее балладное содержание, в тексте присутствуют традиционные для чувашской поэзии образы саней (в этом тексте они черные, вероятно, черный цвет саней символизирует трагическое событие, о котором повествуется в песне), белой лошади, а также устойчивый для чувашской народной поэзии прием – параллелизм образов (*длина улицы оказалась короткой, век Нasti укоротился*).

XVI вв. Чувашский этнос сложился «в результате метисации европеоидного и монголоидного компонентов» [Чуваши..., 2009, т. 1, с. 74]. Булгарское население, проживавшее в Поволжье до и во время монголо-татарского нашествия начала XIII в., было европеоидным, русоволосым. Возможно, глубинная память фольклорной традиции сохранила воспоминания о светловолосых людях как об истинно прекрасных представителях своего народа, противопоставляя им образы темноволосых, пришлых людей, чужаков и захватчиков.

²² Текст записан в 2008 г. в д. Машканка Тарского р-на Омской обл. от Н. И. Николаевой (АТМ НГК, колл. № А0238).

²³ Записано в 2008 г. в Омской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/eta_maslenitsa_zachem_prihodit).

²⁴ Вариант этого же текста был записан в 1983 г. в д. Тиханкино Красночетайского р-на Чувашской АССР (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук, отд. VI, ед. хр. 366, инв. № 1563, л. 68). В нем присутствует еще одна, заключительная строка: *сыррисене савăнма* (шатенам – сердиться).

²⁵ Записано в 2008 г. в д. Машканка Тарского р-на Омской обл. от Н. И. Гавриловой (АТМ НГК, колл. № А0238).

Ç[ă]варни сѹна, хура сѹна
Кѹлсе тухрăм шур лаша.
Карăм урам тăришипеле
Хам Наçтуçа шыраса.

Урам тăриши кёске пулчĕ,
Наçтуç ём[ё]ри кёскелчĕ.
Наçтуç хёрне ют каччисем
Тытнă та-а-а вёлернĕ.

Наçтуç амёш хыпаланать,
Айă пёлём пёсерет.
Наçтуç выртать юн сийёнче,
Наçтуç амёш макăрать²⁶.

Масленичные сани, черные сани.
Запряг белую лошадь, вышел.
Поехал вдоль по улице
В поисках своей Насти.

Длина улицы оказалась короткой,
Век Насти укоротился.
Девушку Настю чужие парни
Взяли и убили.

Мать Насти хлопочет,
Теплые блины печет.
Настя лежит в крови,
Мать Насти плачет.

Современные носительницы традиции уверены в принадлежности этой песни именно к масленичным песням, поскольку описываемый в ней сюжет происходит во время празднования Масленицы.

На материковой территории традиции масленичные песни продолжают свое бытование вплоть до начала XXI в. В Хрестоматии [Сурхури..., 2018] содержатся 76 образцов *çăварни юрри*, записанных с 1985 по 2014 г. от представителей всех трех чувашских диалектов. Перечисленные выше образы (масленичные сани, кони, молодежь, номинация и прославление самого праздника, размышления о жизни и быстропроходящей молодости и т. п.) в них присутствуют в еще более разнообразных вариантах²⁷. Песня с сюжетом о Насте в Хрестоматию не включена, вероятно, потому, что по сути она не является произведением традиционной календарно-обрядовой поэзии. Однако варианты этого текста бытуют вплоть до настоящего времени и в Чувашии, о чем свидетельствует образец, записанный в 2021 г. в Янтиковском р-не²⁸. В этом варианте говорится о том, что Настя стала жертвой несчастного случая (ее возлюбленный хотел убить другого парня из ревности, но случайно попал гирей в Настю).

Хороводные петровские песни

Более всего из жанров, имеющих календарную приуроченность исполнения, в фольклоре сибирских чувашей сохранились так называемые *петровские песни* (*петрăв юрри*). Эти хороводные по своей функциональной принадлежности песни *вайă юрри* не принадлежат к календарно-обрядовому фольклору в строгом смысле этого понятия. Однако им свойственна четкая сезонная приуроченность: они исполняются от Вознесения или Троицы (конец мая – начало июня) и прекращают

²⁶ Записано в 2007 г. в Кемеровской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenichnie_sani_chernie_sani).

²⁷ С текстами и аудиозаписями масленичных песен, записанными на материковой территории традиции и размещенными в АЗФТ, можно ознакомиться по следующим ссылкам:
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/loshad_maslenitsi_gnedaya
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenichnie_sani_ai_novie
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/maslenitsa_maslenitsa_ai_skazali_mi
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/rizhego_konya_zapryagla

²⁸ Этот текст и его аудиозапись размещены в АЗФТ

(https://folkmap.philology.nsc.ru/song/iz_zo_togo_chto_maslenitsa_nastupila).

звучать в Петров день (12 июля). Петровские песни сохранились в Сибири неравномерно, далеко не во всех исследуемых нами областях. Так, например, нам не удалось зафиксировать их бытование в Красноярском крае, Томской, Омской и Иркутской областях. Большая часть – 18 образцов песен *вайй юрри* – зафиксирована в Северном и Колыванском районах Новосибирской области; семь образцов были записаны в Кемеровской и два в Тюменской области.

Среди причин неравномерного распространения песен *вайй юрри* у сибирских чувашей укажем на местоположение этих песен в жанровой системе той или иной материковой локальной традиции, которую «привезли» в Сибирь родители и деды современных потомков чувашских переселенцев. В группе чувашских сел и деревень Северного района проживают преимущественно потомки выходцев из Урмарского и Канашского районов Чувашии, в Прокопьевском районе Кемеровской области – переселенцы из Янтиковского и Канашского районов [Исмагилова, 2020, с. 81, 82]. Выходцы из указанных районов Чувашии являются носителями низовой и средненизовой традиций. Известно, что жанр весенних хороводных песен получил широкое распространение у представителей именно этих диалектных групп [Кондратьев, 2007, с. 106]. Это обстоятельство также явилось предпосылкой для относительно хорошей сохранности хороводных песен в обозначенных местностях Сибири.

На основе рассказов-воспоминаний исполнителей о хороводах и празднике *Уяв* нами уже были подробно описаны обстоятельства исполнения песен *вайй юрри* в Сибири [Исмагилова, Федотова, 2021, с. 33–36]. Сообщим вкратце, что петровские песни всегда исполнялись на открытом воздухе (на улице, на опушке леса, на берегу реки). Как правило, хороводы водили девушки, но иногда к ним присоединялись и парни, с игрой на гармонии. В период проведения хороводов, в день одного из праздников (Вознесение, Троица, Петров день) устраивали также конные состязания: участник должен был быстрее всех проскакать на коне и поднять с земли лежащий на ней платок. Перед конными бегами по домам совершались обходы с целью сбора продуктов, которые затем служили наградой для победителей конных скачек или же для общей трапезы. Судя по исполнительским комментариям, хороводы были круговые и парные, также устраивались хороводы-шествия по улицам деревни.

Содержание рассмотренных нами текстов *вайй юрри* весьма разнообразно. В ряде образцов присутствует тема хороводов, танца, самого праздника ²⁹:

*Кас суханне касмӓттӓм.
Џиес килни пӓлтерет.
Эп ҫак ваййа тухмӓттӓм.
Тухас килни пӓлтерет* ³⁰.

Не срезала бы лук –
Да есть хочется.
Я бы на эти игры не выходила –
Да хочется выйти.

*Ангалыйский куҫкӓски
Пӓхма вӓхӓт ҫитрӓ пуль.
Ай-хай, тантӓи, пӓр вайй
Тухма вӓхӓт ҫитрӓ пуль* ³¹.

В английское да зеркало ³²,
Настало время поглядеться.
Ай-гай, ровесница, в одну игру,
Видимо, выйти время настало.

²⁹ Тема хороводов также присутствует в тексте, размещенном в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/s_izvilistim_stvolom_belaya_bereza).

³⁰ Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного р-на Новосибирской обл. от Н. Н. Малышевой (АТМ НГК, колл. № А0190).

Известна также песня, звучащая во время завершения праздника и регламентирующая его окончание:

*Кунтан Питрав иртсессён,
Тух тесен те тухас сук.
Тухсан та вйй пулас сук* ³³.

Отныне, как пройдет Петров день да,
Если и скажут выйти, нельзя выйти.
Если и выйдем, то не будет игрищ.

Во многих песенных текстах присутствуют поэтические описания картин природы, а также тонкие, высокохудожественные сравнения хороводов с окружающей их природой:

*Ѕёмёрт сески сурйлан,
Върман витёр курйанть.
Ѕёмёрт сески тайкансан,
Каять върман илемё* ³⁴.

Когда черемуха расцветает,
[Она] сквозь лес виднеется.
Когда с черемухи осыпается цвет,
Уходит красота леса.

*Ѕамър килет хуралса,
Върман хёрне шуратса.
Вйй килет выляса,
Аслә урама янаратса* ³⁵.

Дождь надвигается, темнея,
Обеляя край леса.
Игрище приближается, играя,
Наполняя главную улицу звуками.

В петровских песнях раскрываются также излюбленные темы чувашской народной поэзии, присутствующие и в масленичных песнях: лирико-философские размышления о жизни, ее быстротечности, о друзьях, разлуке с любимыми и близкими людьми:

*Иртсе карё(й) автабус—
Лараймасәр юлтәмәр.
Иртсе карё сәмрәк ёмёр—
Ыр курмасәр юлтәмәр.*

Проехал автобус —
Остались, не смогли сесть.
Прошла молодость —
Остались, не успев побыть счастливыми.

*Пухәнтәмәр тантәйшем—
Сёт сине ларнә хайма пек.
Салантәмәр тантәйшем.
Вёсен кайәк чётпи пек* ³⁶.

Собрались с друзьями —
Словно сливки на молоке.
Разлетелись со сверстниками.
Словно птенцы перелетных птиц.

³¹ Записано в 2003 г. в с. Чуваши Северного р-на Новосибирской обл. от Т. А. Слепченко, М. Н. Голубевой, Е. И. Петровой (АТМ НГК, колл. № А0190).

³² Упоминаемое в текстах «английское зеркало» олицетворяет собой роскошь, богатую жизнь, к которой, видимо, стремились в своих мечтах чувашские девушки.

³³ Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного р-на Новосибирской обл. от Н. Н. Малышевой и Л. В. Романовой (АТМ НГК, колл. № А0190).

³⁴ Записано в 2003 г. в с. Чуваши Северного р-на Новосибирской обл. от Т. А. Слепченко, М. Н. Голубевой, Е. И. Петровой (АТМ НГК, колл. № А0190).

³⁵ Записано в 2003 г. в Новосибирской обл. Информация о тексте и аудиозапись содержатся в АЗФТ (https://folkmap.philology.nsc.ru/song/dozhd_nadvigaetsya_temnaya).

³⁶ Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного р-на Новосибирской обл. от Л. В. Романовой (АТМ НГК, колл. № А0190).

Как и в песнях праздника Масленицы, в текстах *вайй юрри* нашли отражение уже обозначенные чувашские традиционные представления о красоте:

*Сар сапунне сарса сых.
Пиçиххине туртса сых.
Сар ачисем саванччар,
Хур ачисем хурланччар*³⁷.

Желтый фартук завяжи, распрямляя,
Пояс, затянув, завяжи.
Пусть радуются русые парни,
Черноволосые пусть горюют³⁸.

В некоторых текстах отражены народные нормы поведения, неписанные правила народной этики:

*Лаппи-лаппи ан пусър.
Çёр кисренет тееççё.
Хёр куçёнчен ан пăхър –
Хёр куçăхатъ тееççё*³⁹.

Не надо топать,
Иначе земля будет колебаться.
Девушке в глаза не надо смотреть,
Иначе она будет страдать от сглаза.

Поэтическому языку петровских хороводных песен свойственна афористичность, являющаяся характерной чертой традиционной чувашской поэзии. Основной поэтический прием в них – образный параллелизм. Краткие, монострофные песенные композиции следуют одна за другой; тексты зачастую импровизируются в процессе вождения хоровода⁴⁰. Эти закономерности также характерны и для масленичных песен.

Помимо хороводных песен в процессе проведения обычаев Петрова дня могли исполняться и другие фольклорные тексты. Так, например, во время сбора продуктов пелись (точнее, скандировались) припевки с шуточными угрозами в адрес прижимистых хозяев, близкие по своему характеру к корильным песням зимних поздравительных обходов:

*Манаях та тутăр, ах, памасан,
Тутăр савăчĕсем хунанчĕр.
Манаях çăмарта, ах, памасан,
Чăххисенĕн кучĕ питĕрĕнтĕр*⁴¹.

Мне да платок, ах, если не дадут,
Фабрики платков пусть закроются.
Мне яйцо, ах, если не дадут,
Куры пусть перестанут нестись.

*Пире-ёске эрехне, ай, памасан
К[ĕ]ленчи çаварĕ вантăр та,
вантăр та, ван[тăр]*⁴².

Да нам же если водку, ай, не дать,
Бутылки горлышко пусть разобьется,
да пусть разобьется, пусть разобьется.

³⁷ Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного р-на Новосибирской обл. от Н. Н. Малышевой и Л. В. Романовой (АТМ НГК, колл. № А0190).

³⁸ Русые парни должны радоваться тому, что девушки предпочитают их темноволосым (см. сноску 21).

³⁹ Записано в 2003 г. в с. Северное Северного р-на Новосибирской обл. от Ф. Н. Санниковой (АТМ НГК, колл. № А0190).

⁴⁰ Примечательно, что сами исполнители нередко называют петровские песни «частушками». Подобное восприятие *вайй юрри* родилось, очевидно, в результате краткости и импровизационности их текстов.

⁴¹ Записано в 2003 г. в с. Северное Северного р-на Новосибирской обл. от А. С. Григорьевой (АТМ НГК, колл. № А0190).

⁴² Записано в 2003 г. в с. Чуваши Северного р-на Новосибирской обл. от Т. А. Слепченко (АТМ НГК, колл. № А0190).

Выводы

В заключение резюмируем, что в большинстве случаев календарный и сезонно-приуроченный фольклор чувашей Сибири перешел в практику пассивного хранения, т. е. к настоящему моменту сохраняется лишь в памяти носителей традиции. Представительницы старшего и среднего возраста охотно делятся рассказами о проведении поздравительных обходов, о масленичных гуляньях и вождении хороводов, однако песни, сопровождающие эти ритуалы, вспомнить и воспроизвести могут немногие носительницы традиции.

Причинами малой сохранности календарного фольклора в Сибири явились как общие процессы разрушения традиционной культуры в XX – начале XXI в., так и особенности бытования традиции в иноязычном окружении, когда нередко происходит процесс ее растворения в другой (как правило, русской) народной культуре. Свою роль сыграли также более суровые природно-климатические условия сибирского региона, не способствующие бытованию и трансляции календарно-обрядового и приуроченного фольклора. Кроме того, для верной оценки наличия или отсутствия образцов того или иного жанра необходимо учитывать особенности жанровой системы конкретного музыкального чувашского диалекта.

Можно заметить общие закономерности в организации поэтического текста в масленичных и петровских песнях. Среди них афористичность (каждое произведение представляет собой одну четырех- или шестистрочную строфу), принцип «нанизывания» строфы за строфой, прием образного параллелизма. С известными нам сибирскими образцами зимних поздравительных песен по своему содержанию перекликаются корильные песни, звучавшие во время сбора подарков для празднования летних праздников (Троица, Петров день).

Очевидно, что в XX – начале XXI в. исполнению произведений календарного и сезонно-приуроченного фольклора свойственны праздничная, развлекательная, а также коммуникативная функции. Этот процесс переосмысления функциональной принадлежности, перехода из обрядовой, магической по своей природе, сферы свойственен и календарному фольклору на материнской территории традиции, который также переживает в настоящее время процесс утраты, пусть и не столь стремительный, как в сибирско-чувашской диаспоре.

По рассмотренным в настоящей работе образцам можно составить представление о том, что в середине – второй половине XX в. у сибирских чувашей существовала богатая и развитая календарно-обрядовая культура. К началу XXI в. сохранились лишь отдельные песенные образцы, принадлежащие, вероятно, к наиболее актуальным для Сибири векам календарного круга. Среди них праздник *Сурхури / Раштав*, Масленица, весенне-летние хороводы. Сохранность вплоть до последних десятилетий XX в. именно этих праздников и сопровождающих их фольклорных произведений связана, на наш взгляд, с убедительно присутствующей в них развлекательно-коммуникативной направленностью.

Список литературы

Исмагилова (Жимулева) Е. И. Масленичные песни в фольклорной традиции чувашей Сибири // Университетское музыкознание: труды факультета искусств. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. Вып. 6. С. 137–143.

Исмагилова Е. И. Особенности распространения музыкально-фольклорных традиций чувашей Сибири в сравнении с материковой территорией их бытования // Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8, № 2. С. 76–86.

Исмагилова Е. И. Православные песнопения в фольклорных традициях сибирского бытования / Отв. ред. Н. В. Леонова. Новосибирск: Наука, 2021. 240 с.

Исмагилова Е. И. Чувашский фольклор в хакасском селе Доможаков (по материалам экспедиции 2024 года) // Народная культура Сибири: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (XXXIII Научно-практический семинар) (31 октября – 1 ноября 2024 г.) / Отв. ред. Н. К. Козлова. Омск: Наука, 2025. С. 92–99.

Исмагилова Е. И., Федотова Е. В. Петровские песни сибирских чувашей: степень сохранности, этнографический контекст, особенности текстов и напевов // Фольклор народов Поволжья и Урала: жанры, поэтика, проблемы изучения: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10–11 октября 2019 г.) / Сост. и отв. ред. Г. Г. Ильина. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 31–44.

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: Per Se, 2007. 287 с.

Культура Чувашского края: Учеб. пособие / В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др.; сост. М. И. Скворцов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. Ч. 1. 349 с.

Матвеев Г. Б. Йăва // Чувашская энциклопедия: В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4: Се–Я. 798 с.

Сурхури, Кёркури! Чувашские календарные песни: Хрестоматия / Сост. Л. В. Петухова, Г. В. Салюков, И. Ф. Яковлева; науч. ред. М. Г. Кондратьев. Чебоксары, 2018. Вып. 1. 535 с., ил.

Терентьева О. Н. Хороводные песни в записи Тараса Максимова 1912 года как ключ к пониманию мировоззрения чувашей // Народное искусство в XXI веке: актуальность, этнокультурные взаимодействия, формы бытия, проблемы развития / Науч. ред. М. Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 105–114. (Проблемы художественной культуры Чувашии; вып. 6)

Чуваши: история и культура / Отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 415 с., ил.; Т. 2. 335 с., ил.

References

Chuvashi: istoriya i kul'tura [Chuvashes: history and culture]. V. P. Ivanov (Ed.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2009, vol. 1, 415 p., il.; vol. 2, 335 p., il.

Ismagilova E. I. Chuvashskiy fol'klor v khakasskom sele Domozhakov (po materialam ekspeditsii 2024 goda) [Chuvash folklore in the Khakass village of Domozhakov (based on the materials of the 2024 expedition)]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (33 Nauchno-prakticheskiy seminar) (31 oktyabrya – 1 noyabrya 2024 g.)* [Folk culture of Siberia: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (33 Scientific and practical seminar) (October 31 – November 1, 2024)]. N. K. Kozlova (Ed.). Omsk, Nauka, 2025, pp. 92–99.

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. Petrovskie pesni sibirskikh chuvashy: stepen' sohrannosti, etnograficheskiy kontekst, osobennosti tekstov i napevov [Petrovsky songs of the Siberian Chuvashes: degree of preservation, ethnographic context, features of texts and melodies]. In: *Fol'klor narodov Povolzh'ya i Urala: zhanry, poetika, proble-*

my izuche-niya: Materialy Mezhtregion. nauch. -prakt. konf. (Cheboksary, 10–11 oktyabrya 2019 g.) [Folklore of the peoples of the Volga and Ural regions: genres, poetics, problems of study: Proceedings of the Interregional scientific and practical conference. (Cheboksary, October 10–11, 2019)]. G. G. Il'ina (Ed.). Cheboksary, ChSIH, 2021, pp. 31–44.

Ismagilova E. I. Osobennosti rasprostraneniya muzykal'no-fol'klornykh traditsiy chuvashy Sibiri v sravnenii s materikovoy territoriei ikh bytovaniya [Peculiarities of the distribution of musical and folklore traditions of the Chuvash of Siberia in comparison with the mainland territory of their existence]. *Journal of Musical Science*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 76–86.

Ismagilova E. I. *Pravoslavnye pesnopeniya v fol'klornykh traditsiyakh sibirskogo bytovaniya* [Orthodox chants in the folklore traditions of Siberian life]. N. V. Leonova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2021, 240 p.

Ismagilova (Zhimuleva) E. I. Maslenichnye pesni v fol'klornoy traditsii chuvashy Sibiri [Maslenitsa songs in the folklore tradition of the Chuvash people of Siberia]. In: *Universitetskoe muzykoznanie: trudy fakul'teta iskusstv* [University musicology: works of the faculty of arts]. Cheboksary, Chuvash univ. Publ., 2013, iss. 6, pp. 137–143.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]. Moscow, Per Se, 2007, 287 p.

Kul'tura Chuvashskogo kraya: Ucheb. posobie [Culture of the Chuvash region. Study guide]. V. P. Ivanov, G. B. Matveev, N. I. Egorov et al. (Eds.), M. I. Skvortsov (Comp.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 1995, pt. 1, 349 p.

Matveev G. B. Yáva [Yava]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash Encyclopedia: in 4 vols.]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd., 2011, vol. 4, Se–Ya, 798 p.

Surkhuri, Kerkuri! Chuvashskie kalendarnye pesni: khrestomatiya. [Surkhuri, Kerkuri! Chuvash calendar songs: anthology]. L. V. Petukhova, G. V. Salyukov, I. F. Yakovleva (Comps.); M. G. Kondrat'ev (Ed.). Cheboksary, 2018, iss. 1, 535 p., il.

Terent'eva O. N. Khorovodnye pesni v zapisi Tarasa Maksimova 1912 goda kak klyuch k ponimaniyu mirovozzreniya chuvashy [Round dance songs recorded by Taras Maksimov in 1912 as a key to understanding the worldview of the Chuvash]. In: *Narodnoe iskusstvo v 21 veke: aktual'nost', etnokul'turnye vzaimodeystviya, formy bytiya, problemy razvitiya* [Folk art in the 21st century: relevance, ethnocultural interactions, forms of existence, development problems]. M. G. Kondrat'ev (Ed.). Cheboksary, ChSIH, 2015, pp. 105–114. (Problemy khudozhestvennoy kul'tury Chuvashii [Problems of the artistic culture of Chuvashia], issue 6).

Информация об авторе

Екатерина Игоревна Исмагилова, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-3370-2017

Information about the author

Ekaterina I. Ismagilova, Candidate of Arts History, Senior Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-3370-2017

*Статья поступила в редакцию 10.06.2025;
одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 10.07.2025
The article was submitted on 10.06.2025;
approved after reviewing on 10.07.2025; accepted for publication on 10.07.2025*

Научная статья

УДК 398:394.2 (=511.143)

DOI 10.17223/18137083/92/2

Фольклор в обрядах кондинских манси (по воспоминаниям А. М. Коньковой)

Галина Евлампьевна Солдатова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ge.soldatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

Аннотация

Представлены материалы по фольклору кондинских манси, записанные в 1990 г. от сказительницы и писательницы Анны Митрофановны Коньковой (1916–1998). Публикуются фрагменты полевого дневника, комментарии к ним и небольшой словарь фольклорной лексики. Выявлены некоторые черты фольклорной традиции кондинских манси начала 1930-х гг. Важное место в культуре занимали праздник в честь установки рыболовного запора, жертвоприношения, медвежий праздник. Обрядовый фольклор кондинских манси, как и в северных обско-угорских традициях, содержал песни, сценки-представления, наигрыши, танцы, молитвы. Музыкальный инструментарий включал два варианта угловой арфы, цитру, варган, которые использовались в обрядовой практике. Фоноинструменты представлены двумя видами идиофонов и аэрофонов.

Ключевые слова

обские угры, кондинские манси (вогулы), фольклор, обряды, А. М. Конькова, фольклорная лексика

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Фольклор в обрядах кондинских манси (по воспоминаниям А. М. Коньковой) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 25–44. DOI 10.17223/18137083/92/2

Folklore in the rituals of the Konda Mansi (based on the memoirs of A. M. Konkova)

Galina E. Soldatova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ge.soldatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

Abstract

This paper presents and analyzes unique materials on the folklore of the Konda Mansi (Vogul), recorded in 1990 from storyteller and writer Anna Mitrofanovna Konkova (1916–

© Солдатова Г. Е., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 25–44
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 25–44

1998). The materials include an outline of a conversation with an informant and a small dictionary of folklore lexicon. The commentary on the diary fragments involves the comparison of the data under study with Northern Ob-Ugrian culture examples and prior publications, with a focus on the writings of A. M. Konkova. Analysis reveals distinct characteristics of the Konda Mansi folklore tradition of the early 1930s, focusing on three central rituals: sacrifices, the Bear-Feast, and a festival unique to this group celebrating the installation of a fishing sluice. Sacrifices, the Bear-Feast, and notably the fishing sluice installation festival, unique to this Mansi group, are identified as central to their culture. In general, the rituals are found to share similar folklore content with the Northern Ob-Ugrians. Bear-Feast featured songs, skits, performances, stringed instrument music, and dances. The feast commemorating the sluice installation included songs about the old times, tales of renowned divers, and melodies played on the jaw harp. Throughout the ritual sacrifice, prayers were addressed to the spirits by the elders. The musical instrumentation of the Konda Mansi comprised corner harps of two sizes, a seven-stringed zither, and a lamellar jaw harp. Harp and zither performances were a male activity, whereas the jaw harp was played by women. Phono-instruments included idiophones and aerophones, existing in two forms. A dictionary of folklore terminology provides additional details on the already vanished folklore tradition of the Konda Mansi.

Keywords

Ob-Ugrians, Konda Mansi (Voguls), folklore, rites, A. M. Konkova, folklore vocabulary

For citation

Soldatova G. E. Folklore in the rituals of the Konda Mansi (based on the memoirs of A. M. Konkova). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 25–44. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/2

Кондинские манси (вогулы) нередко упоминаются в исторических и этнографических источниках, поскольку на их территорию нетрудно было попасть многочисленным путешественникам и миссионерам. В XVI в. здесь еще жили ханты (остяки), а в XVII–XVIII вв. на верхнюю и среднюю Конду с запада пришли манси¹, потеснив хантыйское население в низовья [Попова, 2013, с. 31–41]. С тех пор эти места закрепились за вогулами, туда же активно стали переселяться русские. В начале XX в. финский ученый А. Каннисто застал у вогулов Конды «язык более живой», чем у южных и западных манси, при этом «большинство русских бегло говорили по-вогульски», между тем «молодое поколение... частично было уже русифицировано» [Лиимола, 2015, с. 153]. Процесс обрусения на протяжении последующих десятилетий шел неумолимо, и к концу XX в. язык и культура кондинских манси оказались практически утраченными.

В апреле 1990 г. в Ханты-Мансийске студентам-этномузыковедам Новосибирской консерватории, Ольге Мазур и мне, удалось собрать материалы по фольклору кондинских манси от одного из последних знатоков ушедшей теперь культуры, известной писательницы, по происхождению кондинской манси, Анны Митрофановны Коньковой (1916–1998). Анна Митрофановна – удивительная творческая личность, глубокий знаток родной культуры, педагог и этнофор. Сейчас это кажется странным и даже нелепым, но аудиозапись беседы не велась. В полевой работе конца 1980-х – начала 1990-х гг. этномузыковеды записывали на аудио только фольклорные образцы (песни, наигрыши, в меньшей степени – сказки и другие речевые жанры) из-за экономии дефицитных кассет. Все беседы велись «под карандаш». Теперь эта ситуация вызывает глубочайшее сожаление, ведь значительный объем информации остался незафиксированным или недостаточно

---

¹ <http://finno-ugry.ru/finnougricworld/mansi> (дата обращения 07.05.2025).

проясненным из-за конспективной записи комментариев информантов. В случае с А. М. Коньковой именно так и вышло: мы имеем только рукописную запись ее речи на русском языке с вкраплениями мансийской лексики.

Беседа шла вокруг музыкально-фольклорной тематики, Анна Митрофановна (А. М.) отвечала на наши вопросы, неторопливо и очень поэтично красивым низким голосом рассказывала о старой жизни, о детских годах, о прежних обычаях и обрядах манси начала 1930-х гг. Я вела конспект разговора, одновременно записывая лексику в рабочий словарь². Зная, что А. М. – один из последних носителей кондинского фольклора, я заранее подготовила список слов, пользуясь мансийско-русским словарем северного (сосьвинского) диалекта, где содержались лексические параллели из кондинского диалекта [Баландин, Вахрушева, 1958]. В один столбик выписала русские слова, прямо или косвенно связанные с музыкой, фольклором и обрядами, во второй – соответствующие им сосьвинские и кондинские варианты мансийского, приведенные в словаре, третий столбик оставила для записей от информанта. К публикации получившегося словарика (см. приложение) необходимо сделать две важных оговорки. Во-первых, А. М. сообщила нам, что говорит на пельмском диалекте³. Такую же информацию приводит и Е. А. Кузакова: «А. М. Конькова владеет другим (как она сама сказала) – пельмским диалектом, хотя родилась и выросла в Евре» [Кузакова, 2001, с. 18]. Деревня Евра находилась на р. Ах (входит в бассейн Конды, среднее течение). Почему А. М., живя среди кондинских манси, говорила на пельмском диалекте? В свое время этот вопрос не был задан, а сейчас можно лишь строить предположения. Во-вторых, запись лексики в режиме экономии магнитофонных кассет велась кириллицей на слух. В тех случаях, когда услышанное слово было похоже на кондинский аналог из упомянутого словаря [Баландин, Вахрушева, 1958], оно фиксировалось с помощью той же графики, что и в словаре.

Все **фольклорные** записи от А. М. можно условно разделить на три группы: 1) информация об обрядах (медвежий праздник, установление рыболовного запора, жертвоприношение); 2) данные о музыкальных инструментах; 3) сведения о мифологии. Представление этого материала, ввод его в научный обиход для расширения базы источников по фольклору уже утраченной культурной традиции кондинских манси – цель настоящей статьи.

Ввиду отсутствия аудиозаписи и недостаточной полноты рукописного изложения беседы с информантом многое остается не совсем понятным. Тем не менее источник для прояснения смысла и заполнения подобного рода лакун есть: литературное творчество А. М. Коньковой как будто продолжает ее фольклорное знание, раскрывает его смыслы и дает возможность интерпретации. Как нередко бывает в произведениях младописьменной литературы сибирских народов, в тексты А. М. Коньковой-писательницы вплетены фольклорные жанры (сказки, предания, мифы и др.), в них также «много бытовой сюжетики: подробные описания обрядов, праздников и хозяйственных действий, в которых принимают участие члены

---

² В годы учебы в консерватории и аспирантуре мы обе исследовали музыкальную культуру обских угров: О. Мазур занималась изучением хантыйского фольклора, я – мансийского.

³ По данным проекта «Языки народов России», в настоящее время сохранились только северные диалекты мансийского: «южномансийский (исчез в конце 1960-х) и среднемансийский (объединяет восточные и западные мансийские идиомы; последний носитель умер в 2018 году) языки» отнесены к заснувшим. <https://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Ob-Ugric.shtml> (дата обращения: 26.05. 2025).

семьи» [Непомнящих, 2022, с. 82–83]. С точки зрения фольклористики роман-сказание «И лун медлительных поток...» (ИЛМП, 1990)⁴, «Сказки бабушки Ан-нэ» (СБА, 1993; СБАТ, 2001), «Вожак Ивыр» (ЭМИ, 1991) представляют собой дополнительный источник информации о традиционной культуре кондинских манси.

Воплощению и роли фольклорных образов в творчестве А. М. Коньковой посвящены несколько литературоведческих работ (см. [Рогачева, 1997; Косполова, 2021] и др.). В отличие от них, в настоящей статье публикуется первоисточник – устный рассказ информанта и ее ответы на вопросы собирателей, зафиксированные в рабочих дневниках. Информация приводится по более подробному дневнику автора (Д1), в необходимых случаях используется дневник О. Мазур (Д2). Сведения разбросаны по разным страницам дневника, для публикации они скомпонованы по тематике.

Об обрядах

Последний **медвежий праздник** на Конде, который видела А. М., был в 1930 г., когда ей было 14 лет.

Мясо не ели совсем, шкуру не продавали⁵, женщина не могла даже дотронуться до неё. Медведя плясали 7 дней, медведицу – 5⁶. Женщина могла участвовать в празднике только в последний день (Д1, с. 20).

Праздник медведя зависит от умения повеселиться, чувства юмора людей, живущих в данной местности. Например, <в сценках высмеиваются> женщина-сплетница, женщина-лентяйка (Д1, с. 22).

Входят со стрелой *пйвтэм* с тупым наконечником, который на белку, чтобы не ранить и... (Д1, с. 22)⁷.

Одна из сценок медвежьего праздника. *Юрлы нэ* – бедная женщина. Ей дарят халат, шаль и тому подобное, <кладут это> в корзину берестяную. Она поёт: *юрлы нэ оссам, омон нэ оссам, мятын нэ оссам*⁸. Вторая *юрлы нэ* – ненастоящая, для смеха. Ей кладут шишки, угли, ветки, палки и тому подобное. После того как наберут, женщина выкладывает и хвастается, что ей подарили (Д1, с. 22).

Первый день медвежьего праздника. Медведь на столе. Ведущий: «Мы пригласили тебя на праздник». Если старый медведь, то давали трубку: «Мы тебя уважаем». На столе <перед медведем> угощение. Карась <сделан> метровой *туркуль*, его двигают по столу (символ сплетников, ворчливых людей, есть эпитет «толстоязыкий карась»)⁹. «Тебе шкуру сняли, а говорят – пригласили», < – говорит карась>. Охотник берет стрелу, стреляет в карася. Пятый или седьмой день – детский и женский. День красной ли-

---

⁴ Далее роман цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

⁵ То же отмечал П. Инфантьев [1910, с. 80].

⁶ Не согласуется с числовой символикой медвежьего праздника у северных групп обских угров, где число 5 ассоциируется с мужским началом, 4 – с женским.

⁷ Здесь пропущен фрагмент. Скорее всего, имеется в виду вход в помещение исполнителей сценок или танцев на медвежьем празднике, в которых часто используются стрелы.

⁸ Примерный перевод этой фразы: «Я старая, больная, одинокая женщина» (Д2, с. 19).

⁹ Ср. объяснение названия карася в романе: «Нельман тур кул – толстоязыкий карась, враль» (с. 266).

сицы¹⁰. Поджигают хвост – <значит,> уйдут болезни. Всех детей обязательно приводят. Бывает, что дети поют или танцуют. *Сарт йек* – танец шуки, *тõри йек* – танец ерша, *охсар йек* – танец лисы (Д1, с. 22–23).

Когда убивают медведя, выстреливают три раза. В 1930 году была ужасная жара. Тихо, как будто вымерла деревня. И вдруг я услышала эти три выстрела! Все бегут к реке. Переводят охотника через реку. У него на спине *неп*¹¹. Только вышел из лодки, стали сразу обливать водой, чтобы смыть чудищ, пришедших из леса с медведем. Идут к амбару *пуний сэмьих*. Там – всё для медвежьего праздника: маски, халаты, стрелы. Можно бывать там мужчинам и девочкам до 12 лет. (А. М. была.) Там шали с кистями, на которых колокольчики. Когда танцует *Ѓуков ёук* (матерей мать), *Ѓянков* (бабушка)¹², колокольчики звенят как комары. *Ѓуков ёук* – самая уважаемая женщина. Она отвечает за всех женщин, чтобы они хранили законы, слушали мужчин. Она принимает детей, лечит (Д1, с. 23–24).

Сведения, записанные от А. М., обрисовывают медвежий праздник у кондинских манси в первой трети XX в. В общих чертах он напоминает проведение этого обряда у обских угров северных групп: примерно совпадают продолжительность обряда, наличие символики женского и мужского, обычай ритуального очищения, включение в программу сценок-представлений юмористического плана, общественный характер обряда, в котором принимают участие люди разного возраста и пола, табуация определенных моментов ритуала для женщин, использование особой одежды (халатов и платков со звенящими предметами) для исполнителей, а также масок и стрел в качестве атрибутов обряда. К сожалению, нет никакой информации о священных песнях и представлениях, что свидетельствует либо о жестком табуировании сакральной части медвежьего праздника, либо – что более вероятно – о ее утрате.

Праздник в честь установки рыболовного запора¹³ называется *яны хотал* ‘большой праздник’ или *ййт яны хотал* ‘летнего запора большой праздник’.

Один раз в год был праздник по поводу перегородки реки. Запор делали летом, в июне. Когда солнце искупается в воде, намочит свои волосы, тогда и ставят запор. Праздник длится один вечер. Процедура праздника описана в романе А. М. «Вильян» (в печати) (Д1, с. 21)¹⁴.

Праздник у мужчин. Запор ставят, садятся за стол, пьют бражку *наса*¹⁵. Состязание: из лука пускают стрелы в маски, играют в городки, в бабки, тянут мизинцем за мизинец. Поют: <про> свою жизнь, реку, давних ны-

¹⁰ «Хвост у нее из веника» (Д2, с. 20). Сценка «Лиса», у которой поджигают хвост, присутствует во многих локальных вариантах северной традиции проведения этого обряда.

¹¹ Вероятно, то же, что и *напа* – «берестяное приспособление для переноски крупногабаритных предметов» (из словарика к изданию сказок (СБА, 1993)).

¹² *Ѓянков* – очевидно, мифологический персонаж, аналогичный богине-жизнеподательнице *Сянь* у северных манси и хантов.

¹³ Запор – один из древних способов пассивного лова рыбы. «Наиболее примитивный вид запора – изгородь из хвороста, устраиваемая весной или осенью на небольших реках» (<http://muzeumugorsk.ru/proekty/vorota-v-yugru/vorotv-v-yugru-sobytiya/item/1623-otkroj-dlya-sebya-suevat-rybolovnyj-zapor> (дата обращения 05.04.2025)).

¹⁴ Роман так и не вышел из печати. Цитаты из рукописи «Вильян», хранящейся в личном архиве, есть в статье внучки писательницы, Н. Э. Косполовой [2021].

¹⁵ Ср. в словарике к роману: «Пыса – брага» (с. 267).

рыльщики, которых уже нет. Когда ставят запор, женщины даже не имеют права смотреть. Одна женщина посмотрела, и запор снесло. Её казнили. Мужчины делают свой праздник днём, сразу после установки, женщины – вечером. Над омутом зажигают огонь. Принимает участие старик (в лодке колдовал, что-то говорил) (Д1, с. 50–51).

Описание установки запора как важнейшего коллективного дела и связанного с ним большого праздника вошло в роман-сказание «И лун медлительных поток...» (с. 105–124). Подробно, поэтично и этнографично рассказывает автор о том, как шла подготовка к установке запора, как тренировались ныряльщики, как готовили материал и инструменты, как уходили в лес женщины на время установки, как готовилось праздничное угощение. Из текста становятся более понятными ключевые моменты обрядовых действий.

Перед началом установки участники работ обращались в своего бога. «Встали мужчины рядом, оправили одежды, сдвинулись плечо к плечу и, глядя в искрящуюся реку, молча, чуть шевеля губами, принесли моление земному богу Шайтану. <...> Помоги нам поднять летний запор, помоги укротить реку. Стань нашим кормильцем!» (с. 107).

После установки совершали кровавое жертвоприношение духу-хозяину воды – забивали «белого, расчесанного деревянными гребнями, словно принаряженного и умытого, барана». Его «горячая кровь, клокоча, брызнула в воду, в жертву хозяину реки, водяному», затем старший мужчина «отхватил клочок шерсти и кинул в реку, <...> взял... черпак и несколько раз во все стороны плеснул пенную брагу» (с. 118).

Праздничная трапеза предварялась бескровной жертвой (пищей) и молитвой самой пожилой, знающей женщины. «Угощала земная женщина Кирья земного бога Шайтана кусочком мяса, рыбьей спинкой, медвежьим салом, просила... не ломать летнего запора, <...> просила бога, чтобы тот пригнал нагулянную рыбу к запору...» (с. 120).

После трапезы были мужские игры – состязания в ловкости, силе, меткости. «На поляне юноши гоняли мяч из лиственничной губы, пускали стрелы из тугих луков <...> Мужчины, юноши и подростки расставили мишени, на высоких пнях поставили чучела уток и силуэты зверей, и берестяные маски злых духов <...> С пятнадцати, двадцати и тридцати саженей пускали стрелы мужчины, с двадцати саженей бросали в цель тяжелое копье и боевой топорик. Тупые стрелы с крупным, увесистым наконечником громко ударяли в бересту, оставляя вмятину» (с. 122).

Молитвословия, принесение жертвы, общая трапеза, соревнования в стрельбе и метании оружия, игры, пение, танцы – основные элементы праздника в честь установления запора.

Ни в романе, ни в устной беседе нет подробного рассказа о том, какие обряды после установки запора проводили женщины. Из беседы мы знаем, что женский праздник был вечером, сопровождался разжиганием огня над водой и молитвой старика. В романе упоминаются огонь, хороводы и трехдневная продолжительность гуляний: «...он отыщет ее на месте девичьих игрищ», «убежала она с девушками в девичью рощу, где вокруг костров водили они хороводы», «...на третий день, когда затухли праздничные костры» (с. 123). Девичьи гуляния с кострами и хороводами – явление, не характерное для манси. Скорее всего, это элемент культуры, заимствованный в результате длительных контактов с русскими.

О двух видах **жертвоприношения** (кровавом и бескровном) упоминалось выше в связи с описанием обрядовых действий, связанных с установкой запора и последующим праздником. По-видимому, кондинские манси часто прибегали к жертвоприношениям, несмотря на давнее обращение в христианство.

<Место возле деревни> Кантылья – через 7 лет приносили жертву¹⁶ (лося). Жертвенное место: <видела> шаль с колокольчиками на кистях, стены увешаны шкурами¹⁷. Когда заболел брат, принесли <в жертву> барашка. Кровь пускали на большую лиственницу. К жертвенному месту вели извилистые тропы. В каждом изгибе стоял самострел *тáктыйлиппил* (сама по себе летящая стрела). В с. Сампавыл (глаз-деревня) жил старик, охранял священное место, фамилия Денисов. Теперь – деревня Денисовка. В песне есть <такое>: если на кого-то обидятся, говорят: «чтобы тебя сама по себе летящая стрела задела» (Д1, с. 51).

Традиция установки самострелов свидетельствует о том, что культовые места тщательно оберегались от посторонних. Обращает на себя внимание проведение не только спорадических обрядов, но и периодических, с регулярным (один раз в 7 лет) жертвоприношением, что характерно и для северных манси и хантов. Выбор животного для заклания, очевидно, связан со спецификой хозяйства, возможностью пожертвовать домашнее животное (барана) либо объект охоты (лося), в отличие от северных территорий, где самая частая жертва – олень.

О существенной роли жертвенных церемоний и связанного с ними фольклора в культуре кондинских манси говорит также состав образцов народной поэзии, записанной А. Каннисто. В первом томе его шеститомного собрания [Kannisto, Liimola, 1951], в который включены тексты мифологического содержания, 15 из 36 кондинских образцов представляют собой песни о духах-покровителях, еще 16 – молитвы и заклинания. С этими цифрами сопоставимо только число опубликованных во втором томе военных и героических сказаний (17).

В целом в обрядовой практике заметно ограничение участия кондинских женщин в сакральной части, раздельное (мужское / женское) проведение некоторых обрядов. Между тем, несмотря на мощные языческие корни, в жизнь этой группы обских угров широко вошли традиции, связанные с православием: отмечаются церковные праздники и родительские дни.

Справлялись все христианские праздники. <Масленица> *Совыр вой яны хотал* (Коровьего масла большой праздник). Пасха *Яны Торм яны хотал* – Большого Бога большой праздник. Новый год – *ялпын хотал* (*ялпын* – новый) (Д1, с. 51).

Поминальные дни – обязательно. Кто не помнит могилы родных, <тот поминает> безродных. Душа у мертвых встрепенется, с крылышками (Д1, с. 50).

---

¹⁶ Термин, обозначающий жертвоприношение, в устной беседе записан не был. В литературной прозе А. М. использует слово *пурлахтых* – см. пояснения в словариках: «моление и принесение жертвы Шайтану» (с. 267), «молитва» (СБА, с. 114).

¹⁷ Ср. описание в романе: «На стенах шайтанского амбара, на рысых и бобровых шкурах висели священный лук и стрелы, жертвенные нагрудники, украшенные бисером, золотыми и серебряными пряжками» (с. 86).

Музыкальные инструменты

Сведений о фоноинструментарии зафиксировано не так много, более подробно описаны струнные инструменты.

Хранились в шайтанском амбарчике, выносились на медвежий праздник, перед рыбными праздниками. *Тыритап* и *лынт*. *Лынт* (гусь) – струны железные (7). Из пихты, ели (цельное дерево). И все инструменты из пихты и ели. Играли только мужчины. *Тыритап* – <струны> из оленьих кишок (олень – *кóнье*) (Д1, с. 48).

Санквылтап есть. 7 семь струн из оленьих жил (или кишок). *Саук-вылтап* – <А. М. предполагает, что> *сауквыл* – название дерева (Д1, с. 52).

В песнях сосну называют *ерыйип йек тарый* «поющее танцующее дерево» (Д1, с. 49).

На этой странице тетради мною схематично изображены две арфы, одна из них больше другой. Исходя из опыта изучения северомансийской музыки, я нарисовала первую арфу и спросила у А. М., таким ли был инструмент, который она помнит. Она ответила утвердительно, сказав, что и второй был таким же, только меньше по размеру. Тогда я дорисовала вторую арфу. *Лынт* больше, чем *тыритап*, и понятно почему. Птицы, названия которых манси перенесли на музыкальные инструменты, сильно отличаются по размеру: гусь – крупная птица, гагара – мелкая. Зачем нужны были арфы разной величины? Вполне может быть, что музыканты различались по росту, и маленький инструмент служил для обучения мальчиков-арфистов¹⁸.

Ниже есть рисунок цитры *санквылтап* с семью струнами и раздвоенными концами в колковой части, который тоже был показан А. М. и одобрен ею. Здесь же изображен второй (также подтвержденный) вариант колковой части в виде прямоугольной рамы. Оба варианта известны в разных районах Югры.

Звучание струнных инструментов неслучайно подчеркнуто эпитетом «поющее танцующее дерево». Их «певучие» качества обусловлены материалом, используемым для изготовления: древесина хвойных пород имеет отличные резонирующие свойства.

При сопоставлении сведений, полученных от А. М. в устной беседе, с опубликованными ею же сказками, обнаруживается смысловое несовпадение. *Санквылтап* в сказках назван «семиструнным лебедем»: «взял с полки санквалтап – семиструнный лебедь и заиграл» (СБАТ, 2001, с. 67), «...садился рядом и тихо наигрывал на лебеде – семиструнном санквалтапе (СБАТ, 2001, с. 89); «...поднимаются три голоса: бабушки, внуки и священного семиструнного лебеда» (СБАТ, 2001, с. 90). Обычно лебедем либо журавлем в контексте обско-угорской культуры (и в обиходе, и в этнографической литературе) называли арфу – ее изогнутый гриф напоминает длинную шею птицы. Примечательно в этом плане свидетельство участника Всесоюзной переписи 1926–1927 гг. (примерно к этому же времени относятся воспоминания А. М.) в Кондинском районе: «...из старинных же туземных музыкальных инструментов сохранились изредка “лебедь” или “журавель”, с 9 медными струнами, но [их] очень мало, и употребляются [они] редко, при национальных религиозных торжествах» [Кондинский край..., 2006, с. 367].

---

¹⁸ Здесь уместно вспомнить традицию создания маленьких бубнов, моделей лодки и др. предметов в культуре обских угров [Солдатов, 2024, с. 166].

Девять струн типичны для угорской арфы. Благодаря фотографии с Конды, опубликованной К. Д. Носиловым [1904, с. 21], нет сомнений, что в цитированном документе речь идет об арфе. На снимке – группа вогулов на берегу озера ¹⁹, один из них держит вертикально на коленях арфу с 9 (10?) струнами. Именно в такой позиции играли арфисты северных манси и восточных хантов. Почему название *санквылтап* слилось с русскоязычным «лебедем» – не понятно. Возможно, имеет место творческая фантазия писательницы.

Тумран ²⁰ – <играли> только женщины. *Тумран* – не переводится. Составлен из костяной пластинки и ниточки – оленьей жилки. Детей, мальчиков, учили на мужских инструментах. Когда запор подымали, играли только на тумране ²¹. Сразу несколько человек играли. Есть песня: «*Лынт, лынт, лынты-лынт*» (детская игра) (Д1, с. 49, 52).

<Нэрнэ-йив> не было. Манки – *сос кисып* (береста-пикулька) (Д1, с. 49).

Звук тумрана, несмотря на «тихий» материал (кость и жилка), вероятно, воспринимался как довольно громкий. Один из героев сказки А. М. «Посам-Лучик», пытаясь определить, что за звук доносится, говорит: «звук от сосновой коры тоненький, как паутинка, а этот звук походит на звук тумрана» (СБАТ, 2001, с. 62). Информация о песенке «*Лынт, лынт, лынты-лынт*» записана сразу после разговора о тумране. Не исключено, что ее играли как раз на варгане: ханты и манси часто исполняли на варгане песенные мелодии. А в этой песенке по произнесению текста понятен ритм: 44884 (4 – четвертная нота, 8 – восьмая).

Кроме арфы, цитры и варгана А. М. вспомнила о фоноинструментах, которые не являются собственно музыкальными, но важны как компоненты интонационной культуры в целом ²². Для вычерпывания рыбы кондинские манси применяли дуршлаг *тай*, на конце его была рыбка. Северные манси тоже делали подвески к ритуальным разливающим ложкам *тай*. Несмотря на различающуюся форму подвесок, все подобные предметы во время использования издавали погромыхающий звук.

Мифология

В устной беседе с А. М. упоминались некоторые персонажи мифологии: великий предок-родоначальник *Йивыр*, который привел манси в эти края; болотный дух *Комполэн* и красавица *Кульнэ*, превратившаяся в обительницу водного мира, спасаясь от домогательств *Комполэн*'а. Подробный анализ фольклорных образов в творчестве А. М. Коньковой дан в статье Л. Н. Панченко. Она переводит имя *Комполэн* как «половинный человек» и считает, что его образ сближается с популярным персонажем мансийского фольклора *мёукв*'ом [Панченко, 2022, с. 274]. «Половинчатость» ²³ образа отмечает и сама А. М.:

---

¹⁹ Составители книги «Кондинский край» вторично опубликовали эту фотографию, подписав «Вогулы на берегу оз. Оронтура» [Кондинский край..., 2006, с. 188, фото 81]. Озеро Оронтур (Арантур) находится в бассейне Конды.

²⁰ *Тумран* – общее для обских угров название пластинчатого варгана.

²¹ Из этого описания не понятно, почему женщины играли, хотя им нельзя смотреть на запор.

²² О фоноинструментах хантов и манси см.: [Солдатова, 2019].

²³ Персонажи, у которых одна половина тела как у человека, а другая как у какого-либо животного, встречаются в мифологии очень многих народов.

По легенде, женщина была рыбой. Есть танец женщины-рыбы, ершей.

Была красивая женщина и мужчина-зверь *комполэн*, полуживотное-полумужик. Увидел её и влюбился. Говорит, полюби меня, и я стану человеком. Не буду с ветром летать, буду с тобой сидеть, тебя любить. Она не согласилась, он стал двигаться ближе и ближе. Она держала руки за спиной, но не надела священные бусы из косточек бобра²⁴. Она поняла, что никак ей не уйти. Прыгнула в воду. Вынырнула – он опять стоит, тянет свои руки. Тогда стала она жить в воде. Волосы у неё зелёные, хвост как у рыбы. *Кульнэ* (рыба-женщина) теперь называют её. Когда она уходила в воду, крикнула, что будет в воде, как Йивыр, служить народу (Д1, с. 20).

Среди духов водного мира А. М. упомянула и духа-вредителя *Виткэц*:

Виткэц – водяной, прогрызает рыбный запор (Д1, с. 21).

Два рода – Чайка *Халэв рот* и Гагара *Тыри рот*. *Рот* (род) – по-русски теперь. Нельзя было выйти замуж за парня из своего рода, из рода в деревне (Д1, с. 24).

Манси ценили сказочников и старались выявлять таланты, начиная с подросткового возраста [Мифы..., 2005, с. 20]. А. М. тоже упомянула об этой традиции.

Все сказительницы перед тем, как рассказывать сказки, загадывали загадки. Считали, кто быстро отгадывает, у того мысль летает. Бабушка говорила: «Без сказки жить – без соли рыбу есть» (Д1, с. 53).

Выводы

Данные, полученные от А. М. Коньковой, показывают, что в культуре кондинских манси 1930-х гг. важную роль играли обряды. Самым значимым был праздник в честь установки рыболовного запора, включавший песни о давних временах, о знаменитых ныряльщиках, наигрыши на варгане. Фольклорно-жанровая система жертвенных церемоний и медвежьего праздника в целом напоминает обрядовую традицию северных обских угров.

Музыкальный инструментарий кондинских манси включал угловую арфу, семиструнную цитру и пластинчатый варган – на них играли во время медвежьих обрядов и на празднике установки рыболовного запора. В отличие от музыкальной культуры других групп, у кондинцев отсутствует класс лютневых. Факультативные фоноинструменты представлены разными видами идиофонов (погремушка на черпаке и колокольчики) и аэрофоном (берестяная пищалка-манок).

Словарик фольклорной лексики расширяет характеристику культуры через названия музыкальных инструментов и термины, обозначающие понятия 'пение', 'голос', 'напев', 'певец', 'сказочник', 'сказка', 'предание' и др.

Безусловно, публикуемые материалы не являются исчерпывающей информацией о культуре кондинских манси, и объем их невелик. Тем не менее они имеют большую ценность, поскольку записаны от живой носительницы утраченной ныне фольклорной традиции.

---

²⁴ В культуре обских угров и их предков бобр имел сакральное значение, его кости применялись в ритуальной практике, служили оберегами [Сериков, 2020].

Список литературы

- Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1958. 228 с.
- Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. СПб.: Изд. Н. В. Емельянова, 1910. 199 с.
- Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / Авт.-сост. В. И. Байдин и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 388 с.
- Косполова Н. Э. Феномен лесной встречи в сказках Анны Коньковой // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 3, ч. 3. С. 139–142.
- Кузакова Е. А. Мансийско-русский словарь (кондинский диалект мансийского языка). Шадринск: Исеть, 2001. 100 с.
- Лиимола М. Экспедиции Артура Каннисто к вогулам (манси) в 1901–1906 годах (пер. с нем. Н. В. Лукиной) // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 148–161.
- Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 445 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 26)
- Непомнящих Н. А. О чем говорят сюжеты и мотивы литератур народов Сибири и Дальнего Востока XX века // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 77–90.
- Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1904. 256 с.
- Панченко Л. Н. Трансформация фольклорных образов в творчестве А. М. Коньковой // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 2. С. 272–279.
- Попова С. А. Этническая история и мифологическая картина мира манси. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 86 с.
- Рогачева Н. Проблема автора в сказках А. М. Коньковой // Литература Тюменского края / Под ред. Н. А. Рогачевой. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 88–97.
- Сериков Ю. Б. Бобр в культовой практике древнего населения Урала // Историко-археологический сборник / Отв. ред. М. Г. Моисеенко. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2020. С. 24–30.
- Солдатова Г. Е. Факультативные фоноинструменты обских угров // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 4. С. 44–56.
- Солдатова Г. Е. Обско-угорский бубен: морфология, органофония // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 162–177.
- Kannisto A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. Helsinki, 1951. Bd. 1: Texte mythischen Inhalts. XLII + 483 S. (SUS, vol. 101)

Список источников

- Д1 и Д2 – Полевые дневники участников музыкально-этнографической экспедиции Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (г. Ханты-Мансийск, апрель 1990 г.) Г. Е. Солдатовой (Д1) и О. В. Мазур (Д2). Хранятся в личных архивах собирателей (оригинал) и в Архиве традиционной музыки НГК им. М. И. Глинки (рукописная копия).
- ИЛМП – Сазонов Г. К., Конькова А. М. И лун медлительных поток... Роман-сказание. 2-е изд. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 272 с.

СБА – Конькова А. М. Сказки бабушки Аннэ: Сказки, легенды. Вена: ГИСТЕЛ ДРУК, 1993. 117 с.

СБАТ – Сказки бабушки Аннэ / А. М. Конькова; ил. детей пос. Талинка. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. 120 с.

ЭМИ – Конькова А. М. Элт миньп Ивыр = Вожак Ивыр: Легенда. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. 112 с. (на манс. и рус. яз.)

References

Balandin A. N., Vakhrusheva M. P. *Mansiysko-russkiy slovar'* [Mansi-Russian dictionary]. Leningrad, Uchpedgiz, 1958, 228 p.

Infant'yev P. P. *Puteshestviye v stranu vogulov* [Journey to the Land of the Voguls]. St. Petersburg, Izd. N. V. Emel'yanova, 1910, 199 p.

Kannisto A., Liimola M. *Wogulische Volksdichtung*. Helsinki, 1951, vol. 1, Texte mythischen Inhalts. XLII + 483 p.

Kondinskiy kray 16 – nachala 20 v. v dokumentakh, opisaniyakh, zapiskakh puteshestvennikov, vospominaniyakh [Kondinsky Region of the 16th – early 20th cent. in documents, descriptions, travelers' notes, memories]. V. I. Baydin et al. (Authors and comps.) Yekaterinburg, Ural Uni. Publ., 2006, 388 p.

Kospolova N. E. Fenomen lesnoy vstrechi v skazkakh Anny Kon'kovoy [The phenomenon of a forest meeting in Anna Konkova's fairy tales]. *International research journal*. 2021, no. 3, pt. 3, pp. 139–142.

Kuzakova Ye. A. *Mansiysko-russkiy slovar' (kondinskiy dialekt mansiyskogo yazyka)* [Mansi-Russian dictionary (Kondinsky dialect of the Mansi language)]. Shadrinsk, Iset', 2001, 100 p.

Liimola M. Ekspeditsii Artura Kannisto k vogulam (mansi) v 1901–1906 godakh (perevod s nemetskogo N. V. Lukinoy) [Arthur Kannisto's expeditions to the Voguls (Mansi) in 1901–1906 (translated from German by N. V. Lukina)]. *Bulletin of Ugric studies*. 2015, vol. 23, no. 4, pp. 148–161.

Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov) [Myths, tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Ye. I. Rombandeyeva (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2005, 445 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 26)

Nepomnyashchikh N. A. O chem govoryat syuzhety i motivy literatur narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka 20 veka [What do the plots and motifs of the literatures of the Peoples of Siberia and the Far East of the 20th century say]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2022, no. 4, pp. 77–90.

Nosilov K. D. *U vogulov. Ocherki i nabroski* [Among the Voguls: Essays and sketches]. St. Petersburg, Izd. A. S. Suvorina, 1904, 256 p.

Panchenko L. N. Transformatsiya fol'klornykh obrazov v tvorchestve A. M. Kon'kovoy [Transformation of folklore images in the works of A. M. Konkova]. *Bulletin of Ugric studies*. 2022, vol. 12, no. 2, pp. 272–279.

Popova S. A. *Etnicheskaya istoriya i mifologicheskaya kartina mira mansi* [Ethnic history and mythological picture of the world of the Mansi]. Khanty-Mansiysk, Yugrafika, 2013, 86 p.

Rogacheva N. Problema avtora v skazkakh A. M. Kon'kovoy [The problem of the author in the tales of A. M. Konkova]. In: *Literatura Tyumenskogo kraya* [Literature of the Tyumen' region]. Rogacheva N. A. (Ed.). Tyumen, SoftDizayn, 1997, pp. 88–97.

Serikov Yu. B. Bobr v kul'tovoy praktike drevnego naseleniya Urala [Beaver in the cult practice of the ancient population of the Urals]. In: *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Historical and archaeological collection]. Moiseyenko M. G. (Ed.). Zimovniki, Zimovnikovskiy krayevedcheskiy muzey, 2020, pp. 24–30.

Soldatova G. E. Fakul'tativnyye fonoinstrumenty obskikh ugrov [Facultative phono-instruments of the Ob-Ugrians]. *Scholarly almanac "Traditsionnaya kul'tura" (Traditional Culture)*. 2019, vol. 20, no. 4, pp. 44–56.

Soldatova G. E. Obsko-ugorskiy buben: morfologiya, organofoniya [Ob-Ugric drum: morphology, organophony]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 162–177.

List of sources

D1 i D2 – Polevye dnevniki uchastnikov muzykal'no-etnograficheskoy ekspeditsii Novosibirskoy gosudarstvennoy konservatorii im. M. I. Glinki (g. Khanty-Mansiysk, aprel' 1990 g.) G. E. Soldatovoy (D1) i O. V. Mazur (D2) [D1 and D2 – Field diaries of participants in the musical-ethnographic expedition of the Novosibirsk State Conservatory named after M. I. Glinka (Khanty-Mansiysk, April 1990) G. E. Soldatova [D1] and O. V. Mazur [D2]]. Stored in the personal archives of the collectors (original) and in the Archive of Traditional Music of the Novosibirsk Conservatory (handwritten copy).

Kon'kova A. M. *Elt minyp Ivyr = Vozhak Ivyr. Legenda* [Leader Ivyr. Legend]. Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd., 1991, 112 p.

Kon'kova A. M. *Skazki babushki Anne: Skazki, legendy* [Tales of Grandmother Anne: Tales, legends]. Vienna, GISTEL DRUK, 1993, 117 p.

Sazonov G. K., Kon'kova A. M. *I lun medlitel'nykh potok... Roman-skazaniye* [And the flow of the slow moons... A novel-tale]. 2nd ed. Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd., 1990, 272 p.

Skazki babushki Anne [Tales of Grandmother Anne]. A. M. Kon'kova (Ed.). with illustrations made by the children of the village Talinka]. Yekaterinburg, Sred.-Ural. kn. izd., 2001, 120 p.

Фольклорная лексика кондинских манси (по информации А. М. Коньковой)
Folklore vocabulary of Konda Mansi (based on information from A. M. Konkova)

Русский: значение (перевод) *	Мансийский: из устной беседы с А. М. Коньковой (Д1, с. 17–19, 44–47)	Пояснения из словариков в книгах А. М. Коньковой ***
[имя мифологического персона- жа]	Кõмпõлэн	Комполэн – болотный дух – получеловек-полузверь (СБА) Комполэн – Болотный Дух, получеловек-полузверь, персонаж ман- сийских сказаний (ИЛМП)
[имя мифологического персона- жа]	Кульнэ	Кулнэ – Женщина-Рыба. Комполэн превратил женщину в рыбу за то, что она не пожелала стать его женой (СБА) Кулнэ – женщина-рыба, речная богиня (ИЛМП)
[музыкальный инструмент, угло- вая арфа, букв. ‘гусь’]	лынт	
[музыкальный инструмент, вар- ган]	тумран	Тумран – древний мансийский женский губной музыкальный инст- румент (СБА)
[музыкальный инструмент, угло- вая арфа, от <i>тыри</i> ‘гагара’]	тыритап	Тыритап – мансийский трехструнный музыкальный инструмент (ИЛМП)
берёста	с’бс	
бить, стучать	воңх	
богатырь	отэр	
бубенчик	лоңхалтап	
водяной	виткэщ	Виткась – Пожиратель Всего Живого и Неживого – злой дух, жи- вущий в воде, обжора (СБА) Виткась – лягушка, обжора, злой дух – Пожиратель Всего Живого (ИЛМП)

Русский: значение (перевод) *	Мансийский: из устной беседы с А. М. Коньковой (Д1, с. 17–19, 44–47)	Пояснения из словариков в книгах А. М. Коньковой ***
ворожба	пеный	
ворожить	на'йтэх	
ворожить, гадать	пенйих 'ворожба', пеныл'ах 'ворожить'	
ворон	кырх (ком, нэ)	
воспевание, восхваление	есйих, ерийн	
говорить	латтых	
горло, труба	тырый	
греметь, грохотать	курыйй	
грохот	курыйй сэй	
дуршлаг (мясо рыбы вычерпывать), на конце – рыбка	тай	
жуужать	п а'ңйип (об осе)	
журавль	тарыг	
загадка	амысь	
запеть	ерйхлас (запел)	
звенеть (о колокольчике)	лонхальтый	
зверь	вуй	
звон	лонх сэй	
звонить (металлическим предметом)	лонхых	
звонок	лонхалтап сэй	

Русский: значение (перевод) *	Мансийский: из устной беседы с А. М. Коньковой (Д1, с. 17–19, 44–47)	Пояснения из словариков в книгах А. М. Коньковой ***
звук, шум	сэй	
злой дух (невидимый)	ворлюль ком	
играть	йа ^о нйэх	
играть на муз. инструменте	йа ^о нйэх; йа ^о нэй – игра	
идол, божок	пулий торум	Пулий – земной бог Шайтан (ИЛМП) Шайтан (Пулий) – земной бог (СБА)
[имя героя]	Йивыр	Ивыр (ЭМИ)
карась	турукуль	Нельман тур кул – толстозыкий карась, враль (ИЛМП)
ковш	пахамтай	
кожа, шкура, кора	сов	
колдовство, мудрость	сьиркэм (нэ / ком ‘колдунья / колдун’)	
колокольчик	лонхалтап	
крик	ай сэй ‘звук крика’	
кричать	айих	
кукушка	куккук нэ	
летнего запора большой праздник	яйт яны хотал	Яйт Тустнэ Ёнкып – месяц летнего запора (ИЛМП) Арпа – зимний рыболовный запор на реке (СБА) Орп – зимний запор на реке (ИЛМП)
запор летний	яйт	Яйт – загородка через всю реку – плетённый частокол (СБА)
леший	ворлюль	
ложка	ван’шар	
лук	ёвт	

Русский: значение (перевод) *	Мансийский: из устной беседы с А. М. Коньковой (Д1, с. 17–19, 44–47)	Пояснения из словариков в книгах А. М. Коньковой ***
мать матерей	сюкув сюк	Сюкум – мама (СБА) Сюк – мать (ИЛМП) Сюкум – матери (ЭМИ)
медведь	вуйаньцэх 'зверь-старик'; сайрэн вуйан'цэх	Вуй-аньсих – медведь (ИЛМП)
медвежий праздник	вуйан'цэх хотал	
мухомор	лолильхс (лыхс 'гриб')	
мышь	тәңкәр	
мячит	н'авэй	
напев, мотив	ка'л'н	
небо, бог	торум	
нос	нёл	
певец, песенник; герой песен	ерий ком (нэ); ерий олум ком (нэ)	
песня, пение	ерэй	
пицать	пин'хэх	
плач	рыс	
праздник	яный хотал (большой день)	
предание	песлихыл 'старое слово'	
пронзительный (о голосе)	сыен сэй	
пропеть	ерэйлахтс (запел)	
рассказ, речь, беседа	потыр, лиых	
самострел	тәктыйлиппил 'сама по себе летящая стрела'	

Продолжение таблицы

Русский: значение (перевод) *	Мансийский: из устной беседы с А. М. Коньковой (Д1, с. 17–19, 44–47)	Пояснения из словариков в книгах А. М. Коньковой ***
санквалтап (слово из сосыв. д-та)	сәңкәл'тәп	Санквалтап – мансийский мужской музыкальный инструмент (СБА) Санквалтап – «лебедь» – мансийский музыкальный инструмент (ИЛМП)
свадьба, пир	нэ винэ яны хотал (винэ 'братъ')	
свист	щивийн сэй	
свистеть (крыльями)	(товлыл) щивийй	
свистнуть (о ветре)	(вот) щивийй	
свисток (звук)	кисып	
священное место	торум ма	
сказка	мойт	
сказочный герой	мойт олнэ ком 'в сказке живущий мужчина'	
скот	вуй куль	
скрип, скрипеть	щихыртан сэй, щихыргы	
слеза	рыс вит'	
слышаться	сэйгый	
сосна	тәрийй	
стрела	пйвтэм	
стрела	нил, ёвтнил; пискаңнил – пуля (пискан 'ружье')	
танец	йэк	

Русский: значение (перевод) *	Мансийский: из устной беседы с А. М. Коньковой (Д1, с. 17–19, 44–47)	Пояснения из словариков в книгах А. М. Коньковой ***
танец ерша	тõри йек	
танец лисы	охсар йек	
танец шуки	сарт йек	
токование тетерева	кал'им (тетерев) лап-лап	
тогда, в то время	тан'си	
узор, орнамент	шакыр	
умер	џ'укәрлыс	
усыпить	ял айилтэх	
чудовище	ворлюль	
шайтанский амбарчик	пулий сэмьх	
шаман	няйтком (няйтнэ 'шаманка') – провидец	
шаманить, ворожить	пеныйлэх, на'йтэх пеный 'ворожба'	
шутка	мйай'тий (?)	
язык	н'ел'м	

* Отправной точкой заполнения данных был столбец русского перевода из словаря [Баладин, Вахрушева, 1958], поэтому именно этот столбец дан в алфавитном порядке.

*** Ссылки на издание даны без указания страниц. Словарики см.: (ИЛМП, с. 265–268; СБА, с. 113–115).

Информация об авторе

Галина Евлампьевна Солдатова, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57222248642
WoS Researcher ID K-1125-2017

Information about the author

Galina E. Soldatova, Candidate of Arts, Leading Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57222248642
WoS Researcher ID K-1125-2017

*Статья поступила в редакцию 10.06.2025;
одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 10.07.2025
The article was submitted on 10.06.2025;
approved after reviewing on 10.07.2025; accepted for publication on 10.07.2025*

Научная статья

УДК 821.161.1. (091)

DOI 10.17223/18137083/92/3

Концептуальная основа повествовательного пространства «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: «скрытая цитата»^{*}

Елена Ивановна Дергачева-Скоп

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

e_dergacheva-skop@post.nsu.ru

Аннотация

Статья посвящена частному случаю «скрытой цитаты», выполняющей роль концептуальной основы повествовательного пространства иллюстрированного исторического сочинения 80-х гг. XVII в. – «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Литургико-поэтическое сочинение «Согласие певаемо за царя и за люди, внегда исходити противу ратыным, творение Филофея патриарха Царяграда» приобретает в ней формат «скрытой цитаты». Впервые описана роль такой цитаты в формировании символической константы сюжета, «узнаваемой» прежде всего через изобразительный ряд.

Ключевые слова

С. У. Ремезов, «История Сибирская», рукопись, историческое сочинение, повествовательное пространство, вербальный и иконический планы, канон молебен, «скрытая цитата»

Для цитирования

Дергачева-Скоп Е. И. Концептуальная основа повествовательного пространства «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: «скрытая цитата» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 45–61. DOI 10.17223/18137083/92/3

---

^{*} Публикация представляет собой последнюю версию авторского текста статьи из архива Е. И. Дергачевой-Скоп (д. 19, ед. хр. 1). К печати статья подготовлена учениками профессора Е. И. Дергачевой-Скоп – Валентиной Александровной Мельничук и Василием Вячеславовичем Подопригорой.

The conceptual basis of the narrative space in the “History of Siberia” by Semyon Remezov: “hidden quotation”

Elena I. Dergacheva-Skop

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
e_dergacheva-skop@post.nsu.ru

Abstract

This paper examines a specific case of a “hidden quotation” functioning as the conceptual foundation of the narrative space in the “History of Siberia” (1680s), an illustrated historical work by Semyon Remezov. The text under study is part of the manuscript known as the “Remezov’s Chronicle” and exhibits genre, plot, and stylistic unity, with each chapter accompanied by a medieval-style miniature. The study demonstrates that the text and illustrations form an interconnected system, equally shaping the narrative space of the work, though each employs distinct stylistic devices in structuring this unity. One element of this narrative strategy is the liturgical-poetic composition “Soglasie pevaemo za tsarya i za lyudi, vnegda iskhoditi protivu ratnym, tvorenie Filofeya patriarkha Tsaryagrada” (“Harmony sung for the Tsar and the people, when going forth against the enemy, by Philotheus, Patriarch of Constantinople”), which appears as a “hidden quotation.” When the texts of church hymns and canons are superimposed onto Remezov’s laconic narration of Yermak’s battles with Kuchum, the ethical and aesthetic perception of the story shifts, expanding its narrative dimensions. Remezov deliberately constructs his text through literary allusions. Although direct quotations are rare, their presence signals a broader cultural and literary context essential for interpreting the work. These “hidden quotations” serve as references to external systems of meaning, guiding the reader’s reception of the text.

Keywords

Semyon Remezov, “Siberian History”, manuscript, historical essay, narrative space, verbal and iconic plans, supplicatory canon, “hidden quotation”

For citation

Dergacheva-Skop E. I. The conceptual basis of the narrative space in the “History of Siberia” by Semyon Remezov: “hidden quotation”. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 45–61. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/3

«История Сибирская» – цельная жанрово, сюжетно и стилистически часть рукописи, известной как Ремезовская летопись¹. В рукопись Ремезовской летописи

---

¹ Рукопись Ремезовской летописи хранится в собрании Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук (СПб.): НИОР БАН 16.16.5. Рукопись издана факсимильно. В 1880 г. петербургским купцом А. И. Зостом Ремезовская летопись была воспроизведена литографически. Издание вышло под неточным названием, взятым из колонтитулов вставных листов рукописи: «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками» (СПб., 1880). Кунгурской летописью, по недоразумению, а иногда и по непониманию, исследователи обозначают как «Историю Сибирскую», так и всю рукопись Ремезовской летописи. Современное факсимильное воспроизведение рукописи (НИОР БАН 16.16.5) и научно-справочный аппарат к ней [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006].

к «Истории Сибирской», составляющей основную часть повествования, вплетены не позднее 1732 г.² (возможно, последним ее владельцем) выполненные рукой С. У. Ремезова листы: копии с нескольких сюжетов из «Летописи Сибирской Краткой Кунгурской», а также выписки автора «Истории Сибирской» из разных литературных сочинений как параллели к сибирским событиям. Каждая из статей «Истории» сопровождается рисунком в жанре средневековой миниатюры. Являясь плодом совместных усилий нескольких мастеров семейного клана Ремезовых, рукопись «Истории Сибирской» была создана в конце 80-х гг. XVII в. под влиянием глубокого родового интереса к эпохе взятия Сибири и личности Ермака. Четыре поколения Ремезовых, начиная с конца 20-х гг. XVII в., когда еще живы были соратники Ермака, и до первой трети XVIII в. постоянно жили в Тобольске. Создателем текста и главным иллюстратором «Истории Сибирской» был представитель третьего поколения этой служилой сибирской семьи – С. У. Ремезов (1642 – ок. 1722 г.) [Дергачева-Скоп, 1965а, с. 5–90; Очерки..., 1982, с. 95–106].

Предлагаемая статья является продолжением моих разработок проблемы жанровой специфики и структурирования повествовательного пространства «Истории Сибирской» С. У. Ремезова [Дергачева-Скоп, 1971; 1974; Дергачева-Скоп, Алексеев, 2004а; 2004б; 2005а].

В «Истории Сибирской» использованы хранившиеся семейством Ремезовых записи легенд и преданий, казачьих «сказок», интереснейшая «устная летопись», татарские шеджере, свидетельства калмыцкого Аблая-тайши о гибели Ермака и др. С. У. Ремезов как писатель-историк и сам собирал сведения о Ермаке и Кучуме, первых воеводах Сибири, используя практически все доступные в его время письменные и устные источники. Включая добытые им факты в повествовательную канву своего сочинения, автор реализует их как через текст, так и через рисунки к нему. Для этого как нельзя лучше подходила именно средневековая книжная миниатюра, позволявшая в своем изобразительном пространстве совмещать несколько последовательно развивающихся сюжетов. Ремезов превосходно использует ее возможности в своем сочинении (но как представитель уже другой эпохи – эпохи барокко).

«История Сибирская» (ее единственная рукопись в составе Ремезовской летописи) не покидала семейного круга до смерти С. У. Ремезова, надеявшегося на создание нового варианта своего сочинения и «публичное» его использование: «Аз же <...> о единодушных казацех вкратце глаголах, *налично* всположих <...> Аще и языка светлоречиваго не стяжах, еже *железным ключем отверзох, а златый впредь уготовах ко утешней всенародной ползе*» (ст. [126] 157)³. Намерения автора дополнить свое сочинение новыми сюжетами и доработать стилистически, представить его более ярким в художественном плане и достоверным исторически, а также заново проиллюстрировать, сделав доступным «всенародному зрению», не были до конца реализованы. Правда, Ремезов подготавливает новые фрагменты текста из найденной им в одной из поездок в Предуралье рукописи,

---

² Дата подтверждена датировкой бумаги на форзацных листах рукописи [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2005б, с. 54–55, 65].

³ Курсив – Е. Д.-С. Ссылки на статьи рукописи Ремезовской летописи, содержащей «Историю Сибирскую», здесь и далее даются в тексте. В квадратных скобках указывается реконструируемый нами, принадлежащий самому С. У. Ремезову, номер статьи именно «Истории Сибирской». Другой – порядковый номер всех статей рукописи Ремезовской летописи. Последняя пагинация выполнена не ранее 30-х гг. XVIII в. поверх первоначальной [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2005б, с. 59].

которые в колонтитулах своей копии с них называет «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». Он же делает к ним «очерковые» наброски иллюстраций, а также присоединяет новые выписки параллелей к сибирским событиям из нескольких литературных сочинений. Однако все эти последние материалы носят несомненно черновой характер.

В предлагаемой статье я рассматриваю именно «Историю Сибирскую» как цельное авторское творение с миниатюрами, а Кунгурский летописец и литературные фрагменты с набросками иллюстраций – лишь как материалы для реализации планов С. У. Ремезова к новой версии «Истории».

* * *

Исследование «Истории Сибирской» показало, что ее текст и рисунки представляют единство взаимосвязанных элементов, формирующих на равных правах повествовательное пространство произведения. Однако изобразительный и вербальный ряды привносят каждый свои стилистические приемы в структурирование этого единства. Текст без иллюстраций практически не дает возможности интерпретировать с достаточной достоверностью реалии сюжета, иллюстрации без текста лишены глубинного смысла: только текст и изобразительный ряд, воспринятые как две стороны одного художественного произведения, позволяют во всей полноте описать *повествовательное пространство* «Истории Сибирской».

Подходы к этому своеобразному диалогу иллюстраций и текста могут быть различные. «Расположение миниатюр и их читаемость в общей архитектонике рукописной книги приобретают особое значение в составе исторических рукописей», – пишет О. А. Подобедова, характеризуя знаковое единство текста и иллюстраций в пределах типологических жанровых групп с позиций классического искусствоведческого подхода, подчеркивая, что «в каждом отдельном случае должно выясняться формирование самой *иконографии исторических сюжетов*, особенности их поэтики и социально-исторической основы, а также черты образа *истории книги как целого*» [Подобедова, 1972, с. 19]. Такую связанность текста и изображения в «Истории Сибирской» подметили В. Н. Алексеев и Ю. Я. Герчук.

Первый, исходя из теоретических посылок, выдвинутых О. А. Подобедовой в статье, посвященной проблеме художественного единства рукописи С. У. Ремезова, приходит к выводу о том, что в «Истории Сибирской» «границы литературного и изобразительного повествования, как правило, совпадают в пределах одной “информативной единицы” – статьи и рисунка к ней <...> цель такого метода – приравнять содержательность рисунка к тексту, слить его с текстом воедино» [Алексеев, 1987, с. 104]. Автор подчеркивает, что это «привычный для художников-книжников Древней Руси метод работы», характерный для миниатюр исторических рукописей, и что ремезовское произведение «в этом смысле не исключение» [Там же]. Видимо, поэтому, говоря о важности изучения взаимодействия текста и иллюстраций в «Истории Сибирской», В. Н. Алексеев выдвигает на первый план именно изобразительную часть рукописи как кодекса, членит ее на отдельные составляющие и через них подчеркивает свободное использование текста в миниатюрах: «Художественные средства писателя и рисовальщика, имеющие разные способы воздействия на читателя-зрителя, находятся в одном арсенале, – пишет он. – Отсюда рождается большая свобода обращения с текстом, приводящая к адекватности художественного значения слова и изображения в единой ткани повествования» [Алексеев, 1987, с. 107]. В. Н. Алексеев постулирует невозможность разединить «текстовую и изобразительную ткань произведения», од-

нако видит в рисунках Ремезова прежде всего именно иллюстративный ряд, хотя и в большей степени спаянный с текстом, чем современная иллюстрация [Там же, с. 111–112].

Ю. Я. Герчук, обозначивший характерный для С. У. Ремезова «прием параллельного и целостного словесно-графического повествования», связывает его, несомненно, с композиционными принципами книжного искусства XVII в.: «Принципиален и характерен для автора, – писал он, – синтетический, словесно-изобразительный характер его летописи. Примечательно, что вставленные позднее в рукопись листы с фрагментами другой летописи, дополняющей ремезовский рассказ, получают здесь ту же синтетическую форму. <...> Миниатюра и текст в понимании Ремезова, видимо, нераздельны, естественно и необходимо поясняют, дополняют и подтверждают друг друга»⁴.

Обе концепции вполне оправданны в рамках искусствоведческого и книговедческого подходов к Ремезовской летописи как кодексу. Несмотря на утверждения о единстве, в них на первый план выдвигается именно иллюстрация. Изобразительный ряд в листовом поле «Истории Сибирской» внешне, действительно, преобладает, текст заключен в узкие рамки сверху листа альбомного формата, расчерченного на две половины (л. 8, илл. 2) [Алексеев, 1974, с. 177–194; 1987]. В то же время очевидно, что рисунки находятся в более сложном взаимодействии с текстом, поскольку создание «Истории Сибирской» *изначально вместе с миниатюрами не вызывает сомнений*.

* * *

Создатель «Истории Сибирской» формулирует в первых же строках своего сочинения, что акт *покорения Сибири*, несомненно, является актом, «судебно» определенным Господом: *«Искони всевидец христианский наш Бог, Творецъ всея твари, Жижьдитель дому Своего <...> судебно предповеле проповедати ся чрез Сибирь Евангелие в концы Вселенныя на краи гор Тобольску граду имениту»*⁵ (ст. 1). Насыщенность таким символическим смыслом важна автору «Истории Сибирской» как в тексте, так и в рисунках. Изобразительный ряд неотделим от текста, по авторскому замыслу: текст фиксирует позицию автора, иллюстрации включаются в повествовательное пространство как «контекст», важный для актуализации символического подтекста.

Такая концепция «Истории Сибирской» была актуальной для конца 80-х – начала 90-х гг. XVII в.⁶ Повествование, с одной стороны, еще хранило в своей памяти события «покорения Сибири», связанные с рассказами очевидцев похода («устные летописи»⁷), с другой – предлагала своей аудитории – современникам

---

⁴ Автор не разделяет в своем анализе «Историю Сибирскую» и Кунгурский летописец, констатируя только особую беглость иллюстраций «к вставным листам» [Герчук, 2005, с. 37].

⁵ Ср.: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Мф. 24: 14).

⁶ Я не касаюсь здесь важного для понимания всего творчества С. У. Ремезова факта восприятия им барочной культуры, активно реализуемой его современниками как в литературе, так и в искусстве. Это проблема иного, более глобального порядка, чем поставленная в предлагаемой статье.

⁷ В основе «Истории Сибирской» лежит более ранний источник, названный нами условно «устной летописью» [Дергачева-Скоп, 1965а, с. 108–111; 1965б, с. 8; 2002]. Был ли он только текстовой или имел уже свой набор иллюстраций-миниатюр – проблема, требующая дополнительного изучения и выходящая за рамки настоящей статьи.

С. У. Ремезова, к которым она была обращена, новые исторические сюжеты (рассказы о событиях после Ермака, легенды о нем) и одновременно «видения» (о Паньме бугре, о битве белого и черного зверей и пр.), аллегорические «притчи», близкие и понятные только им как носителям «общей памяти»⁸ («О несчастьи воинском», «Древле христиане страшны языком и Ермак» «Воссия Сибирь и прославися» и пр.). Ремезовский «текст», несомненно, ориентирован на аудиторию его времени – служилое «сословие» Сибири. Для современников Ремезова концепция «Истории Сибирской» прочитывается также только в единстве текста и изображения⁹, обеспечивая нам «узнавание» некоего «скрытого контекста».

* * *

Работая над комментарием к «Истории Сибирской»¹⁰, я остановилась на статье ([40] 44) о Ермаке и его войске перед решительным сражением и споткнулась на фразе: *«Казацы жь вси убоияся и присташа к острову выше яру, размыслиша, помолишася Святей Троице, Пресвятей Богородице и всем святым с желанием»*. Поскольку у Ермака, по преданию, воспроизведенному С. У. Ремезовым во фрагменте Кунгурского летописца, была выносная часовня с иконами, в его войске находились *«три попа, да старец бродяга»*, который, правда, *«ходил без черных риз, а правило правил <...> и круг церковный справно знал»* (ст. [4-к] 8), то я предположила, что это была не обычная краткая частная молитва, а *просительный молебен*, и обратилась к известному в древнерусской литературной традиции тексту молебна по «Чину како подобает пети молебен за всяко прошение», явно знакомого Ремезову как служилому человеку и как иконописцу. Поскольку текст комментируемых статей «Истории Сибирской» был посвящен рассказам о боях с Кучумом, из известных молебнов просительного чина мною был выбран общий молебен – «Согласие певаемо за царя и за люди, внегда исходити противу ратным, творение Филофея патриарха Царяграда», известный как в рукописной, так и в печатной традиции и широко используемый в свое время в литургической практике.

Молебен этого чина имел хождение на Руси с конца XIV в. [Прохоров, 1972, с. 141, 145; 1983, с. 287], текст впервые издан Московским Печатным двором в 1636 г. в составе Канонника [Канонник, 1636; Требник мирской, 1639]. В общий молебен («Согласие...»), в частности, входили: начало, общее всем канонам молебнам, необычайные по силе эмоционального и морального воздействия – 142-й псалом («Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое во истине Твоей, услыши мя в правде Твоей...»), 50-й псалом («Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих...»), 16-й псалом («Бог препояса мя силою, и положи непорочен путь мой»... с «припевы: “Помози нам, Господи, имени Твоего ради”»); Великая Ектения – единодушное просительное моление: «Миром Господу помолимся!...»; собственно «Канон молебен к Богу нашему Иисусу Христу и к Пречистой Его матери и ко всем святым, за царя и за люди, певаемый в брани против сопостат, находящихся на ны»; «Песнь пророка Исая сына Аммосова», исполнявшаяся в случае уже совершившейся победы как торжественная

---

⁸ Отсутствие «общей памяти» у адресанта и адресата «делает... текст недешифруемым» [Лотман, 1992, с. 161–166].

⁹ Замечу, однако, что в едином повествовательном поле «Истории Сибирской» изобразительный и вербальный ряды можно описывать отдельно как привносящие каждый свои стилистические приемы в структурирование этого единства.

¹⁰ Текст комментария к «Истории Сибирской» в настоящее время находится в печати.

песнь (на глас 6), а если победа еще только предполагалась, то как *просительная* молитва «со умилением» – «С нами Бог! Разумейте языцы и покаяйтесь, яко с нами Бог!»¹¹.

Если тексты церковных песнопений и канона, которые были хорошо известны как во времена Ермака, так и позднее, в первой половине XVII в., поскольку часто звучали по случаям начала очередной войны или победы в ней, добавить к довольно лаконичному повествованию нескольких глав «Истории Сибирской», посвященных битвам Ермака с Кучумом, то границы этического и эстетического восприятия такого рассказа меняются, а повествовательное его пространство существенно корректируется.

Однако, пользуясь только текстом как сигналом (здесь лишь одна фраза – «*помолишиася Сятеи Троице, Пресвятей Богородице и всем святым с желанием*»), было бы практически невозможно понять, насколько автор и его аудитория «слышат» весь «скрытый» текст, а также участвует ли последний в создании повествовательного пространства произведения как случайный и обыденный культурный фон или писатель использует его осознанно в качестве строительного материала в формировании символической константы сюжета. В последнем случае этот текст приобретает формат «скрытой цитаты».

Ответ на вопросы дали прежде всего иллюстрации к статьям «Истории Сибирской» (ст. [40] 44; [41] 45; [42] 46; [44] 48; [45] 53). С. У. Ремезов разворачивает в «реалиях» рисунков символические образы тропарей канона молебна, «за царя и за люди певаемого в брани против сопостат»¹². Рассмотрим несколько примеров:

I

I.1. Крепкого в бранех,
силнаго в крепости
Господа, молим Тя верно
снити с рабы Своими
во время снятия со враги
и победити их (л. 376 об.)

VIII.1. Рукою крепкою Моисеовою
яко же древле спасл еси люди Своя,
Щедре,
погубил еси языки лукавыя,
так и ныне погуби
братися с нами начинающая (л. 383)

На рисунке Ремезова к ст. [41] 45 (рис. 1) иллюстрацией именно к тропарям, а не к собственному тексту, от передового струга, на котором кормчим изображен Ермак, «самообразно» отделилось знамя-хоругвь с образом Спаса Вседержителя на престоле с поднятыми до уровня головы двумя руками в жесте благословения, жесте молитвы, его несут «ангелы летящие» (в тексте Канона: «молим Тя... снити

¹¹ См. Ис. 8: 8–10, 13–14; 9–6. У Ремезова эта цитата воспроизведена в ст. [55] 63. Она широко используется и в других сибирских летописях в описании побед Ермака: в Погодинском летописце [ПСРЛ, 1987, с. 131; Дергачева-Скоп, 1992, с. 72], в Есиповской летописи [ПСРЛ, 1987, с. 53, 83, 92, 110, 122], в Строгановской летописи [Дергачева-Скоп, 1992, с. 140].

¹² Цит. по: [Канонник, 1636, л. 374 – 390 об.] (далее в тексте в круглых скобках номер листа издания) по экземпляру Томского собрания ГПНТБ СО РАН ОК.П.17. Курсив в цитатах из Канонника – Е. Д.-С. Разночтения при необходимости указываются по публикации рукописи Кирилла Белозерского 1407 г.: «Канон, певаем за князя и за воя его в сретение ратных» [Прохоров, 1983, с. 289–292].

с рабы Своими во время снятия со враги»). Этот жест – «внешний знак преподавания благодати Св. Духа», знак заступничества, передающий «напряжение теургической силы, от которого должны расточиться враги...» [Аверинцев, 1972, с. 46]. Жест описан в Библии (Исх. 17: 9–12): «“Завтра я стану на вершине холма, и жезл Божий будет в руке моей” ... И когда Моисей поднимал руки, одолевал Израиль... И были руки его подняты до захождения солнца» (Ср.: в тропаре 8 песни Канона: «Рукою крепкою Моисевою, яко же древле спасл еси люди Своя, Щедре...»).

Рис. 1. Рисунок Ремезова к статье [41] 45
Fig. 1. The Remezov's drawing for the article [41] 45

Бесчисленное количество стрел, «*аки дожда с горы на струги*», пролетают на рисунке мимо казаков, которые за знаменем «погребли по берегу тому»¹³. Это первое знамение после молебна казаков. Ряд иконический в указанных фрагментах «Истории Сибирской», несомненно, связан с текстом Канона (С. У. Ремезов здесь через рисунки реализует избранную им для обеспечения символической константы повествования «скрытую цитату»).

II

В ст. [42] 46; [45] 53 «Истории Сибирской» уже не только реализуются в рисунках, но звучат и в самом тексте символические строки тропарей того же Канона:

IV.3. В час, Владыко, брани
явися, десница ополчая
иже на Тя уповающих
всегда, съсецы главы
агаряньския крепце (л. 378 об.)

VI.1. Един мановением
възнося и смиряя,
всех Цесарю невидимыи
злочестивыя поверзи (въверзи) крепко
и рог возвыси правовернаго
царя нашего... (л. 379 об.)

В тексте (ст. [42] 46) Ремезов описывает видение, представшее перед «бусурманами»: «*Царь велий и прекрасный зело во свете велице и мнози вооружении воины летяще на крылех и несущаго престол Его на плещу свою дивне, и грозяще им Царь, в левой же обнаженный мечь имуще на ня*» (рис. 2), как бы во осуществление просьбы к Владыке, сформулированной в тропарях Канона: «*явися десница ополчая <...> ссецы главы агаряньския крепце*», «*злочестивыя поверзи (рпкп. – въверзи) крепко*».

В ст. [45] 53 (рис. 3) изображены атаман Ермак и казаки перед иконой Спаса Вседержителя с благословляющим жестом правой руки и открытым Евангелием в левой. В тексте этой статьи «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: «*да с Ним возвыситца и прославитца в концех христианский рог и Божия десница царю верну прострется*» – звучит тема тропаря шестой песни всё того же Канона (ср. тропарь: «*Един мановением възнося и смиряя, всех Цесарю невидимыи <...> рог возвыси правовернаго царя нашего...*»).

---

¹³ Ср.: «Посли стрелы Своя, Господи, и смятение сотвори врагом нашим...». Эта цитата из новой редакции конца 70-х гг. XVII в. «молебного пения» (текст обнаружен мной в рукописи с «Уветом духовным» Афанасия Холмогорского (РГБ, собр. Барс. 653, л. 194 об.), рукопись – возможный автограф архиепископа Афанасия). Последний по своему социальному происхождению был из того же служилого «сословия» Сибири, что и С. У. Ремезов. В рукописи арх. Афанасия новая редакция носит название «Последование молебного пения <...> певаемого вовремя брани против сопостатов» и представляет собой подготовительные материалы для издания 1678 г. «Молебного пения, певаемого во время брани» [Зернова, 1958, с. 104, № 351]. (В Каноне патриарха Филофея «на поганах» есть упоминание стрел: «Стрелы... бурю ныне обстоим град твой».)

*Рис. 2. Фрагмент иллюстрации Ремезова к статье [42] 46
(см. также рис. 1, правая часть рисунка)*

*Fig. 2. The fragment of Remezov's illustration for the article [42] 46
(see also Fig. 1, right section)*

Рис. 3. Фрагмент иллюстрации Ремезова к статье [45] 53

Fig. 3. The fragment of Remezov's illustration for the article [45] 53

Г. М. Прохоров считает, что первые исполнения этого Канона связаны были с событиями 1380 г. – победой русских на Куликовом поле [Прохоров, 1983, с. 287]. Отмечу, что литературные выборки С. У. Ремезова для обновления «Истории Сибирской» кроме корректируемых собственно Канонам содержат и рассказ об одном из эпизодов Куликовской битвы (ст. [24 к] 143, [25 к] 144)¹⁴. Делая выписки из Кунгурского летописца и подбирая исторические и современные тексты – аналогии к событиям взятия Сибири, автор, возможно, пользуется «подсказками» рукописного варианта канона, близкого к «*Канону, певаему за князя и за воя его*». В литературных параллелях к новому варианту «Истории Сибирской» он размещает выписки из русских исторических сочинений *о великом цесаре Константине*, победившем булгар, *о царе греческом Мануиле*, выступившем против сарацин, *о Якове Нисевийском*, спасшем молитвами город от нашествия Савория царя персов и др. В конце XVII в. и в Новом времени тексты молебна и канона редактировались. Старый «Канон... за князя и за воя его...» [Прохоров, 1983, с. 289–292] содержит после 6-й песни кондак, глас 1: «*Оружие крестное в бранех иногда явися цесареви верьному Константину непобедимая победа на врагы веры ради...*»; а после 9-й песни, светильна и богородична – «*стихиры. Глас 8. Подобен «О преславное...»: «Не яростию Твоею, Милосерде... кающаяся приими, яко древле Ниневгитяны, страстами многыми и поганьскыя находы зле уязвляемы неисцельно*». Вариант издания [Канонник, 1636] заменяет эти тексты на другие (кондак, глас 4, подобен: «*Вознесыися на Крест*»; стихиры, глас 4, подобен: «*Свыше зван...*»)¹⁵. Примечательно то, что С. У. Ремезов знает именно старую традицию текста канона-молебна, как говорилось выше, известную с времен Куликовской битвы.

Следует также сказать, что этот Канон не только в представленных выше фрагментах текста формирует дополнительное литературное пространство. По концепции Ремезова, богоизбранность Ермака в его миссии несомненна, а потому характеристику силы своего персонажа Ремезов заимствует из того же «Канона, певаема за князя и за воя его в сретение ратных». Здесь в песни 4 после ирмоса «Христос мне сила...» исполняется тропарь, имеющий уподобление: «Яко же древле Самсону / силу вложил еси... / и тако укрепи нас / погубити врагы наша» [Прохоров, 1983, с. 290]. Ср. у Ремезова: «*Велий Господь Богъ наш христианский, еже подает рабом Своим от рожьдения, яко ж Самсону, исполинство, тако Ерману Тимофееву сыну Поволскому даде силу, спех и храбрость смлада во единство сердца и вседушно храбрѣствовати*» (ст. 2). Если бы в других случаях не была открыта прямая связь с текстом канона-молебна, то можно было бы искать эту параллель непосредственно в библейском тексте или литературных житиях русских князей, однако здесь связь с Канонам несомненна.

¹⁴ С. У. Ремезов выписывает рассказ из Синописа Иннокентия Гизеля [Синопис, 1680, с. 155–156].

¹⁵ В более позднее время молебное пение «за императора и за люди во время брани против супостатов» совершалось без Канона. В современном «Чине освящения воинского знамения и воем благословение на брань», который исполняется с канонам, но без ирмосов, а также «в день Рождества Христова в благодарственном молебне в воспоминание избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ним двадцати языков поется пророчество св. пророка Исайи: “С нами Бог, разумеете языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог”» [Никольский, 1907, с. 836].

С. У. Ремезов, владевший искусством изготовления знамен, в иллюстрациях к ст. [40] 44 (рис. 4); [41] 45 (рис. 5); [42] 46 (см. рис. 2) «Истории Сибирской» помещает 10 знамен с разнообразными сюжетами: Спас на престоле, Спас Вседержитель, Николай чудотворец (см. комментарий к ст. [39] 43); Крест «о семи степенях» с копьем и тростью и без последних; «Чудо Георгия о змие» (краткий тип композиции – см., например: [Антонова, Мнева, 1963, с. 108, № 45]); Архангел Михаил (2 иконографических варианта – о них см. комментарий к ст. [33] 37).

Рис. 4. Иллюстрации Ремезова к статьям [39] 43 и [40] 44
Fig. 4. The Remezov's illustrations for the articles [39] 43 and [40] 44

Рис. 5. Фрагмент иллюстрации Ремезова к статье [41] 45
Fig. 5. The fragment of Remezov's illustration for the article [41] 45

Номенклатура изображений на сотенных и полковых знаменах, представленная в «Истории Сибирской» соответствует «святым заступникам», к которым обращены тропари канона молебна «за царя и за люди, внегда исходити противу ратным». На полковых и сотенных знаменах изображены Спас, Богородица, Крест, архистратиг Михаил, святитель Николай в тропарях «Крестом Ти погуби агаряны, Боже...»; «Небесным чиномачальниче, Михаиле, воем посреди нас молящихъ ти ся, приди верно во время брани вражъя...»; «Николае святой, победу дати крепко царю нашему славне, покаяря сих лукавая и безбожная шатания священными к Зиждителю ходатайствы...» и пр. [Канонник, 1636, л. 377 об., 379 об. – 380].

Текст песнопений канона молебна выполняет роль фундирующего концепцию повествования. Он потаен, скрыт, на взгляд непосвященного, но обнажен для «своей» аудитории. «Потаенное присутствие» в средневековом русском литературном тексте древнерусской литургической традиции, по которому, я бы сказала, прописывается, как по прописи, вновь создаваемое произведение, часто обязательно, но описание конкретных форм «присутствия» не всегда возможно. Данный случай пока уникален.

Список литературы

Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство: художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 25–49.

Алексеев В. Н. Рисунки «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (проблемы атрибуции) // Древнерусское искусство: рукописная книга. М.: Наука, 1974. Сб. 2. С. 175–196.

Алексеев В. Н. Рукопись «Истории Сибирской» С. У. Ремезова: к проблеме художественного единства // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л.: Наука, 1987. С. 94–112.

Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI–XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации: В 2 т. / Государственная Третьяковская галерея. М.: Искусство, 1963. Т. 1. 394 с.

Герчук Ю. Я. С. У. Ремезов. На пути из Средневековья в Новое время // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX века. К 360-летию со дня рождения С. У. Ремезова (1642–2002) / Под ред. Е. И. Дергачевой-Скоп, В. Н. Алексеева. Tobolsk, 2005. С. 27–39. (Серия «Книга и литература»)

Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в.: Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1965а. 152 с.

Дергачева-Скоп Е. И. С. У. Ремезов и его «История Сибирская»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965б. 18 с.

Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1971. С. 48–70.

Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 2 // Проблемы литературы Сибири XVII–XX вв. (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1974. С. 5–23.

Дергачева-Скоп Е. И. Летописи сибирские. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1992. 272 с.

Дергачева-Скоп Е. И. Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст – контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, № 1: Филология. С. 3–12.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «История Сибирская» (Повествовательное пространство и повествовательная достоверность) // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики). Новосибирск: НГУ, 2004а. Вып. 1. С. 67–84.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «Философии разных наук употребляющий...»: Семен Ремезов – тобольский просветитель XVII века // Тобольск и вся Сибирь: Альманах. Тобольск, 2004б. № 1. С. 135–172.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взал...» (одна из трансформаций жанра воинских повестей в XVII в.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.: Сб. науч. тр.. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005а. С. 134–152. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 24)

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись: история открытия, рукописи, издания // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX века. К 360-летию со дня рождения С. У. Ремезова (1642–2002) / Под ред. Е. И. Дергачевой-Скоп, В. Н. Алексеева. Тобольск, 2005б. С. 41–70. (Серия «Книга и литература»)

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись: «История Сибирская», «Летопись Сибирская краткая Кунгурская»: Монография: В 2 т. / Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Библиотеки Российской академии наук. Тобольск, 2006. Т. 1: Факсимильное воспроизведение Ремезовской летописи. 39 л.; Т. 2: Исследование. Текст и перевод. 267 с.

Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII. М.: ГБЛ, 1958. 151 с.

Канонник. М.: Печатный двор, 14.IV.1636. 488 л.

Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 161–166.

Никольский К. Пособие к изучению устава Богослужения Православной церкви. СПб., 1907. 902 с.

Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. 605 с.

Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х – 70-х годов XVI в. М.: Наука, 1972. 198 с.

Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1972. Т. 27: История жанров в русской литературе X–XVII вв. С. 120–149.

Прохоров Г. М. Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1983. Т. 37: История жанров в русской литературе X–XVII вв. С. 286–304.

Ремезов С. У. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского и К°, 1880. 39 л.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей / Ред. коллегия: акад. А. П. Окладников, акад. Б. А. Рыбаков, В. И. Буганов и др., подгот. текстов: В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп, Е. К. Ромодановская и др., предисл.: Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская, палеографическое описание: Л. М. Костюхина, Н. А. Дво-

репская. М.: Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. 384 с.

Синопис, или краткое собрание от разных летописцев. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1680. 226 с.

Требник мирской. М.: Печатный двор, 20.VII.1639. 668 л.

References

Alekseev V. N. Risunki “Istorii Sibirskoy” S. U. Remezova (problemy atributsii) [Drawings from “History of Siberia” by S. U. Remezov (problems of attribution)]. In: *Drevnerusskoe iskusstvo: Rukopisnaya kniga* [Old Russian art: Manuscript book]. Moscow, Nauka, 1974, coll. 2, pp. 175–196.

Alekseev V. N. Rukopis’ “Istorii Sibirskoy” S. U. Remezova. (K probleme khudozhestvennogo edinstva) [Manuscript of “Siberian history” by S. U. Remezov. (On the problem of artistic unity)]. In: *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisnoi i redkoi knigi* [Materials and reports on the funds of the Department of Manuscripts and Rare Books]. 1985, Nauka, 1987, pp. 94–112.

Antonova V. I., Mneva N. E. *Katalog drevnerusskoy zhivopisi 11–18 vv. Opyt istoriko-khudozhestvennoy klassifikatsii: V 2 t.* [Catalog of ancient Russian painting of the 11th–18th centuries. Experience of historical and artistic classification: In 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo, 1963, vol. 1, 394 p.

Averintsev S. S. K uyasneniyu smysla nadpisi nad konkhoy tsentral’noy apsidy Sofii Kievskoy [Towards an understanding of the meaning of the inscription above the conch of the central apse of St. Sophia of Kyiv]. In: *Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennaya kul’tura domongol’skoi Rusi* [Old Russian art: Artistic culture of pre-Mongol Rus’]. Moscow, 1972, pp. 25–49.

Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. “Istoriya Sibirskaya” (Povestvovatel’noe prostranstvo i povestvovatel’naya dostovernost’) [“Siberian History” (Narrative space and narrative accuracy)]. In: *Τέχνη γραμματικῆ (Iskusstvo grammatiki)* [Technē Grammatikē (The Art of Grammar)]. Novosibirsk, NSU, 2004a, iss. 1, pp. 67–84.

Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. “Filosofii raznykh nauk upotreblayushchii...”: Semen Remezov – tobol’skii prosvetitel’ 17 veka [“Using the philosophies of various sciences...”: Semyon Remezov – Tobolsk enlightener of the 17th century]. In: *Tobol’sk i vsya Sibir’* [Tobolsk and all Siberia]. Tobolsk, 2004b, no. 1, pp. 135–172.

Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. “Zhitie Ermakovo, kak Sibir’ vzal...” (odna iz transformatsii zhanra voinskikh povestei v 17 v.) [“Life of Ermak, how Siberia took over...” (one of the transformations of the genre of military tales in the 17th century)]. In: *Obshchestvennaya mysl’ i traditsii russkoi dukhovnoi kul’tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh 16–20 vv.: sb. nauchn. tr.* [Social thought and traditions of Russian spiritual culture in historical and literary monuments of the 16th–20th centuries: collection of scientific works]. Novosibirsk, SB RAS, 2005a, pp. 134–152. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri [Archeography and source studies of Siberia]; Iss. 24)

Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. *Remezovskaya letopis’*: “Istoriya Sibirskaya”, “Letopis’ Sibirskaya kratkaya Kungurskaya”: Monografiya: V 2 t. [Remezov’s Chronicle: “Siberian History,” “Siberian Brief Kungur Chronicle”: Monograph. Research. In 2 vols.]. Tobolsk, 2006, vol. 1: Faksimil’noe vosproizvedenie Remezovskoy letopisi [Facsimile reproduction of the Remezov Chronicle], 39 p.; vol. 2: Issledovanie. Tekst i perevod [Research. Text and translation], 267 p.

Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. Remezovskaya letopis': istoriya otkrytiya, rukopisi, izdaniya [Remezov's Chronicle: history of discovery, manuscripts, publications]. In: *Semen Remezov i russkaya kul'tura vtoroi poloviny 17 – 19 vekov. K 360-letiyu so dnya rozhdeniya S. U. Remezova (1642–2002)* [Semyon Remezov and Russian culture of the second half of the 17th – 19th centuries. In honor of the 360th anniversary of the birth of S.U. Remezov (1642–2002)]. Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. (Eds.). Tobolsk, 2005b, pp. 41–70. (Series “Kniga i literatura” [“Book and Literature”])

Dergacheva-Skop E. I. *Iz istorii literatury Urala i Sibiri 17 v.* [From the history of literature of the Urals and Siberia of the 17th century]. Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd., 1965a, 153 p.

Dergacheva-Skop E. I. *Letopisi sibirskie* [Chronicles of Siberia]. Novosibirsk, Novosib. kKn. izd., 1992, 272 p.

Dergacheva-Skop E. I. S. U. Remezov i ego “Istoriya Sibirskaya” [S. U. Remezov and his “Siberian History”]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Leningrad, 1965b, 18 p.

Dergacheva-Skop E. I. Sibirskie letopisi v istoricheskoy proze 17 veka: tekst–kontekst [Siberian chronicles in historical prose of the 17th century: text – context]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2002, vol. 1, no. 1: Philology, pp. 3–1.

Dergacheva-Skop E. I. Zametki o zhanre “Istorii Sibirskoy” S. U. Remezova. Stat'ya 1 [Notes on the genre of “Siberian History” by S. U. Remezov. Article 1]. In: *Voprosy russkoi i sovetskoi literatury Sibiri (Materialy k “Istorii russkoi literatury Sibiri”)* [Questions of Russian and Soviet literature of Siberia (Materials for the “History of Russian Literature of Siberia”)]. Novosibirsk, 1971, pp. 48–70.

Dergacheva-Skop E. I. Zametki o zhanre “Istorii Sibirskoy” S. U. Remezova. Stat'ya 2 [Notes on the genre of “Siberian History” by S. U. Remezov. Article 2]. In: *Problemy literatury Sibiri 17–20 vv. (Materialy k “Istorii russkoi literatury Sibiri”)* [Problems of literature of Siberia in the 17th–20th centuries. (Materials for the “History of Russian Literature of Siberia”)]. Novosibirsk, 1974, pp. 5–23.

Gerchuk Yu. Ya. S. U. Remezov. Na puti iz Srednevekov'ya v Novoe vremya [S. U. Remezov. On the way from the Middle Ages to the Modern Era]. In: *Semen Remezov i russkaya kul'tura vtoroi poloviny 17 – 19 vekov. K 360-letiyu so dnya rozhdeniya S. U. Remezova (1642–2002)* [Semyon Remezov and Russian culture of the second half of the 17th – 19th centuries. In honor of the 360th anniversary of the birth of S. U. Remezov (1642–2002)]. Dergacheva-Skop E. I., Alekseev V. N. (Eds.). Tobolsk, 2005, pp. 27–39. (Series “Kniga i literatura” [“Book and Literature”])

Kanonnik [Book of Canons]. Moscow, Pechatnyy dvor, 14.IV.1636, 488 sh.

Lotman Yu. M. Tekst i struktura auditorii [Text and audience structure]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: V 3-kh t.* [Selected articles: In 3 vols.]. Tallin, 1992, vol. 1: Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Articles on semiotics and topology of culture], pp. 161–166.

Nikolsky K. *Posobie k izucheniyu ustava Bogoslužheniya Pravoslavnoy tserkvi* [A manual for the study of the Typica of Divine services of the Orthodox Church]. St. Petersburg, 1907, 902 p.

Ocherki russkoy literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, vol. 1: Dorevolutsionnyy period [Pre-revolutionary period], pp. 95–106.

Podobedova O. I. *Mosrovskaya shkola zhivopisi pri Ivane IV. Raboty v Moskovskom Kremlе 40-kh – 70-kh godov XVI v.* [The Moscow School of Painting under Ivan IV. Works in the Moscow Kremlin from the 1540s to the 1570s]. Moscow, Nauka, 1972, 198 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. Acad. A. P. Okladnikov, Acad. B. A. Rybakov, V. I. Buganov and others (Eds.), V. N. Alekseev, E. I. Dergacheva-Skop, E. K. Romodanovskaya and others (Text prep.), N. N. Pokrovsky, E. K. Romodanovskaya (Preface), L. M. Kostyukhina, N. A. Dvoretetskaya (Paleographic description). Moscow, Nauka, 1987, vol. 36: *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles], pt. 1: *Gruppa Esipovskoy letopisi* [Group of the Esipov Chronicle], 384 p.

Prokhorov G. M. Gimny na ratnye temy epokhi Kulikovskoy bitvy [Hymns on military themes of the era of the Battle of Kulikovo]. In: *TODRL* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, 1983, vol. 37: *Istoriya zhanrov v russkoy literature 10–17 vv.* [History of genres in Russian literature of the 10th–17th centuries], pp. 286–304.

Prokhorov G. M. K istorii liturgicheskoy poezii: gimny i molitvy patriarkha Filofeya Kokkina [On the history of liturgical poetry: hymns and prayers of Patriarch Filofey Kokkin]. In: *TODRL* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, 1972, vol. 27: *Istoriya zhanrov v russkoy literature 10–17 vv.* [History of genres in Russian literature of the 10th–17th centuries], pp. 120–149.

Remezov S. U. *Kratkaya Sibirskaya letopis' (Kungurskaya) so 154 risunkami* [Brief Siberian Chronicle (Kungur) with 154 drawings]. St. Petersburg, Tip. F. G. Eleonskogo i K^o, 1880, 39 p.

Sinopsis, ili kratkoe sobranie ot raznykh letopistsev [Synopsis, or a brief collection from various chroniclers]. Kyiv, Tip. Kievo-Pecherskoy Lavry, 1680, 226 p.

Trebnik mirskoy [Euchologion]. Moscow, Pechatnyy dvor, 20.VII.1639 668 sh.

Zernova A. S. *Knigi kirillovskoy pechati, izdannye v Moskve v 16–17* [Books of the Cyrillic print, published in Moscow in the 16th–17th centuries]. Moscow, GBL, 1958, 151 p.

Информация об авторе

Елена Ивановна Дергачева-Скоп (1937–2022), доктор филологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Elena Ivanovna Dergacheva-Skop (1937–2022), Doctor of Philology, Professor, Novosibirsk State University, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 27.02.2025;

одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 10.03.2025

The article was submitted on 27.02.2025;

approved after reviewing on 10.03.2025; accepted for publication on 10.03.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3

Научная статья

УДК 821.161.1+82.0

DOI 10.17223/18137083/92/4

«Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского: традиции Bildungsroman и «работа над ошибками»

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

На материале романа «Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского реконструируется история Bildungsroman в русской литературе. Проанализированы и описаны претексты романа, связанные с западноевропейской традицией и ее вариациями в русской литературе, в том числе дебютный роман П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу». Показано, что, несмотря на «исторический» план сюжета, связанный с созданием эпической дистанции, отделяющей читателя от времени 1840-х гг., Писемский учитывал полемику, развернувшуюся вокруг романов его современников: «Некуда» Н. С. Лескова «Дым» И. С. Тургенева, «Обрыв» И. А. Гончарова. Важнейший слой романа составляет и «работа над ошибками», заключающаяся в переосмыслении художественных и идеологических установок, ранее реализованных в романе «Взбаламученное море». В статье предложено прочтение романа как суммы предшествующих произведений писателя, который вслед за «Жизнью Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса и «Обрывом» И. А. Гончарова предвосхищает рождение метаромана.

Ключевые слова

русская литература XIX века, Писемский, Боборыкин, история романа, роман воспитания, спациопэтика, вторичность и альтернативность

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации гранта № 24-18-00856, <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, ИРЛИ РАН

Для цитирования

Козлов А. Е. «Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского: традиции Bildungsroman и «работа над ошибками» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 62–77. DOI 10.17223/18137083/92/4

© Козлов А. Е., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 62–77

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 62–77

“People of the Forties” by Aleksey Pisemsky: Bildungsroman traditions and “working on mistakes”

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

This paper endeavors to reconstruct the history of the Bildungsroman in Russian literature, employing the novel “Lyudi sorokovykh godov” (“People of the Forties”) by Aleksey Pisemsky as a case study. This study offers an analysis and description of the pretexts of the novel as they relate to the Western European heritage and its adaptations in Russian literature, including the novel “V put’-dorogu” (“On the Road”) by Pyotr Boborykin. The analysis reveals the “historical” framework of the plot designed to create an epic separation between the reader and the 1840s. At the same time, Pisemsky addresses the controversies emerging from the novels of his contemporaries: “Nekuda” (“Nowhere”) by Nikolai Leskov, “Dym” (“The Smoke”) by Ivan Turgenev, and “Obryv” (“The Cliff”) by Ivan Goncharov. The fourth part of the novel is examined in relation to the supposed prototypes: Alexander Herzen, Mikhail Saltykov-Shchedrin, Nikolai Danilevsky. Pisemsky is shown to overcome the established monopoly in representing the people of the forties, which elicited negative reactions from critics and contemporaries. A key aspect of the novel involves “working on past mistakes”, specifically reevaluating the artistic and ideological viewpoints expressed in the novel “Vzbalamuchennoe more” (“The Turbulent Sea”). In the novel under study, Pisemsky significantly diminishes the accusatory tone, highlighting moderate liberal figures rather than exaggerated radical ones. This paper suggests interpreting the novel as a sum of the writer’s previous works foreshadowing the development of the meta-novel, following “The Life of David Copperfield” by Charles Dickens and “The Cliff” by Ivan Goncharov.

Keywords

Russian literature of the 19th century, Pisemsky, Boborykin, history of the novel, educational novel, spatial poetics, secondary and alternative

Acknowledgments

The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), no. 24-18-00856, <https://rscf.ru/project/24-18-00856/>, Institute of Russian Literature RAS

For citation

Kozlov A. E. “People of the Forties” by Aleksey Pisemsky: Bildungsroman traditions and “working on mistakes”. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 62–77. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/4

Среди сюжетных модификаций романа в русской литературе XIX в. особое место занимает роман воспитания, или Bildungsroman [Краснощекова, 2008; Сарана, 2018]. Ориентированный на «Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гёте и «Генриха фон Офтердингена» Новалиса, роман воспитания нашел отражение и в фикциональной, и в мемуарной прозе. Особого развития эта жанровая модификация достигает в соединении с романом карьеры. «Красное и черное» Стендаля и «Утраченные иллюзии» О. де Бальзака вместе с множеством эпигонских произведений, развивающих магистральный сюжет, часто связанный со злоключениями романтического провинциала, обуславливают сюжетосложение «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова и «Записок одного молодого человека» А. И. Герцена. Для второй половины XIX в. определяющим стало появление

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3

«Жизни Дэвида Копперфилда, описанной им самим» – ключевого произведения Ч. Диккенса, в котором определилась завязь метаромана. Аранжированная множеством ретроспекций история *положительно хорошего человека*, постепенно осознающего себя писателем, непосредственным образом отразилась в поэтике знаменитой трилогии Л. Н. Толстого, поздних романах И. А. Гончарова, в «Униженных и оскорбленных» и «Подростке» Ф. М. Достоевского, «Былом и думах» А. И. Герцена.

Несмотря на то что 1860-е гг. рассматриваются традиционно как время полемики романа [Старыгина, 2003], можно констатировать, что сюжетный фонд и связанные с ним жанровые вариации не исчерпываются социально-политическими дебатами. Так, в тени «антинигилистического» романа («Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Некуда» Н. С. Лескова, «Марево» В. С. Ключникова) остался дебютный роман П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу». Сочетающий автобиографические черты с общелитературными¹, этот роман подчиняется логике сюжета инициации: Борис Телепнев последовательно проходит испытания в родном городе Н. (Нижем Новгороде) и двух городах своего студенчества: К. (Казань) и Д. (Дерпт)². Тернарная композиция романа определяет свойства пространства: Н. и К. воспроизводят усредненный образ провинциального города (сказался интерес Боборыкина к «Губернским очеркам» М. Е. Салтыкова-Щедрина³), а Д. предстает пространством финальной инициации, связанной с обретением подлинной любви.

Заслуживают внимания обстоятельства публикации романа. Боборыкин дебютировал в «Библиотеке для чтения» пьесой «Однодворец» в 1860 г., после чего стал помещать в этом журнале фельетоны под псевдонимом *Петр Нескажусь*. «В путь-дорогу», не вызвавший серьезного обсуждения критики и не замеченный на фоне «Отцов и детей» И. С. Тургенева, оказал «Библиотеке для чтения» услугу: это был регулярно публикуемый роман с продолжением (1862–1864), который позволял держать готовый материал в портфеле редакции. Тем не менее журнал, скомпрометированный фельетонами А. Ф. Писемского и памфлетным романом Н. С. Лескова «Некуда», терял читателей. В 1863 г. издававший «Библиотеку...» Писемский уступил убыточный журнал Боборыкину. Новый редактор и издатель, из штатного сотрудника превратившийся в его «распорядителя», пытался вдохнуть жизнь в издание, однако скандал, вызванный романом «Некуда», который критика называла «продолжением „Взбаламученного моря“», привел его сотрудников к ostracismu, а журнал – к разорению и банкротству. Таким образом, три беллетриста «Библиотеки для чтения»: Писемский, Боборыкин и Лесков, – совершили сходную ошибку, отразившуюся на их литературной репутации.

Исходя из общности «платформы», можно предположить, что роман «В путь-дорогу» читался и обсуждался его сотрудниками. Так, тернарная композиция ро-

---

¹ Сам писатель впоследствии так характеризовал свой опыт: «...когда я писал этот роман, я еще близко стоял ко времени моей юности. Краски наложены, быть может, гуще, чем бы я это сделал теперь. В общем верно, но полной объективности еще нет» (Боборыкин, 1965, т. 1, с. 209).

² В Дерпте Боборыкин входил в студенческую корпорацию «Рутения», участвовал в деятельности студенческого кружка, в котором, по собственным воспоминаниям, среди прочего делал доклад о «Губернских очерках» (Боборыкин, 1965, т. 1, с. 181).

³ Влияние «Губернских очерков» нашло отражение в ранних фельетонах писателя.

мана «Некуда», название которого антонимично названию романа Боборыкина⁴, и отчетливый автобиографизм, связанный с путешествием доктора Розанова из города Н. через Москву в Санкт-Петербург, демонстрируют «странные сближения» двух произведений. Близость контекста позволяет также считать вероятным обращение к роману Писемского, искавшего новую тему для творчества, способную заглушить скандал, разразившийся в первой половине 1860-х гг. В этом контексте роман «Люди сороковых годов», сосредоточенный на идентичности прогрессивного писателя, чьи взгляды и убеждения сформировались вдали от Петербурга под влиянием Московского университета, полностью отвечал взглядам и убеждениям редакции [Тимашова, 1991; Синякова, 2009; Андреева, 2021].

Роман появился на страницах журнала «Заря», став, наряду со статьей Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», программной вещью издания. Издатель журнала В. В. Кашпирев и его ведущий критик Н. Н. Страхов пытались представить «Зарю» как орган славянофильской печати, преемника проектов М. П. Погодина – сборника «Утро» и журнала «Москвитянин». Вероятно, по этой причине роман, принесший автору более 10 000 рублей⁵, вызвал негативную оценку со стороны критиков демократического направления [Кириченко, 2025]. «Г-н Писемский при всех своих способностях далеко не мыслитель, и претензия его рисовать широкие, всероссийские картины вовсе не соответствует его силе анализа и способности понимать верно исторический смысл явлений»⁶, – писал Н. В. Шелгунов. В своей критической статье он отметил несоответствие выбранных писателем провинциальных типов напряженному периоду интеллектуальных поисков 1840-х гг. Порицая «утонувшего в тине “Взбаламученного моря”» и «дописавшегося до “Зари”» Писемского, С. С. Окрейц отреагировал на произведение более жестко: «Люди сороковых годов, вероятно, сочинялись г. Писемским не более сорока дней. Весь роман дает чувствовать, что это работа вялого поденного труда, писанная в виду векселей г. Кашпирева и без всякого искреннего участия автора в своем произведении. Все в нем перепутано и насильственно сделано» (Окрейц, 1869, с. 75). Симптоматично, что несогласные с концепцией романа

---

⁴ Знаменательно замечание А. Н. Веселовского: «Г. Боборыкин пишет для большой публики, просторно и дискурсивно рьяно и плодовито, как сам он о ком-то выразился... как будто ищет пути или желает кого-то убедить» [Веселовский, 1900, с. 1011]. Соотнесение творческого процесса с поиском пути актуализирует дискурсивные коннотации романа.

⁵ Оценки гонорара Писемского за роман разнятся от 5 000 (Страхов) до 12 000 рублей (Шелгунов). Отметим, что верхнее значение едва ли является правдоподобным и продиктовано сравнением Писемского и Гончарова.

⁶ См. (Шелгунов, 1869, с. 3). И далее: «Г-н Писемский же маляр, хотя искусный, а все-таки маляр, немедленно стушевывающийся, когда приходится рисовать живых людей с печатью мысли и чувства на лице. “Разговоры в этих случаях происходили между ними самые задушевные” – вот и догадывайтесь, что это значит! Ведь теорию такого авторского лаконизма, рассчитанного на сообразительность читателя, можно довести до истинно гениальной краткости. Я предполагаю такой случай. Редакция “Зари” получает пакет с надписью: “От Писемского”. Трепещущими от восторга и умиления руками г. Кашпирев срывает печать, извлекает лист белой бумаги и читает:

“Люди сороковых годов”. Роман.

.....

А. Писемский.

И только. Конечно, за такой роман тысяч пять не дадут; но зато какое поле деятельности для сообразительности читателя! Г-н Писемский, будьте гениальны, – пожалуйста, пишите только подобные романы!» (Там же).

обозреватели увидели в сюжете произведения своеобразную попытку опровергнуть сформировавшуюся монополию на определенный образ поколения 1840-х гг. [Калугин, Мовнина, 2024].

Сам Писемский подчеркивал: «...я в романе моем теперь дошел до того, чтобы группировать и поименовывать перед читателем те положительные и хорошие стороны *русского человека*, которые я в массе фактов разбросал по всему роману, о том же или почти о том же самом приходится говорить и Данилевскому, как это можно судить по ходу его статей. Вы, кажется, знаете их содержание: не можете ли вы хоть вкратце намекнуть мне о тех идеалах, которые он полагает, живут в русском народе, и о тех нравственных силах, которые, по преимуществу, хранятся в русском народе, чтобы нам поспеться на этот предмет и дружнее ударить для выражения направления вашего журнала» (Писемский, 1936, с. 234).

Несмотря на такую «боевую декларацию», новый роман, в отличие от «Взбаламученного моря», во многом укладывался в существующую литературную традицию. Роман последовательно раскрывал историю детства, отрочества, юности и молодости Павла Вихрова. В этом отношении очевидно его сходство с романом П. Д. Боборыкина, трилогией Л. Н. Толстого и романной хроникой С. Т. Аксакова. Как и Телепнев, Вихров практически не знает своей матери, как и Иртеньев или Багров, переживает утрату близкого родственника в отрочестве. При этом Вихров воспитывается вдали от дома, и существенное влияние на формирование его взглядов оказывают учителя, однокашники, студенты, жильцы меблированных комнат. Не меньшую роль играют и люди из народа, особенно Макар Егорович, появление которого в романе предвосхищает Макара Долгорукова из романа Ф. М. Достоевского «Подросток».

Вопреки «взбаламученной словесности», первые части романа манифестировали отказ от остросоциального полемического романа. Исходя из жанровых возможностей исторического романа, Писемский уходит от злободневности в сторону хроники: роман охватывает период с 1830-х по 1860-е гг., наделяя прошедшее десятилетие, еще недавно осознаваемое как актуальное, свойствами завершенности, создавая абсолютную эпическую дистанцию (табл. 1).

Таблица 1

Хронологические границы романа

Table 1

Chronological boundaries of the novel

Экспозиция	Кульминация	Развязка
В начале 1830-х годов, в июле месяце, на балконе господского дома в усадьбе в Воздвиженском сидело несколько лиц. Вся картина, которая рождается при этом в воображении автора, носит на себе чисто уж исторический характер (Писемский, 1959, т. 4, с. 4).	1848 год был страшный для литературы. Много, что прежде считалось позволительным, стало казаться возмущающим, революционным, подкапывающим все основы государства; литераторов и издателей призывали и делали им внушения (Писемский, 1959, т. 5, с. 76) *.	Финальные слова Вихрова о Великих реформах и обороне Севастополя

* Далее цитируется по пятому тому с указанием страницы в круглых скобках.

Основными маркерами исторического времени становятся литература и театральная жизнь. В детстве Вихров читает сказки Екатерины II и романы Вальтер Скотта, в отрочестве он становится свидетелем спора отца с имеющим репутацию вольнодумца декабристом Александром Ивановичем Коптиным по поводу «Ревизора». Несколько позже студенты Московского университета возводят в кумир Печорина и спорят о Жорж Санд. Любовница Вихрова, прекрасно говорящая по-французски, читает по складам басни Крылова (по-видимому, в начале 1840-х гг.), а следующая прогрессивным взглядам Юлия Захаревская демонстрирует свою начитанность, опираясь на русские журналы (в конце 1840-х – начале 1850-х гг.). Не лишено интереса, что в романе несколько раз обсуждается сюжет «Евгения Онегина». Изначально его критикует Коптин, находя в развязке произведения неправдоподобную метаморфозу, постигшую героиню. К Коптину позднее присоединяется и Вихров, противопоставляющий ограниченности Татьяны свободу выбора героини Жорж Санд. При этом любовный треугольник, объединяющий Вихрова, Мари и генерала Эйсмонда, представляет собой произвольную вариацию на тему возможной измены Татьяны во имя любви, широко обсуждаемую в критике 1840–1860-х гг.

Содержательные дискуссии в романе вызывают статьи В. Г. Белинского и очерки И. С. Аксакова. В таком понимании истории Писемский приближается к Герцену, прямо писавшему о том, что вся мысленная деятельность сосредоточена в России в литературе ⁷, и одновременно к почвенникам – Страхову и Достоевскому ⁸.

Особого внимания в этом контексте заслуживает «вибрация фактуры» Вихрова [Журавлева, 2013]. Если первые три части мотивированы фазами образования и взросления героя, в характере которого угадываются черты Вильгельма Мейстера (увлечение театром и очарованность Миньонной) и *одного молодого человека* Герцена, сюжет четвертой – центральной – части связан со ссылкой в губернский город.

Над героем моим, только что выпорхнувшим на литературную арену, тоже разразилась беда: напечатанная повесть его наделала шуму, другой рассказ его остановили в корректуре и к кому-то и куда-то отправили; за ним самим, говорят, послан был фельдъегерь, чтобы привезти его в Петербург (с. 76).

Здесь в истории опального писателя с большой вероятностью соединяются сюжетно-биографические сценарии А. И. Герцена, Н. Я. Данилевского и М. Е. Сал-

---

⁷ «У народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» (Герцен, 1956, т. 7, с. 198).

⁸ Как писал критик журнала «Время», «наша родина, как известно, сторона печальная. Много мы ждем от неё впереди; есть у нас горячие симпатии к её неподвижным и глухим равнинам, и всё-таки мы с горечью оглядываемся назад: что мы построили, что создали? где наши памятники, где наша живая история? какие досадно темные и неопределенные ответы мы должны давать на эти вопросы! Но есть у нас один ответ ясный и вполне определенный: у нас уже есть литература; жизнь пробилась в ней светлую, текучую струю» (Страхов, 1861, с. 160). Судя по обилию гоголевских аллюзий, в создании статьи активное участие принимал и Ф. М. Достоевский.

тыкова-Щедрина⁹. Так, отношения Вихрова и губернатора, который беззащитно заводит в своем доме гарем, сближают эту коллизию с сюжетом «Былого и дум». Контраст бесчестному Тюфяеву составляет Александр Витберг, который, подобно Герцену, становится жертвой существующего политического режима и оказывается в ссылке по навету, ложному обвинению. Если в описании Тюфяева Герцен следовал жизненной канве своего антигероя (возможно, гиперболизируя и искажая отдельные детали), в повествовании о Витберге значительное внимание уделено его искусству – зодчеству – и задуманному, но никогда не построенному храму на Воробьевых горах¹⁰, который, «...как главный Догмат христианства, троиственен и неразделен» (Герцен, 1956, т. 8, с. 284). Плотской, нечистоплотной жизни губернатора через фигуру Витберга противопоставляется жизнь духовная:

Удивительный человек, он всю жизнь работал над своим проектом. Десять лет подсудимости он занимался только им; гонимый бедностью и нуждой в ссылке, он всякий день посвящал несколько часов своему храму. Он жил в нем, он не верил, что его не будут строить: воспоминания, утешения, слава – все было в этом портфеле артиста (Герцен, 1956, т. 8, 283).

В романе Писемского такое место отведено старшему Захаревскому, а также совестному судье [Козлов, 2025].

Тем не менее причиной ссылки Вихрова становится не резонансная студенческая история (описанная Герценом), а литературная деятельность, что роднит Вихрова с Щедриным. Многие современники Салтыкова отмечали внезапность его ареста и несправедливость судебного решения¹¹. Поскольку Салтыков не создал мемуаров, и этот жанр был ему мало органичен, отметим, что на службе Салтыков достиг значительных успехов и в отличие от Герцена сделал служебную карьеру (став в губернии практически вторым по значимости лицом). Ссылка дала Салтыкову-Щедрину богатый материал для обобщений, к которым он обращался в течение своей жизни¹² (табл. 2).

---

⁹ После окончания университета Писемский, действительно, несколько лет провел в Костроме. Однако это было его личное решение, принятое за 4 года до начала эпохи «мрачного семилетия».

¹⁰ Безусловно, сакральное для автора «Былого и дум» место, где молодой Герцен и его поэтический двойник Н. Огарев отдали свою клятву.

¹¹ В официально-деловом нарративе Салтыкова событие ссылки оценивается по-разному. В автобиографии 1858 г. ссылка заменяется эвфемизмом «перерыв в литературной деятельности» (Салтыков-Щедрин, 1975, т. 17, с. 466), в записке 1874 г. сообщается: «Начал службу в Канцелярии военного министра, продолжал в Вятском Губ<ернском> п<равле>нии» (Салтыков-Щедрин, 1975, т. 17, с. 467). Наконец, в автобиографическом письме, адресованном С. А. Венгерову, Салтыков-Щедрин, ослабляя автоцензуру, последовательно упоминает о ссылке, используя глаголы «выслан» и «сослан» (Салтыков-Щедрин, 1975, т. 17, с. 472).

¹² «Губернские очерки» прямо упоминаются во «Взбаламученном море»: «Русский вестник» уже выходил. Щедрин стал печатать свои очерки. По губерниям только поешивались и пошевелялись и почти со слезами на глазах говорили: “Ей-Богу, это ведь он нас учит, а мы и не умели никогда так плутовать!”» (Писемский, 1904, с. 808). О прецедентном характере щедринского цикла см.: [Русский реализм..., 2020].

Таблица 2

Сравнение «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина
и романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов»

Table 2

Comparison of “Gubernskie ocherki” (“Provincial Sketches”)
by Mikhail Saltykov-Shchedrin and “Lyudi sorokovykh godov” (“People
of the Forties”) by Aleksey Pisemsky

Губернские очерки	Люди сороковых годов
Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и переваривать ваши воспоминания <...> даже дороги дальше никуда нет, как будто здесь конец миру (Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 6).	<p>Что же я буду делать тут? – спрашивал я с отчаянием самого себя. Читать я не мог, да у меня и не было ни одной книжки. Служебного какого-нибудь дела мне, по моей неблагонадежности, вероятно, не доверят. Чем же я займу себя, несчастный! – восклицал я, и скука моя была так велика, что, несмотря на усталость, я сейчас же стал собираться ехать к Захаревским, чтобы хоть чем-нибудь себя занять (с. 16);</p> <p>Как романисту, мне, вероятно, никогда уже более не придется писать в жизни, а потому я хоть в письмах к вам буду практиковаться в сей любезной мне манере (с. 17)</p>

Как и автор «Губернских очерков», Вихров неоднократно сталкивается с арестантами, раскольниками, взяточниками, интервьюирует их, тем самым приближаясь к подлинной, а не воображаемой народности. Не имея возможности писать художественные тексты, он погружается в работу над служебной запиской о расколе и единоверцах.

...я все-таки еще бодрюсь и окунувшись теперь в российский раскол. Кузина, кузина! Какое это большое, громадное и поэтическое дело русской народной жизни. Кто не знает раскола в России, тот не знает совсем народа нашего. <...> Словом, когда я соберу эти сведения, я буду иметь полную картину раскола в нашей губернии, и потом все это, ездя по делам, я буду верить сам на месте. Это сторона, так сказать, статистическая, но у раскола есть еще история, об которой из уст ихних вряд ли что можно будет узнать, – нужны книги; а потому, кузина, умоляю вас, поезжайте во все книжные лавки и везде спрашивайте – нет ли книг об расколе; съездите в Публичную библиотеку и, если там что найдете, велите сейчас мне все переписать, как бы это сочинение велико ни было; если есть что-нибудь в иностранной литературе о нашем расколе, попросите Исакова выписать, но только, бога ради, – книг, книг об расколе, иначе я задохнусь без них (с. 204).

Не менее важным становится развитие театральной темы. Вихров, не сумевший воплотить свои актерские и режиссерские амбиции в Москве (там он репети-

рует «Ромео и Джульетту»), находит полное применение своих творческих сил в губернии, где готовит любительскую постановку «Гамлета». При комичной произвольности выбора действующих лиц (губернатор действует угрозами и шантажом, заставляя чиновников департамента стать актерами, и рассылает тексты для учения наизусть вместе с жандармом, что делает его похожим на городничего Сквозняка-Дмухановского) обращает на себя внимание выбор произведения и роли протагониста. Следует заметить, что в финале «Губернских очерков» рассказчик также сравнивает себя с Гамлетом:

«That is the question!» – сказал Гамлет, а Гамлет был отличный человек и не поладил с людьми потому только, что был слишком страстный сторонник правды... вот хоть бы как Перегоренский. Хороший был человек Гамлет, а заколол же его Лазрт! Так и тебя заколют, друг Перегоренский, и кто же заколет! тот самый злодей, которого ты называл рабом лукавым и прелюбодейным в просьбе, адресованной на имя его превосходительства, господина начальника губернии (Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 504).

Ключевое совпадение «Губернских очерков» с романом Писемского заключается в метафорическом представлении прошлых времен. Следуя «Мертвым душам» Гоголя, Щедрин завершает свое повествование похоронами. Проводы прошлых времен становятся ключевым метафизическим событием: «“Но кого же хоронят? Кого же хоронят?” – спрашиваю я, томимый каким-то тоскливым предчувствием. – “Прошлые времена хоронят!”» (Салтыков-Щедрин, 1965, т. 2, с. 467). Сходным образом в пятой части романа Писемского сформулировано понимание исторических изменений: «Про какие вы ветхие времена говорите!.. Ныне не то-с! Надобно являть в себе человека, сочувствующего всем предстоящим переменам, понимающего их, но в то же время не выпускающего из виду и другие государственные цели» (с. 305).

Наконец, третьим вероятным прототипом Вихрова становится автор программной статьи «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский. Как известно, обладая фундаментальной эрудицией, Данилевский примкнул к кружку русских фурьеристов [Егоров, 1973, Riasanovsky, 1953]. Однако после ареста петрашевцев Данилевский не только раскаялся в содеянном (мыслепреступлении), но и написал записку-опровержение, в которой утверждал, что фурьеризм не несет опасности для монархических устоев. Сосланный Данилевский находился в губернских канцеляриях, результатом чего стала подготовка материалов, посвященных климату и рельефу Вологды и Самары. Вероятно, упоминание Данилевского в связи с Вихровым, сделанное Писемским в письме к Кашпиреву, указывает не только на сходство их взглядов, но и на совпадение некоторых биографических обстоятельств.

Таким образом, не будучи фурьеристом или обличителем 1840-х гг., Писемский опирался на материал, щедро предоставленный произведениями его современников. В то же время, приближаясь к современности, роман обретает злободневность, демонстрируя переосмысление идеологических и социальных вопросов 1860-х гг. Основным источником притяжений и отталкиваний для Писемского становятся романы И. С. Тургенева: «Дворянское гнездо» и недавно опубликованный «Дым», на что указывает и вышеприведенная экспозиция произведения: вслед за Тургеневым, Писемский создает усадебный колорит, сравнивая общество с картиной. Poleмика с «Дымом» прослеживается во всем произведе-

нии: в беседе юного Вихрова и его наставника о московской и общерусской идентичности, в многочисленных разговорах Павла и Неведомова о женском вопросе и нравственности и, наконец, в финальной части, где обсуждается состоятельность славянофильского направления. Подобным образом роман Писемского опровергает ключевую для тургеневского романа сюжетную схему встречи с *la femme fatale*: заражаясь любовью и страстью, Вихров практически всегда находит возможность избавиться от опутавших его сетей. Эротические переживания и сексуальный опыт, как и у Боборыкина, маркируют некоторые этапы, но никогда не становятся определяющими. Таким образом, дискурс и сюжетосложение демонстрируют несостоятельность тургеневского негативизма. В противоположность «рудинствующим Инсаровым и импотентствующим Базаровым» Писемский вводит в произведение героев-деятелей, готовых состояться на служебном, семейном или любовном поприще.

Второй очевидный вектор определяется антинигилистическим романом и общим публицистическим дискурсом эпохи. Поскольку сам Писемский сыграл ключевую роль в формировании этого дискурса, здесь очевидно воспроизведение ранее апробированных им моделей в описании уже известных событий. Так, например, Писемский воспроизводит обсуждение пожаров:

– Надо быть, – отвечал священник, – потому что следующее шестое число вспыхнул пожар уже в местах пяти и везде одновременно, так что жители стали все взволнованы тем: лавки закрылись, хлебники даже перестали хлеба печь, бедные погорелые жители выселялись на поле, около града, на дождь и на ветер, не имея ни пищи, ни одеяния!

– О, mon Dieu, mon Dieu! – повторил еще раз Александр Иваныч, совсем уже закидывая голову назад.

– Но кто же поджигает, если это поджоги? – спросил Вихров.

– Мнение народа сначала было такое, что аки бы гарнизонные солдаты, так как они и до того еще времени воровства много производили и убийство даже делали!.. А после слух в народе прошел, что это поляки, живущие в нашей губернии и злобствующие против России.

– Но позвольте, поляки все известны там наперечет! – возразил Вихров.

<...>

– Нет-с, – возразил священник, – это не то, чтобы мысль или мнение одного человека была, а так как-то в душе каждый как бы подумал, что поляки это делают! (с. 204)

Несмотря на то что предметом обсуждения становятся сезонные пожары, в самом упоминании поджогов и заговоров, ведущих за пределы Москвы, угадывается прямая отсылка к сходному эпизоду во «Взбаламученном море», а также серии статей Н. С. Лескова. Показательно, что в позднем романе, оставляя «заподозренными» несколько социальных и этнических групп, Писемский «снимает все обвинения» со студентов [Зубков, Петровских, 2020].

Одновременно можно констатировать усиленное взаимовлияние Писемского и Лескова. Если в образе Неведомова, в миру носящего рясу и постригающегося в монахи, угадывается антик, наподобие Юстина Помады из романа «Некуда», то в отрицающем какой-либо эгоизм характере m-lle Прыхиной предвосхищаются черты Ванскок. Сходной конфигурацией обладают отношения четы Эйсмонд и генерала Синтянина. Наконец, можно предположить, что обрисовка арестантов из четвертой части романа навеяна сходными мотивами «Записок из Мертвого

дома» и «Леди Макбет Мценского уезда». Однако наибольшее влияние на автора «Людей сороковых годов», по-видимому, оказали романы И. А. Гончарова, в том числе «Обрыв», опубликованный параллельно с романом Писемского.

Несмотря на существенную разочарованность русской критики романом, увидевшей в этом произведении падение автора «Обломова», свидетельство деградации бывшего таланта, можно констатировать, что в отличие от своих современников Гончарову удалось выйти за пределы злободневных вопросов, составляющих нерв эпохи. На первый взгляд фабула романа «Обрыв» представляет историю о художнике-дилетанте, художнике-неудачнике. Весь ход романного действия подтверждает эту мысль, поскольку «человек сороковых годов» Райский не создает ни одного произведения, находясь в непрерывном и часто лихорадочном поиске. Однако составляющий большую часть романа малиновский эпизод его жизни становится не только материалом для никогда не написанного романа, но и бытием, составляющим романное действие. На этом уровне переживания Райского становятся художественными мотивами, его собеседники – персонажами, а жизнь – непосредственным актом творчества, в котором он становится автором, всеведущим повествователем (проникающим в таинство Веры и Марка) и героем¹³.

Как и Гончаров, Писемский долго и мучительно «вынашивал» замысел своего произведения. Уже в 1850-е гг., вероятно, под влиянием «биографического поворота» эпохи, он задумался о создании автобиографического произведения, итогом которого стала публикация романа в конце 1860-х гг. За это время многое изменилось и в жизни писателей: и «Тысяча душ», и «Обломов» широко обсуждались и принесли их авторам славу классиков, и Гончаров, и Писемский, дистанцируясь от новейшего поколения 1860-х гг., заняли позицию «отцов» в споре двух эпох. Разумеется, репутация Писемского была скандализирована его «Взбаламученным морем», против Гончарова «играла» его служебная деятельность и гражданская позиция. Таким образом, к концу 1860-х гг. оба писателя, принадлежавшие к поколению сороковых годов, пришли к сходным художественным выводам.

Вероятно, поэтому заверченный в год публикации «Обрыва» роман Писемского обнаруживает сходную сюжетную и нарративную функцию протагониста. Как и Райский, Вихров – писатель, в этом отношении граница между вымыслом начинающего писателя и происходящим в сюжете выглядит довольно условной. Вихров не может изменить свою жизнь, однако он обретает ресурс влияния через литературу.

Разумеется, оба произведения, центральной фигурой которых является писатель, обусловлены персональным викторианским романом: «Историей Пенденниса» У. Теккерея и «Жизнью Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса. Если Теккерей продемонстрировал путь молодого денди, эстета и театрала к добродетели и посредственности, то Диккенс, опираясь на «Поэзию и правду» Гёте, создал сюжет, во многом отвечающий реплике Копперфилда: «из пустяков складывается жизнь». Заклучая в серии ретроспекций сюжет духовного роста героя, обуславливающий становление его стиля, Диккенс выводит ретроспекции, «взгляды в прошлое», за раму повседневных событий и происшествий в жизни Дэвида. Сходным образом поступает Гончаров, заставляя Райского читать его раннюю повесть – в дей-

---

¹³ Сходную функцию имплицитного нарратора выполняет в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» Пьер Гренгуар – автор мистерии, созерцающий Эсмеральду и странно каменеющий в момент ее тайного свидания с Фебом.

ствительности, написанную автором «Обыкновенной истории» на заре творческой деятельности. Близок и Писемский, делегирующий своему герою сюжетную роль Бешметева («Тюфяк»), Калиновича («Тысяча душ»), Бакланова («Взбаламученное море»). Особой эмблематикой обладает эпизод расследования убийства в крестьянской семье, заключающий в себе фабулу «Горькой судьбины» – наиболее важной пьесы Писемского, отмеченной его современниками. Иными словами, «Люди сороковых годов», вслед за «Обрывом», обнаруживают тяготение к метароману, призванному обобщить пройденный писателем путь.

В заключение отметим еще одну параллель, свидетельствующую о сходных векторах поиска в европейской и русской литературах. В один год с «Обрывом» в печати появился итоговый роман Г. Флобера «Воспитание чувств». Во многом самостоятельное произведение, истоки которого обретаются в 1840-х гг., обобщало писательский опыт в духе Бальзака и его окружения. Среди прочих сюжетных линий на себя обращает внимание лейтмотив отношений Фредерика Моро и г-жи Арну. Фредерик проносит любовь к Мари через всю жизнь, однако во время последней встречи он обращает внимание на седую прядь своей возлюбленной. Сходным образом в конце романа Писемского читатель узнает со слов наблюдателей о том, что генеральша Эйсмонд «совсем старуха», что не мешает Вихрову любить ее по-рыцарски преданно. Вероятно, сюжетосложение романа Флобера и Писемского было подготовлено мощной традицией философской повести и в первую очередь произведением Вольтера «Кандид, или Оптимизм».

Сделанные наблюдения свидетельствуют об эволюции романа воспитания второго ряда русской литературы в культурной эпохе 1860-х гг. Художественное переосмысление биографических обстоятельств и обращение к различным литературным традициям позволило Писемскому в пределах единой романной формы представить авторские вариации на тему Bildungsroman в амплитуде от «Лет учения Вильгельма Мейстера» до «Былого и дум» и «Персональной истории Дэвида Копперфилда». Сравнительно недолгая история «Зари», ставшей преемницей «Времени» и «Эпохи», не позволяет оценить значения «программного» произведения Писемского. Однако в контексте уже пройденного им пути «Люди сороковых годов» становятся своеобразной «работой над ошибками» (от «Взбаламученного моря» к «Тысяче душ») с оглядкой на произведения современников – в том числе романы Боборыкина, Тургенева, Герцена¹⁴ и Гончарова. Впереди были новые испытания [Аннинский, 1988], приведшие к катастрофе – исключению имени Писемского из числа писателей первого литературного ряда¹⁵. В этом контексте «Люди сороковых годов» – своеобразная развилка, которая определяет специфику репутации писателя и позволяет осмыслить пути компромисса во взаимодействии традиции и авторской новации.

---

¹⁴ См. приложение.

¹⁵ В лекциях, направленных на реабилитацию литературной репутации А. Ф. Писемского, А. Кирпичников замечает: «Смерть Достоевского была бедствием, которое оплакивала вся Россия; смерть Писемского (они оба умерли в январе 1881 года) едва была замечена. Достоевский превознесен и поставлен рядом с Тургеневым и Л. Толстым; Писемский забит, унижен и почти забыт» [Кирпичников, 1894, с. 1]. В беллетристическом описании Писемского Аннинский использует сходные метафоры, называя его «Сломленным» (что вступает в контраст с повестью «Несломленный» о Лескове).

Список литературы

- Андреева В. Г. Государство, власть, народ и человек в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Неофилология. 2021. № 28. С. 670–683.
- Аннинский Л. Три еретика. Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. М.: Книга, 1988. 352 с.
- Веселовский А. Н. [Рец.] «Европейский роман в XIX-м столетии. Роман на Западе за две трети века» П. Д. Боборыкина // ИОРЯС ИАН. 1900. Т. 5, кн. 3. С. 1007–1020.
- Егоров Б. Ф. Первые русские социалисты. М., 1973. 392 с.
- Журавлева А. И. Кое-что из былого и дум. О русской литературе XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 133–144.
- Зубков К. Ю., Петровских М. А. Студенты, купцы или поляки? Изображение майских пожаров 1862 года и проблема достоверности в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Русская литература. 2020. № 2. С. 74–84.
- Калугин Д., Мовнина Н. Люди сороковых годов в поисках полноты жизни: Опыт описания понятийных конструкций // Slavic Literatures (ранее – Russian Literature). 2024. Т. 149, № 149. С. 33–50.
- Кириченко В. Е. «Заря» В. В. Кашпирева (1869–1872): история журнала и роспись содержания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3. С. 3–40.
- Кирпичников А. Достоевский и Писемский. Опыт сравнительной характеристики. Две публичные лекции. Одесса, 1894. 56 с.
- Козлов А. Е. Феномен беллетристики в русской литературе XIX века: репутация, поэтика, рефлексия. Томск, 2025. 52 с.
- Краснощекова Е. А. Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2008. 480 с.
- Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред. М. Вайсман, А. В. Вдовин, И. Клигер, К. А. Осповат. М.: НЛО, 2020. 568 с.
- Сарана Н. В. Традиция английского романа воспитания в русской прозе 1840–1860-х гг. М.: ВШЭ, 2018. 218 с.
- Синякова Л. Н. Проза А. Ф. Писемского в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг.: проблемы художественной антропологии. Томск, 2009. 396 с.
- Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М.: ЯСК, 2003. 352 с.
- Тимашова О. В. Роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов»: личность и эпоха: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 218 с.
- Riasanovsky N. Foureierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy // American Slavic and East European Review. 1953. No. 3. P. 289–302.

Список источников

- Боборыкин П. Д. В путь-дорогу. Роман в шести книгах. СПб., 1864. 919 с.
- Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1965. 566 с.
- Герцен А. И. О развитии революционных идей в России / Пер. с фр. С. И. Рошаль, Г. И. Месяцовой // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1956. Т. 7. С. 133–259.
- Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. 533 с.

- Окрейц С. С. Журналистика 1869-го года. Новые романы старых романистов // Дело. 1869. № 9. С. 32–47.
- Писемский А. Ф. Взбаламученное море. СПб., 1904. 908 с.
- Писемский А. Ф. Письма / Отв. ред. М. К. Клеман, А. П. Могилянский. М.; Л.: Наука, 1936. 976 с.
- Писемский А. Ф. Люди сороковых годов // Писемский А. Ф. Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1959. Т. 4. 404 с.; Т. 5. 505 с.
- Страхов Н. Н. Литературные воспоминания И. Панаева // Время. 1861. № 12. С. 1–25.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 2. 559 с.; 1975. Т. 17. 623 с.
- Шелгунов Н. В. Люди сороковых и шестидесятых годов // Дело. 1869. № 9. С. 1–32.

References

- Andreeva V. G. Gosudarstvo, vlast', narod i chelovek v romane A. F. Pisemskogo "Lyudi sorokovykh godov" [State, power, people and man in the novel by A. F. Pisemsky "People of the Forties"]. *Neophilology*. 2021, no. 28, pp. 670–683.
- Anninsky L. *Tri eretika. Povesti o A. F. Pisemskom, P. I. Mel'nikove-Pecherskom, N. S. Leskove* [Three Heretics. Stories about A. F. Pisemsky, P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov]. Moscow, Kniga, 1988, 352 p.
- Egorov B. F. *Pervye russkie sotsialisty* [The first Russian socialists]. Moscow, 1973, 392 p.
- Kalugin D., Movnina N. Lyudi sorokovykh godov v poiskakh polnoty zhizni: Opyt opisaniya ponyatiynykh konstruktsiy [People of the forties in search of the fullness of life: An attempt to describe conceptual constructions]. *Slavic Literatures (formerly Russian Literature)*. 2024, vol. 149, no. 149, pp. 33–50.
- Kirichenko V. E. "Zarya" V. V. Kashpireva (1869–1872): istoriya zhurnala i rospis' soderzhaniya [V. V. Kashpirev: history of the magazine and list of contents]. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*. 2025, no. 3, pp. 3–40.
- Kirpichnikov A. *Dostoevskiy i Pisemskiy. Opyt sravnitel'noy kharakteristiki. Dve publichnye lektsii* [Dostoevsky and Pisemsky. An attempt at comparative characteristics. Two public lectures]. Odessa, 1894, 56 p.
- Kozlov A. E. *Fenomen belletristiki v russkoy literature 19 veka: reputatsiya, poetika, refleksiya* [The phenomenon of fiction in Russian literature of the 19th century: reputation, poetics, reflection]. Tomsk, 2025, 52 p.
- Krasnoshchekova E. A. *Roman vospitaniya-Bildungsroman-na russkoy pochve: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevskiy* [Bildungsroman – novel of education on Russian soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky]. St. Petersburg, Izd. Pushkinskogo fonda, 2008, 480 p.
- Riasanovsky N. Foureierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy. *American Slavic and East European Review*. 1953, no. 3, pp. 289–302.
- Russkiy realizm 19 veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie* [Russian realism of the 19th century: society, knowledge, narrative]. M. Weissman, A. V. Vdovin, I. Kliger, K. A. Ospovat (Eds.). Moscow, New Literary Observer, 2020, 568 p.
- Sarana N. V. *Traditsiya angliyskogo romana vospitaniya v russkoy proze 1840–1860-kh gg* [The tradition of the English novel of education in Russian prose of the 1840–1860s]. Moscow, HSE, 2018, 218 p.

Sinyakova L. N. *Proza A. F. Pisemskogo v kontekste razvitiya russkoy literatury 1840 – 1870-kh gg.: problemy khudozhestvennoy antropologii* [Prose A. F. Pisemsky in the context of the development of Russian literature of the 1840s – 1870s: problems of anthropology]. Tomsk, 2009, 396 p.

Starygina N. N. *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860–1870-kh godov* [Russian novel in the situation of philosophical and religious polemics of the 1860–1870s]. Moscow, LRC Publishing House, 2003, 352 p.

Timashova O. V. *Roman A. F. Pisemskogo “Lyudi sorokovykh godov”: Lichnost’ i epokha* [Roman A. F. Pisemsky “People of the forties”: Personality and era]. Cand. philol. sci. diss. Saratov, 1991, 218 p.

Veselovsky A. N. “Evropeyskiy roman v 19-m stoletii. Roman na Zapade za dve treti veka” P. D. Boborykina [“The European novel in the 19th century. The Novel in the West for two thirds of a century” by P. D. Boborykin]. *IORYaS IAN*. 1900, vol. 5, bk. 3, pp. 1007–1020.

Zhuravleva A. I. *Koe-chno iz bylogo i dum. O russkoy literature 19 veka* [Something from the past and thoughts. About Russian literature of the 19th century]. Moscow, Moscow Univ. Press, 2013, pp. 133–144.

Zubkov K. Yu., Petrovskikh M. A. Studenty, kuptsy ili polyaki? Izobrazhenie may-skikh pozharov 1862 goda i problema dostovernosti v romane A. F. Pisemskogo “Vzbalamuchennoe more” [Students, merchants or Poles? The depiction of the May fires of 1862 and the problem of authenticity in A. F. Pisemsky’s novel “The Turbulent Sea”]. *Russkaya Literatura*. 2020, no. 2, pp. 74–84.

List of sources

Boborykin P. D. *V put’-dorogu. Roman v shesti knigakh* [On the road. A novel in six books]. St. Petersburg, 1864, 919 p.

Boborykin P. D. *Za polveka. Vospominaniya* [For half a century. Memories]. Moscow, Gos. izd. khud. lit., 1965, 566 p.

Gertsen A. I. Byloe i dumy [Past and thoughts]. Gertsen A. I. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected works: In 30 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1956, vol. 8, 533 p.

Gertsen A. I. O razvitii revolyutsionnykh idey v Rossii [On the development of revolutionary ideas in Russia]. S. I. Roshal’, G. I. Mesyatsevoy (Transl. from French). In: Gertsen A. I. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected works: In 30 vols.]. Moscow, Nauka, 1956, vol. 7, pp. 133–259.

Okreys S. S. Zhurnalistska 1869-go goda. Novye romany starykh romanistov [Journalism of 1869. New novels of old novelists]. *Delo*. 1869, no. 9, pp. 32–47.

Pisemskiy A. F. Lyudi sorokovykh godov [People of the Forties]. In: Pisemskiy A. F. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols.]. Moscow, Pravda, 1959, vol. 4, 404 p.; vol. 5, 505 p.

Pisemskiy A. F. *Pis’ma* [Letters]. M. K. Kleman, A. P. Mogilyanskiy (Eds.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1936, 976 p.

Pisemskiy A. F. *Vzbalamuchennoe more* [The turbulent sea]. St. Petersburg, 1904, 908 p.

Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobr. soch.: V 20 t.* [Collected works: In 20 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1965, vol. 2, 559 p.; 1975, vol. 17, 623 p.

Shelgunov N. V. Lyudi sorokovykh i shestidesyatykh godov [People of the forties and sixties]. *Delo*. 1869, no. 9, pp. 1–32.

Strakhov N. N. Literaturnye vospominaniya I. Panaeva [Literary memories of I. Panaev]. *Vremya*. 1861, no. 12, pp. 1–25.

Формализация сюжета: «В путь-дорогу» П. Д. Боборыкина
и «Люди сороковых годов» А. Ф. Писемского
в контексте мемуаристики А. И. Герцена
Formalization of the plot:

Formalization of the plot: “V put’-dorogu” (“On the Road”) by Pyotr Boborykin
and “Lyudi sorokovykh godov” (“People of the Forties”) by Aleksey Pisemsky
in the context of the memoirs of Alexander Herzen

	Боборыкин	Писемский	Герцен («Записки одного молодого челове- ка» / «Былое и думы»)
Ребечество (детство и отрочество)			
Город	Н (Нижний Нов- город)	Губернский город (детство)	Москва
Наставник	Тетка Софья Ни- колаевна	Кузина Мари Им- плева	Родственница, «ма- ленькая девушка» Татьяна Купчина (Пассек)
Студенчество и юность			
Город	К (Казань)	Москва, губерн- ский город	Вятка, Пермь
Наставник	Ольга Ивановна	Фатеева	Жена чиновника Р*
Взросление героя			
Город	Д (Дерпт)	Санкт-Петербург	Москва
Наставник	Татьяна (Темира)	Мари Имплева (Эйсмонт)	Наталья Захарьина (Герцен)

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, доцент Новоси-
бирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Рос-
сия)
WoS Researcher ID K-6578-2017

Information about author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State Peda-
gogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6578-2017

*Статья поступила в редакцию 09.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 20.05.2025
The article was submitted on 09.03.2025;
approved after reviewing on 20.05.2025; accepted for publication on 20.05.2025*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/92/5

Замечания о главном герое русской классической литературы 1825–1925 годов

Антон Репонь ¹, Игорь Цинтула ²

^{1,2} Университет им. Матая Бела
Банска Быстрица, Словацкая Республика

¹ Anton.Repon@umb.sk, <https://orcid.org/0000-0002-6749-7766>

² igor.rudolfovic.c@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6740-9669>

Аннотация

Исследуются основные типы главного литературного героя в произведениях русской классической литературы (1825–1925 гг.), включая фундаментальные аспекты, которые стали ключевыми на пути их развития во времени. Авторы представляют в критическом ключе модели «лишнего» и «маленького» человека и последующее развитие главного героя вплоть до изменения его модели в первой четверти XX в. Таким образом, в статье предложено научное обсуждение определенного периода в развитии главного героя русской литературы и выдвинуты некоторые авторские тезисы-коррективы. Исследованную авторами проблематику литературных типажей в русской литературе можно рассматривать и как попытку предложить более точные заключения с позиции зарубежных литературоведов.

Ключевые слова

русская литература XIX века, маленький человек, лишний человек, главный герой, И. С. Тургенев

Для цитирования

Репонь А., Цинтула И. Замечания о главном герое русской классической литературы 1825–1925 годов // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 78–91. DOI 10.17223/18137083/92/5

Remarks on the protagonist in Russian classical literature between 1825 and 1925

Anton Repon ¹, Igor Cintula ²

^{1,2} Matej Bel University
Banska Bystrica, Slovak Republic

¹ Anton.Repon@umb.sk, <https://orcid.org/0000-0002-6749-7766>

² igor.rudolfovic.c@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6740-9669>

Abstract

This paper examines the main types of literary protagonists in Russian classical literature (1825–1925), focusing on key aspects that shaped their evolution over time. Through a com-

© Репонь А., Цинтула И., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 78–91

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 78–91

parative-historical and typological analysis, different types of the central literary hero are investigated. The analysis draws on materials from the personal libraries of the authors, excluding electronic sources, as well as books from the Alexander Solzhenitsyn Library collection at the Department of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, Matej Bel University. A critical analysis of the models of the “useless person” and the “little man” traces the development of the protagonist up to its transformation in the early 20th century, with examples taken from the works of Ivan Turgenev and Ivan Shmelev. The article offers a scholarly discussion of this specific period in the evolution of the Russian literary hero and proposes several original theses and revisions. By investigating these literary archetypes, the study also aims to refine existing conclusions from the perspective of foreign literary scholars, potentially broadening and deepening the discourse while introducing new viewpoints. Ultimately, the study seeks to stimulate further debate on defining the central protagonist in Russian literature between 1825 and 1925.

Keywords

Russian literature of the 19th century, little man, useless person, the main character, Ivan Turgenev

For citation

Репош А., Cintula I. Remarks on the protagonist in Russian classical literature between 1825 and 1925. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 78–91. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/5

«Карамзиным началась новая эпоха русской литературы» [Белинский, 1984, с. 6], – именно так утверждал выдающийся русский писатель и литературный критик В. Г. Белинский в реакции на сентиментальную повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Данное художественное произведение стало ярким примером сентиментализма в русской классической литературе конца XVIII – первых десятилетий XIX в., в котором писатель впервые приступил к описанию ранее неизвестного читателю литературного персонажа. Как утверждает В. Н. Топоров, «Бедная Лиза» стала своеобразным началом «для всей русской прозы Нового времени, неким прецедентом, отныне предполагающим <...> творческое возвращение к нему, обеспечивающее продолжение традиции через открытие новых художественных пространств» [Топоров, 1995, с. 7]. Успех карамзинской «Бедной Лизы» лишь способствовал тому, что с 30-х гг. XIX в. стал заметен постепенный отход писателей от индивидуализации личности, так сказать, «героического героя», характерного для романтизма, к другому типу литературного произведения – «маленькому человеку», который по сей день считается приобретением мировой сокровищницы словесного искусства. Безусловно, появление «маленького человека» в качестве главного героя произведения ознаменовало для русской литературы начало нового этапа ее развития, который, как зеркало эпохи, отражал настроения общества и одновременно отвечал на запрос читателей того времени. Можно заметить, что новый для читателя типаж главного персонажа соответствовал линии натуральной школы XIX в., сознательно вводившей в сюжет повествования героев именно из низких слоев русского общества.

На последующем этапе развития литературы модель «маленького человека» достигла своего апогея в творчестве мастера русской словесности Н. В. Гоголя. «Маленький человек» как образ литературного героя был заявлен в русской классической литературе XIX в. уже в повести «Станционный смотритель» (1831) А. С. Пушкина. Наверное, впервые определение «маленький человек» официально ввел в употребление В. Г. Белинский в статье «Горе от ума» (1840) при анализе образа главного героя гоголевского «Ревизора»: «Сделайся наш городничий гене-

ралом – и, когда он живет в уездном городе, горе маленькому человеку, если он, считающий себя “не имеющим чести быть знакомым с г. генералом”, не поклонится ему или на балу не уступит место, хотя бы этот маленький человек готовился быть великим человеком!., тогда из комедии могла бы выйти трагедия для “маленького человека”» [Белинский, 1979, с. 226]. Впоследствии термин «маленький человек» в критике употреблялся многократно для определения главного персонажа литературного произведения. По мнению Й. Догнала, его можно характеризовать как «человека скорее бесправного, часто беспомощного, пережившего тяжелые испытания, но, тем не менее, терпеливого» [Догнал, 2008, с. 64]. Такой герой, как правило, родом из бедного сословия, занимающий низкую ступень в социальной иерархии, но, возможно, именно поэтому богатый по своему внутреннему миру, чистоте души и характера. Несмотря на тот факт, что «маленький человек» часто остается пассивным, как читатель, так и автор ему симпатизируют, а также сочувствуют. Четкую характеристику представил П. Вайль, говоря, что такой протагонист «из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему уменьшению не подлежит. Изменения могли идти только в сторону увеличения. Этим и занялись западные последователи нашей классической традиции. Из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров герои Кафки, Беккета, Камю. Советская культура сбросила башмачкинскую шинель – на плечи живого “маленького человека”, который никуда, конечно, не делся, просто убрался с идеологической поверхности, умер в литературе» [Вайль, 1992, с. 228].

Можно сказать, что уже Гоголь показал детально продуманную модель нового типажа литературного героя в так называемых «петербургских повестях» (определение критиков, но не самого Гоголя), в которых он открыл читателю не только мир «маленьких людей», но также и всю красоту их внутреннего микрокосма. В качестве ведущего произведения этого цикла можем рассматривать повесть «Шинель» (1841). Главный герой данного произведения – чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин – является образцовым примером типажа маленького человека, характер и качества которого продуманы до мелочей. Ю. В. Манн восклицает: «Какой страшный образ – Акакий Акакиевич! В этом изуродованном, больном существе, оказывается, скрыта могучая внутренняя сила» [Манн, 1996, с. 358]. А. Белый отмечает в таком герое сочетание элементов натурализма и символизма, размышляя, какие в большей степени определяют столь уникальный характер этого гоголевского персонажа: «Что реальней Акакия Акакиевича? Между тем он живет внутри собственной, ему присущей вселенной: не солнечной, а... “шинельной”; “шинель” ему – мировая душа, обнимающая и греющая; ее называет он “подругою жизни”; на середине Невского себя переживает он идущим посередине им на листе бумаги выводимой строки...» [Белый, 1934, с. 45]. Такая неопределенность личности позволяет, с нашей точки зрения, создать образ «маленького человека» как носителя специфических черт, принадлежащего к определенному социальному классу, находящегося в состоянии нервного срыва и вызывающего, казалось бы, только чувства жалости и сострадания. Типаж «маленького человека» именно потому мал, что в иерархической лестнице социума занимает незначительную ступень, в результате чего для остальных он практически не заметен. Отношение к нему окружающей среды непосредственно влияет и на его мышление и психику в целом – он ощущает себя не только маленьким, но и бесполезным, лишним.

Во второй половине XIX в. появляется в русской классической литературе новый типаж – преемник «маленького человека». Благодаря повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850) официально вводится в русскую литературу понятие «лишний человек», и можно отметить, что этот специфический литературный персонаж становится типичным для русской литературы XIX в. Данные два типажа главных героев вовсе не идентичны, хотя у них много общих черт. Можно согласиться с определением Я. Гараева: «“Маленький человек” в простодушной форме вступает в диалог с обществом. Что же касается “лишнего человека”, то он все дальше отдаляется от общества и находит утешение в пристрастии к чему-либо. Внутренний, тайный потенциал, сопряженный с перспективой “пробуждения”, “воскресения”, в нем не обнаруживается. Лишен он также революционной энергии» [Гараев, 1980, с. 161].

Велика была литературная роль темы «лишнего человека». Возникнув как переосмысление романтического героя (байронический герой; в России – романтические образы у поэтов-декабристов, Пушкина и т. д.), тип «лишнего человека» развивался под знаком реалистической типизации, выявления «разности» (Пушкин) между героем и его творцом. «Лишний человек» был и отказом от просветительских, морализаторских установок во имя максимально полного и беспристрастного анализа, отражения диалектики жизни (этим объяснялось неприятие многими романтиками образа «лишнего человека», в частности неприятие декабристами Евгения Онегина). Наконец, важно было в теме и утверждение ценности человека, личности, интерес к «истории души человеческой» (Лермонтов; из предисловия к «Журналу Печорина»), что создавало почву для плодотворного психологического анализа и подготавливало будущие завоевания русского реализма.

Л. Н. Сняжкова утверждает, что в хронологическом отношении необходимо ориентироваться на конкретный период, а именно на 1840-е гг. По ее словам, «лишний человек» неразрывно связан с этим периодом. Сняжкова также различает понятия «мужчина сороковых годов» и «лишний человек». По ее мнению, эти два термина практически тождественны по своей сути, но «человек сороковых годов» есть понятие скорее историко-культурное и общественно-историческое, а термин «лишний человек» традиционен для истории литературы» [Сняжкова, 2007, с. 82].

К основным чертам «лишнего человека» относят отчужденность от официальной жизни николаевской России, уход от родной социальной среды (почти всегда дворянской), осознание своих значительных способностей, интеллектуального и нравственного превосходства над другими представителями своего класса. Этот специфический тип литературного персонажа – человека, который, несмотря на свои способности, не находит своего места и применения в обществе, – а также его частое появление и связь с русской литературой, вероятно, побудили многих литературоведов заклеить его как «специфический тип персонажа в русской литературе» или «национальный архетип» [Ханцес, 2001, с. 111–112]. Если мы посмотрим на «лишнего человека» в творчестве И. С. Тургенева, то обнаружим целую плеяду персонажей, таких как: Стено, Горский, Гамлет Щигоровского уезда, Астахов, Яков, Пасынков, Алексей Петрович, Санин, но прежде всего это герои романов – Рудин, Лаврецкий, Михалевич, Берсенов, Шубин, Литвинов, Нежданов и др. Что объединяет этих персонажей, по мнению критиков, так это часто интерпретируемый вопрос об их «гамлетовости», но и отражение их собственной, гипертрофированной самости, интеллектуальной зрелости, но также сомнения, слабости и непрактичности. Однако мы не считаем

правильным или достаточным довольствоваться только таким обобщающим утверждением. Этот вопрос заслуживает более подробного рассмотрения.

В этом контексте необходимо вспомнить тургеневское исследование «Гамлет и Дон Кихот» (1860), которое по праву вошло в мировую шекспировскую и сервантесианскую профессиональную литературу, хотя Тургенев и не был литературоведом обычного академического стиля. Известно, что этот этюд Тургенев писал параллельно с романом «Накануне» (1860). Существует прямая идейная связь между этим романом и следующим его наиболее известным произведением «Отцы и дети» (1862) и упомянутым спором о Гамлете и Дон Кихоте. Этюд Тургенева считается своего рода теоретическим обобщением его художественных образов. В вышеупомянутых романах Тургенев несоизмеримо обширнее и художественно эффектнее представил конкретных русских Гамлетов и Кихотов, чем в других своих произведениях, в известный, весьма значительный, переломный период русской жизни, когда разношерстные и плебейские Кихоты, энтузиасты действия стали выходить на историческую сцену и бороться с высокородными, праздными гамлетовскими скептиками и мечтателями.

Известно, что эти гамлето-донкихотские романы Тургенева вызывали всеобщее неудовольствие и возмущение. Официальные круги возмущались тем, что автор даже позволял себе изображать характеры русских революционеров, энтузиастов-донкихотов, нигилистически отвергающих современные общественные условия; революционные демократы дистанцировались от Тургенева потому, что, по их мнению, он неправильно понимал и искажал революционные характеры, что он грешил против объективных тенденций исторического развития и трактовал своих героев по существу трагично, что к их проницательным и деятельным «донкихотским» чертам добавлял скептические черты Гамлета.

Возникает закономерный вопрос: что на самом деле представляет собой Дон Кихот для Тургенева? На наш взгляд, прежде всего веру; веру во что-то вечное, непоколебимое, в истину, которая находится за пределами индивидуальности, которая не легко приобретается, но требует служения и жертв. Этот персонаж проникнут преданностью идеалу, ради которого он готов претерпеть различные лишения, даже пожертвовать своей жизнью. Жить только личными амбициями, заботиться только о себе – это считалось бы для Дон Кихота постыдным. В нем нет и намек на эгоизм, он – воплощение самопожертвования. Он очень мало знает о мире, поэтому его усилия сосредоточены на одной цели: служить своей миссии – он знает, зачем живет, и это знание для него самое важное. Одним он может показаться сумасшедшим, другим – энтузиастом, слугой идеи, и именно поэтому, по Тургеневу, он увенчан ее ореолом. Хотя Дон Кихот чтит существующие общественные порядки, религиозные законы, монархов, герцогов, он не позволяет им ограничивать свою внутреннюю свободу и независимость и в то же время уважает свободу других. Идея доминирует и в его эмоциональной жизни. Дон Кихот любит платонически, рыцарски, чисто и бескорыстно; в его чувствах нет и доли чувственности, все его желания целомудренны и чисты.

Напротив, Гамлет в тургеневской интерпретации живет для себя, он эгоист; но он даже не верит в себя. Однако он ценит себя, свое «я», в которое не верит. Это исходная точка, к которой он постоянно возвращается, потому что не находит в окружающем мире ничего, чему он мог бы отдаться всей душой. Гамлет во всем сомневается, не жалея даже себя; он слишком разумен, чтобы довольствоваться тем, что находит в себе; он осознает свои слабости. Постоянно наблюдая за собой, вечно вглядываясь в свое внутреннее я, он хорошо знает все

свои недостатки, презирает их и презирает самого себя. Он не верит в себя – и он честолюбив; он не знает, чего хочет и зачем живет, – и он привязан к жизни, к гнилому и унылому миру, который он презирает. Внутренняя разорванность и постоянный самоанализ мешают ему познать высшие чувства и посвятить себя им. Поэтому он даже не способен на искреннюю любовь. Итак, с одной стороны стоят мыслящие Гамлеты, умственно зрелые и часто разносторонние, но столь же часто бесполезные и обреченные на бездействие; с другой – безумные Кихоты, полные активности и решимости мобилизовать окружающий мир для реализации часто иллюзорных идеалов и идей. Так мир тургеневских персонажей распадается на две большие группы. Этот дуализм отразился и в сюжетно-композиционном строе тургеневских романов, в расслоении его персонажей. Действительно, Тургенев воспринимает дуализм как главный закон человеческого бытия: «вся эта жизнь есть не что иное, как вечное примирение и вечная борьба этих двух постоянно разделяемых и постоянно сливающихся начал» [Тургенев, 1977, с. 766].

Поэтому Тургенев относился к своим «революционным детям» так же сдержанно, как и к их «реакционным отцам»; он оценивал новый, зарождающийся мир деятельности и действия так же трезво и критически, как умирающий мир помещиков. В упомянутом исследовании Тургенев дал глубокий анализ Гамлета как воплощения вечного сомнения, отрицания и скептицизма и Дон Кихота как представителя непрестанной творческой активности. Хотя Тургенев и относится к Дон Кихоту более сочувственно, чем к Гамлету, что было бесспорно прогрессивной чертой в насыщенных гамлетами российских условиях, он не поддается ей вполне и предполагает, что его идеал есть синтез пронизательного ума Гамлета с неутомимой деятельностью Дон Кихота. Тургенев, вероятно, имел в виду эту концепцию, когда писал свои гамлетовско-донкихотские романы. Поэтому он наделил донкихотских Инсаровых и Базаровых гамлетовскими чертами трагизма и скептицизма, столь характерными и для «лишнего человека». Однако нельзя не констатировать, что анализ типов Гамлета и Дон Кихота в тургеневском этюде – это нечто совсем иное, чем в его романах. Одно – идея, рациональная интерпретационная конструкция, другое – художественная передача жгучей реальности жизни. В этом судьба Тургенева схожа с судьбой других писателей-реалистов: его исторической заслугой остается выявление, установление и изображение русских Гамлета и Дон Кихота как центральной социальной проблемы своего времени, а не решение этой проблемы. Однако роман Тургенева «Отцы и дети» предполагает определенное изменение отношения автора к изображаемой действительности. Тургенев, как известно из его политического профиля, считал отмену крепостного права, произошедшую в момент создания упомянутого романа, исполнением своих общественных идеалов.

Пренебрежительное отношение к образованным и благородным Гамлетам и выделение простого и недвусмысленного Дон Кихота уж точно не соответствовали личным либеральным убеждениям Тургенева, гораздо больше напоминавшего скептического Гамлета, чем восторженного Дон Кихота. Поэтому, возможно, Тургенев в художественном изображении российской реальности проявил сдержанное отношение к донкихотам и постарался обратить внимание на их слабости. Однако, несмотря на критические оговорки, считал «донкихотство», особенно в российской культурной истории, принципиально правильным явлением. Вероятно, именно это побудило писателя в своих рациональных концепциях и публицистических размышлениях более явно дистанцироваться от себя самого, чем в художественных образах.

Тему тургеневского «лишнего человека» в русской литературе в 1970–1980-х гг. разработали известные тургеноведы В. М. Маркович, А. И. Батюто, Г. А. Бялый, Г. Б. Курдяндская, С. Е. Шаталов и др. Заметим, что этот период в истории тургеноведения является его «золотым веком», отличительной чертой которого стало создание оригинальных методологических подходов, способствующих укрупнению и во многом качественному изменению интерпретационной картины романного творчества И. С. Тургенева.

В нашей статье обращаемся к рецепции известного литературоведа В. М. Марковича, основным тезисом которого является положение: «Тургеневский герой-идеолог – не воспитанник соответствующей нравственно-философской культуры, а ее творец. Тип культуры, с которым связан в романе главный герой, не предшествует его личности, воздействуя на нее извне. Не она его формирует, а он ее – отсюда возможность его внутренней свободы по отношению к ней» [Маркович, 1975, с. 96]. Таким образом, впервые в истории отечественного тургеноведения на основании представления о герое как о творце идеологии ученым была разработана подробная классификация не только главных героев писателя, но и второстепенных персонажей. «Персонажи тургеневских романов предстанут перед нами в новом качестве – как сотворенные человеческие личности, существующие и действующие как бы независимо от авторской воли. Их “жизнеподобие” даст нам право характеризовать их в той же системе понятий, в какой характеризуются реальные живые люди» [Там же, с. 70].

С этой позиции в исследовании были определены и предельно точно охарактеризованы три «уровня человечности», составляющие типологическую картину персонажей писателя. Так, по наблюдениям Марковича, практически во всех романах Тургенева есть стабильные группы характеров, которые могут быть иерархически разделены на следующие категории:

- а) архаичные характеры (люди прошлых времен);
- б) характеры более низкого уровня;
- в) характеры более высокого уровня.

Первая категория представляет людей давно минувших времен. Они отличаются от нового поколения величественным покоем и сознанием надлежавшего достоинства. Типичными представителями этой категории являются Марфа Тимофеевна Пестова («Рудин»), Арина Васильевна Базарова («Отцы и дети»), Антон – слуга Лаврецкого («Дворянское гнездо»), Тимофеич – бывший слуга Базарова («Отцы и дети»).

Эгоизм объединяет людей второй категории, это персонажи более низкого уровня. Цель их жизни заключается в достижении личного успеха. Но на своем пути они не имеют ни счастья в любви, ни нравственной жизни. Они не в состоянии изменить свой статус в обществе. Типичными представителями этой категории являются Пандалевский и Пигасов («Рудин»), отец Лизы Калитиновой и Варвара Павловна – жена Лаврецкого («Дворянское гнездо»), Паншин и Годеновский («Дворянское гнездо»), Курнатовский и Николай Артемьевич Стахов («Накануне»).

Третья категория – персонажи более высокого уровня – выводит на сцену людей честных, деликатных, смелых. Они не в состоянии творить зло, служить для карьеры или других преимуществ. Они ценят молодых людей, свободу, сохраняют традиции и историю. Они представляют собой «золотой средний путь». Они могут наслаждаться жизнью. Это наилучшая из всех категорий. Типичными представителями этой категории являются Лежнев и Волынцев («Рудин»), Ба-

систов и Михалевич («Рудин»), Берсенев и Шубин («Накануне»), Павел, Николай и Аркадий Кирсановы («Отцы и дети»).

За рамками данной иерархической схемы – главные герои романов Тургенева: Рудин, Лаврецкий («лишние люди»), Базаров («новые люди»), Елена Стахова и Инсаров. В определении, данном ученым типу героя, относящегося к этой категории, содержится прямое указание на его высшее назначение – быть историческим человеком. В понимании Марковича, исторический человек – это «эпохальный человек в самом высоком смысле этого слова. Через него реализуются высшие возможности эпохи, через него входят в мир творческие импульсы прогресса» [Маркович, 1975, с. 91–92].

Проблемой тургеневского «лишнего человека» в словацкой литературе и русистике занимался А. Червеняк. По его мнению, в творчестве И. С. Тургенева есть несколько этапов развития, несколько основных типов «лишнего человека». Первая стадия тургеневских «лишних людей» состоит из так называемых могижан романтизма, воспитанников печоринской школы¹. Тургенев вскрывает их внутреннюю пустоту, их лживость и ненужность. Это полемика и в то же время отрицание романтического типа, получившего широкое распространение не только в русской, но и в европейской литературе. На этом этапе Червеняк включает такие фигуры, как Лучков («Бретор»), Лучинов («Три портрета»), Горский («Где тонко, там и рвется»).

Второй этап составляют фигуры типа Вязовинина, Астахова, Веретьева или Чулкатурина. Если в предыдущем случае это была полемика, то здесь в дело вступает объяснение характера как психологического типа, пока без исторической и социальной обоснованности. Вместо грубости появляются эгоизм, властность и моральная пустота, мягкость, мечтательность и некоторая интеллектуальность. Например, о Веретьеве общество думает, что, «если бы он не погубил себя, черт его знает, что могло бы из него получиться...» Но Тургенев не соглашается: «Эти люди были неправы: из Веретьевых никогда ничего не может получиться» [Тургенев, 1960, с. 110] – они, действительно, более разносторонне развиты, чем их окружающие, но, может быть, именно поэтому – подобно Веретьеву – они очень хорошо осознают свою абсолютную и принципиальную ненужность. Чулкатурин умирает в пору цветущей весны, понимая, что он «никчемный, бесполезный» в жизни. Он размышляет: «Чем глубже я погружаюсь в себя, чем внимательнее оглядываюсь на свою прошлую жизнь, тем больше убеждаюсь в жестокой истине этого выражения. Ненужное – и все» [Там же, с. 141]. Если в первой группе полемика перешла в сатиру, то во второй группе мы находим как бы авторскую грусть о напрасно потерянных жизнях. Тургенев пытается найти причины этой бесплодности.

На третьем этапе Червеняк классифицирует психологический тип бесполезного лишнего человека, который конкретизируется историческим и социальным обоснованием. Гамлет, как исконный тип человеческих качеств, входит в русскую почву и становится «Гамлетом Щигровского уезда». Мы считаем, что эти два рассказа являются ключом к пониманию поэтики тургеневского романа, в том числе и его литературных героев. Но у Гамлета Щигровского уезда и Алексея Петровича общего больше, чем индивидуального; внимание автора скорее сосредоточено на объяснении причин и закономерностей возникновения данного типа, чем на его индивидуализации.

---

¹ См.: Гершензон М. Мечта и мысль И. С. Тургенева. М., 1919.

Четвертая (последняя) группа представлена лишними людьми, бесполезными как представители определенной психолого-исторической и социальной группы на том или ином этапе духовного и социального развития российского общества. Речь идет о ненужности как о социальной непродуктивности героя. При таком понимании «ненужности» можно «реабилитировать» бесполезных людей – Онегина, Печорина, Бельтова, Рудина, Лаврецкого, Обломова и других, которых Добролюбов в статье «Что такое “обломовщина”?» назвал дураками. Революционный демократ доказал бесполезность помещичьего класса, который накануне революции стал препятствием для общественного прогресса. На основе практики, так называемой «настоящей критики», Добролюбов изображал помещиков с качествами литературных героев, что, конечно, сводило их индивидуальные различия и богатое идейное содержание лишь к социально-политической сущности. Бесполезность «лишних людей» для Добролюбова – категория не идейно-эстетическая, а социально-политическая.

В эту группу развития человека Червенияк включает людей сороковых годов – Рудина и Лаврецкого с их жизненными идеями и целями. Он оценивает Берсенева и Шубина как людей качественных, но накануне революционной ситуации шестидесятих годов они социально и идеологически бесполезны. То же самое он говорит о Литвинове, Нежданове и др. [Червенияк, 1968, с. 52–132]. С трактовкой Червенияка этапов формирования тургеневских «лишних людей» можно согласиться. Отдельные этапы фактически представляют этапы развития авторского понимания сущности бесполезного человека. Неприятие этих различий значило бы в основе своей внеисторическое упрощение и искажение идейно-эстетического наследия Тургенева.

Верим мы в сущность «маленького человека» или нет, важно отметить другое: одной из наиболее заметных черт православного образа мышления, веками складывавшегося у русского народа, является акцент на так называемую соборность – подчинение обществу и его нормам. Эта черта особенно значима и в контексте развития фигуры «лишнего человека». Человек, живя в данном обществе, имеет определенные обязательства по отношению к нему. Это важнее в православном мышлении, чем развитие собственных способностей. Уникальность человека, развитие его индивидуальности и собственного взгляда на мир второстепенны, даже не важны².

Итак, в результате различного рода внешних воздействий, импульсов и в целом естественного развития общества и всех сфер его жизни, включая художественную литературу, к концу XIX в. начал формироваться тип литературного героя, соответствующий новым (все более революционным) требованиям русского общества. В то время уже в полной мере раскрылись глубокие противоречия, возникшие в обществе, что вскоре также проявилось в литературных произведениях писателей того времени – непосредственных свидетелей русской истории. На передний план в их творчестве начали выходить общечеловеческие, философские темы о смысле бытия, о нравственности и духовности. Больше стало появляться религиозных тем. Закономерно изменялся также главный герой литературных произведений. Как утверждает В. В. Виноградов, «структура образа персонажа основана на сложных приемах сказовой или диалогической речевой

---

² См.: *Митрополит Иерофей*. Православная духовность. Определение понятия «православная духовность». 2019. URL: <https://cyplive.com/news/news-religion/pravoslavnyaya-duhovnost-opredelenie.html> (дата обращения 01.01.2023).

характеристики, на разнообразных способах и формах связей и отношений речи этого персонажа со стилем автора и с речами других персонажей, на динамике смысловых превращений и изменений текста и контекста, а также ситуаций действия в литературном произведении» (цит. по: [Ладыгин, 2018, с. 109–110]).

В свете текущих общественно-исторических событий начала XX столетия и атмосферы «Серебряного века» вновь в русской литературе появляется модель «маленького человека». В плане его описания почти ничего не меняется, и метафорический «футляр» сохраняет все характеристики героя с низкой самооценкой, одетого, например, в повседневную одежду. Основные изменения происходят в его микрокосме, в том, как он из своей «нищеты» воспринимает грядущие перемены в стране и свой социальный статус в обществе. Таким образом, «маленький человек» в начале XX в. приобретает другие, новые личностные качества, которые более точно отражают страдания, переживания и изменения в сознании реального человека того времени в соответствии с разнообразием художественных направлений Серебряного века (правда, одно дело «маленький человек» у неореалистов, как, например, Чирикова и др., и совсем иное дело у символистов, например, у Федора Сологуба). Однако в целом можно сказать, что «маленький человек» осознает свое положение в обществе и то, что он тоже может или мог бы стать тем, кто изменит ситуацию. Чаще всего он находится под сильным и непосредственным влиянием определенной идеологии, которая становится для него смыслом жизни, настоящим, с его точки зрения, светом к спасению в смысле обретения своего места в обществе. В качестве примера можно привести повесть «Гражданин Уклеikin» (1907) И. С. Шмелева. Писатель хотя и изображает традиционную для русской литературы XIX в. модель «маленького человека» в лице главного героя Уклеикина, но он в совершенно иной ситуации и, можно сказать, размышляет и ощущает себя по-другому. По мнению М. Ю. Смирновой, «в русском литературоведении считается, что образ Уклеикина принадлежит к тому разряду “беспокойных”, ищущих людей, которых впервые описал Глеб Успенский в образе рабочего Михаила Ивановича, который в полный голос заговорил о правах “маленького человека” на нормальную жизнь (“Разоренье”, 1869)» [Смирнова, 2018, с. 624]. Главным чувством героя становится до этого для него не знакомое чувство собственной значимости, в его собственном понимании себя он уже вовсе не такой «маленький» среди других людей. Свое «новое» положение в обществе полностью раскрывает в диалоге с женой: «Я теперь... Знаешь ты, кто я теперь?... Гражданин!.. Ей-богу!..» [Шмелев, 1960, с. 39]. Новый смысл жизни главного героя, полученный в результате революционного настроя в стране, изменил и его характеристику – теперь он участвует в народных собраниях, активно включается в общественную жизнь, и кажется, что он наконец-то нашел свое место и роль в обществе. Однако судьба Уклеикина не имеет счастливого эпилога. Уклеикин после раскрытия любовных отношений между его женой и жильцом Семёном вновь постепенно теряет лишь недавно приобретенный смысл жизни, словно «в душу ползла пустота, что делала жизнь без выхода, от которой он и хотел уйти куда-нибудь, где бы ни пути, ни дороги не было, а так... лес» [Там же, с. 96]. Как заметил И. Догнал, «практическая реализация идеологических идеалов и сделанных на их основе идей Уклеикина оказалась совсем не такой быстрой, как Уклеикин по своей наивности мог себе представить – не были избраны “его” делегаты, а после возвращения делегатов с собрания его жизнь и обеспечение его семьи

были все такими же трудными, а желаемое лучшее будущее не наступило»³ [Догнал, 2008, с. 70]. В эпилоге шмелевского произведения главный герой погибает, тем самым наглядно демонстрируя мнение писателя о том, что даже новые идеологические постулаты не приносят реального улучшения «маленьким людям», которые, более того, подвергаются новому, еще более страшному давлению со стороны окружения, сводящему их с ума. Задачей зарождающейся «новой» русской литературы в ходе Гражданской войны 1917–1922 гг. в России было показать другого и лучшего в сравнении с прежним литературного героя.

Социально-политическая ситуация первой четверти XX в. привела к дальнейшему прогрессу типа главных героев. В русской литературе появляется модель человека-революционера, который по своим личным качествам превосходил всех прочих героев и других персонажей. В произведениях создавалась атмосфера светлого будущего, в отличие от абсурда и трагизма человеческого существования (например, как в пьесе «Жизнь Человека» Л. Н. Андреева). Героя-революционера (Павел Власов) мы находим уже в романе М. Горького «Мать» (1906), но своего апогея этот образ достигает позже, в романах «Разгром» А. А. Фадеева (Левинсон, Морозка), «Как закалялась сталь» Н. А. Островского (Павел Корчагин) и др. В некоторых произведениях такой герой представлен в виде коллективного персонажа, как, например, человеческая масса в романе А. С. Серафимовича «Железный поток». Все эти писатели так или иначе создавали в литературном произведении образ комплексного и целостного литературного героя, отображающего настроение общества того времени. На целостности как типологической черте образа настаивает Н. К. Гей, утверждая, что «разделительную черту в образе нельзя провести нигде, ни один элемент, ни один уровень художественного целого не отъединен от целого, а переходит во все другие. Образ – целостен, в этом условии целостности произведения, а целостность произведения, в свою очередь, гарантирует внутреннее единство образа» [Гей, 1975, с. 42].

Разумеется, образ главного героя русской классической литературы с годами менялся и стал своеобразным и субъективным зеркалом людей определенной эпохи. В представленной нами статье мы попытались указать на некоторые факты, повлиявшие на его формирование. Можно сказать, что в рассматриваемый период (приблизительно с 1825 по 1925 г.) все больше ощущается тенденция русских писателей к изображению сокровенных уголков человеческой души. Заметно стремление сказать в вымышленном мире литературы то, что невыразимо в реальном мире. Именно это и привело к появлению сюжетов с глубоким смыслом, который довольно трудно интерпретировать без определенных знаний литературы, истории и биографии данного писателя. Важным моментом в формировании главного героя, как и в литературной жизни начала 20-х гг. XX в. в целом, явилось разделение русской литературы на отечественную и эмигрантскую. Когда стало очевидно, что «конечной целью Пролеткульта было де-факто упразднение писательства и овладение литературной деятельностью рабочим классом» [Пешкова, 2012, с. 30], русские писатели (и деятели культуры, науки, искусства), которые не приняли советской власти, решили эмигрировать за пределы России (И. С. Шмелев, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, В. В. Набоков, М. Цветаева

---

³ Из чешского оригинала: «Praktická realizace ideologických ideálů a představ, které si na jejich základě Uklejkin udělal, vůbec nebyla tak rychlá, jak by si to byl Uklejkin ve své naivitě představoval – nebyli zvoleni „jeho“ delegáti, i po návratu delegátů ze shromáždění byl jeho život a zabezpečení rodiny stále stejně těžký a kýžená lepší budoucnost nenastala» (перевод наш. – А. Р., И. Ц.).

и др.). За рубежом писатели создавали новые литературные центры (особенно в Париже, Берлине и Праге). С ними в дальнейшем связано развитие русской литературы зарубежья, в которой, как утверждает Ю. В. Матвеева, писатели «...попытались сохранить то устройство русского мира, которое могло хоть в какой-то мере заменить потерянную для них и уничтоженную в реальности Россию прошлого» [Матвеева, 2017, с. 6]. О несравнимой разнице во взгляде на мир и на будущее свидетельствуют следующие модели главных героев, появившиеся в обеих ветвях русской литературы, которые стало возможным полноценно сопоставить только с 1990-х гг. в контексте феномена возвращенной литературы.

Список литературы

- Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. М.: Сов. Россия, 1984. 94 с.
- Белинский В. Г.* Избранные философские произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 2. 512 с.
- Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934. 324 с.
- Вайль П.* Смерть героя // Знамя. 1984. № 11. С. 223–233.
- Гараев Я.* Реализм: искусство и истина. Баку: Элм, 1980. 259 с.
- Гей Н. К.* Художественность литературы. Поэтика. Стилль. М.: Наука, 1975. 472 с.
- Догнал Й.* Маленький человек и его контакт с идеологией у И. Шмелёва // Славяна Литтерария (SPFFBU, X). 2008. Т. 11, № 2. С. 63–71.
- Ладыгин М. Б.* Литература: Новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ. М.: АСТ, 2018. 350 с.
- Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.
- Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 152 с.
- Матвеева Ю. В.* Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2017. 92 с.
- Пешикова М.* Идея «нового человека» в русской литературе 1920-х и 1930-х годов. Прага: ZČU, 2012. 212 с.
- Синякова Л. Н.* «Лишний человек» в эпоху 1860-х годов: характер главного героя романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, № 2. С. 81–90.
- Смирнова М. Ю.* Современная рецепция повести И. С. Шмелева «Гражданин Уклеин» в России и в Восточной Европе // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2. С. 622–626.
- Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: РГГУ, 1995. 512 с.
- Тургенев И. С.* Гамлет и Дон Кихот. Братислава: Татран, 1977. 773 с.
- Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1960. Т. 1. 637 с.
- Ханцес Е.* Лишний человек в русской литературе // Спутник по русской литературе. Лондон; Нью-Йорк: Routledge, 2001. С. 111–122.
- Червенияк А.* Ваянский и Тургенев. Братислава: Изд-во SAV, 1968. 193 с.
- Шмелев И. С.* Повести и рассказы. М.: Гослитиздат, 1960. 462 с.

References

Belinskiy V. G. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya: V 2 t.* [Selected philosophical works: In 2 vols.]. Moscow, Mysl', 1979, vol. 2, 512 p.

Belinskiy V. G. *Sochineniya Aleksandra Pushkina* [The works of Alexander Pushkin]. Moscow, Sov. Rossiya, 1984, 94 p.

Belyy A. *Masterstvo Gogolya* [Gogol's mastery]. Moscow, Leningrad, Gos. izd. khudozh. lit., 1934, 324 p.

Chervenyak A. *Vayanskiy i Turgenev* [Vayansky and Turgenev]. Bratislava, Izd. SAV, 1968, 193 p.

Garaev Ya. *Realizm: iskustvo i istina* [Realism: art and truth]. Baku, Elm, 1980, 259 p.

Gey N. K. *Khudozhestvennost' literatury. Poetika. Stil'* [Artistry of literature. Poetics. Style]. Moscow, Nauka, 1975, 472 p.

Dognal Y. Malen'kiy chelovek i ego kontakt s ideologiyey v I. Shmeleve [The little man and his contact with ideology in I. Shmelev]. *Slavitsa Litterariya (SPFFBU, X)*. 2008, vol. 11, no. 2, pp. 63–71.

Khantses E. Lishniy chelovek v russkoy literature [The Superfluous Man in Russian Literature]. In: *Sputnik po russkoy literature* [A companion to Russian literature]. London, New York, Routledge, 2001, pp. 111–122.

Ladygin M. B. *Literatura: novyy polnyy spravochnik dlya podgotovki k EGE* [Literature: a new complete reference book for preparation for the USE]. Moscow, AST, 2018, 350 p.

Mann Yu. V. *Poetika Gogolya. Variatsii k teme* [Gogol's poetics. Variations to the theme]. Moscow, Coda, 1996, 474 p.

Markovich V. M. *Chelovek v romanakh I. S. Turgeneva* [Man in the novels of I. S. Turgenev]. Leningrad, LSU, 1975, 152 p.

Matveeva Yu. V. *Russkaya literatura zarubezh'ya: tri volny emigratsii 20 veka* [Russian literature abroad: three waves of emigration of the 20th century]. Ekaterinburg, Ural. uni., 2017, 92 p.

Peshkova M. *Ideya "novogo cheloveka" v russkoy literature 1920-kh i 1930-kh godov* [The idea of the "new man" in Russian literature of the 1920s and 1930s]. Praga, ZČU, 2012, 212 p.

Shmelev I. S. *Povesti i rasskazy* [Novels and stories]. Moscow, Goslitizdat, 1960, 462 p.

Sinyakova L. N. "Lishniy chelovek" v epokhu 1860-kh godov: kharakter glavnogo geroya romana A. F. Pisemskogo "Vzbalamuchennoe more" ["Superfluous man" in the era of the 1860s: the character of the protagonist of the novel by A. F. Pisemsky "Stirred Sea". F. Pisemsky's The Stirred Sea]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2007, no. 2, pp. 81–90.

Smirnova M. Yu. Sovremennaya retsepsiya povesti I. S. "Shmeleva Grazhdanin Ukleykin" v Rossii i v Vostochnoy Evrope [Modern reception of the story by I. S. Shmelev "Citizen Ukleikin" in Russia and in Eastern Europe]. *The world of science, culture and education*. 2018. no. 2, pp. 622–626.

Toporov V. N. "Bednaya Liza" Karamzina. *Opyt prochleniya k dvukhsotlshitiyu so dnya vykhoda v svet* ["Poor Liza" by Karamzin. Experience of reading to the bi-centennial of the publication]. Moscow, RSUH, 1995, 512 p.

Turgenev I. S. *Gamlet i Don Kikhot* [Hamlet and Don Quixote]. Bratislava, Tatran, 1977, 773 p.

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30-i tomakh* [Complete collection of works and letters in 30 volumes]. Moscow, Nauka, 1960.

Vayl' P. Smert' geroya [Death of a hero]. *Znamya*. 1984. no. 11, pp. 223–233.

Информация об авторах

Антон Репонь, доктор философии, доцент кафедры славянских языков философского факультета Университета им. Матея Бела (Банска Быстрица, Словацкая Республика)

Игорь Цинтула, доктор философии, старший преподаватель кафедры славянских языков философского факультета Университета им. Матея Бела (Банска Быстрица, Словацкая Республика)

Information about the authors

Anton Repoň, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University (Banská Bystrica, Slovak Republic)

Igor Cintula, Doctor of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University (Banská Bystrica, Slovak Republic)

Статья поступила в редакцию 07.06.2024;

одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 25.07.2024

The article was submitted on 07.06.2024;

approved after reviewing on 25.07.2024; accepted for publication on 25.07.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/92/6

Л. Н. Толстой в художественном сознании С. А. Есенина: к истории вопроса

Светлана Андреевна Серегина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

serjogina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1695-5464>

Аннотация

С опорой на документальные свидетельства обозначены произведения Л. Н. Толстого, которые составляют важный контекст религиозно-философских представлений С. А. Есенина: это прежде всего народные рассказы, сборник «Круг чтения» и трактат «В чем моя вера?». На основе сравнительного анализа сделан вывод о том, что представление Л. Н. Толстого о «всеобщем братстве людей» стало одним из источников есенинского образа «братья-люди». Доказывается, что в том числе благодаря знакомству с произведениями Толстого Есенин обращается к поиску нового и истинного христианства с возможностью утвердить «свою веру». В качестве ближайших источников образа «светлого гостя» в поэме Есенина «Преображение» рассматривается образ Христа-гостя в народных рассказах Толстого.

Ключевые слова

С. А. Есенин, Л. Н. Толстой, литература, круг чтения, источник, образ, контекст, христианство

Благодарности

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-01038 «Н. А. Клюев и С. А. Есенин в диалоге с классиками и современниками: традиции и новаторство»)

Для цитирования

Серегина С. А. Л. Н. Толстой в художественном сознании С. А. Есенина: к истории вопроса // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 92–103. DOI 10.17223/18137083/92/6

© Серегина С. А., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 92–103

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 92–103

Leo Tolstoy in the artistic consciousness of Sergei Yesenin: toward a history of the question

Svetlana A. Seregina

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

serjogina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1695-5464>

Abstract

Based on documentary evidence, the works of Leo Tolstoy are identified, which form an important context for the religious and philosophical ideas of S. A. Yesenin: these are primarily folk stories, the collection Circle of Reading and the treatise “What is my Faith?”. Based on a comparative analysis, it is concluded that Leo Tolstoy’s idea of the “universal brotherhood of man” became one of the sources of Yesenin’s “human brothers” image. It is proved that, among other things, thanks to his acquaintance with Tolstoy’s works, Yesenin turns to the search for a new and true Christianity with the opportunity to affirm “his faith.” The image of Christ the guest in Tolstoy’s folk stories is considered as the closest sources of the image of the “bright guest” in Yesenin’s poem “The Transfiguration”.

Sergei Yesenin, Leo Tolstoy, literature, reading circle, source, image, context, Christianity

Acknowledgments

The study was conducted at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Russian Science Foundation (project no. 25-28-01038, “N. A. Klyuev and S. A. Yesenin in Dialog with Classics and Contemporaries: Traditions and Innovation”)

For citation

Seregina S. A. Leo Tolstoy in the artistic consciousness of Sergei Yesenin: toward a history of the question. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 92–103. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/6

Впервые тема «Есенин и Толстой» возникла в воспоминаниях современников поэта. В 1926 г. Л. М. Клейнборт писал о том, что Есенин знал Толстого «преимущественно по народным рассказам» [Клейнборт, 1986, с. 172] и в художественно-философском наследии писателя ему «было ближе всего отношение к земле» [Там же]. Вывод Клейнборта зиждился на основе его знакомства с рукописью Есенина, из которой сохранился только отрывок «<О Глебе Успенском>»: эту не дошедшую до наших дней в полном объеме рукопись Есенин подготовил в 1915 г. по просьбе самого критика, работавшего с 1914 г. над книгой отзывов читателей из народа об известных русских писателях. Мемуарные свидетельства друзей юности Есенина позволяют уточнить вывод Клейнборта. Так, Н. А. Сардановский вспоминал, что в 1911 и 1912 гг. поэт «проявлял себя как рьяный вегетарианец и толстовец» [Летопись..., 2003, с. 125], а его «общественные убеждения до 1913 года заключали в себе значительную дозу толстовства с его преклонением перед образом русского крестьянина» [Там же]. Благодаря Г. Л. Черняеву – соученику Есенина по Спас-Клепиковской учительской школе – мы располагаем косвенными свидетельствами о толстовском круге чтения поэта. Черняев вспоминал о собраниях ученического кружка на квартире друга Есенина Г. А. Панфилова: «Мы в наших беседах и спорах стали касаться вопросов тогдашней общественной жизни. Читали и обсуждали роман Л. Толстого “Воскресение”, его трактат “В чем моя вера?” и другие книги писателя. Мечтали побывать в Ясной Поляне

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3

(поездка не состоялась из-за денежных затруднений). Толстовские идеи сильно захватили тогда и Есенина» [Прокушев, 1963, с. 84–85].

Новым этапом в развитии темы «Есенин и Толстой» стала работа Л. А. Архиповой по описанию книг и фрагментов книг, хранящихся ныне в фондах Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в с. Константиново Рязанской области. Благодаря публикации Л. А. Архиповой [2001] стало известно, что в личной библиотеке Есенина находился «Круг чтения» Л. Н. Толстого, а разыскания С. И. Субботина позволили уточнить, что в фондах музея сохранились «с. 21–28 первого (1911) и с. 49–54 и 59–304 третьего (1912) выпусков “Круга чтения”» [Субботин, 2006, с. 339]. Этот вывод исследователь дополнил убедительным предположением: «Скорее всего, юный поэт приобрел все четыре выпуска этого издания, но в полном виде они до наших дней не дошли» [Там же]. Впервые тема «Толстой и Есенин» получила доказательное обоснование в комментариях С. И. Субботина к тому писем в Полном академическом собрании сочинений Есенина (1995–2002), где текстолог выявляет непосредственные следы чтения поэтом сочинений Толстого [Субботин, 1999].

Значительный вклад в изучение толстовского сюжета в творчестве Есенина внесла В. Ю. Евдокимова¹. Исследовательница ввела в научный оборот новые архивные материалы, на основании которых можно сделать вывод о книгах Толстого, которые «входили в круг чтения Есенина с детских лет» [Евдокимова, 2016, с. 86]. Это народные рассказы, в том числе «Бог правду видит», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно», «Три смерти», «Упустишь огонь – не потушишь», «Чем люди живы» [Там же, с. 87]. Толстовский круг чтения Есенина В. Ю. Евдокимова дополняет обнаруженной ею в фондах ГМЗЕ хрестоматией В. А. Мартыновского² с избранными произведениями Толстого: «Кавказский пленник», отрывок из романа «Детство. Отрочество. Юность» и «Севастопольские рассказы».

В 1910–1912 гг. повышенный интерес к наследию Толстого в русском обществе был вызван в том числе и драматическими обстоятельствами ухода писателя. Следствием этого интереса стали не только многочисленные публикации, посвященные осмыслению наследия Толстого, но и лекции о его религиозной философии. Так, 14 ноября 1911 г. в Рязанской духовной семинарии была прочитана лекция о Л. Н. Толстом, имевшая «большой успех» [Лекция..., 1911, с. 170]. Лекция прот. П. И. Алфеева была нацелена на критику учения Толстого, тем не менее сам факт ее проведения мог привлечь дополнительное внимание Есенина к наследию писателя. Отклик на лекцию был опубликован в «Рязанских епархиальных ведомостях, издаваемых при Братстве св. Василия Рязанского» [Лекция..., 1911, с. 170], которые входили в круг чтения юного поэта.

Интерес Есенина к наследию Толстого был вызван не только реальным контекстом, учебным планом и увлечениями спас-клепиковского ученического кружка³, но и расширением круга чтения поэта с 1911 г. В июле 1911 г. Есенин пишет Панфилову о своем посещении Москвы: «Купил себе книг штук 25» [Есенин,

---

¹ Ныне (2025 г.) заведующая отделом научно-экспозиционной и выставочной деятельности Государственного музея-заповедника С. А. Есенина.

² Трехтомная хрестоматия, впервые увидевшая свет в 1887 г., выдержала несколько изданий. См., например: [Русские писатели, 1889–1897].

³ В Спас-Клепиковской второклассной учительской школе Есенин обучался в 1911–1912 гг.

1999, т. 6, с. 9] ⁴. Вполне вероятно, именно в это время Есенин приобретает для личной библиотеки толстовские сочинения, в том числе сборник «Круг чтения».

Устойчивый образ «Круга чтения» *люди-братья* является одним из ведущих для позднего Толстого. В этом сборнике словами Иосифа (Джузеппе) Мадзини Толстой подкрепляет свою мысль о том, что религия освящает ту связь, которая «соединяет всех людей, как братьев, имеющих один общий источник происхождения, одну общую задачу жизни и одну общую конечную цель» [Круг чтения, 1911, с. 8]. Категория *всечеловеческого братства* не только организует художественно-философское пространство народных рассказов Толстого: ее религиозная составляющая – принципиально важная для писателя – рельефно обозначена в соответствующим образом подобранных эпиграфах из Евангелия. Так, рассказ «Упустишь огонь – не потушишь» предваряет цитата из гл. 18 Евангелия от Матфея ⁵ [Толстой, 1885а, с. 1], «Чем люди живы» – слова гл. 3 и 4 Первого послания Иоанна ⁶ [Толстой, 1886, с. 1]. Несомненно, Есенин был знаком с этими христианскими максимами до чтения народных рассказов Толстого. Однако евангельские слова о братстве, вынесенные в качестве эпиграфов, обретали особую силу: их религиозно-философский смысл получал подтверждение в убедительном художественном высказывании.

В сочинении Толстого «В чем моя вера?» (1883–1884), которое упоминает соученик Есенина Г. Л. Черняев, образ братьев возникает в толкованиях Толстого на разные места Евангелия, в том числе на послания Иакова (гл. 2 и 4) ⁷: «Иаков увещевает братьев не делать различия между людьми. <...> Но если смотрите на лица, делаете различие между людьми, то делаетесь преступниками закона милосердия» [Толстой, 1906, с. 28–29]. Настойчивая мысль трактата Толстого заключается в том, что христианство – это «учение смирения, любви и всеобщего братства» [Там же, с. 85] и что только «любя братьев и будучи в мире с ними, можно войти в <царство Бога>» [Там же, с. 90]. Будущая жизнь мыслится Толстым как время, когда «все люди будут братья, и всякий будет в мире с другим» [Там же, с. 91]. Наконец, образ *людей-братьев* возникает в словах Толстого против войны: «Знай, что все люди – братья и сыны одного Бога, и не нарушай мира ни с кем во имя народных целей» [Толстой, 1906, с. 91]. Толстовская идея *неразделения людей в их всеобщем братстве* кажется органичной и близкой стихотворению Есенина «Брату Человеку» (<1911–1912>). Это произведение интересно не своим слабым художественным содержанием, но как поэтический документ, раскрывающий начальный этап формирования есенинского этического и философского идеала. Здесь Есенин обращается к демократической традиции русской литературы, в том числе к творчеству Н. А. Некрасова и его образу пахаря-страдальца. Однако некрасовский гуманизм не предполагал *братства* с «мужи-

---

⁴ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются номер тома и страница.

⁵ «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18: 21–22).

⁶ «Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти» (1 Ин. 3: 14) и др.

⁷ «Не злословьте друг друга, братия: кто злословит брата или судит брата своего, тот злословит закон и судит закон; а если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья» (Иак. 4: 11); «Братия мои! имейте веру в Иисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица» (Иак. 2: 1).

ком» – в этом его принципиальное отличие от есенинского отношения к «страдальцу сохи с бороной»: «Тяжело и прискорбно мне видеть, / Как мой брат погибает родной» (т. 4, с. 32). Несамостоятельность поэтического языка отчасти компенсируется уже по-есенински звучащим образом – «жалости нежной»: «Или нет в тебе жалости нежной / Ко страдальцу сохи с бороной?» (т. 4, с. 32). Этот образ звучит как поэтическое воплощение толстовского «закона милосердия». Для Есенина незнакомый страдалец становится «братом родным», а творческая задача мыслится как призыв к борьбе с «неволей», «нуждой» «брата» и его близкой «гибелью».

Конечно, было бы неверно сводить есенинский идеал «брата человека» исключительно к религиозно-философскому содержанию трактата «В чем моя вера?»: не только потому, что в стихотворении явственно звучит демократическая традиция русской литературы. У Есенина риторика борьбы за права «брата» подразумевает разрешение на ненависть к его врагам: «И стараюсь я всех ненавидеть, / Кто враждует с его тишиной» (т. 4, с. 32), – что, конечно, шло вразрез с толстовством. Это же этическое противоречие возникает в стихотворении 1912 г. – «Поэт» («Не поэт, кто слов пророка...»):

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда – мать,
Кто людей как братьев любит
И готов за них страдать
(т. 4, с. 29).

Нравственное кредо поэта включает в себя не только понимание *людей как братьев* и готовность за них страдать, но и идею борьбы с врагом. «Брату Человеку» и «Поэт» обнажают исток есенинской диалектики братства и скрытый в ней внутренний разлад, который остро заявит о себе в творчестве поэта в 1917 г. В революционные годы уже на новом этапе поэтической и мировоззренческой зрелости Есенин возвращается к философской дихотомии юности. Если раньше понимание *людей как братьев* оказывалось рядом с призывом «проливать с врагами кровь», то в революционные годы славословие «Нового Назарета» сопряжено не только с призывом «сгинуть», обращенным к непонимающим «чуда» русской революции, но – в более жесткой форме – «души бросать бомбами» (см. третьи четверостишие поэмы «Небесный барабанщик» (1918): «Души бросаем бомбами, / Сеem пурговый свист» (т. 2, с. 69)).

Мифопоэтическим фоном этого полемического противостояния в художественном сознании Есенина было представление о социальной революции как революции духа: «Радуйтесь! / Земля предстала / Новой купели!» (т. 2, с. 26), – обращается Есенин к современникам в поэме «Певущий зов» (1917). Здесь же звучит мотив борьбы, сопряженный с пафосом утверждения национального чуда: «Сгинь, ты, английское юдо, / Расплещися по морям! / Наше северное чудо / Не постичь твоим сынам!» (т. 2, с. 27). Однако финал поэмы вступает в художественно-философское противостояние с этой непримиримой риторикой:

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!

Все мы – яблони и вишни
Голубого сада.

Все мы – гроздья винограда
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла и света!

Кто-то мудрый, несказанный,
Всё себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых – сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!
(т. 2, с. 28–29)

Вновь возникающий образ людей-братьев маркирует смену лирической тональности: восторженный пафос агитации уступает место поэтической проповеди о неприятии победы ценой крови. «Дань», которую вместе с победой приносит «кровожадный витязь», – это символический образ жертв. Риторике войны противопоставлена философия любви и веры, восходящая в том числе к Толстому. «Голубой сад» воплощает идею всечеловеческого братства и духовного всеединства: как и образ «виноградных гроздьев», он восходит к евангельской притче о виноградарях (Мф. 21: 33–42). Толстой дает такое толкование этой притче: «По учению Христа, как виноградарь, живя в саду, не ими обработанном, должны понимать и чувствовать что они в неоплатном долгу перед хозяином, так точно и люди должны понимать и чувствовать, что, со дня рождения и до смерти, они всегда в неоплатном долгу перед кем-то, перед жившими до них и теперь живущими и имеющими жить, и перед тем, что было и есть и будет началом всего» [Толстой, 1906, с. 115]. Есенин дает убедительное поэтическое воплощение толстовского «понимания и чувствования» того, что все люди живут в «саду» в «неоплатном долгу перед кем-то»: примечательно, что и в «Певущем зове» возникает глубокий символический образ «несказанного» «кого-то» с его победой над смертью и проповедью мудрости, «тепла и света», веры и любви. Трактат Толстого «В чем моя вера?» раскрывает неизбежность пути к подлинной вере («я не могу не верить в эти заповеди» [Там же, с. 199]) и утверждает абсолютную любовь как наивысшую ценность: «Сказать – подставить щеку, любить врагов – это значит выразить сущность христианства» [Там же, с. 115]. Строки поэмы «Певущий зов» «Ты не нужен мне, бесстрашный, / Кровожадный витязь» – это поэтический ответ Есенина на свой собственный вопрос, идущий еще с юности – проливать ли с врагами кровь за братьев. В финале «Певущего зова» Есенин дает однозначный отрицательный ответ: риторика борьбы преодолена. Евангельский исток образов «тепла и света» усилен для Есенина оптикой Толстого: «Христос прежде всего учит тому, чтобы люди верили в свет, пока свет еще в них» [Толстой, 1906, с. 139]. Писатель так комментирует слова из гл. 5 Евангелия от Матфея⁸: «Я верю, что разумная жизнь – свет мой на то только и дан мне, чтобы светить перед

---

⁸ «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16).

человеками не словами, но добрыми делами, чтобы люди прославляли Отца» [Там же, с. 208].

* * *

С именем Толстого в художественном сознании Есенина прямо связаны тема религиозного поиска и его путь к новому и истинному христианству. Впервые имя Христа возникает не в художественных произведениях Есенина, а в его письме Г. А. Панфилову в ноябре 1912 г.: «Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? *А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою* <курсив мой. – С. С.>, как в образец в последовании любви к ближнему» (т. 6, с. 25). С. И. Субботин раскрывает толстовский контекст этих строк, приводя в качестве доказательства цитаты из «Круга чтения» и сочинения Толстого «Путь жизни» (1911) [Субботин, 1999, с. 275–276]. Расширяя и углубляя выявленный исследователем контекст, можно привлечь следующий пассаж из трактата Толстого «В чем моя вера?»: «Учение Христа в том, чтобы возвысить Сына человеческого, т. е. сущность жизни человека – признать себя сыном Бога. В самом себе Христос олицетворяет человека, признавшего свою сыновность Богу» [Толстой, 1906, с. 120]. Есенинская вера в Христа «как в человека» является краеугольным камнем его пути к новому христианству. Ноябрьские рассуждения 1912 г. Есенин продолжит в письме Панфилову весной 1913 г.: «Гений для меня – человек слова и дела, как Христос» (т. 6, с. 33). Однако, как и в случае с Толстым, по отношению к Есенину нельзя говорить о его коренном расхождении с христианской традицией. Активная критика Толстым официального православия стала известна Есенину, судя по всему, довольно рано. Так, в трактате «В чем моя вера?» Толстой крайне отрицательно высказывается о популярном «Толковом молитвеннике» Д. И. Протопопова, который использовался на занятиях в Константиновском земском училище [Летопись..., 2003, с. 468]. Само название трактата вызывало резкую отповедь представителей церкви: *«Моя вера! Вот и достаточно, совершенно достаточно этих двух слов! Известно ли вам, граф Толстой, что мы, православные, твердо и непреложно убеждены в том, что единая правая и спасительная вера – это вера православная, и что вне ее нет спасения?* Представьте же себе, что мы, имея такое убеждение, позволили бы вам и всякому беспрепятственно проповедовать свою веру: что из этого вышло бы?» [Андрей, инок..., с. 7]. Тем не менее представление Толстого о том, что человек «должен в своем собственном опыте открыть путь к вере, к Богу и обрести истинную религию» [Евлампиев, 2018, с. 94], находило отклик у читателей, в том числе и у Есенина. По сути Толстой санкционировал возможность свободной критической оценки христианских догматов и, как следствие, право каждого на «свою веру». Это право Есенин творчески реализовывал в цикле библейских поэм (1917–1919). «Так говорит по Библии / Пророк Есенин Сергей» (т. 2, с. 61), – в эпатазирующей «Инонии» (1918) сокрыто переродившееся зерно толстовского учения. В революционные годы в творчестве Есенина неоднократно прямо или подспудно звучит мысль об историческом христианстве, которое «заслонило своей чернотой свет солнца истины» (т. 5, с. 212). Однако, как и Толстой, Есенин в лучших образцах и образах своего творчества приближается к «точному и глубокому выражению истинного христианства» [Евлампиев, 2018, с. 106]. Один из любимых обоими писателями сюжетов – сюжет древнерусского Пролога о Христе-госте и «о некоем игумене, его же искуси Христос во образе нищаго» [Буслаев, 1861, с. 44]. Есенину сюжет мог быть

известен из разных источников. Так, в личной библиотеке поэта были «Народные русские легенды» А. Н. Афанасьева (М., 1914) [Субботин, 2006, с. 341]. В состав этого сборника входит легенда «Марко Богатый». По легенде, Марко Богатому снится сон: «...приготовься де, Марко Богатый, и ожидай – сам Господь будет к тебе в гости!» [Афанасьев, 1914, с. 43]. Марко устроил большой пир, однако «не дождался Господа» [Там же, с. 44], вернее, не узнал его в убогом, «древнем-древнем» старичке, одетом в рубище. Есенин творчески переосмысливает этот сюжет в стихотворении «Шел Господь пытаться людей в любви...» (1914):

Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.
Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, –
Знать, от голода качается, болезный».
Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь»
(т. 1, с. 42).

Это стихотворение – высокий образец есенинского гуманизма – в качестве своего религиозно-философского истока имеет в том числе и проповедь милосердия Толстого: не только в ее последовательном изложении (сочинения «В чем моя вера?», «О жизни», «Путь жизни» «Христианское учение»), но и в художественном воплощении. Заглавная строка стихотворения Есенина созвучна главной духовной максиме позднего Толстого: «Кто в любви, тот в Боге и Бог в нем, потому что Бог есть любовь» [Толстой, 1886, с. 69]. В рассказе «Чем люди живы» эти слова произносит ангел, за послушание наказанный пребывать в облики странника: ему дает приют живущий в крайней бедности сапожник. Как и дед в стихотворении Есенина, сапожник Семен, разделяя со случайным «гостем» то небольшое, что он имеет, проходит испытание любовью и состраданием: «И обнажилось тело ангела, и оделся он весь светом, так что глазу нельзя смотреть на него, и заговорил он громче, как будто не из него, а с неба шел его голос. И сказал ангел:

– Узнал я, что жив всякий человек не заботой о себе, а любовью» [Там же, с. 67].

Именно это пренебрежение «заботой о себе» во имя абсолютной любви и ради совершенно незнакомого человека составляет общий для Есенина и Толстого фундамент милосердия. То, что в финале рассказа ангел «весь одевается светом», не только является впечатляющей чертой его образа, но позволяет говорить о присутствии в произведении Толстого своего рода архетипа – *светлого гостя*. Этот же архетипический образ возникает в другом рассказе Толстого – «Где любовь, там и Бог». Фабула произведения Толстого восходит к анонимному переводу рассказа французского писателя Рубеня Сайяна «Отец Мартин» в журнале «Русский рабочий» (1884, № 1, с. 3–6) [Сизова, 2019], однако этот источник писатель вновь сочетает с проложным сюжетом об «игумене, к которому пришел Христос в образе нищего» [Державина, 1978, с. 167] и вновь переосмысливает его в том же ключе, что и в рассказе «Чем люди живы». Однако здесь *светлый*

гость – это «Сам Господь» [Толстой, 1885б, с. 14]. Главный герой рассказа – отчаявшийся после смерти сына сапожник Мартын Авдеич – переживает нравственное перерождение за чтением евангельского эпизода о Христе в доме Симона Фарисея: «Такой же, видно, как я, фарисей-то был. Тоже, я чай, только об себе помнил. Как бы чайку напиться да в тепле, да в холе, а нет того, чтобы об госте подумать. Об себе помнил, а об госте и заботушки нет. А гость-то кто? Сам господь. Кабы ко мне пришел, разве я так бы сделал?» [Там же, с. 14]. Дальнейшее развитие сюжета рассказа строится на мотиве *ожидания Христа-гостя*: «Христос ко мне идет» [Там же, с. 16], «все жду Его Батюшку» [Там же, с. 20]. Ожидая Христа в гости, Авдеич совершает благие дела, помогая дворнику, замерзающей женщине с ребенком, мальчику, укравшему у старой торговки яблоко. Финал рассказа раскрывает символический смысл этих встреч – испытаний любовью: «И понял Авдеич, что не обманул его сон, что точно приходил к нему в этот день Спаситель его и что точно он принял Его» [Там же, с. 35].

Архетипический образ Христа-гостя – *светлого гостя* – неоднократно встречается в рождественских рассказах, в том числе у Н. С. Лескова (рассказ «Христос в гостях у мужика», 1881). Этот контекст также важен для Есенина, равно как и евангельский эпизод о Христе у фарисея, проложный сюжет и упоминавшаяся выше легенда о Марко Богатом из сборника А. Н. Афанасьева. Однако, памятуя о словах Клейнбора, процитированных в начале статьи, все-таки следует иметь в виду народные рассказы Толстого («Чем люди живы» и «Где Бог, там и любовь») в качестве одного из важнейших источников образа *светлого гостя* в поэме Есенина «Преображение» (1917):

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.
Светлый гость в колымаге к вам
Едет.
<...>
Зреет час преображенья,
Он сойдёт, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь
(т. 2, с. 54–55).

Конечно, художественно-философское содержание *светлого гостя* у Есенина иное по сравнению с наполнением этого образа у Толстого и в предшествующей литературной традиции. Отличие обусловлено историческим контекстом поэмы, а также той мифологией революции как вселенского духовного обновления, о которой было сказано выше. У Есенина *светлый гость* придет прежде всего для обездоленного мира: он едет в «колымаге». Впрочем, здесь можно усмотреть скорее следование традиции. Авдеич у Толстого говорит: «Ведь тоже думаю, когда Он Батюшка по земле ходил, не брезговал никем, а с простецким народом больше водился. Все по простым ходил, учеников то набирал все больше из нашего брата, таких же как мы грешные, из рабочих» [Толстой, 1885б, с. 20]. Образ сеятеля, бросающего «новые зерна», выявляет принадлежность грядущего *светлого гостя* к крестьянской земледельческой культуре и одновременно вызывает в памяти евангельскую притчу о сеятеле. Восход «новых зерен» принесет новую жизнь, поэтому лирический герой Есенина так чает приход *светлого гостя*. Символиче-

ский образ «выржавленного гвоздя», который должен быть вынут из «распятого терпения», воплощает важную для Есенина этого периода идею веры «без креста и мук» (т. 2, с. 68). Она вызревала в противостоянии с религиозной философией сораспятия Н. А. Клюева и – в более широком смысле – как результат усвоения толстовского императива о праве на «свою веру». *Гвоздь и распятие* – это в том числе символы материальной стороны религии, которая заслоняет ее подлинный смысл. «Вынуть выржавленный гвоздь» – это изъять из христианской веры представление о «Боге, карающем людей вечными мучениями» [Толстой, 1908, с. 6]. Есенин, в том числе вслед за Толстым, утверждает подлинное христианство как религию любви и прощения, а не страдания и наказания. *Светлый гость* – это символический образ, который может быть прочитан как воплощение страстного чаяния поэта к новой религиозно-философской системе, фундамент которой составляют толстовские идеи: Бог есть любовь и «желание блага всему существующему» [Там же, с. 16].

Список литературы

<Андрей, инок Чуркинской Успенско-Николаевской пустыни Астраханской епархии> По поводу сказки графа Толстого Чем люди живы? Голос инок. СПб.: Синод. типография, 1887. 10 с.

Архипова Л. А. Книжное собрание Государственного музея-заповедника С. А. Есенина // Издания Есенина и о Есенине: Итоги, открытия, перспективы / Отв. ред. Ю. Л. Прокушев. М.: Наследие, 2001. С. 214–224.

Афанасьев А. Н. Народные русские легенды / Ред. и предисл. С. К. Шамбинаго. М.: Современные проблемы, 1914. 316 с.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1861. Т. 1. 643 с.

Державина О. А. Прólogo в творчестве русских классиков XVIII–XX вв. и в фольклоре // Литературный сборник XVII века «Прólogo» / Подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, А. С. Елеонская и др.; под ред. А. С. Демина. М.: Наука, 1978. С. 155–170.

Евдокимова В. Ю. С. А. Есенин как последователь Л. Н. Толстого: педагогический аспект // Вестник Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2016. № 4. С. 86–97.

Евлампиев И. И. Лев Толстой и поиски истинного христианства в русской философии // Философские науки. 2018. № 8. С. 90–107.

Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука – Голос, 1995. Т. 1. 672 с.; 1997. Т. 2. 464 с.; 1997. Т. 5. 560 с.; 1996. Т. 4. 544 с.; 1999. Т. 6. 816 с.

Клейнборт Л. М. Встречи. Сергей Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 168–173.

Круг чтения. Изд. второе, исправленное и дополненное Л. Н. Толстым. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 1911. Т. 1. 303 с.

Лекция о Л. Н. Толстом // Рязанские епархиальные ведомости, издаваемые при Братстве св. Василия Рязанского. 1911. № 4 (15 февр.). С. 170.

Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 1. 736 с.

Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. М.: Московский рабочий, 1963. 191 с.

Русские писатели в выборе и обработке для школ [с ударениями] В. Мартыновского: В 3 т. Изд. 3-е, печатанное с изд. 1888 г. с дополнениями. Тифлис: Тип. А. А. Михельсона, 1889–1897.

Сизова И. И. История создания и поэтика рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 8. С. 53–60.

Субботин С. И. [Коммент.] // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1999. Т. 6. С. 235–745.

Субботин С. И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2006. С. 331–355.

Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог. М.: Тип. И. Д. Сытина и Ко, 1885а. 35 с.

Толстой Л. Н. Упустишь огонь – не потушишь. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1885б. 35 с.

Толстой Л. Н. Чем люди живы. М.: [Посредник], 1886. 70 с.

Толстой Л. Н. В чем моя вера? М.: М. В. Клюкин, 1906. 223 с.

Толстой Л. Н. Христианское учение. 2-е изд. М.: Посредник, 1908. 104 с.

References

Afanasyev A. N. *Narodnyye russkiye legendy* [Folk Russian legends]. S. K. Shambinago (Ed.). Moscow, Sovremennyye problemy, 1914, 316 p.

Andrey, inok Churkinskoy Uspensko-Nikolaevskoy pustyni Astrakhanskoy eparkhii [Andrey, monk of the Churkin Assumption-Nikolayev Desert of the Astrakhan diocese]. *Po povodu skazki grafa Tolstogo Chem L'udi zhivy. Golos inoka* [About Count Tolstoy's fairy tale "What people live by"? The voice of a monk]. St. Petersburg, Sinod. tip., 1887, 10 p.

Arkhipova L. A. Knizhnoye sobraniye Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika S. A. Eсенина [Book collection of the S. A. Yesenin State Museum-Reserve]. In: *Izdaniya Yesenina i o Yesenine: Itogi, otkrytiya, perspektivy* [Publications of Yesenin and about Yesenin: Results, discoveries, prospects]. Yu. L. Prokushev (Ed.). Moscow, Nasledie, 2001, pp. 214–224.

Buslaev F. I. *Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical essays of Russian folk literature and art]. St. Petersburg, Tip. tov. "Obshchestvennaya pol'za", 1861, vol. 1, 643 p.

Derzhavina O. A. Prolog v tvorchestve russkikh klassikov 18–20 vv. i v fol'klore [Prologue in the works of Russian classics of the 18–20 centuries and in folklore]. In: *Literaturnyy sbornik 17 veka "Prolog"* [Literary collection of the 17 century "Prologue"]. O. A. Derzhavina, A. S. Demin, A. S. Eleonskaya et al (Comps.); A. S. Demin (Ed.). Moscow, Nauka, 1978, pp. 155–170.

Esenin S. A. *Poln. sobr. soch.: V 7 t.* [Complete works: In 7 vols.]. Moscow, Nauka – Golos, 1995, vol. 1, 672 p.; 1997, vol. 2, 464 p.; 1997, vol. 5, 560 p.; 1996, vol. 4, 544 p.; 1999, vol. 6, 816 p.

Evdokimova E. V. S. A. Yesenin kak posledovatel' L. N. Tolstogo: pedagogicheskiy aspekt [Sergey Yesenin as a follower of Leo Tolstoy: pedagogical aspect]. *The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2016, no. 4, pp. 86–97.

Evlampiev I. I. Lev Tolstoy i poiski istinnogo khristianstva v russkoy filosofii [Leo Tolstoy and the search for true Christianity in Russian philosophy]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2018, no. 8, pp. 90–107.

Kleinbort L. M. Vstrechi. Sergey Yesenin [Meetings. Sergey Esenin]. In: *S. A. Yesenin v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t.* [Sergey Yesenin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols.]. A. Kozlovsky (Intr., comp., and comm.). Moscow, Khudozh. lit., 1986, vol. 1, pp. 168–173.

Krug chteniya [Reading circle]. 2nd ed., rev. and enl. by L. N. Tolstoy Moscow, Tip. Tov. I. D. Sytina, 1911, vol. 1, 303 p.

Lektsiya ob L. N. Tolstom [Lecture about Leo Tolstoy]. *Ryazanskie eparkhial'nye vedomosti, izdavaemye pri Bratstve sv. Vasiliya Ryazanskogo*. 1911, no. 4 (February 15), p. 170.

Letopis' zhizni i tvorchestva S. A. Yesenina: v 5 t. [Chronicle of the life and work of Sergey Yesenin: In 5 vols.]. Moscow, IWL RAS, 2003, vol. 1, 736 p.

Prokushev Yu. L. *Yunost' Yesenina* [The youth of Yesenin]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1963, 191 p.

Russkiye pisateli v vybore i obrabotke dlya shkol (s udareniyami) V. Martynovskogo: V 3 t. [Russian writers, selected and arranged for schools (with stress marks) by V. Martynovsky: In 3 vols.]. 3rd ed. Tiflis, Tip. A. A. Mikhel'sona, 1889–1897.

Sizova I. I. Istoriya sozdaniya i poetika rasskaza L. N. Tolstogo “Gde lyubov, tam i Bog” [The history of creation and poetics of Leo Tolstoy's story “Where love is, God is”]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2019, vol. 12, iss. 8, pp. 53–60.

Subbotin S. I. Biblioteka Sergeya Yesenina [Sergey Yesenin's library]. In: *Yesenin na rubezhe epoch: itogi i perspektivy: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 110-letiyu so dnya rozhdeniya S. A. Esenina* [Yesenin at the turn of epochs: results and prospects: Materials of the Intern. sci. conf., dedicated to the 110th anniversary of the birth of Sergey Yesenin]. Moscow, Konstantinovo, Ryazan', Pressa, 2006, pp. 331–355.

Subbotin S. I. Kommentarii [Comments]. In: *Esenin S. A. Sobr. soch.: V 7 t.* [Collected works: In 7 vols.]. Moscow, Nauka, Golos, 1999, vol. 6, 1999, pp. 235–745.

Tolstoy L. N. *Chem lyudi zhivy* [What people live by]. Moscow, Posrednik, 1886, 70 p.

Tolstoy L. N. *Gde lyubov' tam i Bog* [Where love is, God is]. Moscow, Tip. I. D. Sytina and Ko., 1885a, 35 p.

Tolstoy L. N. *Khristianskoye ucheniye* [The Christian teaching]. 2nd ed. Moscow, Posrednik, 1908, 104 p.

Tolstoy L. N. *Upustish ogon' ne potushish* [A spark neglected burns the house]. Moscow, Tip. I. D. Sytina, 1885b, 35 p.

Tolstoy L. N. *V chem moya vera* [What I believe]. Moscow, M. V. Klyukin, 1906, 223 p.

Информация об авторе

Светлана Андреевна Серегина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)

Information about the author

Svetlana A. Seregina, Candidate of Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 14.02.2025;

одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 27.02.2025

The article was submitted on 14.02.2025;

approved after reviewing on 27.02.2025; accepted for publication on 27.02.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3

Научная статья

УДК 82.09:821.161.1

DOI 10.17223/18137083/92/7

Становление лирического дневника А. Штейгера («Этот день» – «Эта жизнь»)

Степан Николаевич Давыдов¹
Марина Альбертовна Хатямова²

^{1, 2} Томский государственный университет
Томск, Россия

¹ stepan.7plus@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9056-2114>

² khatyamovama@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4373-4461>

Аннотация

Выявляются истоки дневниковой стратегии в раннем творчестве А. Штейгера, поэта младшего поколения эмиграции первой волны. Штейгер, являясь представителем «парижской ноты», ведущего поэтического течения в русском зарубежье, стремился сохранить одухотворенность поэзии за счет сближения ее с литературой «человеческого документа». Путем сравнительного анализа поэтики двух первых сборников («Этот день», 1928, «Эта жизнь», 1932) прослеживается становление и эволюция лирического дневника Штейгера, состоящая в уходе от литературности, преодолении двоемирия и увеличении роли индивидуального переживания в ходе решения философских вопросов. Делаются выводы о характере усвоения Штейгером эстетических принципов «парижской ноты» и своеобразии его творческого метода.

Ключевые слова

Анатолий Штейгер, «парижская нота», лирический дневник, эволюция

Для цитирования

Давыдов С. Н., Хатямова М. А. Становление лирического дневника А. Штейгера («Этот день» – «Эта жизнь») // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 104–116. DOI 10.17223/18137083/92/7

The formation of A. Shteiger's lyrical diary (“This Day” – “This Life”)

Stepan N. Davydov¹, Marina A. Khatyamova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

¹ stepan.7plus@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9056-2114>

² khatyamovama@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4373-4461>

Abstract

This study investigates the development of a diary strategy in the early works of Anatoly Shteiger, a poet of the younger generation of emigration of the first wave. As a representative of the “Paris Note,” the foremost poetic movement within the Russian diaspora, Shteiger

© Давыдов С. Н., Хатямова М. А., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 104–116

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 104–116

sought to preserve the spiritual essence of poetry by aligning it more closely with the literature of the “human document.” A comparative analysis of two early poetic collections, “This Day” (1928) and “This Life” (1932), illuminates the formation and evolution of the lyrical diary. This analysis considers themes and key motives, such as emigration, illness, death, nature, God, love, memory, creativity, and maturation, as well as worldviews, and diary form specifics. This development is found to involve a departure from the literary style inherited from St. Petersburg poetics and transcending the duality inherent in the oppositions of the earthly and the afterlife, reality and culture, past and present. Furthermore, it entails a focus on individual experience in addressing philosophical questions such as the existence of God as the essence of ethics and axiology, and the possibility of dialogue both with higher powers and with an equal Other. A comparison of Steiger’s lyrical diary with the poetic systems of his mentors, Adamovich and Ivanov, reveals both his assimilation of “Parisian note” aesthetics and the originality of his creative method, in which poetry serves to absolutize personal experience.

Keywords

Anatoly Shteiger, “Paris Note”, lyrical diary, evolution

For citation

Davydov S. N., Khatyamova M. A. The formation of A. Shteiger’s lyrical diary (“This Day” – “This Life”). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 104–116. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/7

Анатолий Штейгер, наряду с Л. Червинской, – один из самых последовательных приверженцев «парижской ноты», ведущего поэтического течения в русской диаспоре, возникшего благодаря поэту и критику Г. В. Адамовичу. В настоящее время лирика Штейгера, являясь самобытной художественной системой, сформированной под влиянием уникальных социокультурных и историко-литературных факторов, всё чаще становится объектом исследования¹. Творчество Штейгера требует комплексного изучения в контексте литературы «человеческого документа» – эстетической концепции «парижской ноты», характер конкретизации которой определяет своеобразие лирического дневника данного автора.

По мнению Адамовича, для истинной поэзии тяготение к жанру личного дневника в условиях эмиграции 1930-х гг. было неизбежным: специфика дневниковой формы, будучи перенесена в художественную литературу, обеспечила бы наиболее адекватный способ выражения мыслей и чувств авторам «младшего» поколения. Мироощущение младеэмигрантов определялось отсутствием духовных оснований для жизни и творчества, таких как Слово, Россия и Вера [Чагин, 2008]. Оказавшись в условиях изоляции от родной культуры и не желая ассимилироваться в европейской среде, поэты и писатели, покинувшие родину детьми, в личностном становлении полагались лишь на собственные силы. Поэтому решаю-

---

¹ Очерк творчества Штейгера представлен в главах монографий К. В. Ратникова [1998, с. 69–90] и А. И. Чагина [2021, с. 270–292]. В ряде статей раскрывается значение ключевых элементов поэтической системы Штейгера, таких как конфликт внутреннего и внешнего пространств [Кочеткова, 2010], мотив чуда [Сараева, 2014а] и тема детства [Хадынская, 2019]. Исследованию поэтического диалога между Штейгером и его авторитетами, такими как И. Анненский и Г. Иванов, посвящены статьи Н. В. Налегач [2010] и Т. В. Сараевой [2014б]. Пути и специфика усвоения Штейгером традиций акмеизма рассматриваются в статье А. А. Хадынской [2016]. Религиозно-метафизические истоки выразительного аскетизма Штейгера, выкристаллизовавшегося в жанре лирической миниатюры, описываются в статье М. Б. Абдоковой [2018].

щую роль в формировании индивидуальной философии играл опыт повседневности, чем и был мотивирован интерес авторов «парижской ноты» к «человеческому документу», в частности к дневнику. «Создание собственной “истории” с “чистого листа”... вошло в круг насущных задач “молодых авторов”» русского зарубежья – «людей без прошлого», без «интересной биографии», за которыми благодаря идеологу «парижской ноты» было признано «право на свою поэзию» [Яковлева, 2012, с. 149–150].

В своих организаторских начинаниях Адамович руководствовался желанием очистить язык поэзии от формальных изысков Серебряного века и легковесных слов авангарда. Прежде всего Адамович был заинтересован в сохранении особого предназначения поэзии, восходящего к младосимволизму в лице А. Блока, А. Белого и Вяч. Иванова и состоящего в преображении реальности. Лидер «парижской ноты» считал, что стремление к идеалу, рождаясь в душе поэта, нуждается в максимально искреннем выражении, и требовал от молодых авторов пристального внимания к слову как знаку высшего смысла [Коростелёв, 2013, с. 69–74]. При этом предельная честность поэта помогла бы искусству избежать «участия вырождения в эпигонскую “пушкинообразную гладкопись”» [Ратников, 1998, с. 20], которая ассоциировалась с противостоящим «ноте» объединением «Перекрёсток» – детищем В. Ходасевича. Таким образом, считалось, что поэзия сохранит подлинную эстетическую ценность, только если «сумеет найти в себе силы не пытаться искать самоутешения, старательно закрывая глаза на глубину кризиса, охватившего сознание людей на чужбине, а наоборот – мужественно взглянет в лицо действительности...» [Там же, с. 21].

Штейгер в 1924–1928 гг. одновременно с творчеством ведет дневник-переписку с близким другом по чехословацкой гимназии литератором В. В. Морковинным. Тексты писем (факт отправки которых остается недоказанным [Штейгер, 2017, с. 236]) и заметки личного характера собраны и органически объединены поэтом в одной тетради, так что штейгеровская дневниковость в нон-фикциональном варианте коррелирует с жанровой спецификой эпистолярия [Егоров, 2022, с. 7–9]. На данном фоне лирический дневник Штейгера как феномен художественной литературы, адресуемый всякому читателю, получает особый статус: именно в поэзии, возвышающей над повседневностью и фактической конкретностью, концентрируются духовные силы личности, ищущей ответов на общезначимые «проклятые» вопросы.

Как личный, так и лирический дневники появляются у Штейгера в эмиграции. Можно предположить, что интерес поэта к дневниковому жанру с его автокоммуникативностью, обеспечивающей самопознание [Лютман, 1996, с. 25–26], вызван рядом кризисных событий, связанных со спешным отъездом из России, которые потребовали пересмотра мировоззрения, начавшего складываться на родине. Кроме того, причиной возникновения обоих дневников могла стать возрастная потребность автора в индивидуации [Егоров, 2022, с. 24–25], естественный временной предел которой у Штейгера был сдвинут вперед из-за травмирующего опыта изгнания.

В лирике представителей «парижской ноты» дневниковая стратегия письма воплощается в особенностях поэтики, спектр которых (приглушенность тона, обилие скобок и тире, фрагментарность синтаксиса, множество вопросительных предложений, простота словаря и др.) определяется исповедальной установкой, аскетизмом в выборе средств выразительности и минимальной обработкой высказывания [Коростелёв, 2008, с. 35–36]. Однако для Штейгера ключевым принци-

пом формирования лирического дневника является эмоциональная и ситуативная обусловленность записей, ведущая к мировоззренческой непоследовательности лирического сознания в границах книги. В связи с этим для Штейгера важен такой аспект дневниковой формы, как соответствие каждой записи определенному дню, что отражено в названии дебютного сборника – «Этот день». Причем нерегулярность и неконкретность датировок, а также нарушение хронологии заставляют осмыслять идею ежедневной фиксации сведений на глубинном уровне: «однодневностью» характеризуется онтологическое положение поэта-эмигранта, чья жизнь выключена из культурно-исторического времени и невольно сведена к физическому существованию.

В сборнике «Этот день» (1928) кристаллизуется опыт постижения поэтом эфемерности человеческого бытия: внезапное и окончательное расставание с родиной, нарушение связи времен и поколений оставляют поэта наедине с миром, вышедшим в начале XX в. из-под божественного покровительства. В качестве эпиграфа к сборнику Штейгером взята строфа из стихотворения Г. Иванова «Если всё, для чего мы росли...»², задающая ключевую для данного этапа дилемму между неоспоримой земной и предполагаемой загробной жизнью. Решение этого вопроса поэт намерен разделить с младшей сестрой – известной в русском зарубежье поэтессой Аллой Головиной, на что указывает посвящение: «Моей сестре».

Штейгер, начиная свой поэтический путь в эмиграции, стремится зарекомендовать себя как наследника традиций Серебряного века. Творческое мышление Штейгера сформировано петербургской поэтикой, которая, как пишет В. Вейдле [2001], «в зарубежной поэзии, между двух войн... господствовала почти безраздельно». Главную роль в распространении петербургской поэтики за рубежом сыграли возрожденные Адамовичем в Берлине, а затем и в Париже «Цех поэтов» и акмеизм, который «сохранился как художественный принцип, как литературная позиция, продолжая жить в широком контексте традиционалистской поэзии постсимволизма...» [Чагин, 2008]. Поэтому представляется закономерным, что для самоопределения Штейгера в период создания первого сборника характерен литературоцентризм, подчеркиваемый аллюзиями на творчество поэтов акмеистической ветви (И. Анненский, Н. Гумилёв, А. Ахматова, Г. Адамович, Г. Иванов) и заключающийся в разработке мифов о Петербурге и Царском Селе; пасторального комплекса мотивов, связанного с детством и малой родиной; классических для русской поэзии жанров элегии и молитвы. Однако своеобразие сборника «Этот день» определяется сочетанием созданной по литературному образцу картины мира с обостренным вниманием к индивидуальной психологии, в чем сказывается влияние эстетики «парижской ноты» с ее тяготением к дневниковой интимности.

Лирический герой Штейгера «очарован и болен» осенью: судьба поэта предопределена неутешительным диагнозом и разрывом с русскими корнями. Он становится мудрее и сдержаннее своих сверстников, его не привлекают витальность

---

² Если новая жизнь, о душа,
Открывается в черной могиле,
Как должна быть она хороша,
Чтобы мы о земной позабыли
[Иванов, 1993, с. 501].

и беззаботность юности: «Не люблю я шумливой весны / И нарядного яркого лета» [Штейгер, 2017, с. 21] ³. Однако смирение перед физической обреченностью расширяет границы экзистенциальной свободы: «Под окном осыпается клен, / Свежий ветер неровен и волен» (с. 21). Также через описание осенней природы поэт передает пессимистическое видение бытийных закономерностей, делающих неизбежным погружение цивилизации в хаос.

С началом осени поэт стремится к восстановлению гармонии между бытом и бытием, которая воплощена в топосах поля (пашни), села и захолустья, тем самым предпринимая попытку обрести счастье в пределах земного мира. На лоне природы поэт ощущает собственную молодость и сознаёт, что еще не поздно («Червонный хлеб / еще не скошен и не связан» (с. 11)) предпочесть городской суете «простой» крестьянский уклад, избавляющий от лживых слов и бремени рассудка. Народный быт ассоциируется с христианским благочестием (образ голубиной стаи), утраченным в ходе мирового прогресса. Участие в сезонных полевых работах, в контексте которых смерть обозначает возобновление цикла жизни («последний вздох косы» соседствует с образом плуга), лишает лирического героя индивидуальных черт, однако он вознаграждается приобретением к небесной сфере, которая «отражается» в земле (и луг, и небо – голубые). Возвращение поэта к первозданной простоте ведет к просветлению, и жизнь уподобляется счастливому сну («благоуханье сонной ржи», «спящие сёла», «засыпающая роща»).

Наравне с утраченной русской идиллией, поэт воссоздает европейскую пастораль в духе сентиментализма («идиллия Руссо»), посредством которой выявляет нежизнеспособность картины прошлого, ранее образцовой в бытовом и нравственном отношении. Используя мотив сказки о Сандрильоне, «пойманной у развалившейся избушки», поэт разоблачает материально и духовно обедневший уклад современной жизни. Образы медальона и колеса («на блёклом шёлке медальоны», «маркиза катит колесо») акцентируют косность и наивность привычного поэту мировосприятия, приверженность которому сулит гибель в изменившемся мире, где действуют неизвестные ранее разрушительные силы: «...А за стеною камыша / Король ломает стебли лилий...» (с. 28).

Культурная среда зарубежья неприемлема для Штейгера в ценностном аспекте. В стихотворении «Я в горах. Улёгся зной» праздность, царящая в Приморских Альпах, воплощает недавнюю мечту, которая теперь приравнивается к заблуждению («В тёмно-синей чаще хвой / Бродит медленное стадо» (с. 14)). Жизнь на «праздничной земле», где «смеются, а не пашут», не удовлетворяет богоскательским интенциям поэта: «И тоски вчерашней нет, / Но и радости немного...» (с. 14). В «Quai Voltaire» различие двух культур выявляется при сравнении памятника Вольтеру с «Медным всадником»: Петербург, возведенный укротителем стихии Петром I, олицетворяет могущество державы во главе с богоизбранным царем, тогда как Париж ассоциируется с фигурой Вольтера – злого сатирика, обличителя церкви и изгнанника. Самоотверженное служение Отечеству, к которому поэт еще ребенком был подготовлен встречей с «надменным и грозным Петром», на чужбине невозможно, и жизнь поэта-эмигранта лишается смысла. В «Pere-Lachaise» поэт обеспокоен тем, что даже после смерти не замкнет круг

---

³ Далее стихотворения А. Штейгера цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

земных скитаний: «Мне суждено на чинном Pere-Lachaise / Глядеть в чужое палевое небо, / И я тоскую...» (с. 18).

Для мирообраза сборника «Этот день» характерна дуальность: мир делится на реальный (эмпирический) и идеальный. Мысль о конце земной жизни сопряжена с надеждой на приобщение к духовному абсолюту, в роли которого могут выступать всевидящий Бог; Приснодева как аллегория непорочности; возвышенная любовь, воплощенная в образах возлюбленной-призрака («Мы на крыше высокой стояли вдвоём...») и сказочной королевы («Искатель жемчуга»). Поэт болезненно переживает процесс развоплощения идеалов, протекающий в ситуациях умирания телесной оболочки души (мотив смертельной болезни); ухода божества из земного мира; гибели наследия культуры (потеря одухотворенности предметами искусства, архитектуры и быта минувшего века); герметизации ценного опыта взаимодействия с реальностью (любовь, впечатления детства) в сфере воспоминаний.

Отказ от земной жизни (когда она противопоставлена «небесной») воспринимается поэтом как залог посмертного соединения с высшими силами. Иллюстрацией этому может служить образный ряд стихотворения «Прийти сюда, когда невыносимо...», где мортальная символика (ранняя зима, ночь, гумно, кладбище) сочетается с образами озимых полей и Бога. Прижизненная утрата счастья способствует сохранению героем духовной чистоты («Кое-где оставались снега...»). В связи с этим на страницах сборника важное место занимает мотив жертвы, связанный с мотивами верности (классической культуре как царству гармонии, возлюбленной, христианскому идеалу) и одиночества. Жертвенный характер получает и феномен творчества: поэт считает себя одним из последних носителей русской духовности, обреченным на бесплодную жизнь на чужбине, ввиду чего подлинная поэзия превращается в «лебединую песню» и «отходную» молитву, продолжая «звучать» лишь в ходе умирания. Творческий дар, будучи связан с областью невыразимого и чудесного, несовместим с размеренной повседневностью, и поэт вынужден отказаться от стремления «в этом мире счастье угадать».

Однако суждения о загробном существовании души высказываются под знаком сомнения, что выражается в эпиграфе к сборнику, а также в элиминации потустороннего пространства (оно вовсе не изображено, или отсутствует религиозная, инобытийная маркировка образов смерти, такая как в примерах с «зимой», которая «машет ледяным и жемчужным кропилом» или «опускает саван медленного снега») в стихотворениях, финал которых сообщает о гибели лирического героя и крушении старого мира («Червонный лист, беспомощно шурша...», «Миниатюры Изабэ...» и др.).

Сюжетообразующим во многих стихотворениях является мотив воспоминания. Поэт хочет укрыться от враждебного мира в пространстве памяти, однако внутренний конфликт образов прошлого и настоящего вызывает у него непреодолимую тоску: «Благослови тоску мою, / Полночная жуть!» (с. 15). «Разумная» память, обязывая учитывать временную дистанцию, отдаляет от прошлого и искажает его очертания, поэтому хранилищем ценного чувственного опыта становится «нежность», обладающая иррациональной природой и неподвластная времени: «Памяти изменчивой не верьте: / Поседев, бывшее не отдаст. / Только нежность сохранит от смерти, / Никому на свете не предаст» (с. 16).

Штейгер считает, что подлинное искусство призвано гармонизировать отношения человека с миром. Политические столкновения в России начала XX в.

и предчувствие более крупных мировых катаклизмов заставляют поэта отбросить багаж лично пережитой и присвоенной культурной памяти: «Но дальше, дальше! Пыль и тлен / Не могут долго душу нежить» (с. 27). Желая согласовать свою жизнь с движением истории, поэт решается на отказ от «милого, старого хлама» – наследия Нового времени, однако он еще не готов предложить альтернативу творческому мировоззрению «предков», что вынуждает его смириться с неизбежной потерей себя: «...И уходя, букетик роз / Я прикрепил к какой-то раме» (с. 27). Очевидно, что на этапе «вхождения» в литературу Штейгер относит себя к классической европейской, прежде всего русской, культуре, которая ушла в прошлое не только по социально-историческим причинам, но и ввиду ее ограниченности и внутреннего разложения: «В глубоких нишах темных стен / Водилась всяческая нежить» (с. 27). Вследствие сочетания данных факторов молодой поэт особо остро ощущает необходимость взросления.

Таким образом, в сборнике «Этот день» через констатацию физического умирания, обнаружение онтологической уязвимости идеалов и критическое осмысление мирообраза минувшей эпохи Штейгер фиксирует разрыв с прошлым, что, с одной стороны, лишает молодого поэта моральной опоры, но с другой – подготавливает к личностному становлению. На данном этапе лирическому сознанию свойственны мировоззренческие колебания при переходе от текста к тексту, вызванные пребыванием в ситуации выбора между земной и загробной жизнью и усиленные нестабильностью состояния больного. Именно сфокусированность на индивидуальном переживании при анализе культурно-исторических перемен побуждает поэта обратиться к возможностям дневникового письма.

При этом вряд ли стоит говорить о наличии признаков дневниковой формы: Штейгер не создает внешней имитации нон-фикционального дневника. Обозначенный в заглавии принцип посуточного ведения записей не выражается в последовательности датировок. Поэтическим высказываниям присуща полнота (несмотря на обилие многоточий) и художественная обработанность (правильный синтаксис, соблюдение метрических схем, регулярность рифмовок), в чем проявляется расчет на читателя и стремление придать текстам художественную ценность. Однако преобладание такого субъекта речи, как максимально близкий к автору лирический герой, отвечает установке на предельную искренность, необходимую для личного дневника. Обостренное внимание к проблемам экзистенциального характера (границы «я», страх перед будущим, одиночество, потеря абсолюта) сообщают стихотворениям дневниковую интимность.

Название сборника «Эта жизнь» свидетельствует об изменении творческой оптики: поэт, становясь на путь нравственного взросления, пытается философски обобщить принципы земного бытия. В данный период мотив болезни сменяется более многозначным мотивом боли, хотя по-прежнему присутствует эмоциональная и мировоззренческая нестабильность лирического сознания, уподобляющая стихотворения дневниковым записям. Тема эмиграции уходит на задний план: в центре внимания поэта оказывается вопрос о достижении духовного самостояния в мире как таковом. Потеряв опору в лице русской культуры и считая бесспорным лишь физическое существование, поэт выбирает между «обживанием» новых условий и добровольным отказом от жизни («А если уж правда невмочь – / Есть мутная Сена и ночь» (с. 49)), но всё же решается на выработку своего способа существования и хочет сложить собственное представление о нравственности.

Значимую роль в сборнике играет мотив межи, символизирующий пограничное положение поэта в пространстве и времени. Межа как полоса невозделанной земли, разделяющая и одновременно соединяющая соседние земельные участки, выступает в качестве природного, а потому нейтрального в культурно-историческом отношении локуса, что делает ее метафорой жизненного пути в его инвариантном виде: «Я родился не в этом краю, / В замке герб на воротах чужой... / Но сегодня тревогу свою / Я несу полевою межой» (с. 55). Пересечение межи означает переосмысление жизни, ведущее к отказу от прошлого, признанию равенства с Другим и обретению свободы: «Стану снова радостным и новым, / Перейду зелёную межу. / Никого на свете честным словом / Я теперь напрасно не свяжу» (с. 61). Положение на меже ассоциируется с пребыванием в мире, которое, в силу кратковременности, носит кульминационный характер: «Снова воздух стоит на меже, / Снова полдень не двинется в небо...» (с. 62).

В «Этой жизни» распространен такой способ экспликации лирического субъекта, как собирательное «мы», посредством которого Штейгер выражает экзистенциальный кризис всех млодоэмигрантов, «заброшенных» в чужеродную среду [Ратников, 1998, с. 87; Чагин, 2021, с. 280]. Также за счет местоимения «мы» поэт объединяет себя с близким человеком – возлюбленной или другом, исследуя проблему взаимоотношения с Другим.

Жизнь поэта проходит в напряженном ожидании диалога с Богом. В молитвах он просит лишь соразмерного человеку блага: «Любовь и заброшенный дом, / Луну над старым прудом / И розовый куст у порога» (с. 32). Поэт осознаёт, что в жизни нужно полагаться прежде всего на себя, но способности человека крайне ограничены, что является причиной упущенных возможностей: «...сердце не знает, / Как сердцу подать весть» (с. 33); «...не в нашей слишком слабой власти / Удержать его <счастья> прикосновение» (с. 34). Тем не менее, несмотря на врожденную слабость, человек обязан нести ответственность за свои поступки.

Бог у Штейгера предстает в двух традиционных обликах: карающего и милосердного. Также с Провидением ассоциируется идея предначертанности жизни – законы мироздания обесмысливают любые действия человека, нацеленные на устройство судьбы: «Не нами писанные главы, / Но нам по этой книге жить...» (с. 70). Помещение образа равнодушного Бога в конец сборника (цикл «Книга Жизни») знаменует разуверение поэта в одухотворенности бытия: «Перелистывать скучные книги / Не торопится Божья рука» (с. 70). Следовательно, можно говорить о наличии в лирическом сознании двух образов Бога, один из которых трансцендентен миру и бесчеловечен, а другой, являясь субъективным конструктом, служит нравственным эталоном для личности.

Функции «гуманного» Бога направлены на установление справедливости. Лирический герой, представ «перед взорами Господа Бога» на Страшном суде, остается предельно честен: «...Я скажу, что я жил – как все люди живут / На дарованной им и печальной планете» (с. 41). Признание своего несовершенства и изначальной дисгармоничности жизни обеспечивает герою желаемое возвращение на землю, что и становится самым «суровым и праведным судом». Смерть расценивается поэтом как нарушение справедливости, поскольку противоречивой и диалектичной природе человека сообразно только становящееся земное бытие.

Однако человек, обессиленный тяготами жизненного пути и разладом души и тела, не оправдывает возложенную на него ответственность за Божий Дом:

«Земля, земля! что сделал человек / С тобой, весёлое Господнее жилище!» (с. 43). Люди настолько отделились от христианского идеала, что в их обществе нет места нравственному подвигу, в связи с чем неслучаен интерес Штейгера к фигуре Христа («Stucifix») как символу бессмертия духа, в чьем лице поэт видит надежду на искупление всеобщих грехов: «Ты, сумевший так много дать / И за это распятый людьми, / И мою непосильную кладь / На Свой сгорбленный крест подыми...» (с. 55).

Условием интеграции человека в реальность поэт считает обретение счастья, которое осмыслено как результат взаимодействия с идеальным миром, приравнивается к чуду. Почти всегда счастье неотделимо от любви, призванной объединить физическую и духовную ипостаси человека. Однако созданный культурой образ «любви неземной», прочно ассоциированный с розами – символом любви и искусства, отсылающим к книге стихов Г. Иванова «Розы» (1931), у Штейгера подвергается ироничному развенчанию, тогда как довольство телесной близостью не отвечает высшим запросам поэта («Только утро любви не забудь...»). Однако, будучи дана «только раз и только на мгновенье», любовь наделяет смыслом появление человека на свет: «...Только раз, и этого довольно, / Чтоб навеки оборвались речи, / Чтоб глаза закрылись добровольно» (с. 35). Кроме того, в ситуации отчаяния поэт не претендует на возвышенный диалог и взаимность чувства: «Не давай ничего мне взамен / За всю нежность мою, дорогая» (с. 50), и только нежность как физический источник любви удостоверяет земное существование души, вселяя в нее последнюю надежду.

Земная жизнь у Штейгера противопоставлена сну, мечте и слову. Онейрическое пространство приносит поэту утешение и уподобляется Раю – во сне он заново переживает счастливые минуты прошлого: «И настал тот блаженный час / В позабытом уже краю, / Слово в небе опять нашлась / Та звезда, что вела в Рай» (с. 38). Сновидения оказываются местом встречи с милосердным Богом («От шипов Твоего венца / Отдыхает во сне человек» (с. 38)) и возлюбленной («И приходишь незаметно ты, / И на плечи руки мне кладёшь...» (с. 37)), превращаясь в модель желаемой реальности: «Сквозь ночей волшебное стекло / Эта жизнь волшебна хороша» (с. 37). Однако поэт сознаёт обманчивость и непрочность ночного инобытия: «И за это утром пробужденье / Нам как месть холодная дано» (с. 36).

Пребывание в мире мечты, разрыв с которым реализуется в мотивах крушения воздушных замков и разбившейся звезды, расценивается Штейгером как привилегия юности; теперь же поэт стремится к освобождению от былых иллюзий: «...Каждый мальчик поэт. // ...Пока взрослым не станет / И звезда не рассыпется / В прах» (с. 47). Выбор в пользу трезвости мировосприятия требует смирения перед судьбой, а создание убежища обходится еще дороже: «Мы же воздушные замки / Строим, – и платим за это» (с. 40). Впрочем, мечтание не всегда обосновано враждебностью внешнего мира и может свидетельствовать о губительной замкнутости души: «Мы ничего не знаем, / Мы ничего не слышим, / Грезят о чуждом рае / Святые по тёмным нишам» (с. 40).

Главной преградой между сознанием и миром, по Штейгеру, является язык, который при нецеломудренном обращении с ним искажает суть вещей. Желание увидеть окружающий мир таким, каков он есть, заставляет поэта пересмотреть свое отношение к слову, которое давно утратило связь с жизнью и стало орудием слабостей и пороков: «От слов пустых устала голова, / Глазам в тумане ничего не видно» (с. 42). Поэт убежден, что под угрозой моральной дискредитации нахо-

дится не только бытовая, но и художественная речь: «Пышною свадьбой кончается / Каждый хороший рассказ. <...> Падает с неба звезда / И на куски разбивается» (с. 64). Выработка правдивого взгляда на действительность становится для поэта личным достижением, но вскрывшийся миропорядок не внушает радости и надежды: «Не каждый этот край поймёт, / Не каждый путь в него укажет» (с. 57).

Эстетическое завершение, предлагаемое сборниками «Этот день» и «Эта жизнь», утверждает субстанциальный конфликт души и внешнего мира, однако поэт не претендует на то, чтобы сказать последнее слово о бытии. Во 2-м сборнике нередко встречается подчеркнутая приуроченность переживания к сегодняшнему дню: «Я сегодня совсем иной, / Я сегодня не верю надежде» (с. 50); «Мне сегодня не надо чудес...» (с. 53); «Я сегодня как будто ослеп, / Я сегодня как будто погиб» (с. 55). На страницах обоих сборников распространены случаи автометаописания – на уровне внутритекстовой образности запечатлено чередование состояний бреда и просветления, характерное для сознания тяжело больного автора: «Эти странные жуткие сны... / Эти полосы бледного света...» (с. 21); Только след утихающей боли... / С каждым валом – слабей валы» (с. 68); «Снова камень от сердца отлёг, / Хоть оно, как и прежде, в неволе» (с. 62).

Рефлексия по поводу смерти (прежде всего, из-за тяжелого недуга) у Штейгера играет ключевую роль в формировании картины мира. Поэт со всё большей однозначностью интерпретирует умирание как негативный процесс, ведущий к окончанию как физической, так и духовной жизни. Молодого автора отличает желание сформировать нравственный абсолют исходя из опыта личных переживаний, являющихся реакцией на враждебную действительность, и поэзия для него становится местом «конденсации мыслей и чувств» [Абдокова, 2018], в котором генерируется целостное, в том числе метафизическое, знание о мире.

Таким образом, в ходе эволюции лирического дневника Штейгера от сборника «Этот день» к сборнику «Эта жизнь» отрицание объективной реальности, переставшей соответствовать духовным запросам, сменяется ее утверждением как единственного непререкаемого модуса существования. Преобразование интимности в интересубъективность, выраженное в поиске инварианта человеческой судьбы путем исследования внутренней биографии, свидетельствует об интересе поэта к проблеме взаимопонимания с Другим. Это размыкает границы автокоммуникативной дневниковой формы, указывая на ее вспомогательную роль в деле сохранения одухотворенности искусства, начатом «парижской нотой».

Список литературы

Абдокова М. Б. Стихи на грани безмолвия: поэтическая аскетика Анатолия Штейгера – метафизический контекст // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика, 2018. Т. 23, № 3. С. 277–283.

Вейдле В. В. Петербургская поэтика // Вейдле В. В. Умирание искусства. М.: Республика, 2001. URL: <https://www.klex.ru/mii> (дата обращения 07.05.2024).

Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: исследование. М.: ФЛИНТА, 2022. 280 с.

Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1993. Т. 1: Стихотворения. 656 с.

Коростелёв О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parizhsкая-nota-i-protivo>

stoyanie-molodezhnyh-poeticheskikh-shkol-russkoy-literaturnoy-emigratsii (дата обращения 07.05.2024).

Коростелёв О. А. От Адамовича до Цветаевой: литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова: ИД «Галина скрипит», 2013. 492 с.

Кочеткова О. С. Проблема внутреннего и внешнего пространства в судьбе и творчестве А. С. Штейгера // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология, 2010. № 2. С. 81–94.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Налегач Н. В. Поэтический диалог А. Штейгера с И. Анненским в итоговой книге « $2 \times 2 = 4$. Стихи 1926–1939» // Вестник Новгород. гос. ун-та, 2010. № 56. С. 48–52.

Ратников К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1998. 162 с.

Сараева Т. В. Мотив чуда в лирике А. Штейгера // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2014а. № 1–2 (57). С. 164–167.

Сараева Т. В. Поэтический диалог А. Штейгера и Г. Иванова // Диалоги классиков, диалоги с классикой: Сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014б. С. 126–131. (Эволюция форм художественного сознания; вып. 4)

Хадынская А. А. Акмеистические традиции в лирике А. Штейгера // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки, 2016. Т. 18, № 4 (157). С. 38–54.

Хадынская А. А. «Каждый мальчик поэт»: тема детства в лирике Анатолия Штейгера // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. Т. 12, № 4. С. 359–364.

Чагин А. И. Пути и лица: о русской литературе XX в. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 593 с. URL: https://www.phantastike.com/ru/puti_i_litca_o_russkoi_literature_xx_ve/pdf/ (дата обращения 13.03.2024).

Чагин А. И. Горизонты прекрасной ясности. Акмеизм, петербургская школа в 1920–1930-е гг. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 320 с.

Штейгер А. С. Этот день: Избранное. М.: Престиж Бук, 2017. 480 с.

Яковлева Н. А. «Человеческий документ»: история одного понятия. Хельсинки: Ун-т Хельсинки, 2012. 208 с. URL: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/9f87abaa-0d1f-4523-b580-98c37c10bc47/content> (дата обращения 07.05.2024).

References

Abdokova M. B. Stikhi na grani bezmolviya: poeticheskaya asketika Anatoliya Shteygera – metafizicheskiy kontekst [Poetry on the verge of silence: Poetical asceticism of Anatolii Shteiger – metaphysical context]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2018, vol. 23, no. 3, pp. 277–283.

Chagin A. I. *Gorizonty prekrasnoy yasnosti. Akmeizm, peterburgskaya shkola v 1920–1930-e gg.* [The horizons of “the beautiful clarity”. Acmeism, the Petersburg school in the 1920–1930s]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, 320 p.

Chagin A. I. *Puti i litsa: o russkoy literature 20 v.* [Paths and faces: about Russian literature of the 20th century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, 593 p. URL: https://www.phantastike.com/ru/puti_i_litca_o_russkoi_literature_xx_ve/pdf/ (accessed 13.03.2024).

Egorov O. G. *Russkiy literaturnyy dnevnik 19 veka: issledovanie* [Russian literary diary of the 19th century: research]. Moscow, FLINTA, 2022, 280 p.

Ivanov G. V. *Sobranie sochineniy. V 3 t.* [Collected works. In 3 vols.]. Moscow, Soglasie, 1993, vol. 1. Stikhotvoreniya [Poems], 656 p.

Khadynskaya A. A. “Kazhdy mal’chik poet”: tema detstva v lirike Anatoliya Shteygera [“Every boy is a poet”: the theme of childhood in the lyrics of Anatolii Shteiger]. *Philology. Theory & Practice*. 2019, vol. 12, no. 4, pp. 359–364.

Khadynskaya A. A. Akmeisticheskie traditsii v lirike A. Shteygera [Acmeistic traditions in the lyrics of A. Shteiger]. *Izvestia Ural Federal University. Series 2: Humanities and Arts*. 2016, vol. 18, no. 4 (157), pp. 38–54.

Kochetkova O. S. Problema vnutrennego i vneshnego prostranstva v sud’be i tvorchestve A. S. Shteygera [The problem of internal and external space in the fate and work of A. S. Shteiger]. *Lomonosov Philology Journal*. 2010, no. 2, pp. 81–94.

Korostelev O. A. “Parizhskaya nota” i protivostoyanie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoy literaturnoy emigratsii [“The Paris Note” and the confrontation between youth poetry schools of Russian literary emigration]. *The Journal of Literary History and Theory*. 2008, no. 22, pp. 3–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parizhskaya-nota-i-protivostoyanie-molodezhnykh-poeticheskikh-shkol-russkoy-literaturnoy-emigratsii> (accessed 07.05.2024).

Korostelev O. A. *Ot Adamovicha do Tsvetaevoy: literatura, kritika, pechat’ Russkogo zarubezh’ya* [From Adamovich to Tsvetaeva: literature, criticism, press of the Russian diaspora]. St. Petersburg, Izd. im. N. I. Novikova: ID “Galina skripsit”, 2013, 492 p.

Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, LRC Publishing House, 1996, 464 p.

Nalegach N. V. Poeticheskiy dialog A. Shteygera s I. Annenskim v itogovoy knige “ $2 \times 2 = 4$. Stikhi 1926–1939” [Poetic dialogue between A. Shteiger and I. Annensky in the final book “ $2 \times 2 = 4$. Poems 1926–1939”]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, no. 56, pp. 48–52.

Ratnikov K. V. “Parizhskaya nota” v poezii russkogo zarubezh’ya [“Paris note” in the poetry of Russian diaspora]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 1998, 162 p.

Saraeva T. V. Motiv chuda v lirike A. Shteygera [The motive of a miracle in the lyrics of A. Shteiger]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2014, no. 1–2(57), pp. 164–167.

Saraeva T. V. Poeticheskiy dialog A. Shteygera i G. Ivanova [Poetic dialogue between A. Shteiger and G. Ivanov]. In: *Dialogi klassikov, dialogi s klassikoy: sbornik nauchnykh statey* [Dialogues of the classics, dialogues with the classics: collection of scientific articles]. Ekaterinburg, Ural uni. publ., 2014b, pp. 126–131. (Evolutsiya form khudozhestvennogo soznaniya [Evolution of forms of artistic consciousness], iss. 4)

Shteyger A. S. *Etot den’: izbrannoe* [This day: favorites]. Moscow, Prestizh Buk, 2017, 480 p.

Veydle V. V. Peterburgskaya poetika [St. Petersburg poetics]. In: Veydle V. V. *Umiranie iskusstva* [Dying art]. Moscow, Respublika, 2001. URL: <https://www.klex.ru/mii> (accessed 07.05.2024).

Yakovleva N. A. “Chelovecheskiy dokument”: istoriya odnogo ponyatiya [“Human Document”: the history of one concept]. Helsinki, Univ. of Helsinki, 2012, 208 p. URL: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/9f87abaa-0d1f-4523-b580-98c37c10bc47/content> (accessed 07.05.2024).

Информация об авторах

Степан Николаевич Давыдов, аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Марина Альбертовна Хатямова, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Scopus Author ID 57193680046

Information about the authors

Stepan N. Davydov, Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature of the 20th–21st Centuries and Literary Creativity of National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Marina A. Khatyamova, Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature of the 20th–21st Centuries and Literary Creativity of National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57193680046

Статья поступила в редакцию 20.05.2024;

одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 17.07.2024

The article was submitted on 20.05.2024;

approved after reviewing on 17.07.2024; accepted for publication on 17.07.2024

Научная статья

УДК 82-4

DOI 10.17223/18137083/92/8

В. П. Астафьев – корреспондент «Чусовского рабочего» (1951–1955)

Петр Петрович Каминский

Томский государственный университет
Томск, Россия

kelagast@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7127-3238>

Аннотация

Впервые исследованы газетные материалы Виктора Астафьева периода сотрудничества в «Чусовском рабочем» (1951–1955). В анализе более чем восьмидесяти журналистских публикаций будущего писателя в городской газете, а также в областной печати, установлены особенности «сверххранного» периода его творчества. Логика творческого становления начинающего автора заключается в следовании от стандартной, написанной по шаблону партийно-советской печати своего времени газетной зарисовки – к серьезным художественно-документальным очеркам. Постепенно в публикациях усиливается аналитическое начало, на первый план выходит личность человека. Доминантами творчества корреспондента становятся психологизм и повествовательность. Автор пытается образно представить окружающую обстановку и передать переживания людей, для чего прибегает к использованию художественного домысла. В основе этих процессов лежит осознанная эстетическая рефлексия автора, который все больше видит себя писателем.

Ключевые слова

Виктор Астафьев, сверххранное творчество, уральский период, газета «Чусовской рабочий», журналистские публикации, становление художественной системы, творческая эволюция

Благодарности

Автор благодарит В. И. Литке за помощь в работе с материалами газетных подшивок в Пермской краевой библиотеке

Для цитирования

Каминский П. П. В. П. Астафьев – корреспондент «Чусовского рабочего» (1951–1955) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 117–129. DOI 10.17223/18137083/92/8

© Каминский П. П., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 117–129
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 117–129

Victor Astafyev – a reporter of *Chusovskoy rabochiy* (1951–1955)

Piotr P. Kaminskiy

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

kelagast@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7127-3238>

Abstract

This paper represents the first examination of Victor Astafyev's journalistic work produced during his tenure at the *Chusovskoy Rabochiy* newspaper (1951–1955). The poetic and aesthetic features of the earliest journalistic works are established by analyzing over eighty publications, focusing on the industrial development of the Urals in the early 1950s. The articles under analysis were published in the city newspaper and in the regional press. Initially, Astafyev employed the artistic genre of sketching, which serves as a visual representation of people or events. From autumn 1952 onwards, his mastery of the essay form has progressed to encompass more intricate analytical structures, emphasizing profound investigation into the underlying nature of persons and problems. The analysis reveals that the primary thematic concern was exploring the character of the Soviet citizen, specifically the socialist builder, and their dedication to their labor. Complying with a direct party commission, the fledgling writer at the party-Soviet newspaper produced idealized representations of the laborer, marked by formulaic and repetitive character traits. However, the predetermined and schematic nature of the characterizations is progressively transcended. Despite being bound by the tenets of human representation prevalent in the Soviet press, the writer strives to forge a distinctive narrative style. A template-based newspaper sketch develops into significant artistic and documentary essays.

Keywords

Viktor Astafyev, super-early creativity, the Ural period, newspaper *Chusovskoy rabochiy*, journalistic publications, the formation of an artistic system, creative evolution

Acknowledgments

The author expresses gratitude to Mr. Victor Litke for his assistance in processing archival newspaper materials at the Perm Regional Library

For citation

Kaminskiy P. P. Victor Astafyev – a reporter of *Chusovskoy rabochiy* (1951–1955). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 117–129. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/8

Журналистское творчество первой половины 1950-х гг. – важный этап творческой биографии Виктора Петровича Астафьева. Несобственно-художественный материал периода сотрудничества в газете Чусовского горкома партии и горсовета отражает предпосылки становления в будущем художественной системы великого писателя. Тем не менее до сих пор публицистическая составляющая сверххранного творчества В. Астафьева не становилась предметом научного рассмотрения специально, оставляя пробелы в понимании истоков его творческого мышления. Целью настоящей работы является вовлечение в научный оборот нового материала, никогда до этого не осмысленного как целое, и выявление логики творческого развития будущего писателя в жанрах периодической печати.

Как известно, творческий путь В. Астафьева начинается в феврале 1951 г., когда в газете «Чусовской рабочий» с продолжением в семи выпусках публикуется его первый рассказ – «Гражданский человек» (25, 27, 28 февр., 9, 10, 11, 13 марта).

В штат редакции «Чусовского рабочего» на должность литсотрудника будущий писатель был принят 2 апреля 1951 г. и проработал в газете до 25 марта 1955 г. [Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества..., 2019, с. 432, 433]. В справочных изданиях приводятся сведения о порядка шестидесяти газетных публикациях В. Астафьева в данный период [Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество..., 1999; Виктор Петрович Астафьев. (К 75-летию со дня рождения), 1999; Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества, 2019], однако при работе с подшивками было выявлено еще более двух десятков публикаций.

Первая журналистская публикация В. Астафьева в «Чусовском рабочем», подписанная псевдонимом «В. Саянский», датирована 6 апреля 1951 г. – это заметка «Впереди смена Одинцева». До конца первого года работы в газете горкома партии и горсовета Чусового выходит еще по меньшей мере десять публикаций начинающего автора¹; в течение 1952 г. – семнадцать выявленных публикаций В. Астафьева в «Чусовском рабочем»² и две в областной молодежке «Большевицкая смена» (с 15 ноября 1952 г. «Молодая гвардия») ³, в 1953 г. – 23 в «Чусовском рабочем»⁴, короткий рассказ в «Молодой гвардии»⁵ и переработанный «Гражданский человек» в «Звезде»⁶, в 1954 г. – свыше двадцати публикаций в «Чусовском рабочем»⁷ и несколько в областной печати⁸. До середины 1955 г.,

---

¹ «Проводник Зоя Липина» (29 апр.), «Сила примера» (19 мая), «Смотр стенной печати чусовских железнодорожников» (23 мая), «Чуткость – лучшее качество советского человека» (24 июня), «Хозяин участка» (5 авг.), «Школе рабочей молодежи нужна помощь» (21 авг.), «Начало...» (2 сент.), «В обстановке беспринципности» (29 сент.), «Стахановская вахта» (12 дек.), «За почетную старость» (18 дек., под псевдонимом «В. Саянский»).

² «По методу Щерблякина» (12 янв., под псевдонимом «В. Саянский»), «Улучшать работу комсомольских организаций» (22 марта), «Утро на реке» (13 июля), «Без должной принципиальности» (30 июля), «Улучшить работу общества Красного Креста и Красного Полумесяца» (13 авг.), «Почему снизила темпы в работе станция Чусовская» (17 авг.), «В новой школе» (16 сент.), «Двенадцатилетие» (4 окт.), «Великий день» (5 окт.), «Во власти самотека» (21 окт.), «Человек будет жить: очерк» (26 окт.), «Лекция-концерт о композиторе Григе» (1 нояб.), «Молодежь» (18 нояб.), «Товарищи» (23 нояб.), «Молодежная бригада в лесу» (2 дек.), «Сельская учительница» (5 дек.), «Механизмы работают плохо» (7 дек.).

³ «Настойчивость» (10 июля), «На электрифицированной магистрали» (2 авг.).

⁴ «В зимнем лесу» (7 янв.), «Инициатива коллектива – огромная сила» (19 апр.), «В городской бане» (21 апр., под псевдонимом «В. Саянский»), «Творцы своего счастья» (1 мая, в соавт. с В. Волхонским), «Сплав: рассказ» (8, 10, 12 мая), «Земляки: очерк» (9 мая, под псевдонимом «В. Саянский»), «Так ли надо относиться к вопросам благоустройства?» (20 мая), «Советский простой человек» (31 мая), «Тракторист Николай Соловьев» (14 июня), «Больше внимания использованию и ремонту механизмов» (19 июня), «Молоотовские писатели в Чусовом» (20 июня, под псевдонимом «В. Саянский»), «Они закладывают фундамент» (23 июня), «Самоотверженный труд машинистов» (4 июля), «Подснежники: рассказ» (5 июля), «Золотые руки» (22 июля), «Творческий концерт Н. К. Симонова» (28 июля), «Рационализаторы Пашийского завода» (12 авг.), «Сплавная контора не выполняет решений XIX съезда партии» (29 авг.), «Дела и нужды коллектива Чусовского вокзала» (30 авг.), «Родные поля зовут: очерк» (11 окт.), «Там, где были лес и болото» (24 нояб.), «Магарыч» (25, 28 нояб.), «Без труда и замысла» (27 дек.).

⁵ «Ночные огоньки» (11 окт.).

⁶ «Матвей» (12 апр.).

⁷ «Радость (рассказ)» (1 янв.), «Люди лесного поселка» (4 янв.), «Начало большой дружбы» (19 янв.), «Глубокие пласты: заметки читателя» (26 янв.), «Шефы-странники: фельетон» (3 февр.), «Интересная повесть» (26 февр.), «Старательная работница» (7 марта,

когда В. Астафьев переходит на профессиональную писательскую работу, в «Чусовском рабочем» публикуется еще несколько его газетных материалов ⁹.

В следующей нехудожественной публикации в «Чусовском рабочем» 17 октября 1955 г. В. Астафьев предстает уже в амплуа писателя, а не корреспондента газеты – «Воспитывать литературную молодежь». Работа в редакции городской партийно-советской газеты стала пробой пера. В 1953 и 1955 гг. выходят первые книги рассказов В. Астафьева – «До будущей весны» и «Огоньки». С 1955 г. писатель работает над романом «Тают снега» (опубликован в 1958 г.). Возвращение в журналистику на короткий срок происходит в апреле 1957 г., когда В. Астафьев от нужды устраивается на Пермское областное радио собкором по горнозаводскому направлению, ответственным за Соликамск, Березники, Чусовой, Лысьву, Кизеловский угольный бассейн ¹⁰. Окончательно отдается писательству В. Астафьев в 1959 г., когда поступает на Высшие литературные курсы при Литинституте имени М. Горького. За два года учебы в Москве он завершает повесть «Перевал» (1958–1959), создает повести «Стародуб» и «Звездопад» (1960), которые приносят ему широкую известность.

При очевидной значимости раннего журналистского материала для понимания творческого становления писателя он остается практически не исследованным. Как отмечал Н. Н. Яновский в одной из первых монографических работ по творчеству В. Астафьева, «писались эти очерки нередко по газетному шаблону – встреча с героем, его биография и главные дела как пример для подражания, – но чувствовалось, что за всем этим до поры творчески непереваренным материалом стоит жизнь, постигаемая не умозрительно, а через человеческие судьбы и реальные события» [Яновский, 1982, с. 19].

под псевдонимом «В. Саянский»), «“Требовательные” мужья: фельетон» (9 марта, под псевдонимом «В. Саянский»), «Малахай» (1 апр.), «Рука об руку: очерк» (4 апр.), «Две радости» (6 июня), «Нелюбимый зять» (27 июня), «Яркий, неугасимый костер» (4 июля), «Небувайло свирепствует: фельетон» (7 июля, под псевдонимом «В. Саянский»), «Большая помощь» (13 июля, под псевдонимом «В. Саянский»), «Победа не приходит сразу» (14 июля), «Дела и нужды маленьких станций» (17 июля), «Праздник самых юных и счастливых» (27 июля), «Ничего особенного: очерк» (22 авг.), «Равнодушие» (6 окт.), «В одной деревушке: рассказ» (31 окт.)

⁸ «Короткие рассказы»: [«Односельчане», «Их было четверо», «И мы, шефы»] (Звезда. 19 янв.), «Суд: рассказ» (Звезда. 6 июня), «Живущие надеждой» (Мол. гвардия. 24 дек.), рассказ «Идет весна» в альманахе «Прикамье» (Кн. 18).

⁹ «Под Новый год: рассказ» (1 янв., под псевдонимом «В. Саянский»), «Дальше так работать нельзя» (7 янв.), «Зимняя охота» (21 янв.), «Самое главное» (8 февр., под псевдонимом «В. Саянский»), «Твердое решение» (9 февр., под псевдонимом «В. Саянский»), «Улучшать культурно-бытовое обслуживание лесорубов» (25 февр.), «Не верь глазам своим» (6 марта), «Крутой подъем» (6 марта, под псевдонимом «В. Саянский»), «Закончен охотничий сезон» (22 марта, под псевдонимом «В. Саянский»), «Первый подвиг» (2 апр.), «Под небом голубым» (8 июня), «Однажды утром: рассказ» (27, 28 сент.), «Родное зовет: рассказ» (17, 18 сент.)

¹⁰ «До того как стать профессиональным литератором, я шесть лет работал в газете, потом чуть посидел за столом, и еще – полтора года вкалывал на местном радио», – вспоминает В. Астафьев в январе 1977 г. в эфире ленинградского радио. На самом деле в городской газете он проработал неполных четыре года, но срок работы на радио, по всей видимости, обозначен точно. В частной беседе с журналистом Юрием Ростовцевым в эту же январскую неделю 1977 г. в Ленинграде писатель говорит, что работал на пермской радиостудии «...вплоть до поступления на Высшие литературные курсы», т. е. до 1959 г. [Ростовцев, 2007, с. 30, 48].

Анализируя художественно-публицистический очерк 1954 г. «Идет весна», опубликованный в альманахе «Прикамье» (№ 18), критик видит в нем овечкинскую традицию социального анализа в публицистике. Схематизм анализа причин отставания колхоза «15 лет Октября» объясняется временем, социальными стереотипами, под влиянием которых находился начинающий писатель: «По тогдашним убеждениям, все объяснялось нерадивостью, косностью, а то и зазнайством непосредственных руководителей колхозов и совхозов. Стоит их заменить настоящими, думающими передовиками-колхозниками, как фронтовик Латышев, доказывал Астафьев, как сразу все изменится и преобразится» [Яновский, 1982, с. 19–20].

Отмечается схематизм образов и несовершенство художественной формы по сравнению с очерками старших современников – Владимира Тендрякова и Сергея Залыгина: «Характер у Латышева не раскрывался в поступках, как, допустим, у Башлакова и Пислегина в очерке С. Залыгина “Весной 1954 года”, и описывался по положительным признакам: фронтовик, инвалид, сначала на своем огороде трудился, потом колхозу помог освоить 24 гектара земли... Конфликтная ситуация, возникшая в первой части очерка, вдруг исчезла во второй и тем самым обескровила образ Латышева, уменьшила силу его воздействия на читателя» [Там же, с. 20].

Как творческое достижение приводится рассказ «Смысл жизни» (Мол. человек. Молотов, 1955. Вып. 1) («Мужество»): «История двадцатилетнего парня, которому при корчевке оторвало кисти рук, оборачивается случаем из жизни, эпизодом, действительно раскрывающим ее смысл. Это очерк о силе духа, о верности, о любви, о подлинном жизнелюбии и трудолюбии, о гуманизме, закономерно превратившийся потом в поэтический, типично астафьевский рассказ “Руки жены”» [Там же]. В целом, в ранних очерках В. Астафьева Н. Н. Яновский видит подготовку первых трех зрелых повестей писателя – «Звездопада», «Стародуба» и «Перевала». При этом литературный критик имеет дело вовсе не с газетными публикациями В. Астафьева, а уже с его писательскими работами.

Выделяя в докторской диссертации «пермский», или «уральский», период в творческой эволюции писателя (1951–1969), П. А. Гончаров также обходит вниманием газетные публикации В. Астафьева. Логика этого периода – «осознанное отталкивание писателя от канонов нормативного искусства»; «поиск органических для писателя тем, овладение различными жанровыми формами, становление оригинального мировосприятия и стиля» [Гончаров, 2004, с. 7, 43] – прослеживается на примере анализа только «этапных» художественных произведений автора этого времени – от первого рассказа «Гражданский человек» (1951) и романа «Тают снега» (1958) до повестей «Перевал» (1959), «Стародуб», «Звездопад» (1960) и «Кража» (1966), первой книги «Последнего поклона» (1968).

Впервые предметный обзор материала периода сотрудничества В. Астафьева в «Чусовском рабочем» производит в 2019 г. доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева Г. С. Спиридонова – «В. П. Астафьев как очеркист (начало творческой деятельности)» в словаре-справочнике по первому периоду творчества писателя [Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества..., 2019, с. 61–65].

Невнимание к сверххраненному творчеству В. Астафьева в критике и литературоведении объясняется как объективно невысоким художественным уровнем этого материала, так и пренебрежительным отношением к нему самого писателя. Сначала он оценивает значение журналистского этапа своей творческой биографии

как положительное: «Газета для писателей вещь полезная, руку набьешь», – говорили, по его словам, В. Астафьеву коллеги по редакции; «Поездки от радио по области, знакомство с яркими людьми давали в смысле опыта много», – считал он сам [Ростовцев, 2007, с. 47, 48]. На позднем этапе творчества остается только скепсис: «...я легко, почти балуясь, гнал жизнерадостную, оптимизмом переполненную словесную дрисню вонючим потоком на областном радио, да еще и писал при этом жизнеутверждающий, не менее чем моя радиопродукция, оптимистический роман» [Астафьев, 1997, т. 3, с. 452].

«Врать приходилось много и, по сути, сознательно. В газете все про всё знали и понимали, потому меж собой называли кормилицу нашу “Очусовелый рабочий”», – говорил писатель еще в 1982-м на встрече с коллективом редакции «Студенческого меридиана» [Ростовцев, 2007, с. 87–88]. «Года полтора-два я работал с удовольствием», – вспоминал тогда же писатель [Там же, с. 95], но обостренное, «взаболь», переживание несоответствия реальности официальной картине мира, выстраиваемой советской журналистикой («беспорядок, неразбериха и кавардак, граничащие с преступностью», с одной стороны, и «неудержимая болтовня, демагогия и красноречие», с другой), и собственного конформизма, возникшее позже, писатель называл в качестве причины ухода из профессии десять лет спустя: «...из газеты и с радио ушел – шибко они растревожили и поранили мою совесть» [Астафьев, 1997, т. 5, с. 377–379]. «В бытность нашу в “Чусовском рабочем” мы <...> были верными приспособленцами, послушными исполнителями...» [Там же, т. 1, с. 60], – вспоминает писатель в начале 1990-х в автобиографии «Подводя итоги», но особо выделяет свою работу на радио: «...среди всеобщей лжи, пустоποрожной брехни, патриотического выкаблучиванья первенство тогда неоспоримо принадлежало советскому радио, даже в газетке, где “осквернял родное слово и отучивал людей от доброты”, как впоследствии написал я в одной из своих “затесей”, работа выглядела все же поприличней. Скоро я устал от халтуры и, пока совсем еще не утратил к себе последнего уважения, с хлебного места ушел» [Там же, с. 37].

Материал ранних газетных публикаций В. Астафьева – промышленное освоение Урала в начале 1950-х гг. Рассказывая о нем, В. Астафьев начинает с жанра зарисовки, представляющего собой наглядное изображение личности или ситуации, но уже с осени 1952 г. осваивает и более сложный жанр – очерк, который отличает большее аналитическое начало, стремление проникнуть вглубь явления, раскрыть суть человека или проблемы. Среди авторских публикаций В. Астафьева также встречаются критические корреспонденции, где отдельный факт иллюстрирует значимую социальную проблему, репортажи и отчеты; на страницах «Чусовского рабочего» выходят первые литературно-критические работы начинающего писателя. С весны 1953 г. на газетных страницах публикуются первые «рассказы» писателя, на деле представляющие собой все те же производственные или бытовые очерки, но с возросшей долей художественного вымысла, или просто крупные по объему, печатающиеся с продолжением.

Молодой корреспондент предпочитает портретную разновидность зарисовки и очерка. Герои В. Астафьева – железнодорожники – путеобходчики, составители поездов и машинисты; лесозаготовители – электропильщики и трелевщики; строители и колхозники, врачи и учителя города Чусового и Чусовского района Молотовской области ¹¹. Первые журналистские зарисовки о передовиках созда-

---

¹¹ Родное имя было возвращено Перми 2 октября 1957 г.

ются по редакционному заданию, после вручения им правительственных наград или присвоения почетных званий, а также просто в качестве общественного поощрения за ударный труд (советская газета как «Доска почета»). В случае комсомольцев Ивана Игнашкина («Настойчивость») и Валентина Орехова («На электрифицированной магистрали») в «Большевистской смене» летом 1952 г. это награждение их почетной грамотой обкома ВЛКСМ и грамотой ЦК ВЛКСМ соответственно; в «Сельской учительнице» в «Чусовском рабочем» в конце 1952-го – награждение Анны Овсянниковой орденом Трудового Красного Знамени и т. д.

Будущий писатель воссоздает канонический образ людей труда. В «дежурных» зарисовках он наделяет своих героев стандартными характеристиками. Так, рассказывая в «Товарищах» об учащихся ремесленного училища, автор отмечает в них скромность, настойчивость, упорство и т. п., и даже допускает противоречие в описании характера одного из них: «Он очень скромный и застенчивый парень. Эту скромность, очевидно, Юрию привили еще в детском доме, где он воспитывался долгое время. <...> Общительность – это характерная черта детдомовца, и она помогает ему быстро вливаться в коллектив, быть неотъемлемой его частью» (Чусов. раб. 1952. 23 нояб.). Такую путаницу можно объяснить тем обстоятельством, что все эти характеристики человека пока не более чем газетные штампы.

Столь же стандартны и сюжетные коллизии. В «Настойчивости» это профессиональное становление составителя поездов Ивана Игнашкина. Успехов в своем деле он достигает, получая помощь и поддержку коллектива: «Иван Игнашкин добился своего. Добился потому, что был настойчив, и потому, что попал в дружный, спаянный коллектив. Опытные железнодорожники помогли Игнашкину преодолеть трудности» (Большевик. смена. 1952. 10 июля). Личность редуцируется к профессиональным качествам, а проявления человека ограничены исполнением социальной функции: «Требовательность к себе и к своим сотрудникам – это ее характерная черта. Именно таким и должен быть советский врач, которому доверено самое благородное дело – спасение жизни и охрана здоровья человека» (Советский простой человек // Чусов. раб. 1953. 31 мая).

В целом ранние публикации В. Астафьева в газете реализуют социальный заказ и строго соответствуют стандартам советской печати. Поэтому для них обязательно использование идеологических клише, особенно в периоды политических кампаний: «С большим воодушевлением встретили Василий Иванович и члены его бригады постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС о расширении производства продовольственных товаров и улучшении их качества» (Там, где были лес и болото // Чусов. раб. 1953. 24 нояб.); и т. п.

Проблемные материалы В. Астафьева в «Чусовском рабочем» воплощают инструкторный подход, свойственный партийной печати того времени (пресса как инструмент партийного контроля). Так, анализируя в очерке «Механизмы работают плохо» причины неудовлетворительной организации ремонта и обслуживания техники в Теплогорском леспромхозе, что ставит под угрозу выполнение плана лесозаготовок, автор от лица редакции печатного органа горкома партии раздает прямые директивные указания всем ответственным лицам – руководству не только леспромхоза, но и треста (Чусов. раб. 1952. 7 дек.).

«Должен признать: создавать информацию дело занозистое, – признавался потом писатель. – Не сразу в нормальной голове прилаживаются слово к слову в фразы вроде: “Став на трудовую вахту в честь товарища Сталина, металлурги взяли на себя повышенные обязательства по чугуну, стали, стружке...” Совсем

это не просто» [Ростовцев, 2007, с. 93]. Но уже с первых дней в редакции ему «...надавали массу брошюр с советами, как писать очерк, передовицу, статью» [Там же, с. 94], и он осваивал их по ночам. Или интересна история с первой передовицей В. Астафьева: «Редактор наш, Григорий Иванович (Пепеляев. – П. К.), добродушный был мужик, юморист. Подозвал меня к своему столу и продемонстрировал тайну творчества. Взял ручку, развернул газету “Правда” и... принялся сочинять. Шпарит прямо по правдинской передовой, дополняя ее местными фактами и примерами. И короче, конечно, чусовская газета все же маленькая. Полчасика – и статья готова. Посмотрел на меня лукаво: все понял?» [Там же, с. 95].

Однако уже осенью 1952 г., задолго до наступления хрущевской оттепели, в газетных публикациях В. Астафьева намечается частичное преодоление официоза, когда корреспондент обращается к внутреннему миру героя. В первом же очерке «Человек будет жить» он моделирует переживания хирурга Александра Алексеевича Колчанова, спасающего жизнь изувеченному грузчику: «Сейчас, в позднюю ночь, направляясь в больницу, он думает о человеке, которого не знал раньше, но который дорог для него, как и всякий человек, нуждающийся в помощи» (Чусов. раб. 1952. 26 окт.).

В таком ракурсе человек изображается во всех последующих очерках В. Астафьева. Очерк «Родные поля зовут», занимающий подвал разворота в выпуске от 11 октября 1953 г., воссоздает раздумья тракториста Чусовского металлургического завода Николая Рожкова, который по зову партии решает вернуться на родину, в колхоз: «Взволновали его постановление Пленума ЦК КПСС и доклад товарища Хрущева на этом Пленуме. Много чувств и мыслей вызвали в нем эти исторические, большой важности документы. <...> Откуда-то издалека начали выплывать воспоминания, картины прошлого, навевая на Николая теплую грусть». На первый взгляд, зачин очерка, написанного в рамках политической кампании по обсуждению решений Сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г., выглядит искусственным, но принятые решения, изменившие сталинский подход к деревне, действительно вселяли надежду в колхозников, что и пытался отразить писатель¹².

Автор очерка широко использует домисел, пытаясь понять психологическое состояние человека, описать его воспоминания и переживания. Можно говорить, что В. Астафьев, ограниченный принятыми в советской печати принципами изображения человека труда, стремится к полной достоверности, реалистическому воссозданию образа.

В качестве инструмента психологического анализа используются описание обстановки и особая повествовательность, сближающая публицистический очерк с рассказом – как «Рука об руку», в котором даются душевные метания Тамары Бабкиной, решающей поехать на целину вместе со своим женихом Алексеем Рожковым: «За окном висела чернильная темнота, усыпанная гирляндами городских огней. Подмораживало. Оттаявшие днем стекла снова начали покрываться

---

¹² Этот пленум, прошедший 3–7 сентября, известен не только тем, что в его завершение Никита Хрущев был избран первым секретарем ЦК, здесь впервые была подвергнута критике сталинская аграрная политика. В хрущевском докладе содержался реалистический анализ положения дел в сельском хозяйстве и предлагались шаги по его реформированию. Пленум решил уменьшить в два с половиной раза сельскохозяйственный налог, поднять заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию, направить на село специалистов и партийных работников и т. д. Все это должно было повысить производительность труда и поднять уровень жизни колхозников.

причудливыми узорами, и свет уличных огней тускнел, комната погружалась в густую темноту. // Тихо, тихо. Спать бы да спать в такую пору, закрывшись теплым одеялом, упрятав голову в мягкую подушку. Но сон не приходит. <...> Нет, уснуть сегодня, видимо, так и не придется. Надо все обдумать, разобраться, взвесить и уж тогда только решить» (Чусов. раб. 1954. 4 апр.).

Психологический анализ отражает этические представления В. Астафьева. Герои его ранней публицистики – люди долга, но понимается он двояко. С одной стороны, догматически, как долг перед партией и народом. Это ответственное обязательство, вызванное их заботой о человеке: «Разве в старое время могла сельская учительница мечтать о том, чтобы ее скромный труд был оценен по заслугам. Только в нашей Советской стране, под солнцем Сталинской Конституции возможно это», – рассуждает корреспондент в зарисовке «Сельская учительница» (Чусов. раб. 1952. 5 дек.).

Гораздо важнее иное понимание долга, которое проявляется в конкретных сюжетных коллизиях. Здесь категория долга наполняется живым этическим содержанием – это долг перед людьми. С первых же газетных материалов писателя возникает мотив заботы. В основе заботы о другом – стремление быть нужным; цель человека – не абстрактное благо, а благодарность и уважение людей. Это показывается уже в первых зарисовках В. Астафьева в газете: «Проезжая по участку, который обслуживает Семен Михайлович, машинисты поминают его добрым словом, всегда приветливо поклонятся уважаемому человеку» (Хозяин участка // Чусов. раб. 1951. 5 авг.).

Оттепельные тенденции с 1954 г. проявляются и в проблемных публикациях, когда в поле зрения автора входят реальные противоречия социальной действительности¹³. Например, в очерке «Люди лесного поселка» возникает образ шабашников. Это «пропившиеся “молодцы”, которые и договор-то заключили только для того, чтобы получить подъемные, пожить сколь возможно без забот и хлопот, а затем исчезнуть в другие места и поймать на удочку нового подрядчика» (Чусов. раб. 1954. 4 янв.). Их немного, но под их дурным влиянием начинают «лодырничать» и другие члены бригады. А в фельетоне «Шефы-странники» изображен образ нерадивого председателя колхоза, с безразличием относящегося к идеалам общего дела (Чусов. раб. 1954. 3 февр.)¹⁴.

Творческое развитие В. Астафьева в газете носит осознанный характер, в его основе лежит эстетическая рефлексия автора, который все больше видит себя писателем. В рецензии на повесть Валентина Константинова¹⁵ «На рельсах», вышедшую в Молотовском книжном издательстве в 1953 г., В. Астафьев критикует

---

¹³ «В 1956–1958 гг. изменился характер выступлений прессы. Совершенно иным стал подход к оценке фактов. В выступлениях прессы все большее преобладание получили творческий подход к рассмотрению той или иной проблемы, стремление глубже проникнуть в жизнь, подвергнуть критике разного рода отрицательные явления в хозяйственной и общественно-политической жизни, порожденные тоталитарной системой и культом личности Сталина» [Овсепян, 2001, с. 204].

¹⁴ «Тип хозяйственного руководителя, нерадиво относящегося к делу, демагога и крикуна, человека “занятого бездельничаньем”, стал одним из ведущих образов в публицистике, фельетонах и критических статьях» [Овсепян, 2001, с. 205].

¹⁵ Константинов (Аржанников) Валентин Васильевич (1989–1973), инженер железнодорожного транспорта, автор романа о революции и гражданской войне в Нижнем Тагиле «Второе рождение» (1951) и повести «На рельсах» (1953), посвященной уральским железнодорожникам.

свердловского писателя за то, что в какой-то степени было свойственно и ему самому: «В его повести вместо живых людей бродят какие-то прилизанные, идеализированные машинисты, помощники машинистов, кочегары, секретари партбюро, начальники большие и начальники маленькие. <...> Те маленькие события и трудности, которые иногда возникают на пути героев книги и, в частности, на пути главного героя, машиниста Медведева, преодолеваются ими без всякой борьбы, тонут в словесном нагромождении, в трескучих и фальшиво патриотических словах» (Без труда и замысла // Чусов. раб. 1953. 27 дек.).

«Повесть о солдатской дружбе» молодого пермского писателя Андрея Терентьева¹⁶, напротив, оценивается высоко: «Большинство из этих героев подано хорошо и живо. Познакомившись с ними, уже не забудешь их». Критерий оценки творческого материала – его достоверность: «Знает автор солдатский быт, знает жизнь фронтовую, знает людей и описывает он все это тепло, правдиво». С точки зрения критика, «повесть написана сочным, образным языком», с которым, однако, диссонирует торжественный стиль, то и дело проскальзывающий в тексте: «...сам автор иногда переходит на белый стих, ударяется в оду, и тогда врываются неожиданно-негаданно на страницы повести совершенно чуждые ее стилю и характеру слова» (Интересная повесть // Чусов. раб. 1954. 26 февр.).

Оценивая газетные публикации В. Астафьева начала 1950-х гг., можно утверждать, что начинающий автор осваивает стилистические ресурсы советской печати и находится в поиске собственной повествовательной манеры. Так, две ранние зарисовки в областной молодежи выполнены в подчеркнуто героической стилистике, соответствующей канону комсомольской печати. Машинист электровоза Антон Орехов ведет тройной состав сквозь ночную пургу и ни в коем случае не должен потерять скорость в снежных заносах, чтобы не остановиться на подъеме, при этом ему «слышится призыв: ...дотяните! Вы же комсомольцы! Вы ведете поезд мира. С ним опаздывать нельзя!» «И поезд не опоздал», – разрешается коллизия зарисовки (На электрифицированной магистрали // Большевик. смена. 1952. 2 авг.).

Для газеты чусовского горкома и горсовета, напротив, свойственен более спокойный тон и деловой подход к фактам. Здесь В. Астафьев продолжает эксперименты с репортажностью, стремясь к реалистической манере повествования и избегая пафоса борьбы и преодоления: «Ровно жужжит электропила, мягко врезаясь в толстый ствол дерева. Лицо молодого электропильщика напряженно и разгорячено. Видно, что мороз, царствующий в лесу, ему нипочем. Горячо работает молодой электропильщик! // Дрогнула, качнулась ель и, обламывая сучья на попутных деревьях, охнув, упала в снег. Медленно оседает туча снега, поднятая упавшим деревом. Как поверженный богатырь, лежит лохматая ель. А там уже качнулась и упала другая, за ней третья, четвертая, пятая...» (Молодежная бригада в лесу // Чусов. раб. 1952. 2 дек.).

В таких репортажных фрагментах возникают этюды природы – сначала как фон для изображения социального действия, часть обстановки, в которой предстает герой. Молодой автор стремится к выразительности описаний природных объектов и процессов, хоть поначалу это только наивные, неуверенные ученические образы и откровенная стилизация: «В небе ни единого облачка. Ветер угнал

---

¹⁶ Терентьев Андрей Григорьевич (1922–2006), рабочий, фронтовик, повести и рассказы которого публиковались в журналах «Новый мир», «Дальний Восток», «Октябрь», «Приамурье».

их куда-то и свободно гуляет по просторам, поднял волны на реке Усьве. Сильный ветер, но в лесу он почти незаметен. Плотной стеной стоят бородастые ели и пихты и не дают разгуляться ему. Только вершины шумят испуганно от каждого сильного порыва, да где-то надоедливо скрипит сухостоина. Зной и тишина. Кажется, все застыло от истомы под палящими лучами солнца, даже птицы перекликаются как-то лениво и без обычного задора. // Но чем ближе к лесосеке, тем больше жизни. Лес оглашается гулом работающих машин, жужжанием электропил, голосами людей. На эстакаде у узкоколейной дороги кипит горячая работа» (Тракторист Николай Соловьев // Чусов. раб. 1953. 14 июня).

В приведенном фрагменте редуцировано противопоставление социального и природного. Но пространство леса не описывается как безжизненное. Напротив, в нем происходят сложные атмосферные и жизненные процессы, которые автор изображает в динамике. Ощущения повествователя гипертрофированы, контраст сильного ветра и зноя кажется неправдоподобным, натянутым. Также противоречат друг другу сильный ветер в вершинах деревьев, который должен сопровождаться шумом ветвей, и тишина в лесу. Но уже здесь мы можем увидеть основу восприятия природы в будущих творениях писателя.

Как показывает анализ, основной темой раннего творчества В. Астафьева в газете, как вообще в советской прессе этого периода, было осмысление личности советского человека – строителя социализма, изображение его самоотверженного труда. Как литсотрудник партийно-советской газеты В. Астафьев исполняет прямой партийный заказ на прославление человека труда. Его образы схематичны, воплощают однотипные черты характера¹⁷. Однако заданность и схематизм в изображении героев постепенно преодолеваются. В публикациях усиливается аналитическое начало, на первый план выходит личность. Доминантами творчества корреспондента становятся психологизм и повествовательность. Автор пытается образно представить окружающую обстановку и передать переживания людей, для чего прибегает к использованию художественного домысла. От газетной зарисовки, написанной по шаблону, он вырастает до серьезных художественно-документальных очерков, а впоследствии и до рассказов. Несмотря на то что становление мастера и его героя пока лишь намечается, обобщение тенденций периода работы молодого корреспондента в «Чусовском рабочем» необходимо для дальнейших исследований генезиса художественной системы писателя с конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Список литературы

Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997.

Виктор Петрович Астафьев. (К 75-летию со дня рождения): Библиографический указатель / Сост. Н. Я. Сакова, В. Ф. Фабер, Г. М. Гайнутдинова, Т. И. Заднепровская. Красноярск, 1999. 224 с.

Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество: Библиографический указатель / Сост. Т. Я. Брикман. М.: Изд-во Рос. гос. б-ки «Пашков дом», 1999. 238 с.

---

¹⁷ «Упрощенный набор позитивных характеристик на протяжении длительного времени делал героя советской публицистики достаточно простым, прямолинейным, без заметных душевных качеств» [Стровский, 1998, с. 131].

Виктор Петрович Астафьев. Первый период творчества (1951–1969): Словарь-справочник / Авт.-сост. Л. Г. Сомотик, Т. Н. Садырина. Красноярск: РАСТР, 2019. 471 с.

Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. 48 с.

Овсепян Р. П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX. М.: РИП-холдинг, 2001. 316 с.

Ростовцев Ю. А. Страницы из жизни Виктора Астафьева. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2007. 477 с.

Стровский Д. Л. История отечественной журналистики новейшего периода. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. 269 с.

Яновский Н. Н. Виктор Астафьев: очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1982. 272 с.

Список источников

Большевицкая смена: орган Молотовского областного и городского комитетов ВЛКСМ. Молотов, 1952.

Звезда: орган Молотовского (Пермского) обкома КПСС. Молотов (Пермь), 1953–1958.

Чусовской рабочий: орган Чусовского горкома ВКП(б) (КПСС) и городского Совета депутатов трудящихся. Чусовой, 1951–1955.

References

Astaf'ev V. P. *Sobr. soch.: V 15 t.* [Collected works: In 15 vols.]. Krasnoyarsk, Ofset, 1997.

Goncharov P. A. *Tvorchestvo V. P. Astaf'yeva v kontekste russkoy prozy vtoroy poloviny dvadtsatogo veka* [The work of V. P. Astaf'ev in the context of Russian prose of the second half of the twentieth century]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Tambov, 2004, 48 p.

Ovsepyan R. P. *V labirintakh istorii otechestvennoy zhurnalistiki. Vek 20* [In the labyrinths of the history of Russian journalism. 20th century]. Moscow, RIP-kholding, 2001, 316 p.

Rostovtsev Yu. A. *Stranitsy iz zhizni Viktora Astaf'yeva* [Pages from the life of Viktor Astaf'ev]. Moscow, Entsikl. sel i dereven', 2007, 477 p.

Strovskiy D. L. *Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki noveyshego perioda* [The history of Russian journalism of the modern period]. Yekaterinburg, Ural Univ. Publ., 1998, 269 p.

Viktor Petrovich Astaf'yev. (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya): Bibliografiche-skiy ukazatel' [Victor Petrovich Astaf'ev. (For the 75th anniversary of his birth): Bibliographic index]. N. Ya. Sakova, V. F. Faber, G. M. Gaynutdinova, T. I. Zadneprovskaya (Comps.). Krasnoyarsk, 1999, 224 p.

Viktor Petrovich Astaf'yev. Pervyy period tvorchestva (1951–1969): Slovar'-spravochnik [Victor Petrovich Astaf'ev. The first period of creativity (1951–1969). Dictionary-reference. L. G. Samotik, T. N. Sadyrina (Comps.). Krasnoyarsk, RASTR, 2019, 471 p.

Viktor Petrovich Astaf'yev. Zhizn' i tvorchestvo: Bibliografiche-skiy ukazatel' [Victor Petrovich Astaf'ev. Life and creativity: Bibliographic index]. T. Ya. Brixman

(Comp.). Moscow, Publishing house of the Russian State Library “Pashkov dom”, 1999, 238 p.

Yanovskiy N. N. *Viktor Astaf'yev: ocherk tvorchestva* [Viktor Astaf'yev: An essay on creativity]. Moscow, Sov. pisatel', 1982, 272 p.

List of sources

Bol'shevistskaya smena: organ Molotovskogo oblastnogo i gorodskogo komitetov VLKSM [Bolshevik shift: the organ of the Molotov Regional and City committees of the Komsomol. Molotov, 1952.

Chusovskoy rabochiy: organ Chusovskogo gorkoma VKP(b) (KPSS) i gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya [Chusovskoy rabochiy: the organ of the Chusovoy City Committee of the CPSU and the City Council of Workers' Deputies]. Chusovoy, 1951–1955.

Zvezda: organ Molotovskogo (Permskogo) obkoma KPSS [Zvezda: the organ of the Molotov (Perm) regional committee of the CPSU]. Molotov (Perm), 1953–1958.

Информация об авторе

Петр Петрович Каминский, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about author

Piotr P. Kaminskiy, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Journalism, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 30.10.2024;

одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 28.02.2025

The article was submitted on 30.10.2024;

approved after reviewing on 28.02.2025; accepted for publication on 28.02.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3

Научная статья

УДК 821.512.157Кулаковский.09

DOI 10.17223/18137083/92/9

Рукописи А. Е. Кулаковского в академическом издании

Прасковья Васильевна Сивцева-Максимова

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия

smpv50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7827-9177>

Аннотация

Статья посвящена анализу рукописей конца XIX – начала XX в. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью большей части рукописей А. Е. Кулаковского (1877–1926) как предмета археографии, связанного с подготовкой реально-исторических и текстологических комментариев. Цель работы определяется введением в научный оборот доказательной базы по истории создания публицистического произведения «Якутской интеллигенции», в том числе автографов из раннего архива, до этого времени не востребованных в качестве научных источников. Методологической основой статьи выбраны современные выпуски трудов ИМЛИ РАН, посвященных теории и практическим аспектам текстологии и научной критики текста. Результаты исследования заключаются в выявлении проблем текстологии основного текста указанной работы А. Кулаковского и его связи с документами раннего наследия классика и рядом опубликованных текстов.

Ключевые слова

«Якутской интеллигенции», анализ вариантов рукописи, Трошанский, коллекция Башарина, Якутское реальное училище, источники раннего наследия Кулаковского, текстология рукописей

Для цитирования

Сивцева-Максимова П. В. Рукописи А. Е. Кулаковского в академическом издании // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 130–143. DOI 10.17223/18137083/92/9

The manuscripts of Alexei Kulakovsky in academic publishing

Praskovia V. Svtseva-Maksimova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

smpv50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7827-9177>

Abstract

The paper analyzes the manuscripts of Alexei Kulakovsky, the distinguished Russian poet and cultural critic (1877–1926). The original drafts of his essay “Yakut Intelligentsia” (1912), initially made available in the early 1990s, are considered of significant value. The relevance of this research stems from the general lack of sufficient exploration of most classical manu-

© Сивцева-Максимова П. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 130–143

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 130–143

scripts, specifically regarding their archaeographic nature in relation to historical and textual commentary development. The analysis covers the third volume of manuscripts, including eighteen academically compiled archival records taken from the National Archive of the Sakha Republic (Yakutia) and a personal collection. Included are versions of the scholarly work “To the Yakutsk intelligentsia” and materials from the previously unpublished archive of Alexei Kulakovsky of the period of his studies in the Yakutsk real school in 1895–1897. The aim of the research is to introduce into scholarly circulation an evidential base for the main text of the aforementioned work, as well as to present autographs from the early archive that have not previously been utilized as academic sources. In accordance with the objectives, the methodology of the study is comprehensive, employing textual analysis of autographs, documents, and a number of published texts. The results of the study include the identification of textual variations in the manuscript versions of the work “To the Yakut intelligentsia”, shedding light on the history of the main text and its subsequent connection with the earlier works of the writer.

Keywords

“To the Yakut intelligentsia”, analysis of manuscript variants, Troshchanskiy, Basharin’s collection, early sources of Kulakovskiy’s heritage, Yakutsk Vocational School, textual criticism

For citation

Sivtseva-Maksimova P. V. The manuscripts of Alexei Kulakovskiy in academic publishing. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 130–143. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/9

Современные исследования рукописей классиков русской литературы открывают новые аспекты изучения истории текста как основы углубленного анализа творчества писателя, истории изданий его произведений в контекстах эдиционно-текстологических проблем литературоведения. Фундаментальные исследования в этом направлении публикуются в изданиях ИМЛИ РАН. В ракурсе представленной темы значительный интерес для нас имеют статьи И. А. Виноградова и Е. Г. Падериной, посвященные вопросам текстологии рукописей Н. В. Гоголя. В первой из них на основе анализа автографа повести «Вий», ее ранней публикации и последовавшей за ней доработки отдельных фрагментов текста выявляется «окончательная авторская редакция повести в издании 1842 г.» [Виноградов, 2015, с. 90]. Во второй статье И. А. Виноградова дается археографическое описание «единственного автографа повести «Вий». В комментарии текст «датируется, предположительно, концом августа – началом декабря 1834 г.», приводятся сведения по истории его исследования. Далее представляется «заново прочитанный и существенно восполненный, сравнительно с изданиями 1889 и 1937 гг., гоголевский автограф» [Виноградов, 2019, с. 117–118]. Всего по тексту рукописи отмечается 660 подстрочных примечаний, поясняющих такие эпизоды текста, как вписанные слова, сокращения, исправления, варианты исправлений, не дописанные фрагменты, неразборчиво написанные или трудночитаемые места в рукописи, замененные или сокращенные слова и выражения в изданиях [Там же, с. 118–162].

Исследования Е. Г. Падериной посвящены вопросам особенностей «текстологической концепции начального этапа творческой истории» комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» в сравнении с рукописью «Женихи», представленной в шестом томе сочинений Гоголя в издании 1896 г. [Падерина, 2015, с. 103]. В статье «К понятию редакции драматического текста...» вывод автора заключается в том, что «замысел “Женихов” является важным и самостоятельным звеном в развитии комедийно-графического мышления Гоголя» [Там же, с. 117]. Во второй статье ставится проблема научной критики текста «поврежденных автографов – черновых набросков

«Женитьбы» (1836)» в ракурсе анализа выводов и решений, отраженных в комментариях по тексту комедии в изданиях сочинений Н. В. Гоголя с 1850-х до середины XX в. [Падерина, 2019, с. 191]. На этой основе «поврежденный текст набросков» отдельно от ранней рукописи «Женихов» определяется как «содержательно-информативный» источник, «отражающий важный творческий этап на пути создания «Женитьбы» [Там же, с. 201, 206].

В представленных исследованиях раскрываются методы и приемы работы по подготовке научного издания памятников русской классики на основе скрупулезного изучения рукописного наследия писателей в ракурсах современной академической эдиции.

Значимость авторских рукописей, в том числе черновых набросков, в литературоведении подтверждается поисками путей их актуализации и в формах электронных технологий в текстологии. Но предпринимаемые поиски способов создания цифрового архива «демонстрируют сложности преодоления сложившихся методов репрезентации и изучения авторских рукописей» [Чевтаев, 2022, с. 283]. В этом плане в статье «О применении новых текстологических моделей...» указывается: «Приемы дипломатического воспроизведения рукописного источника, при всей своей значимости, остаются научно уязвимыми... смещением... фиксации “живого” (динамического) черного автографа» и «оказываются громоздким и трудным для восприятия знаковым изображением рукописи» [Там же, с. 286].

Авторские тексты третьего тома полного собрания сочинений А. Е. Кулаковского составляют 18 автографов – подлинных документов, хранящихся в фондах НА РС(Я) и в частном архиве: три варианта работы «Якутской интеллигенции» (далее – «ЯИ»), 58 листов формата А3, написанных с обеих сторон) и 15 контрольных работ и сочинений в двух тетрадах (30 листов, написанных с обеих сторон). Источники первого раздела в соответствии с положением Д. С. Лихачева относим к типу рукописей, представляющих отдельное произведение, «объединенное единым замыслом (как по содержанию, так и по форме) и изменяющегося как единое целое» [Лихачев, 2006, с. 16–17]. В этом плане в текстологических комментариях «ЯИ» целью исследования выступает выявление этапов истории текста одной из значительных работ Кулаковского. По второму разделу – археография ранних рукописей основывается на стремлении представить новые источники для дальнейшего изучения его научной биографии.

Анализ рукописей «ЯИ» уточняет не только историю текста, особенности авторского редактирования, но и отношение современников Кулаковского к автографам классика. В этом плане подтверждается значение работы как существенно важного творческого документа определенного времени и актуальность информирования читателя «о современном состоянии вопроса относительно аутентичности и исправности того или иного текста» [Гришунин, 1998, с. 351], а именно дошедших до нашего времени его вариантов.

Одним из значительных документов в архивной истории автографа Кулаковского является подтверждение авторства в «Заключении научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции РСФСР. От 20 июня 1990 г. № 363/01» по графологической экспертизе автографа ¹.

Второй документ – ранее малоизвестный рукописный список одной трети основного текста, написанный на восьми листах с оборотом в тетради формата А4. Начало тетради и ее конец отсутствуют. Список выполнен синими черни-

---

¹ НА РС(Я). Ф. П.-3. Оп. 20. Д. 130б. Л. 45–48.

лами. Почерк и оттенок чернил в отдельных местах меняется, что допускает вывод о записывании одним человеком в период продолжительного времени (в течение нескольких дней). По содержанию и структуре список более соответствует тексту архивного варианта работы «ЯИ». Предположительно, отсутствуют в начале и в конце по 7–8 листов тетради. Документ находится в «Коллекции профессора Башарина» под названием «Фрагмент письма А. Е. Кулаковского к якутской интеллигенции»².

Творческая история работы Кулаковского «ЯИ», одной из глубоких по содержанию, сложных по определенным ракурсам восприятия социальных вопросов начала XX в., сопоставляется нами с исследованием В. Ф. Трошанского (1843–1898) «Наброски о якутах Якутского округа» (1911). Он жил в Ботурусском улусе ссыльнопоселенцем более двенадцати лет. Участвовал в работе Сибиряковской экспедиции³. По датам «первых публикаций по этой теме (1886, 1888 гг.)» [Сивцева-Максимова, 2021, с. 80], этнографические опыты Трошанского о жизни народов на северных территориях России относятся к началу его ссылки в Якутию⁴. Следует отметить, что Кулаковский «Материалы по изучению верования древних якутов» начинает с обращения к работе Трошанского. Он пишет: «“Эволюция черной веры якутов”... является для нас единственным ценным и серьезным по затронутому вопросу» [Кулаковский, 1979, с. 7]. По тексту работы он уточняет выводы Трошанского по определениям «Улуу Тойон (Великий господин)» и «Дойду иччитэ (Хозяйка земли)» [Трошанский, 1903, с. 47, 69, 106]. Доказательства Кулаковского основываются на представлениях функции этих духовных понятий более расширенно [Кулаковский, 1979, с. 18–19, 42–43].

В «Набросках о якутах...», завершенных в 1895 г., приводятся обоснованные выводы о честности, взаимной поддержке в трудных случаях жизни и духовной стойкости якутов как национальных черт восприятия окружающей действительности в любых ее проявлениях, но чаще всего неимоверно трудных.

В рукописи Кулаковского «ЯИ» вопросы землепользования, земледелия и скотоводства раскрываются на 6 листах⁵, в объеме книжного формата на 19 страницах [Кулаковский, 2012, с. 66–85]. В работе Трошанского главы IV, V, VI («Землепользование», «Земледелие», «Скотоводство») занимают 41 страницу [Трошанский, 1911, с. 45–86], где описываются работы по хозяйству и образ жизни якутской семьи беднейшего сословия.

Кулаковский в названных частях раскрывает формы организации работ по сельскому хозяйству, при этом поднимает вопросы экологии и положительно отзываясь о частной собственности.

Но в различных подходах к проблемам общественной жизни в рукописи «ЯИ» наблюдается ряд сопоставительных эпизодов с содержанием «Набросков о якутах...». Представляем в качестве примеров фразы из обоих текстов, расположенные для удобства в форме таблицы (при этом в начале ставим основной объект нашего исследования) (табл. 1).

---

² НА РС(Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 – 8 об.

³ См.: [Трошанский, 1886; 1888].

⁴ Работа Трошанского «Наброски о якутах...» представлена нами в статье [Сивцева-Максимова, 2021, с. 81–85].

⁵ НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 7 об. – 13.

Таблица 1

Table 1

К вопросам творческой истории работы «ЯИ»
The artistic progress of the “To the Yakut intelligentsia” work

№ п/п	Основной текст «ЯИ» (НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 1 – 21 об.)	«Наброски о якутах Якутского округа» [Троцанский, 1911]	Примечание
1	...не убавляемся, но поразительно быстро мельчаем, становимся хилее... что также служит верным признаком будущего вы- мирания (л. 1 об.)	...при крайне неблагоприятных условиях – как климатических, так и экономических, бытовых и моральных – они должны бы были вымирать... однако они не вымирают (глава VII, с. 87)	Кулаковский аргументирует неизбежность вымирания объективными причинами; Троцанский удивляется тому, что якуты «не вымирают»
2	...наши мелочные интересы... вроде спора хатылинцев с теляцами из-за 80 остожий... распыляются как дым перед грозыным признаком переселения (л. 2 об.)	...идут бесконечные споры и ругань... чтобы отнять от одного рода часть земли... так как в этом роде приходится гораздо больше земли на наличное население (глава IV, с. 46)	Кулаковский призывает к ответственности; Троцанский констатирует крайнюю примитивность управления в улусах
3	...необходимо организовать общины, ко- торые выписывали бы производителей по- розов и коров лучших пород... Конный скот... необходим в жизни якута (л. 10 об., 11 об.)	... количество скота не очень велико, а уход за ним до того дурен, что хуже трудно себе представить... над этим мало думают, да и кому думать? (глава VI, с. 72, 79)	Кулаковский обстоятельно ставит вопросы по улучшению скотоводства; Троцанский констатирует безнадёжность этого дела

Основой работы Кулаковского является его исследование с целью представить образованную, состоятельную часть народа, понимающую свою духовную миссию в жизни общества как организующего и руководящего сословия в социальной иерархии населения Якутии. В этом плане результаты изучения его рукописей подтверждают индивидуальное авторское начало во всех вариантах его автографов ⁶.

В начале основного текста автор сокращает 80 строк варианта обращения к друзьям ⁷. Суть данного фрагмента в итоге авторского редактирования в основном тексте излагается в двух предложениях:

...Правительство обратило свое внимание и на далекую Якутскую область, про которую она имеет совершенно превратное представление и про величину которой ходят баснословные слухи. Положим, иметь ему правильное представление довольно трудно, потому оно и посылало специально Маркграфа, сделавшего доклад, что наша область может вместить 2 000 000 переселенцев (НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 2).

К разночтениям по содержанию относим в основном тексте корректировки, ряд дополнений и перестановок отдельных фрагментов текста (табл. 2, в примерах слова, введенные Кулаковским в основной текст, выделены мной. – П. С.-М.).

Таблица 2

К вопросу о последовательности автографов А. Е. Кулаковского

Table 2

The chronology of the manuscripts of Alexei Kulakovsky

№ п/п	Вариант «ЯИ» (ЧА. Л. 1 – 24 об.)	Основной текст «ЯИ» (НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 1 – 21 об.)
1	Но в этом кажущемся благополучии мало утешения (л. 1 об.)	Но в этом кажущемся благополучии мало утешительного (л. 1 об.)
2	...у нас отберут и культивированные, насиженные земли, взамен чего скажут, что какому-то Ивану или Петру отведено столько-то лесу... (л. 6)	...у нас отберут и культивированные, насиженные земли, взамен которых укажут Байбалу или Басылаю , что им отведено столько-то лесу... (л. 4 об.)
3	Нет и нет!!! Слишком горько, слишком обидно отказаться от жизни... (л. 9)	Нет и нет!!! Слишком горько, слишком обидно отказаться от права жить ... (л. 6 об.)
4	В данное время надежда только на тойонов и интеллигенцию: первые – большие патриоты, потому могут оказать большие услуги советами, добрыми примерами и материальной поддержкой; роль вторых – быть руководителями и агитаторами... (л. 17)	В данное время надежда только на тойонов и интеллигенцию: первые – большие патриоты, потому могут оказать большие услуги советами, добрыми примерами и материальной поддержкой; роль вторых – быть инициаторами , агитаторами и руководителями... (л. 14 об.)

⁶ Работа «ЯИ» в ракурсе проблем текстологии была представлена нами в статье [Сивцева-Максимова, 2022].

⁷ ЧА. Л. 2 об. – 3 об.

В варианте «ЯИ» первый раздел «Землепользование, земледелие», четвертый раздел «Школа и общежитие»⁸; в основном тексте «Землепользование», «Земледелие» представлены самостоятельными разделами; название четвертого раздела изменено на «Школа и общественная жизнь»⁹. Авторские уточнения по содержанию в основном тексте наблюдаются в шестом разделе «Экономическое положение и предприятия» по пункту «Расходы»¹⁰.

Второй вариант написан на обеих сторонах 3-х листов формата А3 фиолетовыми чернилами. Заглавие «Якутской интеллигенции» подчеркнуто. Подписи автора нет. В двух местах отмечаем авторские зачеркивания слов, сделанные по ходу написания текста¹¹. Содержание представляет тезисы в форме информационного письма к предстоящему обсуждению нового проекта создания «Общества якутских культуртрегеров». По этому вопросу в монографии Л. Р. Кулаковской отмечается: «Сохранились два письма и одна сопроводительная записка... семье близкого друга А. Е. Кулаковского Д. П. Неустроева» [Кулаковская, 2008, с. 169].

Содержание тезисов, написанных от первого лица во множественном числе, излагается в деловом стиле официального обращения к современникам. В качестве примера приводим отрывок из заключительной части текста:

Мы, которые шлем это воззвание проектируем: Образовать «Общество Якутских Культуртрегеров». Общество должно быть образовано с ведома и разрешения правительства, ибо всякое нелегальное общество не стойко и бессильно.

Если нам будет не разрешено в ближайших степенях администрации, то идти настойчиво вплоть до Думы и Царя¹².

Таким образом, результаты проведенного текстологического анализа источников подтверждают авторское начало как стремление представить социально-исторические проблемы общества изнутри, что выступает главной идеей названной работы классика. Наличие исследуемого текста – автографов Кулаковского – в трех вариантах, близких по содержанию, но различающихся по объему, элементам структуры и формам обращения Кулаковского к современникам, связывается с особой значимостью работы для самого автора. Список основного текста и машинописная копия раннего варианта¹³ подтверждают положительный резонанс идей послания Кулаковского среди дореволюционной интеллигенции Якутии.

Значительными для исследователя в основном тексте и его варианте являются точные совпадения двух следующих эпизодов рукописей.

В разделе VI «Экономическое положение и предприятия» Кулаковский пишет:

Те ужасы относительно таежной жизни, о которых ходят всевозможные слухи в восточных улусах, ушли в область преданий, ибо с господством монополизирующего капитала и увеличением золотого промысла все условия работ и жизни на приисках приняли культурный и социальный характер. Бунты русских рабочих сего года прямого отношения к нашему делу

---

⁸ ЧА. Л. 9 об., 15.

⁹ НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 9 об., 13.

¹⁰ ЧА. Л. 21 об.; НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 18.

¹¹ ЧА. Л. 1 – 3 об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Архив СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 26. Л. 1–46.

иметь не могут. Даже забастовка 10 800 человек ничего не могла сделать, следовательно, безопасность личности там обеспечена¹⁴.

В разделе VII «Источники дохода»:

Общество Красного Креста. Это Общество можно разжалобить всякими предложениями, так как «цель» его слишком широка¹⁵.

В цитированных отрывках рукописей Кулаковского раскрывается его гражданская позиция по отношению к государственному строю своего времени, а в вопросах истории его рукописей выражение «сего года» и уточнение «в 1912 г.» выступает подтверждением времени работы над текстами. Восстание рабочих на Ленских золотых приисках произошло в начале апреля 1912 г. В отношении Кулаковского к этому событию отражается объективная картина времени становления «Ленского товарищества» на золотых приисках, где «каждую зиму бывают 8–9000 якутов», «продают рыбу, мясо... доставляют дрова»¹⁶.

Таким образом, описание Кулаковского более соответствуют ракурсам современных источников, указывающих причиной восстания рабочих то, что «уровень доходности золотых приисков был достаточный для того, чтобы захватить контроль над ними. А для этого нужно было спровоцировать беспорядки и добиться отставки руководства компании»¹⁷.

По вопросам истории текстов Кулаковского можно предположить, что рукопись, адресованная друзьям, была завершена в апреле 1912 г. Основной текст «ЯИ», а также тезисы были написаны по перечисленной последовательности в мае 1912 г.: на первой странице основного текста указывается «1912, май». Тезисы в форме информационного письма заканчиваются указанием даты обсуждения представленных вопросов по просвещению населения:

Мы... предполагаем... собраться в Якутске 25 июня. Что касается мер, которые мы могли бы принять для достижения намечаемой цели, то их бесчисленное множество¹⁸.

Временем создания «ЯИ» Л. Р. Кулаковской определяется период его проживания в с. Качикат: «...он уехал работать учителем к Барашкову в Качикатцы, где пробыл с 10 октября 1911 г. по июль 1912 г.» [Кулаковская, 2008, с. 164].

Во втором разделе авторских текстов третьего тома представлены рукописи под названием «Из раннего архива. Сочинения А. Кулаковского, ученика Якутского Реального училища».

Алексей Кулаковский в 1890 г. окончил инородческую школу в с. Чурапча [Там же, с. 119–120]. В том же году поступил в Духовную семинарию. Но после первого года обучения сдал вступительные экзамены и поступил в Якутское реальное училище, которое было открыто на базе Якутской мужской прогимназии в 1890 г. Кулаковский является одним из первых выпускников из инородческого

---

¹⁴ НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 16 об.; ЧА. Л. 20.

¹⁵ НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 19; ЧА. Л. 23 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Румянцев В. Что же произошло? URL: <http://www.hrono.ru/avtory/hronos/rumjancev.php>

¹⁸ ЧА. Л. 3 об.

сословия. Был принят в сентябре 1891 г. в 1-й класс¹⁹. Окончил 6 классов училища в 1897 г. с «Аттестатом к поступлению в дополнительный класс»²⁰.

Контрольные работы и сочинения печатаются по тетради А. Кулаковского²¹. На картонной обложке документа сверху синими чернилами написано: «Коллекция профессора Г. П. Башарина» (первая строка); «Архив А. Е. Кулаковского» (вторая строка). Далее посередине: «Контрольные работы А. Кулаковского ученика V класса по истории и русскому языку [1895–1986 гг.] 17 л.». Текст документов написан на обеих сторонах стандартных листов школьной тетради. Даты, когда выполнены работы, не указываются. Документ в листах нумеруется с начала самих контрольных работ. Почерк аккуратный, все тексты написаны черными чернилами; замечания, подчеркивания по тексту и оценка с подписью учителя в конце работы – синими чернилами. Всего подшито 8 работ. Перечислим темы некоторых из них: «Причины Крестовых походов», «Какими удобствами пользуются жители морских берегов?», «Значение флота для государства», «Причины возникновения в Западной Европе феодальной системы, ее характер и результаты».

Среди работ выделяется сочинение «Весенний ледоход реки Лены»²². На полях напротив последнего предложения пятого абзаца одно замечание по стилю, три вопроса уточняющего характера. Описание реки Кулаковский начинает со второго абзаца – «В начале октября Лена *закрывается* толстым льдом»; в четвертом абзаце представляет начало ледохода – «От прибытия воды лед, как менее плотный, всплывает, – и Лена пробуждается от восьмимесячного сна – *раскрывается*»; в следующем предложении также использует форму данного глагола – «...великолепный вид *раскрывающейся* реки». Учитель исправляет это слово: «*вскрывается*», «*вскрывающейся*».

Современного читателя может озадачить сообщение о начале ледостава на Лене в начале октября. Но верность описания Алексея Кулаковского подтверждается наблюдениями конца XIX в. по климату Якутии: «С первых чисел сентября страна начинает стынуть и подмерзать; в первой половине октября покрывается она сплошным, уже не исчезающим до весны покровом снега. К концу этого месяца все реки приблизительно стали, озера давно уже покрылись льдом, снегу набралось до полфута, и зима воцаряется во всей своей суровости» [Серошевский, 1993, с. 21]. В разделе «Климат» Серошевский дает следующее примечание: «Данные всех таблиц позаимствованы мною... из “Летописей Главной Физической Обсерватории” за последние 10 лет... из Записок ИРГО» [Там же, с. 46–47]. Дополнительным подтверждением данного эпизода текста выступает отсутствие замечаний учителя.

В сочинении Кулаковский пишет «масляница», что соответствует раннему варианту названия праздника: «Масляничать, праздновать масляну, масляница...» [Даль, 1989, с. 302]. В трех местах текста учитель вводит дополнения, что, как вопросы на полях, воспринимаются нами как его интерес к содержанию работы. Например, Кулаковский пишет: «Но вот проходит 8 длинных месяцев, проходят масляница, которая бывает здесь при 20–30 холода, и Пасха; приходит Май месяц... снег начинает таять и образуются лужи». Учителем добавлено: «*наконец*

---

¹⁹ НА РС(Я). Ф. И-292. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

²⁰ Там же. Д. 29. Л. 1 об.

²¹ НА РС(Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 – 17 об.

²² Там же. Л. 9 – 12 об.

приходит давно желанный Май месяц... снег начинает таять *быстро*, так что образуются лужи»²³.

Следующая папка Коллекции Г. П. Башарина содержит 7 работ²⁴. На начальной странице тетради справа написано: «Кулаковский, уч. VI класса по русскому»²⁵.

Названия первых трех работ в этой папке: «Есть ли сходство между жизнью отдельного человека и целого народа?», «Характеристика древнего книжника», «Промышленность и торговля в Древней Руси» – соответствуют типу контрольных работ, где раскрывается заданная тема без отступлений «от себя». По сравнению с ними в последующие тексты, написанные более развернуто, включаются анализ произведений по их восприятию, систематизация по структуре и специфике художественных произведений.

В сочинении «Какая главная идея Истории Карамзина и какие главные достоинства его Истории?»²⁶ Кулаковский подчеркивает его «изумительный подвиг трудолюбия», «критический такт». Восхищается тем, что «Карамзин увеличил достоинство своей “Истории” еще художественностью». Обосновывает это следующим рассуждением:

От историка мы можем требовать точности, внутренней связи и критического отношения к каким бы то ни было источникам, но не имеем права требовать у него в то же время художественности, картинности в изображении событий, потому что это большая редкость²⁷.

«В праве ли русские гордиться своим именем?»: по тексту несколько вычеркнутых учителем слов, на полях замечаний нет. Текст Кулаковского в данном документе более эмоциональный, что может определяться как соответствие формулировке темы сочинения. В качестве примера приведем предпоследний абзац:

Россия в настоящее время стоит почти наравне с могущественнейшими государствами Западной Европы во всех отношениях: и в военном, и в политическом, и в умственном. Это доказывается тем, что некоторые государства боятся России, некоторые ищут союза с ней²⁸.

«Характеристика романтизма по произведениям Жуковского»: на полях одно замечание и один вопрос учителя. Кулаковский пишет: «Романтизм есть средневековое и современными поэтами снова возрожденное эстетическое чувство в литературе». К этому предложению относится замечание учителя: «*Что-то очень неопределенно и высоко*». Вопрос «*Когда это было?*» ставится к следующему фрагменту текста Кулаковского:

---

²³ НА РС(Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 4. Л. 9. Курсивом выделены исправления / дополнения учителя.

²⁴ Там же. Д. 5. 23 л.

²⁵ В деле «Архив А. Е. Кулаковского» хранятся и другие работы: по геометрии, минералогии и химии. (НА РС(Я). Ф. Р-1480. Оп. 1. Д. 2, 3.)

²⁶ НА РС(Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 5. Л. 11 об. – 14 об.

²⁷ Там же. Л. 14 об.

²⁸ Там же. Л. 18 об.

Человек с мягкой, доброй и впечатлительной душой, Жуковский был чрезвычайно религиозен и твердо верил в Промысел Божий, особенно с тех пор, как однажды чудесным образом спасся от медведя²⁹.

Данные примеры подтверждают особый интерес Кулаковского к теме сочинения и определенный уровень владения материалом.

«Главнейшие достоинства поэзии Пушкина»: по тексту замечаний нет. В восьми местах сочинения подчеркиваются отдельные выражения, что можно интерпретировать как выделение необычных определений или ключевых позиций текста. В примерах подчеркнутые места выделяем курсивом: «...всякий человек *есть раб своего времени*...»; «...*умение подмечать хорошие черты* там, где менее всего нужно было ожидать этого»; «Едва ли не первым достоинством Пушкина служит *живая красота творчества*»³⁰. В контрольных работах и сочинениях Алексея Кулаковского раскрывается его живой интерес к истории словесности, умение воспринимать идеи художественных образов, определять их функциональные и смысловые особенности. Его ранние автографы также дают вполне ясное представление о круге его читательских интересов, что подтверждается его дневниками периода учебы в Якутском реальном училище. Анализ этих рукописей (две тетради в 45 и 88 страниц) представлен в монографии А. А. Бурцева [2013, с. 14–18].

Таким образом, итоги сопоставительного анализа текстов «ЯИ», дополнительно к приведенным по тексту статьи уточнениям, устанавливают время работы Кулаковского над рукописями. Более ранний автограф, адресованный друзьям, и основной текст (архивный вариант) были завершены соответственно в апреле и мае 1912 г. Авторское редактирование основного текста и продуманно систематизированное содержание тезисов в форме информационного письма дают возможность проследить стремление классика к усилению гражданской просветительской идеи первоначального замысла. В наблюдениях по раннему архиву Кулаковского раскрывается процесс формирования самобытной творческой личности, тесно связанной с родным краем и глубоко понимающей значение духовной культуры в жизни общества.

Список литературы

Бурцев А. А. Классики и современники: вершинные явления и избранные лики якутской литературы. Якутск: Сфера, 2013. 448 с.

Виноградов И. А. Проблемы текстологии повести Н. В. Гоголя «Вий» // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 87–102.

Виноградов И. А. Единственный автограф повести Н. В. Гоголя «Вий» // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 117–162.

Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 416 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1989. Т. 2. 782 с.

Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского. Личность поэта и его время. Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

---

²⁹ НА РС(Я). Ф. 1480. Оп. 1. Д. 5. Л. 19 об., 20 об.

³⁰ Там же. Л. 22, 23.

Кулаковский А. Е. Материалы для изучения верования якутов // Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. С. 7–101.

Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции / Вступ. ст. В. Н. Иванова, Л. Р. Кулаковской. Новосибирск: Наука, 2012. 189 с.

Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. 2-е изд. М.: Наука, 2006. 175 с.

Падерина Е. Г. К понятию редакции драматического текста («Женихи» и «Женитьба» Гоголя) // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 103–119.

Падерина Е. Г. Эксперименты академической эдicii поврежденных автографов Гоголя: границы допустимого и значение допущенного // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 191–207.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.

Сивцева-Максимова П. В. Источниковедческий анализ работ В. Ф. Трошанского по этнографии якутов в контексте исследований наследия А. Е. Кулаковского // Вестник Северо-Восточного федерального ун-та. 2021. № 1 (81). С. 78–88.

Сивцева-Максимова П. В. Автографы А. Е. Кулаковского: анализ рукописей работы «Якутской интеллигенции» // Вопросы национальных литератур. 2022. № 1. С. 46–57.

Трошанский В. Ф. «Материалы по этнографии якутов Якутской области: Одежда, посуда, утварь», что было опубликовано в двух изданиях ИРГО: Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Ч. 1. 1886. Т. 17, вып. 1, 2; Ч. 2–3. 1888. Т. 18. С. 1–43.

Трошанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Редактированное Э. К. Пекарским, дополненное примечаниями Э. К. Пекарского и Н. Ф. Катанова и снабженное приложениями Э. К. Пекарского, А. А. Наумова и В. В. Попова. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1903. 216 с.

Трошанский В. Ф. наброски о якутах Якутского округа / Под ред. и с примеч. Э. К. Пекарского. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1911. 144 с.

Чевтаев А. А. О применении новых текстологических моделей в представлении рукописей Ф. М. Достоевского на сайте цифрового архива писателя // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (67). С. 279–298.

Список источников

Архив СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 26. Л. 1–46.

НА РС(Я). Ф. 3. Оп. 20. Д. 130а. Л. 1 – 21 об.; Ф. П-3. Оп. 20. Д. 130b. Л. 45–48; Ф. 1480. Оп. 1. Д. 2–5; Ф. И-292. Оп. 1. Д. 8, 29.

ЧА – Частный архив Васильевых.

Румянцев В. Что же произошло? URL: <http://www.hrono.ru/avtory/hronos/rumjancev.php> (дата обращения 24.11.2023).

References

Burtsev A. A. *Klassiki i sovremenniki: vershinnye yavleniya i izbrannye liki yakutskoy literatury* [Classical and contemporary writers: summits and selected images of the Yakut literature]. Yakutsk, Sphera, 2013, 448 p.

Chevtayev A. A. O primenenii novykh tekstologicheskikh modeley v predstavlenii rukopisey F. M. Dostoevskogo na sayte tsifrovogo arkhiva pisatelya [The use of new

textual criticism models for introducing F. Dostoevsky's manuscripts on the writer's digital site]. *The New Philological Bulletin*. 2022, no. 3 (67), pp. 279–298.

Dal' V. *Tolkovnyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols.]. Moscow, Rus. yaz., 1989, 782 p.

Grishunin A. L. *Issledovatel'skie aspekty tekstologii* [Research in textual criticism]. Moscow, Nasledie, 1998, 416 p.

Kulakovskaya L. R. *Nauchnaya biografiya A.E. Kulakovskogo. Lichnost' poeta i ego vremya* [Academic biography of Alexei Kulakovsky. The poet's personality and his time]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 296 p.

Kulakovskiy A. E. Materialy dlya izucheniya verovaniya yakutov [Materials for studying the beliefs of the Yakuts]. In: Kulakovskiy A. E. *Nauchnye trudy* [Scholarly works]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1979, pp. 7–101.

Kulakovskiy A. E. *Yakutskoy intelligentsii* [To the Yakut intelligentsia]. V. N. Ivanov, L. R. Kulakovskaya (Intro. art.). Novosibirsk, Nauka, 2012, 189 p.

Likhachev D. S. *Tekstologiya: kratkiy ocherk* [Textual criticism: a review]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2006, 175 p.

Paderina E. G. K ponyatiyu redaktsii dramaticheskogo teksta ("Zhenikhi" i "Zhenit'ba" Gogolya) [On the notion of dramatical text editing (Gogol's "Fiancés" and "Marriage")]. In: *Ot istorii teksta k istorii literatury* [From the history of a text to the history of literature]. Moscow, IWL RAS, 2015, pp. 103–119.

Paderina E. G. Eksperimenty akademicheskoy editsii povrezhdennykh avtografov Gogolya: granitsy dopustimogo i znachenie dopushchennogo [Experiments in academic editing of Gogol's damaged autographs: the limits of permissible and the significance of allowed]. In: *Ot istorii teksta k istorii literatury* [From the history of a text to the history of literature]. Moscow, IWL RAS, 2019, pp. 191–207.

Seroshevskiy V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya*. [Yakuts. The experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow, 1993, 736 p.

Sivtseva-Maksimova P. V. Avtografy A. E. Kulakovskogo: analiz rukopisey raboty "Yakutskoy intelligentsii" [A. Kulakovsky's autographs: an analysis of the manuscripts of "To the Yakut intelligentsia"]. *Issues of national literature*. 2022, no. 1 (5), pp. 46–57.

Sivtseva-Maksimova P. V. Istochnikovedcheskiy analiz rabot V. F. Troshchanskogo po etnografii yakutov v kontekste issledovaniy naslediya A.E. Kulakovskogo [An analysis of sources of V. F. Troshchansky's works on Yakut ethnography in the context of studying A. Kulakovsky's heritage]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2021, no. 1 (81), pp. 78–88.

Troshchanskiy V. F. "Materialy po etnografii yakutov Yakutskoy oblasti: Odezhda, posuda, utvar'," chto bylo opublikovano v dvukh izdaniyakh IRGO ["Ethnographic materials on Yakuts of Yakut District: Clothes, dishware, utensils" as published in two publications by Irkutsk Russian Geographical Society]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1886, pt. 1, vol. 17, iss. 1, 2; 1888, pts. 2–3, vol. 18, pp. 1–43.

Troshchanskiy V. F. *Evolutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov. Redaktirovannoe E. K. Pekarskim, dopolnennoe primekaniyami E. K. Pekarskogo i N. F. Katanova i snabzhennoe prilozheniyami E. K. Pekarskogo, A. A. Naumova i V. V. Popova* [The study of the black belief (shamanism) in Yakutsk, Ed. E. Pekarsky, commented by E. Pekarsky and N. Katanov, appendices by E. Pekarsky, A. Naumov and V. Popov]. Kazan, Tip. Imp. Uni., 1903, 216 p.

Troshchanskiy V. F. *Nabroski o yakutakh Yakutskogo okruga. Pod redaktsiey i s primechaniyami E. K. Pekarskogo* [Sketches about the Yakuts of the Yakut District]. E. K. Pekarsky (Ed.). Kazan, Tip. Imp. Uni., 1911, 144 p.

Vinogradov I. A. Edinstvennyy avtograf povesti N. V. Gogolya “Viy” [The only autograph of Nikolai Gogol’s novella “Viy”]. In: *Ot istorii teksta k istorii literatury* [From the history of a text to the history of literature]. Moscow, IWL RAS, 2019, pp. 117–162.

Vinogradov I. A. Problemy tekstologii povesti N. V. Gogolya “Viy” [Textual criticism of Nikolai Gogol’s novella “Viy”]. In: *Ot istorii teksta k istorii literatury* [From the history of a text to the history of literature]. Moscow, IWL RAS, 2015, pp. 87–102.

List of sources

Arkhib SO RAN [Archive of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Fund 5, inventory 2, file 26, sheets 1–46.

Chastnyy arkhiv Vasil’evykh [The private archive of Vasilievs].

NA RS (Ya) [National Archive of the Sakha Republic (Yakutia)]. Fund 3, inventory 20, file 130a, sheets 1–21 rev.; Fund P-3, inventory 20, file 130b, sheets 45–48; Fund 1480, inventory 1, file 2–5; Fond I-292, inventory 1, file 8, 29.

Rumyantsev V. *Chto zhe proizoshlo?* [What has happened?]. URL: <http://www.hrono.ru/avtory/hronos/rumjancev.php> (accessed 24.11.2023)

Информация об авторе

Прасковья Васильевна Сивцева-Максимова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского Северо-Восточного федерального университета (Якутск, Россия)
WoS Researcher ID T-9050-2019

Information about the author

Praskovya V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of A. E. Kulakovsky, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID T-9050-2019

*Статья поступила в редакцию 13.02.2024;
одобрена после рецензирования 09.06.2024; принята к публикации 09.06.2024
The article was submitted on 13.02.2024;
approved after reviewing on 09.06.2024; accepted for publication on 09.06.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/92/10

**«Ты какой-то... интересный поп»:
Еще раз об образе попа в рассказе В. М. Шукшина «Верую!»**

Дмитрий Владимирович Марьин

Алтайский государственный аграрный университет
Барнаул, Россия

dvmaryin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9333-4661>

Аннотация

Представлены результаты анализа образа попа в рассказе В. М. Шукшина «Верую!», и на его основе предложен вариант интерпретации этого, одного из важнейших для творчества писателя, произведения. Автор рассматривает попа как героя, наделенного языческими чертами, чей образ насыщен литературными и культурными аллюзиями. В Максиме (герое-пассионарии) живет извечная крестьянская, ломоносовская тяга к знанию, к действию, в попе (герое-демотиваторе) – языческая, архетипическая, патриархальная сила, также свойственная каждому крестьянину. Вместе они дают мощную энергию, которую, направить в продуктивное, правильное русло не получается. Образы Максима Ярикова и попа можно рассматривать, как олицетворение тех мыслей и внутренних духовных противоречий, которые мучили самого Василия Шукшина на его пути к истинной православной вере, к церкви.

Ключевые слова

русская литература XX в., жизнь и творчество В. М. Шукшина, рассказы, интерпретация, «Верую!»

Для цитирования

Марьин Д. В. «Ты какой-то... интересный поп»: Еще раз об образе попа в рассказе В. М. Шукшина «Верую!» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 144–156. DOI 10.17223/18137083/92/10

**“You are some kind of... interesting priest”: Revisiting the image
of a priest in the story by Vasily Shukshin “Veruyu!”**

Dmitrij V. Maryin

Altai State Agrarian University
Barnaul, Russian Federation

dvmaryin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9333-4661>

Abstract

This paper analyzes the image of a priest in the story “Veruyu!” (“I Believe!”) authored by famous Russian writer Vasily Shukshin, offering a revised interpretation of this significant

© Марьин Д. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 144–156

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 144–156

work. The analysis demonstrates the priest as a figure possessing pagan attributes, his image embellished with literary and cultural allusions. Maxim Yarikov, the protagonist, and the priest exemplify the dichotomy of powers existing within each peasant. Maxim, the passionate hero, represents the eternal peasant striving for knowledge and action (reminiscent of Lomonosov's ideals), while the priest, the demotivating hero, embodies pagan, archetypal, and patriarchal forces equally inherent to rural life. Combined, they yield a substantial force that proves unmanageable for positive or appropriate application in the social and cultural milieu of a Soviet village following World War II. The rebel is the true articulation of the untapped fervor of the Russian peasant in Shukshin's artistry. It could be the Stepan Razin revolt (as depicted in "Ya prishel dat' vam volyu" ("I came to give you freedom")) or a suicidal act, a behavioral response protesting aggression or unavoidable adverse actions by society or authority. The characters of Maxim and the priest may also reflect the inner spiritual conflicts that tormented Shukshin himself on his journey toward genuine Orthodox faith and the Church. The images of Maxim Yarikov and the priest can also be considered as the personification of those thoughts and internal spiritual contradictions that tormented Vasily Shukshin himself on his path to the true Orthodox faith, to the church.

Keywords

Russian literature of the 20th century, life and work of Vasily Shukshin, stories, interpretation, "I Believe!"

For citation

Maryin D. V. "You are some kind of... interesting priest": Revisiting the image of a priest in the story by Vasily Shukshin "Veruyul". *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 144–156. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/10

Рассказ В. М. Шукшина «Верую!» впервые опубликован в 1971 г. в журнале «Звезда» (№ 9) в составе цикла под общим названием ««Верую!» и другие рассказы» («Верую!», «Лёся», «Дебил», «Билетик на второй сеанс»). Позже он включался писателем в сборники «Характеры» (1973) и «Беседы при ясной луне» (1974), что свидетельствует о его значимости для самого писателя, а затем входил и в посмертные издания. Автору этой статьи не известен ни один посмертный шукшинский сборник, в содержании которого не было бы рассказа «Верую!».

Сюжетная линия «Верую!» включена в спектакль «Беседы при ясной луне» В. Н. Иванова по рассказам Шукшина (впервые поставлен в 1976 г. в Малом театре СССР). Мотивы рассказа использованы в оперетте «Сладкая ягода» Е. Н. Птичкина по рассказам Шукшина (впервые поставлена в 1977 г. в Ростовском театре музыкальной комедии, режиссер-постановщик и автор либретто К. Васильев). По этому рассказу и стихам С. Есенина создана опера В. Г. Пигузова «Верую» (впервые поставлена в 1988 г. в Московском камерном музыкальном театре, либретто Ю. Димитрина, постановка Б. Покровского). Как минимум дважды рассказ становился основой для экранизаций. В 1991 г. вышел на экраны х/ф «Крепкий мужик» (реж. Валерий Смирнов), а в 2009 г. – х/ф «Верую!» (реж. Л. Боброва) [Шукшин, 2014, т. 5, с. 391]¹.

Сохранился набросок к рассказу в рабочих тетрадях Шукшина: «Взвыл человек от тоски и безверья. Пошел к бывшему (?) попу, а тот сам не верит. Вместе упились и орали, как быки недорезанные: "Ве-рую"» (цит. по: [Левашова, 2007, с. 47]).

---

¹ Далее при цитировании этого издания в круглых скобках указаны номера тома и страницы.

В беседе с корреспондентом итальянской газеты «Унита» 17 мая 1974 г. на вопрос «В сборнике “Характеры” есть рассказ “Верую!”. Описанная в нем ситуация подсмотренная или выдуманная?» Шукшин ответил:

В строгом смысле слова это все же выдуманная вещь. Выдуманная постольку поскольку... опять же ситуация несколько крайняя, что ли. Но мне нравятся крайние ситуации. Вот поп, скажем... Для того чтобы извлечь искру, надо ударить два камня друг о друга... Мне нравится вот эта ошибка совсем полярных каких-то вещей. В рассказе “Верую!” мне показалось заманчивым вот столкнуть некие представления о жизни, совсем разные. И извлечь отсюда что? Вот что: мы получаем много информации ныне. Для того чтобы кормить наш разум, мы получаем очень много пищи, но не успеваем или плохо ее перевариваем, и отсюда сумбур у нас полнейший. Между прочим, отсюда – серьезная тоска. Оттого, что мы какие-то вещи не знаем точно, не знаем в полном объеме, а идет такой зуд: мы что-то знаем, что-то слышали, а глубоко и точно не знаем. Отсюда... в простом сельском мужике тоска зародилась. А она весьма оправдана, если вдуматься. Она оправдана в том плане... в каком надо еще больше и глубже знать... (т. 8, с. 190).

Неоднократно произведение попадало и в фокус внимания литературоведов. Но и здесь остается еще немало непоясненного. Возникла патовая ситуация, когда анализ упирается в ряд до конца не интерпретируемых сюжетных эпизодов и образов. Например, при анализе и интерпретации рассказа исследователи вполне естественно затрагивают тему веры в Бога, присутствующую в тексте. «Содержание рассказа остро ставит сложную для Шукшина как художника советской эпохи проблему веры и безверья» [Левашова, 2007, с. 47]. В то же время в сборнике «В. М. Шукшин и православие», который специально посвящен анализу православных аспектов творчества писателя, собственно рассказу «Верую!» уделено мало внимания.

Все литературоведческие интерпретации рассказа так или иначе обращаются к образу попа. Но этот образ до сих пор не имеет однозначного истолкования. Весьма показательно, что протоиерей Сергей Фисун в статье, опубликованной в сборнике «Шукшин и православие», в одном месте отзывается об этом образе так: «Шукшин тщательно скрывает авторское отношение к попу» [Фисун, 2012, с. 134], а в другом называет этого персонажа «одержимым неверующим попом» [Там же].

На наш взгляд, причина недостаточности интерпретации рассказа как раз и кроется в образе попа. «Ты какой-то... интересный поп. Разве такие попы бывают?» – неслучайно восклицает Илья Лапшин в рассказе (т. 5, с. 227). Как объяснить его необычное, более того, дискредитирующее православного священнослужителя поведение? Конечно, советский читатель начала 1970-х видел в образе попа сатиру на священнослужителей, что было характерно для литературы соцреализма и даже в определенной мере укладывалось в антиклерикальную традицию русской литературы. Некоторые литературоведы предполагали, что поп – расстрига, видимо, исходя из возможного истолкования шукшинского наброска («Пошел к бывшему (?) попу»). В фильме Л. Бобровой Илья Лапшин прямо называет попа «отлученным». Однако при таком истолковании образа попа, т. е. как служителя, лишённого церковными властями сана, а значит, самой церковью признанного не соответствующим принятым для священнослужителя канонам пове-

дения, или самовольно вышедшего из духовного звания, как нам кажется, не только происходит упрощение интерпретации этого ключевого для рассказа образа (раз поп – расстрига, отлученный, то мотивы его поступков легко объясняются), но и явное искажение замысла самого писателя, ведь в наброске Шукшин поставил знак вопроса после слова «бывшего»², которое определяет статус попа.

В настоящей статье автор обращается к анализу образа священника в рассказе В. М. Шукшина «Верую!» и на этой основе предлагает вариант интерпретации одного из важнейших для творчества писателя произведений.

* * *

На наш взгляд, интерпретация рассказа «Верую!» прежде всего неминуемо касается вопроса веры в Бога самого В. М. Шукшина.

Относительно истинных религиозных воззрений писателя и режиссера нет твердой уверенности даже у самых близких его друзей. В. И. Белов, сам человек глубоко православный, лишь косвенно подтверждает это, достаточно осторожно высказавшись о религиозности В. М. Шукшина: «Двигался ли к Богу сам Шукшин? Мне кажется, да. Некоторые его поступки указывали на это вполне определенно...» [Белов, Заболоцкий, 2002, с. 41]. «В шукшиноведении наблюдается большой спектр оценок и суждений: от признания Шукшина вполне православным писателем до поиска в его произведениях влияния языческих и натурфилософских представлений» [Левашова, 2007, с. 47].

Религиозное чувство принадлежит к сокровенной, интимной сфере духовной деятельности человека. Религиозные убеждения Шукшина далеко не всегда могут находить открытое выражение в произведениях, предназначенных для широкой публики. Однако они могут проявляться в личных документах, дневниках, письмах. Обращение к эпистолярному писателю и кинорежиссеру позволяет нам сделать утверждение о наличии христианских, православных мотивов в его мировоззрении³.

В текстах писем Шукшина отмечено регулярное употребление устойчивых выражений с христианской семантикой: фразеологизмов, часто в функции обращения и пожелания (как правило, просторечных или устаревших), с христианской семантикой, цитат из Священного Писания. Эпистолярные тексты писателя сохранили свидетельства соблюдения им православных традиций и праздников, например Дня ангела (тезоименитства), Пасхи, а также принятия обета. Имеются и факты того, что Шукшин действительно почитал иконы.

Выявленные в эпистолярных В. М. Шукшина элементы православного мировоззрения вполне убедительно доказывают принадлежность писателя к православной традиции. Но был ли он истинным православным христианином? Не будем забывать тот факт, что Шукшин был активным членом ВЛКСМ, а затем и КПСС, т. е. формально был атеистом. Нельзя не учитывать и его некоторые антирелигиозные высказывания в публицистических работах.

Отношение писателя к религии в целом и к православию в частности было, скорее всего, сложным, неоднозначным и менялось с течением времени.

Писатель, получив в наследство от своих предков-крестьян православную традицию как данность, став интеллигентом, в 1960-е гг. пытался рационально по-

---

² Все же «бывший поп» прямо не означает «отлученный».

³ См. подробнее: [Марьин, 2012].

стичь христианские истины. Отражение этих поисков – шукшинские тезисы в «Монологе на лестнице»:

Хочется еще сказать: всякие пасхи, святки, масленицы – это никакого отношения к богу не имело. Это праздники весны, встречи зимы, прощания с зимой, это – форма выражения радости людской от ближайшего, несколько зависимого родства с Природой (т. 8, с. 27).

Шукшин на этом этапе отделяет православие от патриархальности («Патриархальность как она есть (и пусть нас не пугает это слово): веками нажитые обычаи, обряды, уважение заветов старины» (т. 8, с. 27)), делая последнее понятие основой своего идеала русской культуры и искусства.

Однако в начале 1970-х гг. происходит трансформация в религиозно-нравственной позиции алтайского Шукшина. Возможно, ключевым событием для пересмотра его мировоззренческих установок стала поездка в 1970 г. по историческим городам России (Вологда, Ростов Великий, Суздаль, Владимир, Тутаев, Астрахань и др.) в рамках подготовительных работ по фильму о Степане Разине. Отстаивая национальные основы отечественного искусства, Шукшин не мог не осознать, что именно православие – опора патриархальной русской культуры.

* * *

В своем творчестве, примером чему и является рассказ «Верую!», Шукшин отразил личный, совсем не простой опыт обращения к истинной православной вере. Отсюда в образах героев рассказа много автобиографических аллюзий.

Главный герой рассказа Максим Яриков – ровесник автора. «Максим легко снимался с места (он был сорокалетний легкий мужик, злой и порывистый, никак не мог измотать себя на работе, хоть работал много)» (т. 5, с. 223). Шукшину в 1971 г. – 42 года, но ведь текст произведения мог быть (и скорее всего был) написан и раньше.

Сближает автора рассказа и его героя и общий «недуг»: у обоих «душа болит». «Но у человека есть также – душа! Вот она здесь, – болит! – Максим показывал на грудь. – Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую – болит» (т. 5, с. 223). В письме к В. И. Белову (март 1971 г., т. е. одновременно с публикацией рассказа!) Шукшин писал:

Не знаю, за что я расплываюсь, но – постоянный гной в сердце. Я тебя очень серьезно спрашиваю: у тебя только тело болит или душа тоже? Поэтому спрашиваю, что судьба такая же – и, может, тут какой-то общий, грустный закон? Тело болит – это от водки, я знаю. Но вот я и не пью, а весь измаялся, нигде покоя – ни дома, в деревне, ни тут. Все перебрал и вспомнил пору, когда было 20 лет, – не ныла же она так! Что же теперь-то? Я никому не говорю об этом, никому до этого нет дела, а скажешь, так не поверят. Да, вообще, кому это нужно? Еще поймут, что – ослаб, лягать кинутся (т. 8, с. 277).

Тематически и на уровне образно-мотивной организации «Верую!» перекликается с ранним шукшинским рассказом «Воскресная тоска» (1962) и опубликованным почти одновременно «Дядей Ермолаем» (1971).

Как и автобиографический герой «Воскресной тоски», Максим Яриков в воскресенья особенно страдает.

По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая... Максим физически чувствовал ее, гадину: как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжелым запахом изо рта, обшаривала его всего руками – ласкала и тянулась поцеловать (т. 5, с. 223).

И автора-повествователя в «Дяде Ермолае», и главного героя «Верую!» беспокоят одни те же мысли о смысле жизни.

Ну, и что? – сердито думал Максим. – Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет. Вон парнишка идет, Ваньки Малофеева сын... А я помню самого Ваньку, когда он вот такой же ходил, и сам я такой был. Потом у этих – свои такие же будут. А у тех – свои... И все? А зачем? (т. 5, с. 224).

Почти так же размышляет автор на могиле дяди Ермолая в финале одноименного рассказа:

И дума моя о нем – простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что, был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или – не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали (т. 5, с. 180).

В рассказе «Верую!» Шукшиным создан мощный интертекстуальный пласт. Уже в начале рассказа налицо интертекстуальная перекличка с рассказом М. Горького «Старуха Изергиль» (1894):

Люда не поймет его. Никогда! Распори он ножом свою грудь, вынь и покажи в ладонях душу, она скажет – требуха (т. 5, с. 224).

Как указывает О. Г. Левашова [2006, с. 209], данная цитата – стилистически сниженный вариант жеста Данко: «И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой» [Горький, 1977, с. 57]. Творчество Максима Горького идейно и эстетически было очень близко Шукшину. Как считает О. Г. Левашова, Горький – «один из тех редких людей, кто в своей судьбе воплотил “ломоносовский миф”, поднявшись со дна жизни к высотам человеческого знания» [Левашова, 2007, с. 47]. Обратим внимание и на то, что имя главного героя шукшинского рассказа – Максим, что в контексте горьковского интертекста вряд ли случайно.

Имя «Максим» и наличие сниженного образа легенды о Данко актуализируют в рассказе горьковскую тему «гордого человека», который идет за истиной для всех.

Поп и Максим поют «Клен ты мой опавший» – песню на стихи С. А. Есенина и музыку В. Н. Липатова:

И поп загудел про клен зазеленелый, да так грустно и умно как-то загудел, что и правда – защемило в груди. На словах «ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий» поп ударил кулаком в столешницу и заплакал и затряс гривой.

– Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. (т. 5, с. 229).

Есенин – один из самых любимых поэтов Шукшина. Свидетельство тому – записка, оставленная им в книге музея С. А. Есенина в Константиновском: «В Дом-музей Сергея Есенина. Помним тебя. Любим. В. Шукшин. 1970 г.» (т. 8. с. 85).

В данном случае важно, что именно попу Шукшин передал свою любовь к творчеству Есенина. И поп, видимо, тоже крестьянин по происхождению, ему также близки и понятны искания Максима Ярикова.

Есть в тексте рассказа и отсылка к творчеству еще одного ценного Шукшиным классика русской литературы, Н. А. Некрасова:

- <...> Длинных песен не бывает.
– А у вас в церкви... как заведут...
– У нас не песня, у нас – стон (т. 5, с. 228).

Последняя строка цитаты – парафраз строки из некрасовского стихотворения «Размышления у парадного подъезда» (1858): «Этот стон у нас песней зовется».

Интертекстуальные связи создают дополнительную смысловую составляющую при интерпретации главных образов персонажей рассказа.

В семантическую нагрузку имени главного героя Максима Ярикова следует включить отсылку к уже упомянутому выше *Максиму* Горькому (здесь нужно учитывать и схожесть биографий Шукшина и Горького, и параллелизм их героев), а также этимологию имени «Максим» (лат. *maximus* – «самый большой, величайший»). Пассионарность, нередко, поведения – характерная черта Ярикова (ср.: «Максим <...> ходил по горнице, и глаза его свирепо блестели» (т. 5, с. 223)).

Фамилия героя дублирует семантику имени. «Яриться» – это «быть в состоянии ярости, сильного гнева, приходить в ярость» и «бушевать (о стихиях)» [Словарь русского языка, 1984, с. 783].

Как мы считаем, совсем не случайно Максим обращается к попу: «– Попяра!.. А если я счас, например, тебе дам разок по лбу, то как?» (т. 5, с. 228). Повторение элемента корневой морфемы «яр» (Яриков – попЯра) в лексемах для номинации персонажей получает семантическую нагрузку. Максим и поп – это герои-двойники, причем наделенные Шукшиным автобиографическими чертами: «болезнь души», возраст Максима, любовь к Есенину у попа.

У Даля «ярить» – «разъярить, горячить, кипятить, сердить, дразнить, злить, злобить, озлобить, приводить в ярость», а также «разжигать похоть» [Даль, 1995, с. 679].

В словаре Даля глагол «ярить» находится в одном корневом гнезде с «Ярило, Ярила»: «древний славянский бог плодородия, от которого ярится земля и все живое» [Даль, 1995, с. 680]. В Белоруссии Ярило «молодой, на белом коне, в белой одежде, и босой: в правой, человечья голова, в левой, горсть ржаных колосьев; там празднуют ему, встречая всюду первую сошкой, 27 апреля» [Там же].

В Костромской деревне чучело под названием Ярило клали в гроб или давали носить по деревне старику, которого одевали в лохмотья, а вместо песен было оплакивание. После этого Ярило зарывали в поле. Чучело Ярилы имело ярко выраженные признаки пола, а его оплакивание бабами и причитания нередко содержали эротические намеки и сопровождалось скабрёзными шутками мужиков. Если Ярилу изображал парень, зачастую он был голым.

Праздники в честь Ярилы часто сопровождалось плясками, песнями и употреблением вина.

Характерно, что скульптура, символизирующая Ярилу, в парке «Украинская степь» в Донецке явно фаллическая.

При такой трактовке образа Ярилы неслучайно поп заставляет петь Максима: «Верую! <...> В барсучье сало, в бычачий рог, в стоячую оглоб-лю-у! В плоть и мякоть телесную-у!» (т. 5, с. 229) (курсив наш. – Д. М.).

ПопЯра-поп в рассказе «Верую!» может быть интерпретирован как олицетворение в тексте языческого бога Ярилы.

Аллюзии здесь прослеживаются уже на уровне внешности попа:

Поп был крупный шестидесятилетний мужчина, широкий в плечах, с огромными руками. Даже не верилось: что у него – что-то там с легкими. И глаза у попа – ясные, умные. И смотрит он пристально, даже нахально. Такому – не кадилом махать, а от алиментов скрываться. Никакой он не благодетель, не постный – не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие – живые, трепетные нити – распутывать. Однако – Максим сразу это почувствовал – с попом очень интересно (т. 5, с. 225).

Ему, как языческому богу, приносят жертвы – барсуков:

Илюха был уже на развезях – клевал носом и бубнил, что в то воскресенье, не в это, а в то воскресенье он принесет сразу двенадцать барсуков.

– Мне столько не надо. Мне надо три хороших – жирных.

– Я принесу двенадцать, а ты уж выбирай сам, каких. Мое дело принести. А ты уж выбирай сам, каких получше. Главное, чтоб ты оздоровел... А я их тебе приволоку двенадцать штук... (т. 5, с. 225).

Порочность попа изначально подчеркивается упоминанием о его болезни. Как сказал протоиерей Сергей Фисун, «поп несет в себе тлен» [Фисун, 2012, с. 134]. Причем болезнь попа тоже символична:

У попа что-то такое было с легкими – болел. Приехал лечиться. А лечился он барсучьим салом, барсуков ему добывал Илья. У попа было много денег, они с Ильей часто пили спирт. Поп пил только спирт⁴ (т. 5, с. 225).

Поп так и не уточняет, что за болезнь его поразила. На вопрос Максима «что с легкими?» он отвечает односложно и уклончиво: «Болят» (т. 5, с. 226). Эта уклончивость позволяет нам выстроить ассоциативную цепочку: «что-то такое было с легкими» – дыхание – дух – душа. У попа тоже болит душа, что и подтверждается следующей цитатой:

Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришел точно по адресу: у меня тоже болит душа. Только ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это – океан (т. 5, с. 227).

Поп явно выказывает черты, противоречащие каноническому образу православного священника и, более того, inferнальные.

«Сын мой занюханный», – обращается он к Максиму, а не «сын мой возлюбленный», как это звучит традиционно по-христиански. Налицо инверсия традиционных христианских формул, характерная для сатанистов.

---

⁴ Упоминание о спирте – еще один автобиографический момент. По воспоминаниям кинооператора, друга Шукшина Александра Саранцева, Василию, когда он учился во ВГИКе, выдавали спирт по предписанию врача для лечения язвы желудка: «велят принимать по чайной ложке три раза в день» [Гришаев, 1994, с. 128].

Шукшинский поп цитирует Дарвина, чья теория естественного отбора не признается христианской церковью: «– Видишь! – показал он свою ручищу. – Надежная: произойдет естественный отбор» (т. 5, с. 226).

Тезисы, которые излагает поп в своеобразном теологическом диспуте с Максимом, также противоречат всем канонам православия и вообще христианской церкви:

Теперь я скажу, что бог – есть. Имя ему – Жизнь. В этого бога я верую. Это – суровый, могучий бог. Он предлагает добро и зло вместе – это, собственно, и есть рай. <...> Верь в жизнь!

<...>

Поэтому, в соответствии с этим моим богом, я говорю: душа болит? Хорошо. Хорошо! Ты хоть зашевелился, ядрена мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием-то душевным. Живи, сын мой, плачь и приплясывай (т. 5, с. 227).

Однако схожие идеи встречаются в шукшинских текстах – как художественных, так и документальных.

Киносценарий «Живет такой парень» заканчивается словами Пашки Колокольникова: «– Значит, будем жить, – сказал он, отвечая своим мыслям» (т. 1, с. 310). В письме к сестре, Н. М. Зиновьевой (Москва, декабрь 1961 г.), есть такая фраза:

Живые должны жить. Ведь это правда: мертвых на земле больше, чем живых. И если нам подчиниться закону мертвых, то надо складывать руки и спокойно уходить из жизни. Но живые диктуют нам свой закон – живи! (т. 8, с. 247).

Танец попа и Максима в финале рассказа напоминает языческий танец, где попу уже открыто придаются звериные черты. Он похож на языческого шамана, одевающегося в шкуру зверя:

Оба, поп и Максим, плясали с такой с какой-то злостью, с таким остервенением, что не казалось и странным, что они – пляшут. Тут – или плясать, или уж рвать на груди рубаху и плакать, и скрипеть зубами;

Рубаха на попе – на спине – взмокла, под рубахой могуче шевелились бугры мышц: он, видно, не знал раньше усталости вовсе, и болезнь не успела еще перекусить тугие его жилы. Их, наверно, не так легко перекусить: раньше он всех барсуков слопаёт. А надо будет, если ему посоветуют, попросит принести волка пожирнее – он так просто не уйдет;

Потом поп, как большой тяжелый зверь, опять прыгнул на середину круга, прогнул половицы... На столе задребезжали тарелки и стаканы (т. 5, с. 229).

Подобная сцена почти языческой пляски уже встречалась в раннем творчестве Шукшина – в литературном сценарии дипломного фильма Шукшина «Посевная компания» (1960):

...А на кругу какой-то верзила, взявшись за бока, выделяет такого черта, так бацает по земле, что она, матушка, гукает. Рыжий хлопек выворачивает малиновую душу у трехрядки. Зрители дружно прихлопывают. Верзила, кокетничая, «подбил» в пляс под молоденькую женщину – артистку <...> Ее словно ветром подхватило – закружилась по кругу... Знаме-

нитый Грай не выдержал и отколол коленце прямо на столе. Слезь со стола ему не дали (т. 1, с. 271)⁵.

Народное празднество, по разгулу напоминающее языческое, устроено прямо на пашне, по случаю рождения тройни у бригадира Грая. «Урожай» Грая как будто предсказывает будущий богатый урожай пшеницы.

Еще одна возможная аллюзия, связанная с образом попа, – Григорий Распутин, «старец», обвиняемый в принадлежности к секте хлыстов. Хлыстам общественным мнением начала XX в. приписывались оргии, которыми обычно заканчивались хлыстовские «радения». Распутин, по всей видимости, неслучайно упоминается в шукшинском рассказе «Срезал»:

Выяснилось, что полковник не знает, кто велел поджечь Москву. То есть он знал, что какой-то граф, но фамилию перепутал, сказал – Распутин (т. 5, с. 72).

Образ Распутина – один из устойчивых символов творчества Шукшина. Как отмечает А. И. Куляпин, современники «странные речи Распутина либо считали сознательным плутовством, либо наделяли высшим тайным смыслом, либо воспринимали как абсолютную бессмыслицу» [Куляпин, 2006, с. 123]. Все сказанное может быть прямо отнесено к шукшинскому попу.

Атавистические элементы язычества закрепились в патриархальной крестьянской культуре, некоторых архетипах крестьянского менталитета, о чем Шукшин писал не раз, и от чего избавиться было не просто даже ему самому. «Может, так: жил в Лёсе вековой крестьянин, который из горьких своих веков вынес несокрушимую жадность. Жадность, которая уж и не жадность, а способ, средство выжить, когда не выжить – очень просто. Лёся захотел освободиться от этого мертвого груза души и не мог. Видно, не так это просто – освободиться», – отмечал он в рассказе «Лёся» (1971) (т. 5, с. 209). А в незаконченной статье «Только это не будет экономическая статья» (1967) писатель уже говорит о себе:

...Стали разносить обед. Тоже одна особенность: иногда совсем не хочется есть, а все-таки не откажешься, ешь. Впрочем, это я о себе говорю, может, другие не так. Наверное, у меня крестьянское осталось: «Пусть лучше пузо треснет, чем добру пропадать» (т. 9, с. 33).

Но означает ли наш анализ, что «рассказ Шукшина “Верую!”» знаменует отпадение от божеского, отказ от основных символов веры и победу дьявольского начала» [Левашова, 2007, с. 50]? Пожалуй, такое мнение известного шукшиноведа стоит назвать излишне радикальным.

Позиция автора рассказа, на наш взгляд, несколько сложнее. Максим Яриков и поп олицетворяют две «ярких» силы, которые, по мнению Шукшина, живут в крестьянине, и которые он наблюдал в себе сам. В Максиме живет пассионарная крестьянская, ломоносовская тяга к знанию, к действию, в попе – языческая, архетипическая, патриархальная сила, свойственная каждому крестьянину. Вместе они дают мощную, «яркую» энергию, которую, увы, направить в продуктивное, правильное русло не получается.

---

⁵ Сцена в дипломный фильм в итоге не вошла. У нее есть свой прообраз из х/ф «Земля» (1930) режиссера А. Довженко. Хрестоматийная сцена, когда ночью после первой вспашки в колхозе по дороге домой тракторист Василь танцует гопак.

Максим Яриков – это шукшинский герой-пассионарий из числа тех, кто строит вечный двигатель, хочет восстановить старинную красивую церковь, докопаться до сути гоголевского образа Руси или с помощью микроскопа открыть тайну не только микромира, но и науки, и даже политики («А ведь знают, паразиты, лучше меня знают, – и молчат. <...> Не хотят расстраивать народ. <...> Волнение, мол, начнется» (т. 6, с. 50))...

Но есть еще один тип героев у Шукшина. Это герой-демотиватор. Одни герои-демотиваторы гасят крестьянскую пассионарную силу познания и действия, как, например, инженер Голубев и учитель физики Гекман, которые объясняют Моне Квасову несостоятельность его попытки построить вечный двигатель в рассказе «Упорный» (1973); учитель Николай Степанович⁶ из рассказа «Забуксовал» (1973), который в ответ на размышления Романа Звягина о гоголевской «птицетройке», везущей шулера, отвечает: «Как-то... неожиданно вы все это поняли. Станный какой-то настрой...» (т. 6, с. 90) – и дает «политкорректное» истолкование образа; сотрудник облисполкома Игорь Александрович, который с помощью документов ломает иллюзии Семки Рыся по восстановлению талицкой церкви («Мастер» (1971)) и т. д. Другие герои-демотиваторы направляют ее в деструктивное русло. Это, например, председатель колхоза, по телефону руководящий бригадиром Шурыгиным, разрушившим сельскую церковь («Крепкий мужик» (1970)), воровской авторитет Губошлеп, вовлекший Егора Прокудина в преступную шайку в киноповести «Калина красная» (1973)... Персонаж попа в рассказе «Верую!» тоже может быть отнесен к этой категории героев-демотиваторов, так как искреннюю попытку духовного поиска Максима Ярикова он сводит к банальной пьянке и почти языческой оргии.

Как правило, у Шукшина крестьянину «некуда пойти», не к кому обратиться со своими заветными мыслями, кроме как к персонажу-демотиватору. Но это всякий раз ложный путь для героя-пассионария. Максим вместо церкви идет на застолье к сомнительному попу (хотя церкви в селе и нет, скорее всего), Моня Квасов вместо школы, училища идет к инженеру, который ему же и говорит: «Учиться тебе надо!» и т. д.

Впрочем, есть и еще один путь выражения этой нереализованной пассионарности русского крестьянина: восстание (как в романе «Я пришел дать вам волю») или суицид как протестная поведенческая реакция героя на агрессию или неотвратимые негативные действия со стороны социального окружения или «властей предержащих» («Сураз» (1970), «Жена мужа в Париж провожала» (1971), «Мой

---

⁶ Наиболее частым героем-демотиватором у Шукшина оказывается именно сельский учитель. Аналогичная ситуация встречается у Ф. Искандера в романе «Сандро из Чегема». «Учитель неполной средней школы» пытается объяснить чудо, связанное с тем, что пятимесячная Тали, дочь Сандро, не только узнавала Луну на небе, но и произносила ее название. Учитель предлагает свое, «научное», объяснение вполне в духе материализма, которое, однако, не встречает признания у чегемцев: «Кстати, местный учитель, с улыбкой (которая сразу же не понравилась чегемцам) выслушав сообщение об этом чуде с улыбкой же опроверг его. Он сказал, что наука совсем по-другому смотрит на этот вопрос. Он сказал, что скорее всего кто-то, держа в руке большое красное яблоко, сравнил его с луной, а ребенок это услышал, и ему это так запало в голову. И вот он, однажды увидев на дереве плоды, похожие на яблоки, ошибочно назвал их знакомым звуком, а диск луны, если он даже и виделся сквозь ветви яблони, не имеет к этому никакого отношения. Так объяснил чудо учитель неполной средней школы, открытой в Чегеме в начале двадцатых годов» [Искандер, 2023, с. 319].

зять украл машину дров!» (1971), «Алеша Бесконвойный» (1973) и др.). У Максима Ярикова это протестное поведение проявляется в юродстве в отделении милиции и просьбе «вести его под конвоем в Магадан», причем «непременно босиком» (т. 5, с. 224).

Духовные (и поведенческие) противоречия Василия Шукшина на пути к истинной православной вере – это следствие все той же пассионарности русского крестьянства, не находящей продуктивной реализации в условиях советской действительности.

Список литературы

Белов В. И., Заболоцкий А. Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. М.: Сов. писатель, 2002. 176 с.

Горький М. Рассказы. Пьесы. Мать. М.: Худож. лит., 1977. 671 с.

Гришаев В. Ф. Шукшин. Сrostки. Пикет. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1994. 152 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 4. 688 с.

Искандер Ф. Сандро из Чегема. СПб.: Азбука, 2023. 1184 с.

Куляпин А. И. Распутин // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Т. 2. С. 123–124.

Левашова О. Г. [Максим Горький] // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник / Науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Т. 2. С. 209–210.

Левашова О. Г. Верую! // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник / Науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Т. 3. С. 47–51.

Марьян Д. В. Православные мотивы в эпистолярном творчестве В. М. Шукшина // Филология и человек. 2012. № 3. С. 46–54.

Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. 794 с.

Фисун С. О духовных исканиях В. М. Шукшина // В. М. Шукшин и православие. М.: ИД «К единству!», 2012. С. 128–147.

Шукшин В. М. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Д. В. Марьяна. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

References

Belov V. I., Zabolotskiy A. D. *Tyazhest' kresta. Shukshin v kadre i za kadrom* [The burthen of the cross. Shukshin on and behind the scenes]. Moscow, Sov. pisatel', 2002, 176 p.

Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols.]. Moscow, TERRA, 1995, vol. 4, 688 p.

Fisun C. O dukhovnykh iskaniyakh V. M. Shukshina [About Shukshin's spiritual quest]. In: *V. M. Shukshin i pravoslaviye* [Shukshin and the Orthodoxy]. Moscow, ID "K edinstvu!", 2012, pp. 128–147.

Gor'kiy M. *Rasskazy. P'esy. Mat'* [The short stories. The plays. Mother]. Moscow, Khudozh. lit., 1977, 671 p.

GrishaeV V. F. *Shukshin. Srostki. Piket* [Shukshin. Srostki. Piket]. Barnaul, Alt. kn. izd., 1994, 152 p.

Iskander F. *Sandro iz Chegema*. [Sandro from Chegem]. St. Petersburg, Azbuka, 2023, 1184 p.

Kulyapin A. I. Rasputin. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, AltSU, 2006, vol. 2, pp. 123–124.

Levashova O. G. Maksim Gor'kiy. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, AltSU, 2006, vol. 2, pp. 209–210.

Levashova O. G. Veruyu! [I Believe!]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. A. A. Chuvakin (Ed.). Barnaul, AltSU, 2007, vol. 3, pp. 47–50.

Maryin D. V. Pravoslavnye motivy v epistol'arnom tvorchestve V. M. Shukshina [Orthodox motifs in the epistolary works of V. M. Shukshin]. *Philology and Man*. 2012, no. 3, pp. 46–54.

Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols.]. D. V. Mar'in (Ed.). Barnaul, "Barnaul" Publ. House, 2014.

Slovar russkogo yazyka: V 4 t. [The dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk, 1984, vol. 4, 794 p.

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Марьин, доктор филологических наук, доцент, помощник ректора по связям с общественностью Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия)

Scopus Author ID 57208688092

WoS Researcher ID IZP-7767-2023

Information about the author

Dmitry V. Maryin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Assistant to the Rector for Public Relations, Altai State Agrarian University (Barnaul, Russian Federation)

Scopus Author ID 57208688092

WoS Researcher ID IZP-7767-2023

Статья поступила в редакцию 22.04.2024;

одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 16.09.2024

The article was submitted on 22.04.2024;

approved after reviewing on 16.09.2024; accepted for publication on 16.09.2024

Научная статья

УДК 821.161.1; 82-312

DOI 10.17223/18137083/92/11

Специфика детективной интриги в романе Лены Элтанг «Радин»

Елена Александровна Полева¹
Ирина Александровна Ключник²

^{1, 2} Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

¹ polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

² irina.kluchnik33@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9353-5840>

Аннотация

В романе «Радин» Лены Элтанг рассматриваются особенности наррации, мотивы сумерек / темноты, неустойчивости, опоздания, пропуска, ошибки, двойничества и раздвоенности, других возможностей и выявляется их роль в построении детективной интриги. Комментируется специфика системы персонажей и образа сыщика. Разворачивание детективной интриги в романе интерпретируется через метафоры сложения пазлов, расширения герменевтического круга, познания объекта через систему кривых зеркал (воспринимающих сознаний). В статье ставится вопрос об эстетической природе романа и приводятся аргументы в пользу того, что поэтика «Радина» больше соответствует не постмодернизму, а модернизму. В центре романа значимые для модернизма вопросы границ свободы художника, разграничения подлинника и подделки, иллюзии и действительности.

Ключевые слова

детективная интрига, модернизм XXI века, Лена Элтанг, образ писателя-детектива

Для цитирования

Полева Е. А., Ключник И. А. Специфика детективной интриги в романе Лены Элтанг «Радин» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 157–169. DOI 10.17223/18137083/92/11

© Полева Е. А., Ключник И. А., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 157–169
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 157–169

Specifics of the detective plot in the novel “Radin” by Lena Eltang

Elena Alexandrovna Poleva¹, Irina Alexandrovna Klyuchnik²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

¹ polewaea@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

² irina.kluchnik33@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9353-5840>

Abstract

This paper reveals the unique features of the detective plot as it unfolds in the novel “Radin” authored by Lena Eltang. The features of narration, including the use of the “unreliable” narrator, polyphony, parallelism of voices, and lack of dialogue, as well as the motives of twilight/darkness, non-meeting, lateness, omission, mistakes, duality and duplicity, and other possibilities are considered. Also, the role of these specific features and their role in the development of the detective plot is elucidated. Attention is given to the image of Radin and his divergence from the traditional detective, with commentary on the distinctive character system that does not conform to the classical detective genre (numerous crimes and criminals, complex identity of characters as both criminals and victims). The quest for the disappeared man leads to an investigation into the forgery of artworks, further complicating the detective plot. This plot can be interpreted as a framework for posing questions vital to modernist literature, such as genuineness and imitation, or illusion and reality, the limits of an artist’s freedom, and others. The detective intrigue is found to be both externally focused on investigating an incomprehensible reality and internally concentrated on the “detective’s” introspective understanding. Metaphors of puzzle completion, expanding the hermeneutic circle, and apprehending the object via a structure of deceptive reflections (perceptive consciousnesses) are used to understand the detective narrative as it unfolds. The paper questions the aesthetic nature of the novel, suggesting that the poetics of “Radin” correspond more with modernism rather than postmodernism.

Keywords

detective intrigue, 21st century modernism, Lena Eltang, the image of a detective writer

For citation

Poleva E. A., Klyuchnik I. A. Specifics of the detective plot in the novel “Radin” by Lena Eltang. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 157–169. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/11

Романная проза Лены Элтанг, начиная с публикации «Побега куманики» в 2006 г., вызывает устойчивый интерес критиков, многие из которых отмечают в ее произведениях признаки неклассического детектива. Во-первых, «многослойность» повествования, благодаря которой детективная интрига усложняется, обретает философскую и психологическую глубину. Г. Юзефович пишет о «Каменных клёнах»: «...то, что в пересказе кажется добротным детективным сюжетом, на практике куда больше напоминает китайскую костяную шкатулочку: откроешь – а там еще одна, в ней еще, и так до бесконечности» [Юзефович, 2008]. Ст. Секретов считает, что «Картахена» – и «детектив, и психолого-философский роман» [Секретов, 2015]. Во-вторых, «многоголосие», не обрамленное словом концептированного повествователя, обуславливающее множество версий событий. Например, И. Гулин о романе «Картахена»: проигрываемые в памяти нарраторов коллизии «...превратятся в бесконечный палимпсест версий...» [Гулин, 2015, с. 25].

О «Радине» (2022) – последнем на данный момент опубликованном романе Л. Элтанг – пока есть только единичные критические работы, в которых, однако, наличие детективной интриги неизменно подчеркивается. Т. Соловьёва пишет: «Психологическая проза в оболочке детективного романа. <...> сюжет с убийством не исчерпывает и десятой доли заложенных в книге смыслов» [Соловьёва, 2022]. Е. Нещерет отметила: «Герои здесь беспрестанно меняются местами не только в детективном смысле, но и в метафизическом <...> Любой может занять любое место...»¹. Поддерживая мысль в целом, не согласимся с финальной фразой приведенной цитаты, так как это слишком общее суждение не подтверждается анализом текста.

Среди литературоведческих работ о детективных произведениях можно выделить два основных подхода. Приверженцы «чистого» жанра считают, что к детективам можно отнести только произведения, соответствующие жанровой формуле [Вольский, 2006; Моисеев, 2017]. Исследователи нереалистической прозы полагают, что жанр, развиваясь, реализуется в разновидностях, поэтому среди прочих можно выделить модернистский и постмодернистский детективы, которые существенно отличаются от классических, в том числе способом разворачивания и разрешения детективной интриги [Можейко, 2012]. Романы Л. Элтанг представляют собой сложные жанровые образования, поэтому мы рассматриваем их не как собственно детективы, но как произведения, в которых детективная интрига является нарративообразующей. Теоретико-методологической базой исследования выступают работы М. А. Можейко.

В романе «Радин» представлена сложная «многоголосная» структура повествования, «сотканного» из разнородных событий, воспоминаний, картин настоящего и прошлого. Композиционно роман построен как соположение точек зрения разных героев, объединенных включением их в основное «событие рассказывания» (в терминологии М. Бахтина). Система нарраторов строится из облеченных в различные формы голосов Радина, Лизы, Ивана, Доменики, Гарая, Малу и Варгас. Так, тексты Доменики напоминают письма, обращенные к мужу Алехандро Понти (в ее представлении погибшему), а Малу – записи из дневника, передающие специфику письма деревенской, малообразованной, но обладающей хорошей памятью девушки (ее текст отличает отсутствие заглавных букв, использование инверсии и т. д.). Время сюжетных событий ограничено тремя неделями в португальском городе Порту, однако благодаря ретроспекции расширяется до восьми с половиной месяцев, связанных с расследованием (со дня перформанса и мистифицированной смерти Понти 30 августа 2018 г. до 13 мая 2019 г.), и до нескольких лет / десятилетий жизни персонажей. За счет «увязания» субъектов речи в прошлом и постоянного возвращения в наррации к одним и тем же событиям, увиденным под разными углами зрения, из разных перспектив, композиция усложняется; нарративная авторская стратегия построена так, что для восстановления хронологии и причинно-следственных связей читатель должен прилагать усилия, подобные расследованию.

Н. М. Марусенко в статье «Типичное и нетипичное в структуре детектива» пишет, что «в фабуле детектива можно выделить две линии – преступления и расследования, которые первоначально развиваются независимо, но в определенный момент начинают тесно взаимодействовать. И если линия расследования развора-

---

¹ Нещерет Е. «Радин»: большой роман из Зазеркалья. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/08/02/radin-bolshoj-roman-iz-zazerkalia> (дата обращения 12.04.2025).

чивается в хронологическом порядке, то линия преступления вводится фрагментарно и не с начала» [Марусенко, Скребцова, 2013, с. 75]. Роман «Радин» в целом соответствует этой характерной черте жанра. Информация о преступлении вводится в нарратацию фрагментарно, а ход расследования единственно линейен во всем произведении и охватывает одновременно самые разные происшествия: Радин (переживающий кризис писатель) вначале играет роль детектива, занятого поиском исчезнувшего русского эмигранта Ивана, следом задание найти аспиранта Кристиана Крамера ему дает хозяйка художественной галереи Варгас. Вживаясь в роль, Радин по-настоящему ведет расследование, в процессе которого не только постоянно меняются версии о том, кто преступники, кто жертвы, но и обнаруживается фальсификация картин, обозначенных как посмертно выставленная на аукционе последняя серия известного португальского живописца Алехандро Понти. 'Детективно-искусствоведческая' интрига связана с отношениями дружбы-соперничества двух художников (Гарая и Понти) и выявлением подлинности / авторства картин.

Если в традиционном детективе интрига служит линейному движению к разгадке, то в «Радине» ее развитие приводит к децентрации, что свойственно модернистскому детективу [Можейко, 2012]. Радин вроде бы приближается к пониманию, что произошло с Крамером, Иваном, Понти. Но те, с кем он общается, не договаривают, интерпретируют события по-своему, ненамеренно ошибаются в трактовке произошедшего, сообщают заведомо ложную информацию. Поэтому «детектив», а вслед за ним и читатель (так как точки зрения ненадежных нарраторов не корректируется концептированным повествователем), сталкивается с внутренней фокализацией, получает информацию, преломленную через призму сознания других, неполную и отражающую лишь субъективную интерпретацию событий.

Л. Элтанг использует метафору пазлов, лежащую в основе классических детективных сюжетов [Там же]: эпизодический персонаж, упоминаемый в текстах Радина, квартирная хозяйка и консьержка Сантос, собирает пазлы на протяжении времени, когда идет «расследование». Как ей недостает пары фигурок для сложения общего изображения, так и Радину постоянно не хватает информации для понимания всей картины происшествий. Причем автор использует прием метафорического переноса и параллелизма в действиях этих двух персонажей: Радин находит под столом Сантос элемент с изображением шмеля уже в завершение работы, также он ближе к финалу догадывается о соучастии в событиях Малу, которая связана с образом шмеля. Это ее второе имя (Мария-Абелия-Лупула; *abelha* – «шмель» на португальском); у нее татуировка с его изображением; Понти называл ее «шмелик», шмеля пририсовывает Доменика на выставленных картинах, выдавая его за подпись художника. (Заметим, что параллели между расследованием и сложением пазлов Сантос устанавливает не сам персонаж, это авторский прием, рассчитанный на внимательного читателя.) Но в классическом детективе сюжет завершается сложением всех пазлов. В «Радине» и у Сантос не нашелся последний пазл, и в расследовании не всё осталось разъяснено.

На метауровне образ пазлов перекликается с темой судьбы. В текстах персонажей встречаются аллюзии на самые разные варианты упоминаний о судьбе в культуре, включая гексаграммы Книги перемен, мотивы из мифов и легенд, образы христианских святых, языческие представления индейцев. Судьба также складывает свои пазлы, но человек может попытаться разгадать логику движения и переплетения событий только постфактум, когда что-то случилось, глядя на про-

изошедшее со стороны. Например, Радин предполагает, что его расследование повлияло на поступки людей и в конечном счете привело к смерти Понти, а также переосмысливает свою роль в этом 'сюжете': «Я думал, что попутчика послали боги, чтобы он заставил меня остаться в городе и прийти в себя. Но нет. Это меня послали, чтобы похоронить Понти так, как он того заслуживает» [Элтанг, 2023, с. 389]². Доменика тоже считает, что смогла бы поменять ход событий: «Найди я этот листок чуть раньше, многое бы изменилось, а кое-что никогда бы не произошло. Я бы догадалась, сложила бы белое с черным, а случайное с очевидным» (с. 371). Малу, слушая объяснения индейца-садовника, почему он не помог Доменике войти в дом («к женщине, которую обсели демоны, мужчина не подходит, это может плохо повлиять на его судьбу»), отмечает: «...вот ведь болван, думаю, а повлияло-то на мою судьбу, войди хозяйка в дом, ничего бы такого не случилось, <...> Кристиан сидел бы сейчас в своей студии...» (с. 340).

В целом, кроме метафоры пазлов, разворачивание детективной интриги в романе может быть объяснено при помощи образа расширяющегося герменевтического круга (отметим, что психотерапевт Радина – «доктор, вечно цитирующий Гадамера»); на каждом витке расследования возникает больше информации, что позволяет обнаружить несостоятельность предыдущей версии и построить новую, которая, в свою очередь, вновь будет разрушена для обновленного варианта развития событий. Расширение герменевтического круга принципиально незавершимо, что иллюстрирует, на наш взгляд, «отказ от “финализма”» как базовое свойство модернистского художественного сознания [Житенев, 2012, с. 5].

Еще одна метафора, объясняющая принцип построения детективной интриги, – система 'кривых зеркал', которыми являются сознания всех, по-своему отражающих образы Понти, Крамера, Ивана. Такой прием использовался, например, В. Набоковым в «Соглядатае»: отражения в восприятии других замещают собственно объект восприятия. У Л. Элтанг этот прием предстает в еще более усложненной форме, так как она преумножает отражаемые объекты и события, сложнее переплетает варианты их восприятия. И детектив, и читатель не видят непосредственно Понти, не читают его тексты, он дан опосредованно, в восприятии другими. Когда же Радин видит и опознаёт его, диалог невозможен, так как Алехандро мертв.

Узловые элементы детективной истории сопровождаются мотивами, которые, на наш взгляд, проявляют модернистскую художественность романа.

Мотив сумерек и темноты сопровождает:

- первую встречу в поезде Радина с попутчиком Салданьей;
- пересечение Понти перед прыжком с моста с клошаром Мендешем;
- преднамеренное убийство Крамера и избавление от его тела Понти и Малу;
- 'воровство' Радиным картины с портретом Лизы из дома Гарая;
- обнаружение умершего от отравления Понти и избавление Доменикой с Радиным от его труп.

В завязке Радин отмечает: «Что он там говорил – что меня бог ему послал? Я даже лица его в *темноте* не видел. А он не видел моего» (здесь и далее курсив наш. – Е. П., И. К.) (с. 19). Темнота не позволяет опознать в Салданье Понти. Из-за сумерек свидетелю Мендешу, который видел прыжок с моста, не удается ни опознать внешний вид, ни даже уверенно сказать, утонул ли прыгнувший:

---

² Далее при ссылках на это издание номера страниц указываются в круглых скобках.

«Я сам его видел, вот как тебя сейчас, – важно сказал старик. – В сумерках это было, я как раз развел костерок и полез за консервами» (с. 57). Гарай, являясь свидетелем избавления от трупа, путает из-за темноты Крамера и Понти, он убежден в том, что убийца – Крамер, и поэтому сообщает Радину подлинную в представлении Гарая, но ложную по факту информацию, которая на определенное время вводит в заблуждение Радина, что затягивает «расследование». Позднее Радин обнаруживает подмену, о чем сообщает заказчице Варгас: «Мой свидетель перепутал двух высоких мужчин, потому что в саду было *темно*. <...> А раз Понти жив, значит, австриец мертв» (с. 254). Еще через какое-то время Радин догадается, что и еще одного соучастника непреднамеренного убийства Гарай спутал: «...он принял женщину за Доменику, а может, он хотел увидеть там Доменику, потому что не смог ее простить» (с. 286). И это дает еще одну возможную версию об участниках преступления: вероятно, соучастницей была служанка Малу, а не жена Понти.

Сумерки и темнота мешают свидетелям увидеть действительную картину происходящего, что запутывает дело. Эти мотивы можно рассматривать как составную часть семантически более объемного мотива *ошибки восприятия, иллюзий*: персонажи высказывают самые разные версии, не имеющие отношения к действительности, из-за ограниченности не только физических возможностей восприятия, но и психологических: каждый интерпретирует события, исходя из собственного опыта и стереотипов. Радин пытается осмыслить это: «Ничего этого нет, весело сказали ему на ухо, вы видите то, что вам показывают!» (с. 232); «Я ошибаюсь, это очевидно, я что-то упустил» (с. 249). Гносеологическая ограниченность человеческих возможностей мешает увидеть подлинную реальность, расследование приводит к новому, но не конечному уровню понимания.

Мотивы невстречи, опоздания, пропуска, ошибки, тесно связанные со сквозной в романах Л. Элтанг темой *других возможностей*. Радин в процессе расследования устанавливает сложные переплетения отношений между ‘жертвами’ и ‘преступниками’, однако он пропускает два значимых для воссоздания полной картины события: открытия и закрытия выставки картин (то ли Понти, то ли Гарая) в галерее. Первое – из-за того, что на визитке указал старый номер телефона и не получил сообщения Варгас, второе – потому что проспал. По осколкам рассказов других и текстов в прессе он не может восстановить событие, так как у каждого своя версия; из частей, да еще и субъективно воспринятых, собрать целое не получается. Персонажи обращаются к сослагательному наклонению, представляя, каких трагедий можно было бы избежать, если бы воплотился иной сценарий развития событий. Например, Малу узнаёт, что индеец-садовник не помог открыть ворота Доменике, а ее возвращение домой позволило бы избежать случайного убийства Крамера. Если бы Доменика знала, что муж жив, не стала бы заказывать подделку его картин Гарая. Если бы Радин не рассказал Лизе версию, что Иван утонул в реке, прыгнув вместо Понти, во-первых, Лиза бы не покинула съемную комнату, они бы не разминулись, во-вторых, Лиза не выгнала бы Понти, тот не пошёл бы в дом к Гарая, не открыл бутылку и не выпил портвейна, оказавшегося отравленным. И так далее. Осознание других возможностей добавляет персонажам досады, однако невозможно проверить, изменилась ли бы судьба, если бы они воплотились.

Организуя детективную интригу, Л. Элтанг использует прием параллелизма голосов. Каждый персонаж создает свою версию событий, но их голоса не пересекаются, каждый живет в своем монологе, и неспособность услышать друг друга

фатальна. Расследование позволяет установить, что у свидетелей событий сложилось ложное представление, неподлинная картина преступлений. Например, Радин находит свидетеля самоубийственного жеста Понти – всем присутствующим казалось, что он, воплощая в жизни сюжет своей картины, прыгает в реку с моста. На самом деле хозяйка галереи Варгас знает, что вместо Понти прыгнул его дублер – Иван. Но эта информация до определенного времени не известна Радину и другим персонажам. Радин, взявший на себя роль детектива, выполняет функцию сбора голосов и диалога с другими. И это даже помогает установить относительно логическую цепь событий, но экзистенциально ничего не объясняет и не способствует ни восстановлению справедливости (что является целью расследования в классическом детективе), ни остановке разрушения реальности (смерть, разрыв связей, утрату дома), ни постижению итоговых смыслов. Крамер и Понти мертвы; Иван разминуслся с Лизой и выбрал жизнь как череду существования на кладбище и игры в покер; Лиза, не зная, что Иван жив и вернул ей деньги, не воплощает мечту о балетной школе, выбирает эмигрантские скитания уличной танцовщицы; Радин не соединяется с Лизой, чтобы жить в домике на побережье; Доменика остается в тревоге из-за угрозы разорения и продажи виллы, Гарай бросает свой дом и исчезает, Малу надеется на возвращение падрона, не зная, что он мертв.

Усложнение детективной интриги связано не только с демонстрацией базового для модернизма постулата о непознаваемости реальности, находящейся за границами сознания человека, но и с проблемами разграничения подлинника и подделки, истинного и мнимого, границ или связей жизни и творчества, центральными для модернистской эстетики. Завязкой всех детективных событий служит момент, когда Понти соглашается совершить перформанс – имитировать прыжок с моста в реку, чтобы «оживить» картину и тем самым поднять интерес к своему творчеству. Но Понти показалось, что прыгнувший вместо него дублер Иван погиб, что его симуляция повлекла реальную смерть человека, поэтому он не смог вернуться к гостям: «какой уж тут перформанс, когда мальчишка не выплыл» (с. 185). Детективная интрига, таким образом, перерастает саму себя и выводит к философским вопросам о свободе художника в выборе способов самовыражения, о его возможностях и праве использовать жизнь других для своих целей.

Развитие детективной интриги связано с отношениями Понти и Гарая, образы которых восходят к архетипической паре Моцарта и Сальери. Мечь и зависть оказываются «пружинами» развития этой нарративной линии. Во фрагментах повествования, принадлежащих Гарая – художнику, который считал в юности Понти другом, раскрывается драма непризнанного творца. Гарай не может совладать со своим чувством накопившейся обиды, из-за чего со злорадством соглашается на предложение Доменики подделать серию картин Понти в духе его ранних работ. Он ожидает скрытого триумфа: выставки и высокой оценки своих картин вместо анонсированных полотен соперника. Радин, читая наброски монографии Крамера о Понти, выходит к противоречию: аспирант описывает другую палитру, отличную от той, что он видел в галерее. Так он приходит к пониманию, что зелено-золотые картины – дело рук Гарая, который не просто написал серию поддельных картин. Гарай таким образом отомстил Алехандро, который в юности поступил с его произведением еще безжалостнее: «Подхожу поближе и вижу: это он мою дипломную работу пачкает. Прямо по моей картине пишет, записывает ее напроочь!» (с. 246).

Причем Гарай сделал это на обороте реально созданных Понти полотен под названием «Мост Аррабида». И процесс разгадки, где же настоящие картины Понти, – отдельная линия развития детективной интриги в романе, попутно формирующая идейно-тематический спектр романа, связанный с вопросами оценки гениальности, отношения к искусству критиков, обывателей и профессионалов (хозяйки галереи, участников аукционов). Дело в том, что подлинные картины Алехандро Понти Гарай, считая, что художник мертв, выставлял под своим именем в феврале, но публика и критики, как и сама Варгас, не зная, кто настоящий автор работ, приняли их равнодушно или высмеяли. То, что случайно обнаруженные Доменикой работы на обратной стороне холста, за подрамником, принадлежат Понти, знает и Малу, но, оценивая обывательским взглядом, считает, что картины Гарая лучше, поэтому нужно выставить их, чтобы избежать провала. Наконец, Доменика признаёт гениальность работ, скрытых за подрамниками, но долгое время полагает, что это работы Гарая, которыми он пожертвовал, чтобы написать подделки: «Вот эту работу он использовал, чтобы не тратить деньги на холст? Хотела бы я видеть работы, которые он считает удачными!» (с. 205). Наконец, и Варгас знает об самом Понти, что зелено-золотые картины написаны не им, но никто из них двоих не может догадаться, что и картины Алехандро в галерее, на обратной стороне холстов. И тогда (со слов Варгас) Понти соглашается признать, что это работы его, чтобы не сорвать аукцион и обеспечить себе возвращение, условно говоря, из мира мертвых. Так как это не тема данной статьи, только вскользь заметим, что Элтанг рецепирует темы художника и толпы, самоидентичности творца, ценности искусства, которые измеряются далеко не всегда талантом. Гарай по этому поводу замечает: «Бодрийяр оказался прав! Ценность переносится с момента красоты на уникальность художника и его жеста. Сказано, как хлыстом ударено» (с. 330).

Особенность этой линии детективной интриги в том, что, с одной стороны, она удачно разрешается: Доменика и Радин знают о подмене и узнают, где настоящие работы Понти. С другой стороны, ее развитие не приводит к восстановлению справедливости, как это происходит в классическом детективе [Можейко, 2012], так как у каждого своя версия того, что справедливо. Более того, именно ее развязка не известна ни Радину, ни читателю. Проспавший аукцион Радин констатирует, что газеты не публикуют сведений о скандале, Доменика записывает в своем тексте намерение открыть картины Понти, но что произошло в реальности – неизвестно. Отсутствие единой, всё и всем объясняющей разгадки разрушает закрытую нарративную структуру классического детектива и жанровые ожидания читателя.

Образ сыщика также существенно отличается от центральных персонажей классических детективных романов. Например, Радин – писатель, человек искусства, никак не связанный с деятельностью детектива: «Я не сыщик, а писатель» (с. 140). Кроме того, в классическом детективе ведущий расследование психически стабилен, у него рациональное мышление преобладает над эмоциями, он внутренне целостен и гармоничен. В романе Л. Элтанг принципиально иначе. Начиная с первой главы «Темный человек» в повествование Радина введены эпизоды, позволяющие понять, что он – пациент психоаналитика: «...его история была обычной, сначала депрессия, потом пьянство, после пьянства – клиника, <...> а после клиники – внезапные рыдания, настигавшие Радина где угодно...» (с. 13). Во-первых, Л. Элтанг использует сквозной в ее романах мотив «других барабанов», означающих «бой в отступление», ситуацию, когда остановка в деятельно-

сти, отход назад дает возможность отстраненно посмотреть вокруг и найти новый способ действия, движения вперед, открыть «другие возможности». Радин отметил, что утратил способность слышать музыку, «разве что барабаны немного различаю» (с. 14). Во-вторых, мотив воды, служащей «переключателем» двух личностей Радина, причем если Радин-писатель отказывается ввязываться в авантюры, не склонен заводить знакомства, дерзать, то его вторая личность, катализатором выхода которой оказывается звук льющейся воды, как раз и соглашается выполнить роль детектива: «Тот, второй, – настоящий прохвост, вечно впутывается в неприятности и спит с кем попало» (с. 89–90). Другими словами, двигателем всего хода расследования становится нецельное сознание Радина.

И. П. Ильин, Е. А. Цурганова, анализируя зарубежные концепции, объясняющие взаимосвязи модернизма и постмодернизма, приводят позицию Д. Брауна, полагавшего, что «между модернизмом и постмодернизмом практически не существует принципиального различия <...>, с его точки зрения, всё то, что в современных исследованиях получило характеристику “децентрированного”, т. е. лишённого центра “Я”, “фрагментарного “Я”” и т. д., было заложено в 1890–1930-е годы» [Ильин, Цурганова, 2006, с. 190]. Заслуга модернистов, по мысли Д. Брауна, – в открытии художественных способов репрезентации сложного внутреннего мира личности, не сводимого к монолитному, гомогенному «Я»: художники слова «при помощи новых экспериментальных изобразительных средств создают представление о плюралистическом, гетерогенном и прерывистом “Я”». Писатели воспроизводят фрагментарные “Я”, в основе которых лежит понимание “самости” как изначально фрагментарной, “тонкой взаимосвязи” между воспринимаемой реальностью и сконструированным ее описанием» [Там же, с. 192]. На наш взгляд, сказанное больше относится именно к модернизму, так как постмодернизм проблематизирует собственно понятие «самости»: дело не в том, что личность настолько многогранна, подвижна, изменяема, что не сводится к монолитному описанию, а в том, что вместо личностности внутренний мир представлен как набор штампов, клише, стереотипов, цитат и т. д. У Элтанг стратегия создания персонажей иная, чем в постмодернизме. Она помещает персонажа в ситуацию, где он не может действовать так, как привык, в которой он вынужден быть не тем, кем обычно, что имеет мировоззренческую основу и связано с выше обозначенной темой «других возможностей». В интервью о «Радине» она пишет: «Собственно, история писателя, которого вынудили играть чужую роль, – это тоже версия действительности, и в этой версии он нравится себе гораздо больше <...>. *Счастлив, кто падает вниз головой: мир для него хоть на миг – а иной*» (курсивом в тексте интервью выделена цитата из стихотворения Вл. Ходасевича. – Е. П., И. К.)³. В этих ситуациях и проявляется многогранность личности.

Кроме раздвоенности, используется в романе и мотив двойничества. По мнению А. А. Михалевой, двойничество предполагает «видение себя в другом», т. е. не просто сходство, но сходство осознанное, ставшее предметом рефлексии для самих персонажей или автора [Михалева, 2006, с. 227]. Отношения двойничества сам Радин устанавливает с Крамером. Радин, живет в его квартире, носит его одежду, пользуется его вещами, погружается в его записи: «Кристиан же был всё время рядом, его книги, его салфетки, его рукопись, его постель. Радин привык

---

³ Элтанг Л.: «Я выбрала эту тему, потому что она меня бесит»: интервью Т. Соловьёвой // Прочтение. 2022. 18 мая. URL: <https://prochtenie.org/texts/30909> (дата обращения 12.09.2024).

мысленно разговаривать с хозяином дома...» (с. 258). Если в постмодернизме двойничество «демонстрирует агонию сознания повествователя, невозможное для него самоопределение, уводящее одновременно в пустоту и множественность отражений “я”» [Джумайло, 2010, с. 164], то в модернистском романе Л. Эланг служит установлению идентификационных ‘флажков’; познание другого оказывается двунаправленным не только во вне, но и внутрь себя. «Почему аспирант остался в этой стране, думал Радин, разглядывая фотографии... <...> А сам я – почему?» (с. 298).

Инвертируется классическая схема и в системе персонажей, так как преступлений и преступников оказывается много, а ряд персонажей выступает одновременно в разных ролях – преступника и жертвы. Например, Доменика фальсифицирует картины Понти, отправляет на выставку заранее заказанную у Гарая серию, она также предпринимает попытку лишить Гарая памяти, и тот получает отравление. Малу из ревности убивает Кристиана – толкает его, и он падает с лестницы. Понти помогает скрыть преступление, а еще считает себя виноватым в смерти Ивана, в завязке он, представившись другим именем, своровал у Радины рукопись, чтобы манипулировать им. Варгас нанимает для прыжка с моста не профессионального каскадера, а парня, который срочно нуждался в деньгах из-за долгов. Наконец, безымянный заказчик портрета жены Гарая дарит художнику отравленный портвейн, вероятно, узнав об измене супруги, это внесюжетное событие восстанавливается из записей Гарая, который не знал об отраве. Но именно этот портвейн стал причиной смерти Понти. В романе нет единственного виновного во всем лица; наряду с преднамеренными действиями персонажей действует случай, и это предопределяет судьбу.

Кроме этого, получается, что человек одновременно и жертва, и преступник. Малу толкает Кристиана с лестницы, что приводит к его смерти, но Кристиан втайне от нее для сбора дополнительной информации о Понти соблазнил Доменику, изменял Малу. Гарай подделывает картины, но причиной становится эгоистическое и потребительское отношение Понти к нему и их дружбе.

Согласно концепциям модернизма и постмодернизма «правильной», единственной, всё объясняющей версии не существует, потому что «дело» либо каждый интерпретирует по-своему (модернизм), либо его вообще нет, так как представления о реальности симулятивны (постмодернизм). Л. Эланг во многом балансирует на грани этих двух эстетик, давая возможность прочесть роман как художественный вымысел Радины – неслучайно его текст написан от третьего лица, а ‘фигуранты’ дела названы им «персонажами»: «Сегодня напишу отчет, внесу туда диалоги с персонажами...» (с. 55). В его записях присутствует фраза, которая позволяет трактовать весь детективный нарратив как симулякр: «Я снова в деле и мне весело, хотя на самом деле нет никакого самого дела. Правду сказал каталонец: мы то, чем мы притворяемся!» (с. 158). Но всё же и мотивно-тематическая структура романа, и то, что события, хоть и в искаженном виде, верифицируются в речи разных персонажей-нарраторов, позволяет предположить, что роман Л. Эланг является модернистским. Каждый причастный к событию остался со своей версией, исходя из своего опыта.

З. М. Чемодурова отметила, что в постмодернистском детективе ход расследования – всего лишь игра, «превращающая поиск человеком собственной идентичности в основную загадку нашего существования, не имеющую однозначного решения» [Чемодурова, 2014, с. 187]. Об ориентированности постмодернистского детектива на поиск самоидентичности персонажа-детектива сказала и М. А. Мо-

жейко: «...детективный сюжет зачастую аксиологически сдвигается в сферу поисков героем самого себя, реконструкции своей биографии и личностной идентичности» [Можейко, 2012, с. 140]. В «Радине» этот элемент поэтики присутствует, однако большую роль играет интенция познать, найти не себя, а другого, уловить смыслы ускользающей от понимания, разрушающейся реальности. Интенция познать себя в романе не вписывается в постмодернистскую концепцию игры, а также лишена постмодернистской иронии. Поэтика персонажа и романа в целом ближе к модернистской мировоззренческой основе, так как в центре сюжета рождения художественного произведения, вызревающего из сложных и противоречивых связей с реальностью, из осмысления потерь, несовпадений, распада целого. Жизнь и творчество в романах Л. Элтанг реверсивно взаимообусловлены, что и передано в условно-метафорическом превращении писателя в детектива, а из детектива обратно – в писателя, для которого личные драмы сопричастных к расследуемым событиям становятся материалом для творчества.

Таким образом, детективная интрига в романе «Радин» переосмысливается в контексте модернистской эстетики. Детективная интрига из инструмента установления истины превращается в метафору кризиса объективного познания: загадка, сколько бы детектив не продвигался в ее раскрытии, не может быть полно и для всех объяснена. Поэтика романа воспроизводит процесс отражения события в сознании многих персонажей. Из-за субъективности восприятия и потому что для каждого его мировоззрение обладает достоверностью, вместо единого ответа возникает множественность версий события, многоголосие.

Список литературы

Вольский Н. Н. Легкое чтение: Работы по теории и истории детективного жанра. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 280 с.

Гулин И. Ненастоящий детектив // Коммерсантъ Weekend. 22.05.2015. № 18. С. 25. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2725493> (дата обращения 05.02.2025).

Джумайло О. А. Двойничество персонажей как ресурс постмодернистской исповедальности: роман Мартина Эмиса «Информация» // Вестник Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6. С. 163–171.

Житенев А. А. Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-х – 2000-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2012. 40 с.

Ильин И. П., Цурганова Е. А. От модерна к постмодернизму: логика развития // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2006. № 1. С. 187–202.

Марусенко Н. М., Скребцова Т. Г. Типичное и нетипичное в структуре детектива // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 74–79.

Михалева А. А. Герой-двойник и структура сюжета // Новый филологический вестник. 2006. № 3. С. 227–231.

Можейко М. А. «Философия детектива»: классика – неклассика – постнеклассика // Вестник Полоцк. гос. ун-та. Серия Е: Педагогические науки. 2012. № 15. С. 137–140.

Моисеев П. Поэтика детектива. М.: ВШЭ, 2017. 240 с.

Секретов Ст. Заросший парк. Рец. на кн.: Лена Элтанг. Картахена. М.: Рипол Классик, 2015 // Знамя. 2016. № 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6165> (дата обращения 05.02.2025).

Соловьёва Т. Лена Элтанг и событие рассказывания: Татьяна Соловьёва о романе «Радин». URL: <https://nonfiction.ru/stream/lena-eltang-i-sobyitie-rasskazyivaniya-tatyana-soloveva-o-romane-radin> (дата обращения 12.04.2025).

Чемодурова З. М. Игра в постмодернистском детективе // Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). С. 184–188.

Элтанг Л. Радин: Роман. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 408 с.

Юзефович Г. Сладкоголосая сирена исполнила виртуозный детектив // Ведомости. 2008. 21 нояб. URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2008/11/21/sladkogosaya-sirena-ispolnila-virtuoznyj-detektiv?from=copy_text (дата обращения 12.02.2025).

References

Chemodurova Z. M. Igra v postmodernistskom detective [Game in a post-modernist detective story]. *Voprosy teorii i praktiki*. 2014, no. 8 (38), pp. 184–188.

Dzhumaylo O. A. Dvoynichestvo personazhey kak resurs postmodernistskoy ispovedal'nosti: roman Martina Emisa “Informatsiya” [Doppelganger in postmodern confessional novel: The novel “Information” by Martin Amis]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010, no. 6, pp. 163–171.

Eltang L. *Radin: Roman* [Radin: a novel]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2023, 408 p.

Gulin I. Nenastoyashchiy detektiv [The fake detective]. *Kommersant* Weekend. 22.05.2015, no. 18, p. 25. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2725493> (accessed 5.02.2025).

Il'in I. P., Tsurganova E. A. Ot moderna k postmodernizmu: logika razvitiya [From Modernism to Postmodernism: the logic of development]. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2006, no. 1, pp. 187–202.

Marusenko N. M., Skrebtsova T. G. Tipichnoe i netipichnoe v strukture detektiva [Typical and non-typical in the structure of detective stories]. *Mir russkogo slova*. 2013, no. 4, pp. 74–79.

Mikhaleva A. A. Geroy-dvoynik i struktura syuzheta [The doppelganger hero and the plot structure]. *The New Philological Bulletin*. 2006, no. 3, pp. 227–231.

Moiseev P. *Poetika detektiva* [The poetics of detective fiction]. Moscow, HSE, 2017, 240 p.

Mozheyko M. A. “Filosofiya detektiva”: klassika – neklassika – postneklassika [“Philosophy of a detective”: classics – non-classics – postnonclassics]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki*. 2012, no. 15, pp. 137–140.

Sekretov St. Zarosshiy park. Rets. na kn.: Lena Eltang. Kartakhena. M.: Ripol Klassik, 2015 [The Overgrown park. Review of the book: Lena Eltang. Cartagena. Moscow, Ripol Classic, 2015]. *Znamya*. 2016, no. 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6165> (accessed 5.02.2025).

Solov'eva T. *Lena Eltang i sobytie rasskazyvaniya: Tat'yana Solov'eva o romane “Radin”* [Lena Eltang and the event of storytelling: Tatyana Solovieva about the novel “Radin”]. URL: <https://nonfiction.ru/stream/lena-eltang-i-sobyitie-rasskazyivaniya-tatyana-soloveva-o-romane-radin> (accessed 12.04.2025).

Vol'skiy N. N. *Legkoe chtenie: Raboty po teorii i istorii detektivnogo zhanra* [Easy reading. Works on the theory and history of the detective genre]. Novosibirsk, NSPU, 2006, 280 p.

Yuzefovich G. Sladkogolosaya sirena ispolnila virtuozyy detektiv [The sweet-voiced siren performed a virtuoso detective]. Vedomosti. 2008. 21 Nov. URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2008/11/21/sladkogolosaya-sirena-ispolnila-virtuoznyj-detektiv?from=copy_text (accessed 12.02.2025).

Zhitenev A. A. *Porozhdayushchie modeli i khudozhestvennaya praktika v poezii neo-modernizma 1960-kh – 2000-kh gg.* [Generative models and artistic practice in Neo-Modern Poetry of the 1960s – 2000s]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Voronezh, 2012, 40 p. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005092614.pdf (accessed 12.10. 2024).

Информация об авторах

Елена Александровна Полева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Ирина Александровна Ключник, студент историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Information about the authors

Elena A. Poleva, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Irina A. Klyuchnik, Student, Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 04.06.2025;

одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 10.07.2025

The article was submitted on 04.06.2025;

approved after reviewing on 10.07.2025; accepted for publication on 10.07.2025

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/92/12

**Тайна и Загадка: о слиянии детектива и фэнтези
в современной литературе (на примере цикла романов
Лены Обуховой «Городские легенды»)**

Елена Юрьевна Куликова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Аннотация

Предметом данного исследования послужил цикл романов современной писательницы Лены Обуховой «Городские легенды», в котором сочетание жанров детектива и фэнтези отражает двуплановость повествования: *Загадка* и *Тайна* детектива, описанные в работах Д. Клугера, встраиваются в фэнтезийный нарратив. Каждая легенда, заключенная внутрь текста, представляет собой как бы словесный оживающий экфрасис: история становится лейтмотивом повествования, обрамляется новыми деталями, формирует сюжетную канву произведения. В статье выделяются основные мотивы и сюжеты традиционного хоррора: ожившие изображения и предметы, двери и окна как порталы в Иной мир, колодец и лифт как знаки падения в адскую бездну, старая усадьба и бродящий призрак как мистическое пространство, заимствованное из готических романов, кладбище с Ночным зрителем как прообраз Того света.

Ключевые слова

городские легенды, жанр детектива, фэнтези, современная проза, экфрасис

Для цитирования

Куликова Е. Ю. Тайна и загадка: о слиянии детектива и фэнтези в современной литературе (на примере цикла романов Лены Обуховой «Городские легенды») // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 170–182. DOI 10.17223/18137083/92/12

**Mystery and enigma: on the fusion of detective and fantasy genres
in modern literature (a case study of the novel series
“Urban Legends” by Lena Obukhova)**

Elena Yu. Kulikova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Abstract

This study focuses on the series of novels “Urban Legends” by the contemporary writer Lena Obukhova. The dual nature of the narrative is apparent in the combination of detective and

© Куликова Е. Ю., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 170–182

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 170–182

fantasy genres in these novels. The elements of mystery and enigma, typical of a detective as described by Daniel Kluger, are woven into the fantasy narrative. Each legend, as presented within the text, embodies a type of verbal ekphrasis materializing. The story transitions into the central theme of the narrative and is augmented by additional details, establishing the schematic structure of the creation. Urban legends linked to peculiar homicides necessitate inquiry, a key aspect of detective narratives. The detective, originating from magical folklore and mythology, synthesizes a variety of genres, styles, and trends. Not accidental but inevitable symbiosis happens in the late twentieth and the early part of the twenty-first century with the modern fantasy novel, a genre even more recent than the detective genre itself. The combination of genres within a single work is referred to as a “supertext” in current literary scholarship. This study underscores the predominant motifs and narratives of traditional horror. Included are animated images and objects, doors and windows as gateways to the Other World, wells and elevators symbolizing the descent into the infernal abyss, old manor houses and wandering ghosts constituting mystical spaces derived from Gothic novels, and cemeteries featuring Night Watchmen embodying prototypes of the Other World.

Keywords

Urban legends, detective genre, fantasy, modern prose, ekphrasis

For citation

Kulikova E. Yu. Mystery and enigma: on the fusion of detective and fantasy genres in modern literature (a case study of the novel series “Urban Legends” by Lena Obukhova). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 170–182. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/12

Многие авторы пишут о родстве детектива и сказки, называют классический детектив современной городской сказкой. Структура волшебной сказки описана и распределена по функциям В. Я. Проппом, и сюжет ее посвящен путешествию главных персонажей в загробный (или в Иной) мир. Действие же классического детективного произведения «разворачивается в преддверье Иного мира, в декорациях обыденных, но из-за опасной близости к границе с Ирреальным, освещенных мертвенными огнями оттуда и окутанных дымкой, пришедшей из inferнальных областей» [Клугер, 2005, с. 12], как пишет замечательный исследователь жанра детектива Даниэль Клугер. Он указывает на две обязательные категории детективного жанра, называя их *Загадка* и *Тайна*. Исследователь имеет в виду, что основной фабульный ход детективного жанра – это решение загадки, разгадка которой «любезно подносится читателю на блюде с голубой каемочкой» [Там же, с. 15], «первая же категория – Тайна – остается скрытой – при том, что именно ее присутствие делает детектив не только не низким, но, напротив, – самым возвышенным литературным жанром» [Там же].

Детектив, в принципе, жанр двуплановый. Очевидное конкретное действие в нем сосуществует с подспудным, скрытым от читателя, который видит следствия, но о причинах может только догадываться. Но незримое латентное действие еще более убедительно, чем внешнее, хотя эта убедительность практически до самого эпилога – скорее гипотетическая, чем осязаемая. «Внешний сюжет детектива, – полагает М. А. Можейко, – выстраивается как история раскрытия преступления, а внутренний – как когнитивная история решения логической задачи» [Можейко, 2012, с. 137].

«Венгерский литературовед Тибор Кестхейи... прямо выводящий родословную детектива из волшебной сказки», отмечает, что «решение сказки всегда фиктивно. Да и не может быть иным – в детективе всё происходит согласно стилизованным законам – и убийство, и расследование, и разумеется, доказательство вины пре-

ступника» [Клугер, 2005, с. 15]. Кроме того, «волшебная сказка в родстве с мифом, и, следовательно, детектив тоже кровнородственен с мифом» [Там же].

Таким образом, детектив, рожденный от волшебной сказки и мифа, как и вся авантюрная литература Нового времени и современности, вбирает в себя ряд жанров, стилей и направлений, топорщась, как вечно новый пиджак. Не случайно его неизбежное слияние в конце XX и уже трети нашего XXI в. с романом фэнтези – жанром еще более новым, чем сам детектив. Подробно такие взаимодействия изучал А. Борунов в диссертации «Сверхтексты в современной русской прозе: принципы структурно-семантической организации», отмечая «характерные для современной прозы стратегии игры с жанрами, внедрение новых жанров и кросс-жанровых вариаций» [Борунов, 2025, с. 47].

Традиционно родоначальником детективного жанра считают Эдгара По с его новеллой «Убийство на улице Морг» (1841). Д. Клугер, однако, полагает, что есть «произведение, выход которого в печать датируется либо 1832, либо 1836 годом, и, следовательно, опередившем “Убийства на улице Морг” то ли на пять, то ли на девять лет. Место действия то же, что у Эдгара По:

“Как раз в это время Париж стал местом гнуснейших злодеяний, как раз в это время самое дьявольское, адское изобретение открыло легчайший способ их совершать...”. Так начинается предыстория событий в новелле великого немецкого романтика Эрнеста Теодора Амадея Гофмана “Мадемуазель де Скюдери”» [Клугер, 2005, с. 79].

У Гофмана появляется «очаровательная старушка мадемуазель де Скюдери» – прообраз мисс Марпл и других старушек – будущих гениальных сыщиц. «Гофман в своем произведении впервые вывел одновременно три образа, неизменно присутствующие затем во всех классических детективах: частного сыщика, соперничающего с ним полицейского и преступника» [Там же, с. 80]. «“Мадемуазель де Скюдери” была первой в мировой литературе... историей о серийном убийце» [Там же, с. 82].

Д. Клугер показывает, как практически параллельно возникают два произведения, положившие начало детективному жанру, столь популярному сегодня: «Атмосфера гофмановской новеллы прямо перекликается с атмосферой рассказов Эдгара По... изображение ночного Парижа, почти физически ощущаемый при чтении иррациональный страх, испытываемый героями, порожденный не только таинственными нападениями, жертвами которых становятся люди, на первый взгляд ничем не связанные между собой... но и бессилием официальных властей. Ночь, видения, призраки... Лишь в конце, как и положено в детективе, читатель получает рациональное объяснение; в целом же “Мадемуазель де Скюдери” достаточно наглядно демонстрирует нам родство детективной и готической литературы (кстати, во многих готических романах – например, в “Удольфских тайнах”, – таинственное тоже получает рациональное объяснение» [Там же, с. 86].

Второй около *эдгара-по* контекст, найденный исследователем, – «Граф Монте-Кристо» А. Дюма (1844), роман, в котором «аббат Фариа вполне подходит на роль шеренги великих сыщиков» [Клугер, 2005, с. 41]¹.

---

¹ «Любителям детективной литературы не составит большого труда назвать тех героев, которые состоят в прямом родстве с узником замка Иф. Первым на ум приходит, конечно же, патер Браун, рожденный воображением Гилберта К. Честертона, далее – менее знаменитый, но от того не менее привлекательный монах-бенедиктинец брат Кадфаэль, герой детективно-исторического сериала английской писательницы Элис Питерс; запоминающийся брат Вильгельм Баскервильский из романа Умберто Эко «Имя розы». И даже раввин

Помимо блистательного разрешения Загадок, поставленных перед Дантесом, аббат Фариа хранит в Тайну, о которой прямо не говорится в романе. Временами от какой-то неведомой болезни он превращается в мертвеца. Спасение – пузырек с красным настоем, который дает ему Дантес. «Мертвец, красная жидкость, возвращающая его к жизни... Сырое подземелье, каменный мешок, непроглядная тьма... Остановившееся время... Уж не склеп ли это графа Дракулы? Или какого-то другого вампира?» [Там же, с. 43].

Окончательная смерть аббата Фариа меняет и его «названного» сына:

«...Дантес, заняв его место в зашитом мешке-саване, совершает дерзкий побег из замка Иф – с тем, чтобы, вступив во владения сокровищами аббата, приступить к мести врагам. И вот, чуть ли не на каждой странице мы встречаем странные намеки... Точные указания на изменившуюся природу моряка Эдмона Дантеса. Вот, например, графиня Г.: “Послушайте! – отвечала она. – Байрон клялся мне, что верит в вампиров, уверял, что сам видел их, он описывал мне их лица... Они точно-точно такие же: черные волосы, горящие большие глаза, мертвенная бледность...” ... “Глаза красноватые с расширяющимися и сужающимися по желанию зрачками, – произнес Дебрэ, – орлиный нос, большой открытый лоб, в лице ни кровинки, черная борода, зубы блестящие и острые и такие же манеры... Уверю вас, он окажется вампиром. – Смейтесь, если хотите, но то же самое сказала графиня Г., которая, как вам известно, знавала лорда Рутвена...” Лорд Рутвен – вампир, герой рассказа Д. Полидори, личного врача Байрона» [Там же, с. 44].

Д. Клугер пишет, что таким перерождением обеспечил Дантеса аббат Фариа, «сделав гостя своего темного царства своим “сыном” – в довесок к сокровищам островка Монте-Кристо (“Христова Гора”, то есть, Голгофа, смертное место)» [Там же]. «Во второй части романа действует покойник – мертвец, одержимый жаждой мести живым, вампир, инициированный Властелином подземного царства, ставший его слугой. Он не устоял перед соблазном: принял дар властелина подземного царства, царства мертвых. Но ведь во всех сказках существует запрет на пользование пищей, питьем, богатством подземного царства. Не устоявший перед искушением и принимающий коварный дар навсегда остается в мире смерти...

И выходит наверх, к живым только в роли вампира, ожившего мертвеца» [Там же, с. 46]².

Дэвид Смолл, блистательно раскрывающий загадочные преступления в романах американца Гарри Кемельмана. Словом, те персонажи детективов, которых условно можно назвать «сыщик в рясе» (рабби Смолл, правда, предпочитает таллит и тфиллин), иными словами – священнослужитель, занимающийся раскрытием преступлений» [Клугер, 2005, с. 41].

² Д. Клугер предлагает интересную версию «тайного» сюжета романа, скрытую от поверхностного взгляда: «Мне представляется, что роман построен по той же схеме, что и знаменитый рассказ Амброза Бирса “Случай на мосту через Совиный ручей”. Вкратце сюжет таков: во время Гражданской войны в США южане вешают пойманного разведчика северян. Во время казни веревка обрывается, осужденный падает в воду (повешение происходило на мосту через Совиный ручей – отсюда название рассказа), уходит от преследователей, добирается домой, встречается с горячо любимой женой, но... все это оказывается лишь видениями несчастного, посетившими его гаснущее сознание в те короткие мгновения, когда тело его падало с моста и до момента, когда петля затянулась навсегда. Иными словами, вся вторая часть романа (после смерти Фариа) – предсмертные видения тонущего Дантеса, так и не сумевшего выбраться из мешка-савана. Может быть, потому в истории графа Монте-Кристо так много аляповатых, неестественных деталей, откровенно сказоч-

Д. Клугер полагает, что убийство – это «прорыв иррационального, нарушающий размеренное и слегка дремотное течение жизни» [Клугер, 2005, с. 133]. Детектив есть «продукт века просвещения как выражение позитивистского отношения к жизни... результат веры в то, что все можно объяснить рационально» [Там же]. Но Загадка, решаемая с помощью логических умозаключений, опирается на «нераскрываемую Тайну, имеющую метафизический характер» [Там же]. Исследователь утверждает, что «категория Тайны в классическом детективе – Тайна смерти. Не убийства, а именно Смерти как явления, объяснить которое человеческое сознание неспособно» [Там же, с. 135].

И в этом сила жанра и возможность его вбирать в себя иные жанры, в частности фэнтези – новый вид литературы, возникший примерно в середине XX в. и ставший в современной литературе и современном кинематографе одним из самых популярных. С одной стороны, это, как и детектив, своеобразная литературная сказка XX в.; с другой, она отличается объемом, который не вписывается в жанр сказки. Между выделяемыми Проппом признаками народной волшебной сказки и романами-фэнтези есть определенные совпадения, но жанр фэнтези отличается своей спецификой и индивидуальностью. Фэнтези с детективом сближает происхождение из мифа, эпоса и фольклора, набор функций, которые можно отчетливо перечислить и обозначить: смещение временных плоскостей, наличие и взаимодействие параллельных миров, переход в инобытие, построение сюжета через моделирование экзистенциальной ситуации и т. д.

В то же время главным знаком фэнтези является наличие этой Тайны, о которой писал Д. Клугер, анализируя детективы. Герои, как и в эпосе, должны выполнить определенные ритуальные действия, так или иначе победить Зло, и их путь напоминает путь сыщика, преодолевающего тотальное незнание и неведение, разгадывающего Загадку и прикасающегося к Тайне. Знаменательно, что жанры начинают сливаться и сближаться, проникать друг в друга и модифицироваться.

В цикле романов Лены Обуховой «Городские легенды», где интересно явлено соединение детектива и фэнтези, можно отметить основные сюжетно-мотивные схемы, которые использованы писательницей. Подобные жанровые эксперименты А. Борунов относит к свертхтекстам: «К понятию “свертхтекст”... примыкает понятие “цикл”... поскольку любое циклическое образование одновременно является и свертхтекстом» [Борунов, 2024, с. 6].

«Городские легенды» построены как цикл из шести романов. Есть и незаконченное продолжение этого цикла немного в другом антураже – «Городские легенды. Медвежье озеро», но это тема отдельного исследования. Романы основаны на шести городских легендах: перед читателем появляется современная вариация волшебной сказки, каждая легенда напоминает своего рода «клубочек», который ведет героев к разгадке, но не позволяет полностью проникнуть в Тайну бытия и Тайну смерти.

Все сюжеты в той или иной степени отсылают к детскому фольклору: это как будто «страшные истории», их рассказывают подростки и молодые люди друг другу, а в финале оказывается, что эти «сказки» не остаются только историями, а вторгаются в мир персонажей. В духе современных реалий они передаются

ных (упрощенно-сказочных, почти китчевых). И по той же причине, возможно, столь часто на страницах второй половины романа встречается образ воды, влаги, водной стихии – это реальность врывается в предсмертные грезы несчастного узника замка Иф – подземного царства. Живой не может выйти из мира смерти...» [Клугер, 2005, с. 47].

не только изустно, но и через блог, который ведет Алекс Найт, готовый ради материала на многое. Устное народное творчество, молва, сплетни переходят в формат видео и рилсов, обретая новые формы в XXI в.

Городской легендой (городским мифом) считается современная разновидность легенды (мифа): «неподтвержденные нарративы с традиционными темами и современными мотивами, которые распространяются в разных версиях и рассказываются как правдивые или по крайней мере правдоподобные»³ [Turner, 1993, p. 5]. Сам термин «городская легенда» в русском языке является калькой с английского словосочетания «urban legend studies», которое переводится как «байка, выдумка (выдаваемая за правду)». В онлайн-журнале ужасов и мистики «Darker» Баязид Рзаев пишет, что городская легенда «в современном представлении – это вид фольклора, который описывает реальные угрозы, исходящие от окружающих людей или локаций. Основные функции городских легенд – информирующая и (частично) развлекательная.

Легенды имеют одну отличительную черту – установку на достоверность описываемых событий. В отличие от сельских легенд, которые фольклористы считают малопригодными для исследования в случае наличия у рецензента образования, городские не имеют социальных границ: их могли рассказывать и жители коммунальных квартир, и школьники в пионерских лагерях, и официальные СМИ»⁴.

Занимающаяся исследованием этого жанра А. А. Кирзюк отмечает: «В англоязычных и европейских странах термин “городская легенда” прекрасно известен как ученым-гуманитариям, так и широкой публике. В самом общем смысле под ним понимается неформульный фольклорный нарратив, имеющий установку на достоверность, действие которого разворачивается в привычных для аудитории реалиях – в метро, в этническом ресторане, в “Макдональдсе”, в кинотеатре, в торговом центре, на автотрассе» [Кирзюк, 2018, с. 21]⁵.

А. А. Кирзюк рассматривает работы зарубежных ученых, выделяя при этом свойства жанра и его динамику в течение XX в.: «Французский исследователь Жан-Ноэль Капферер анализировал сюжеты слухов, исходя из того, что за видимым содержанием слуха всегда скрывается некоторый неочевидный месседж: “На самом деле, мы распространяем другое сообщение, которое не осознаем”... Именно такие спрятанные сообщения (messages cachés), утверждает Капферер, обеспечивают эмоциональное удовлетворение, которое мы испытываем, распространяя слух, а значит, именно они заключают в себе ответ на вопрос о причинах его популярности. Во многих работах идея о скрытом месседже не проговаривается специально, но присутствует в качестве самоочевидной – как, например, в статье Элиссы Хенкен, которая пытается выделить “главное сообщение” каждой анализируемой легенды» [Кирзюк, 2018, с. 30].

---

³ Перевод А. А. Кирзюк.

⁴ Рзаев Б. Советские городские легенды: От фольклорно-мифологических до политических сюжетов // Darker: онлайн-журнал ужасов и мистики. URL: <https://darkermagazine.ru/page/sovetskie-gorodskie-legendy-ot-folklorno-mifologicheskikh-do-politicheskikh-sjuzhetov> (дата обращения 21.06.2025).

⁵ А. С. Архипова* и А. А. Кирзюк написали монографию, посвященную городским легендам в СССР, и проанализировали как возникновение жанра и многочисленные труды о нем зарубежных ученых, так и особенности легенд в советском пространстве [Архипова*, Кирзюк, 2024].

* А. С. Архипова внесена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

«Скрытый месседж» применительно к материалу фэнтези как варианта городской легенды можно понимать как соединение *Тайны* и *Загадки*, где очевидное содержание, как правило трагическое, жутковатое и мистическое, отчасти заслоняет вопрос создателя истории и ее слушателей-читателей-продолжателей-«передатчиков» о смысле жизни и смерти, о необъяснимости Бытия и о невозможности его рационализировать.

«Джудит Беннет... считает, что в основе любой легенды лежит своего рода “когнитивный диссонанс”, который формируется благодаря “совмещению привычного нам мира с чем-то совершенно иным или объединению двух культурных категорий, которые нам представляются совершенно разными”» [Архипова*, Кирзюк, 2024, с. 17].

Можно обозначить несколько видов городской легенды, касающихся слияния детектива с фантастикой:

Криминальные истории, которые рассказывают об успешных преступниках и о неспособности полиции им противостоять (например, история об идеальном преступлении). Преступник может внушать и ужас (беспощадный мафиози, маньяк), и уважение или зависть (в качестве сильной и удачливой личности, успешно противостоящей «системе», враждебной «человеку с улицы»). Вместе с тем криминология знает реальные случаи превращения уголовных дел в городские легенды, например Фишер или «Дело о подмосковных казино».

Истории, основанные на аномальных явлениях. Значительная часть городских легенд основывается на страхе или непонимании аномальных явлений. Иногда они повествуют о встречах людей с инопланетянами, призраками, полтергейстами, демоническими существами.

Суеверия. На суевериях основываются многие легенды (Бермудский треугольник, «чёрный кот» и т. д.).

Городская мифология является важным элементом локальной истории и географического образа города. Уральские города-заводы имеют свою специфическую мифологию. Мифология городов послужила основой создания отдельного направления фантастики.

Существует американско-канадский слэшер 1998 г. режиссера Дж. Блэнкса по сценарию С. Орта – «Городские легенды». Там играли и актеры, обычно снимающиеся в фильмах-ужасах, – Р. Инглунд, Б. Дуриф и Дж. Ричингс. Сюжет фильма рассказывает о серии таинственных убийств, произошедших в студенческом городке. Эта история основана на американских городских легендах.

Е. А. Сафрон полагает, что «фольклорная составляющая поэтики фэнтези представлена не только волшебной сказкой, но и другими жанрами. В частности, мы полагаем, что городская фэнтези ориентируется на такой жанр, как городская легенда» [Сафрон, 2017, с. 139]. Исследовательница пишет, что, по мнению Д. К. Равинского, городская легенда есть «словесное закрепление особого типа восприятия города, его “переживания”» [Равинский, 2003, с. 409]. Впервые такая трактовка образа города была предложена в работе «Италия. Genius Loci» англичанки Вернон Ли: «У некоторых из нас места и местности становятся предметом горячего и чрезвычайно интимного чувства. Совершенно независимо от их обитателей и от их описанной истории они действуют на нас как живые существа, и мы вступаем с ними в самую глубокую и удовлетворяющую нас дружбу» [Там же, с. 410].

Е. А. Сафрон указывает на «группу мотивов, которые... обнаруживаются... в произведениях городской фэнтези:

- 1) проклятые / населенные потусторонними силами дома (дома с привидениями);
- 2) дом колдуна / колдуньи;
- 3) проклятое место;
- 4) проклятые / удивительные вещи.

Вслед за Д. К. Равинским выделим еще один традиционный для городской фэнтези мотив – мотив тайного здания, и его частный случай – мотив тайного памятника – в сознании носителя легенды реально существующий объект имеет скрытое назначение, известное только узкому кругу избранных» [Сафрон, 2017, с. 141].

Действие шести романов Лены Обуховой сосредоточено в подмосковном Шелково – это, вероятно, такая аллюзия на небольшой городок Щёлково на северо-востоке Москвы. Иначе говоря, изначально пространство мифологизируется, как во всех романах жанра фэнтези: есть выдуманное место, как будто почти географически существующее, однако отличается оно ударением и заменой пары букв. Там упоминается и река, играющая важную роль. Нет, правда, самого названия ее – Клязьма: так она и не Клязьма.

Первый роман – «Хозяйка старого дома». Действие романа происходит в старой усадьбе недалеко от Шелково. В тексте описывается легенда о призраке Настасьи – деревенской девушки и любовницы князя, которую утопили за ведьмовство. В память о героине остается лишь портрет: тот, кто его увидит, погибает. Призрак девушки, по легенде, до сих пор бродит по коридорам усадьбы, оставляя мокрые следы в вековой пыли.

Сразу можно отметить использованные литературные мотивы-штампы: призрак, бродящий по старой усадьбе (что смыкается с новой темой, модной в современном мире, – исследование «заброшек» (заброшенных строений)), эта тема коррелирует со старыми замками в готических романах). В «Хозяйке старого дома» впервые упоминается легенда о лифте, который спускается прямо в Преисподнюю. Мотив оживающего портрета обыгрывается на нескольких уровнях: это и пророческие рисунки Влада, и магический портрет ведьмы Настасьи, который она может покидать, подобно гоголевскому персонажу, чтобы отомстить обидчикам.

В романе «Ночной смотритель» на кладбище находят тела убитых. Задушенные оказываются на могилах своих тезок – у кого-то совпадает лишь имя, у кого-то – и фамилия, и отчество. Городская легенда гласит, что это дело рук Ночного Смотрителя – духа, исполняющего желания. Его можно подчинить своей воле, заставить делать все, что пожелаешь, но любая, даже самая маленькая ошибка, приведет к тому, что ты окажешься в руках призрака.

«Пробуждение куклы» – третий роман серии – рассказывает о предании, как в городском лагере, где отдыхали дети сотрудников кукольной фабрики, начали пропадать школьники, а вместо них на кроватях находили кукол. Позже в подвале обнаружили обезображенные тела – создавалось ощущение, что кто-то хотел понять, как дети устроены, и «разбирал» их на части.

Основой романа «Тот, кто живет в колодце» становится история о старом колодце, стоящем посреди леса. Когда-то жители близлежащей деревни брали здесь воду, но потом вода пропала. Селяне пытались выяснить, что случилось, один мужик даже бросил камень в студенец, но всплеска не услышал. Батюшка, пришедший освятить зловещее место, поседел на глазах и велел заколотить крышку проклятого источника. А мужик через три дня умер.

«Человек за чёрной дверью» – пятый роман «Городских легенд», то ли про спокойный дух самоубийцы, то ли про грешную душу, вырвавшуюся из ада. Призрак приходит из-за черной двери, как ее ни запирай. Этот человек жаждет крови и не щадит никого. Любая дверь может вдруг стать черной и выпустить убийцу.

В центре последнего романа серии «Смотрящая в окно» оказывается недостроенное здание, стоящее посреди Шелково (тоже своего рода «заброшка»), которое привлекает внимание любителей мистических историй и острых ощущений. Его называют Порталом и говорят, что внутри время от времени бесследно исчезают люди. То ли проваливаются в другой мир, то ли становятся жертвами неизвестного монстра.

Каждая легенда, заключенная внутри текста, представляет собой как бы словесный оживающий экфрасис: история становится лейтмотивом повествования, обрамляется новыми деталями, формирует, соответственно, сюжетную канву произведения.

Итак, казалось бы, перед нами произведения из разряда фэнтези (подвид – городские легенды) со всеми традиционными мотивами-атрибутами: параллельный мир (который в целом выглядит, будто обычный, но эта обыденность постоянно нарушается); сакральные топоры (Дом-Портал, Дом-Усадьба, Колодец в лесу, заброшенный пионерский лагерь, Кладбище, Черная дверь (она, правда, плавающая, может появиться в любом доме, но в итоге обнаруживается в мясном магазине ⁶)). Героям приходится преодолевать множество препятствий, оказываться многократно на краю гибели, чтобы обнаружить источник зла и остаться в живых.

И тут к *фэнтези* – *городской легенде* подключается *детектив*. Поскольку суть городских легенд в целом сводится к странному убийству, то необходимым элементом сюжета становится расследование. Так происходит слияние жанров.

В романах действует три группы сыщиков.

1. Полиция. Среди персонажей можно выделить следователя Михаила Велезова и оперативника Андрея Соболева, другие участники не настолько важны для основной сюжетной линии.

2. Сотрудники института исследования необъяснимого. Из Петербурга в Шелково приезжает Нев – Нурейтдинов Евлампий Велориевич, мистический персонаж, герой серии романов Л. Обуховой и Н. Тимошенко «Секретное досье (Нормальное аномальное)» и «Секретное досье. Новые страницы (Исследования необъяснимого)».

3. Влад Федоров, Юлия Ткачева и их друзья: Игорь – помощник-телохранитель, Галка – подруга Юли, собиратель информации в Сети.

Как положено в детективе, главное расследование – это именно деятельность «посторонних», не полиции. Частных сыщиков в полном смысле этого слова в романах нет, но Влад и Юлия выполняют их роль. Загадку разгадывают полицейские, а Тайну пытаются постичь герои, верящие в призраков, легенды и видящие в происходящих событиях двойное дно. Скользящая линия Загадки и Тайны движется через всю серию романов. То, что можно написать в полицейском отчете, и то, чего нельзя объяснить рационально, – две переплетающиеся линии сюжета.

Уже в первом романе Юлия попадает в эпицентр мистических событий и случайно получает магическую силу утопленной ведьмы. Путь Влада изначально

---

⁶ Это тоже отдельный топос детских страшилок: напоминает легенду о том, как в пирамиде мама нашла синий ноготь своей потерянной дочки. См. о легендах о каннибализме в книге [Архипова*, Кирзюк, 2024].

определен, он должен восстановить потерянную при аварии память, что, как считают врачи, поможет вернуть ему зрение. Влад разбился на машине (в финале серии романов оказывается, что его чуть не убил его брат), ослеп, ушел из бизнеса своего отца и переехал из Москвы в Шелково. Взамен утраченного образа жизни и зрения он получил странный дар: создавать пророческие рисунки. Разумеется, сам он не может увидеть, что рисует, но на протяжении шести книг по его рисункам определяется какой-то фрагмент будущего или прошлого. Кроме того, Эдипова слепота Влада позволяет ему осознать события вне времени и пространства.

Аналогия с «Пророческими портретами» Н. Готорна подчеркивает балансирование расследования на грани фантастики и обыденности. С одной стороны, «рисование» Влада можно объяснить интуицией и бессознательной памятью о произошедшем; с другой – до самого финала сохраняется возможность того, что Влад и есть страшный убийца, что зрение он не потерял, а специально разыгрывает окружающих и проводит кровавые ритуалы. Существует и третий вариант: чередующиеся между собой личности в его сознании (альтер-личности, эго-состояния) – достаточно частый прием детективных романов о маньяках.

Загадочность и двойственность фигуры Влада подчеркивается неоднократно, его имя, конечно, отсылает к знаменитому Владу Цепешу-Дракуле. «С легкой руки... Брэма Стокера этот зловещий персонаж пошел гулять по страницам романов и театральным подмосткам, а затем – и по киноэкранам. Он встал в ряд современной мифологии вместе с Големом, чудовищем Франкенштейна и тому подобными – столь же грозный, пугающий – и все же обладающий тем, что можно было бы назвать “отрицательным обаянием”» [Клугер, 2005, с. 60]. Д. Клугер подробно рассматривает биографию Влада Цепеша и показывает, что изначально он и его отец подавляли мятеж гуситов, у которых на знаменах изображалась красная чаша. Это был символ евхаристии, конечно, но темный народ принимал ополчение против Сигизмунда за шествие вампиров. Таким образом, оба Цепеша были, скорее, убийцами вампиров. В поэме «Цыганиада» румынского поэта Й. Будай-Деляну, «написанной в конце XVIII – начале XIX века, воевода Влад сражается... против вампиров!» [Клугер, 2005, с. 63]. Потом Влад попадает в плен к венгерскому королю на десять лет, там отказывается от православия и принимает католичество. «Религиозное ренегатство в румынском фольклоре всегда обуславливалось продажей души дьяволу. И причастие... становилось в сказках подношением дьявола своему верному слуге – в виде человеческой крови. Отныне... жестокий... вождь Влад Цепеш становится отвратительным вампиром, продавшим душу дьяволу и получившим за это сомнительный дар странного и страшного полубессмертия, возможность вставать по ночам из могилы и отправляться на поиски ничего не подозревающих жертв» [Там же, с. 63–64].

Не случайно Лена Обухова максимально держит читателя в неведении относительно мотивов поступков Влада: условно говоря, он – то ли «вампир», то ли «вампирубийца». Вообще, в детективе близость сыщика к преступнику, как правило, обозначена, и граница между антагонистами достаточно условна. Расследователь может встать на место убийцы, значит, он вольно или невольно становится его зеркалом. И вот это отзеркаливание героев как будто ставит под сомнение положительного персонажа, он всегда немного между. Вспомним Шерлока Холмса и профессора Мориарти, падение Холмса в бездну, как в Ад, или как в романах Агаты Кристи о Пуаро неоднократно говорят, мол, хорошо, что он не пре-

ступник. И даже Порфирий Петрович у Достоевского понимает (уже не разделяя, впрочем) мотивацию Раскольникова, иначе бы он его не вычислил.

Полиция в романах Обуховой расследует преступления, совершенные людьми, пытаясь разгадать Загадку, но в серию убийств, совершенных маньяком, обязательно вкрапляется то, что невозможно объяснить рационально, то, что выходит за грань реальности, – Тайна.

Соответственно, можно выделить следующие мотивы, благодаря которым детектив в «Городских легендах» переплавляется в фэнтези:

- странные сны, совмещающие пространство сновидений и выходящие за его рамки (в романе «Тот, кто живет в колодце» Юля ночью во сне попадает за город, в лес, и оказывается у старого колодца: частично это перемещение объясняется замедленным гипнозом и беспамятством, но само по себе объяснение недостаточно убедительное);

- «особенные», мистические дни: ночь на Ивана Купала, например (отсюда – губительная и пугающая власть воды над героями, двое из которых в первом романе серии утоплены, как сама ведьма);

- создание пентаграммы для проведения ритуала, который пробуждает ведьму («Хозяйка старого дома», «Смотрящая в окно»);

- таинственные звонки с того света («Хозяйка старого дома»).

Легенды, использованные писательницей, колеблются от мотивов и сюжетов традиционного хоррора (ожившие изображения и предметы – портрет, куклы в заброшенном лагере; двери и окна – как порталы, как возможность проникнуть извне или, наоборот, в Иной мир; колодец и лифт – как знаки падения в Ад, в бездну; старая усадьба и бродящий призрак отсылают к готическим романам; наконец, кладбище с Ночным смотрителем – как прообраз Того света, этот топос тоже свойственен готике) до перипетий, характерных для расследования преступлений.

Двери и окна – те места, которые в первую очередь осматривает сыщик, чтобы понять, как преступник попал в дом, где совершено убийство. Кладбища – частотный мотив детективного повествования: туда приходят и следователи, и жертвы, и убийцы. Заброшенные здания (усадьбы, старые фабрики, недостроенные дома) – классический локус для преступлений, там могут быть спрятаны жертвы, убиты персонажи, там часто создаются воровские притоны, скрываются преступники и т. д.

Все эти декорации призваны создать фантастический (готический) ореол текста, и на их фоне разыгрываются детективные сюжеты, где рациональное существует параллельно с ирреальными событиями: жуткого призрака Хозяйки-убийцы усадьбы дублирует группа наркоторговцев, мистического Ночного смотрителя – кладбищенский сторож; куклы-убийцы становятся фоном сумасшедшей блогерши; Тот, кто сидит в колодце, пугает своих жертв их же фобиями, но не убивает буквально, особенно тех, кто преодолел свои страхи; муж Кристины Олег дублирует Человека за Черной дверью, и только в последнем романе серии Артем Федоров, проводящий страшные ритуалы, оказывается убийцей девушки, превратившейся в призрака.

В финальном романе «Городских легенд» «Смотрящая в окно» убийца занимает обе позиции – и обычного, и мистического преступника. Он хочет получить демоническую силу, но совершает человеческие преступления. Тайна реализуется в сцене его падения на лифте в Ад и исчезновения из обычного мира, а загадки разрешены традиционным расследованием.

Таким образом, на примере цикла романов Лены Обуховой можно увидеть, как современные гипертексты демонстрируют слияние жанров и размывание сюжетных схем, присущих тому или иному жанру.

Список литературы

Архипова А. С. *, Кирзюк А. А. Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. 4-е изд. М.: НЛЮ, 2024. 536 с.

Борунов А. Сверхтексты в современной русской прозе: принципы структурно-семантической организации: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2024. 393 с.

Кирзюк А. А. Сюжет – это симптом? Как фольклористы изучают городские легенды // Фольклор и антропология города. 2018. № 1 (1). С. 20–43.

Клугер Д. Баскервильская мистерия: История классического детектива. М.: Текст, 2005. 189 с.

Можейко М. А. «Философия детектива»: классика – неклассика – постнеклассика // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия Е: Педагогические науки. 2012. № 15. С. 137–140.

Равинский Д. К. Городская мифология // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 409–419.

Рзаев Б. Советские городские легенды: От фольклорно-мифологических до политических сюжетов // Darker: онлайн-журнал ужасов и мистики. URL: <https://darker magazine.ru/page/sovetskie-gorodskie-legendy-ot-folklorno-mifologicheskikh-dopoliticheskikh-syuzhetov> (дата обращения 21.06.2025).

Сафрон Е. А. Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези // Филология и человек. 2017. № 3. С. 139–147.

Turner P. I heard it through the grapevine: Rumor in African-American culture. Berkeley: Uni. of California Press, 1993. 260 p.

References

Arkhipova A. S., Kirzyuk A. A. *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: urban legends and fears in the USSR]. 4th ed. Moscow, NLO, 2024, 536 p.

Borunov A. *Sverkhitektsty v sovremennoy russkoy proze: printsipy strukturno-semanticheskoy organizatsii* [Supertexts in modern Russian prose: principles of structural-semantic organization]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2024, 393 p.

Kirzyuk A. A. Syuzhet – eto simptom? Kak fol'kloristy izuchayut gorodskie legendy [Is plot a symptom? How folklorists study urban legends]. *Urban Folklore & Anthropology*. 2018, no. 1 (1), pp. 20–43.

Kluger D. *Baskervil'skaya misteriya: Istoriya klassicheskogo detektiva* [The Baskerville mystery: The story of a classic detective]. Moscow, Tekst, 2005, 189 p.

Mozheyko M. A. “Filosofiya detektiva”: klassika – neklassika – postneklassika [“The Philosophy of detective fiction”: classics – non-classics – post-non-classics]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E: Pedagogicheskie nauki*. 2012, no. 15, pp. 137–140.

Ravinskii D. K. *Gorodskaya mifologiya* [Urban mythology]. In: *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow, 2003, pp. 409–419.

Rzaev B. Sovetskie gorodskie legendy: Ot fol'klorno-mifologicheskikh do politicheskikh syuzhetov [Soviet urban legends: From folklore and mythology to political plots]. *DARKER: onlayn-zhurnal uzhasov i mistiki*. URL: <https://darker magazine.ru/page/>

sovetskie-gorodskie-legendy-ot-folklorno-mifologicheskikh-do-politicheskikh-sjuzhetov (accessed 21.06.2025)

Safron E. A. Zhanr gorodskoy legendy kak odin iz elementov poetiki gorodskoy fentezi [Soviet urban legends: From folklore and mythology to political plots]. *Philology and Man*. 2017, no. 3, pp. 139–147.

Turner P. *I heard it through the grapevine: Rumor in African-American culture*. Berkeley, Uni. of California Press, 1993, 260 p.

Информация об авторе

Елена Юрьевна Куликова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

WoS Researcher ID K-6809-2017

RSCI Author ID 624464

Information about the author

Elena Yu. Kulikova, Doctor of Philology, Leading researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

WoS Researcher ID K-6809-2017

RSCI Author ID 624464

Статья поступила в редакцию 29.06.2025;

одобрена после рецензирования 12.07.2025; принята к публикации 12.07.2025

The article was submitted on 29.06.2025;

approved after reviewing on 12.07.2025; accepted for publication on 12.07.2025

Научная статья

УДК 811.51

DOI 10.17223/18137083/92/13

**Есть ли разноместное ударение в лесном ненецком языке
(по данным говора с. Халясавей)?**

Юлия Викторовна Норманская

Институт системного программирования имени В. П. Иванникова
Российской академии наук
Москва, Россия

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

julianor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2769-9187>

Аннотация

Задачей настоящей статьи является поиск ответов на вопросы: есть ли разноместное ударение в говоре лесного ненецкого языка в с. Халясавей, какие гласные просодически выделены? Для ответа на эти вопросы проанализировано выделение гласных по долготе и интенсивности в исконной лексике лесного ненецкого языка, записанной в с. Халясавей в 2012 г. В результате анализа было установлено, что максимальная длительность и интенсивность в ряде случаев маркируют разные слоги. В большинстве случаев максимальная интенсивность маркирует гласный первого слога, исключения составляют слова с краткими *ĩ*, *ĩ* в первом слоге. Схожие просодические системы выявлены и в других языках этого ареала.

Ключевые слова

лесной ненецкий, полевые исследования, ударение, экспериментальная фонетика, длительность, интенсивность

Для цитирования

Норманская Ю. В. Есть ли разноместное ударение в лесном ненецком языке (по данным говора с. Халясавей)? // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 183–210. DOI 10.17223/18137083/92/13

© Норманская Ю. В., 2025

Does the Forest Nenets language as spoken in Khalyasavey village exhibit phonological accent?

Julia V. Normanskaja

Ivannikov's Institute for System Programming
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Institute of Linguistic of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

julianor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2769-9187>

Abstract

This paper investigates whether the Forest Nenets language, in particular the Khalyasavey village dialect, possesses a unique colloquial accent and determines whether it has prosodically emphasized vowels. In order to answer these questions, an analysis was conducted on the duration and intensity of vowels in the field recordings from the village of Khalyasavey in 2012. The analysis indicated that the duration and intensity occasionally distinguish syllables, suggesting the absence of classical stress in contemporary Forest Nenets. Nevertheless, the different marking of maximal intensity between long and short high Proto-Nenets vowels was established. Simultaneously, their function extends to indicating different syllables within separate pronunciations by the same speaker. Generally, the vowel in the initial syllable is characterized by the maximum intensity, with the exception of words containing a short *i* in the first syllable and about half of the words containing a short *ü*. The maximum duration, however, often indicates the open vowel of the second syllable. It is noteworthy that M. K. Amelina describes an analogous prosodic system for the Gydan dialect of the Tundra Nenets language. A parallel phenomenon, namely the concentration of maximum intensity on the initial syllable in most word forms, is likewise evident in other languages of this area. The observed absence of phonological stress in Forest Nenets may be attributable to the areal process of intensity fixation on the first syllable.

Keywords

Forest Nenets, field research, stress, experimental phonetics, duration, intensity

For citation

Normanskaja J. V. Does the Forest Nenets language as spoken in Khalyasavey village exhibit phonological accent? *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 183–210. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/13

Введение

Во время поиска систем с разноместным ударением в уральских языках, описание которых представлено в монографии [Норманская, 2018], лесной ненецкий (или нешанский) язык одним из первых привлек наше внимание. Разноместное ударение в нем отмечено в словаре [Попова, 1978], но в [Lehtisalo, 1956] в лесном ненецком отмечалась долгота, место которой не совпадает с ударением по Я. Н. Поповой. Возможно, это связано с тем, что материалы были собраны от носителей разных говоров. Следует отметить, что с момента сборов материалов для словаря [Lehtisalo, 1956] система, видимо, была значительно перестроена, поскольку некоторые отмеченные им фонетические явления отсутствуют у современных лесных ненцев. Материалы Я. Н. Поповой были подготовлены к изданию уже после ее гибели во время возвращения из экспедиции, возможно, с этим или с более поздними изменениями говоров связаны отличия от последних записей.

В монографии П. Саммаллахти [Sammallahti, 1974, p. 29–31] указывается, что ударение и интонация не изучались систематически, но, по его мнению, «главное ударение, как правило, падает на первый слог словоформы. Но если первый слог краткий, а второй – долгий, то ударение сдвигается на второй слог. Побочное ударение падает на третий, пятый и последующие слоги, если второй слог закрытый, то он получает побочное ударение». К сожалению, эти данные нельзя признать достаточно репрезентативными, поскольку они собраны от одного информанта и не в зоне проживания этноса. В статье [Salminen, 2007] также указывается, что система гласных должна быть отдельно описана для ударных и безударных слогов, но правило постановки ударения не описано. В разделе коллективной монографии, посвященном ненецким языкам (см. [Burkova, 2022, p. 681]), указывается, что ударение в ненецких языках падает обычно на первый слог или на непервый закрытый слог, при этом эти сведения получены из литературы, а не в результате экспериментально-фонетического анализа.

Очевидно, что даже из этого краткого перечня видны возможные противоречия. Например, в словоформах с кратким гласным в первом слоге и долгим во втором открытом слоге, ср. *pīja*¹ ‘нос’, по [Sammallahti, 1974, p. 29–31] главное ударение должно падать на второй слог, по [Burkova, 2022, p. 681] – на первый. В [Попова, 1978] именно в этом слове ударение также на первом слоге, ср. *pyiha* ‘нос’, но полной корреляции с правилом С. И. Бурковой у Я. Н. Поповой тоже нет, поскольку в примере *(ŋ)a'pa* ‘старшая сестра’ в [Попова, 1978] ударение отмечено на втором слоге, хотя по П. Саммаллахти и С. И. Бурковой оно должно быть на первом.

По вопросу количества гласных фонем и наличию противопоставления по долготе vs краткости у исследователей также нет единого мнения. Авторы [Lehtisalo, 1956; Попова, 1978; Вербов, 1973; Sammallahti, 1974; Ackerman, Salminen, 2006; Salminen, 2007] солидарны в том, что гласные имеют несколько степеней длительности, но интерпретируют их по-разному.

Я. Н. Попова считала, что есть долгие и краткие гласные, она предлагала следующий вариант фонологической системы лесного ненецкого языка (табл. 1).

Ранее Г. Д. Вербов предложил систему фонем, в которой есть нейтральные по долготе и долгие гласные (см. табл. 1).

В 1974 г. П. Саммаллахти предложил систему, в которой есть пять долгих (*ā, ē, ō, ū, ī*), пять кратких (*a, e, o, u, i*) гласных и два дифтонга (*ae, ae*), см. подробнее [Sammallahti, 1974, p. 13]. Но П. Саммаллахти отмечал, что фонологический статус кратких *e, o* и дифтонгов не является надежным.

Позже в [Ackerman, Salminen, 2006] была предложена система гласных в ударном слоге, в которой авторы постулируют нейтральные по долготе (*a, ā, e, i, o, u*) и краткие (*ă, ă, ĭ, ĭ*) гласные. В работе [Salminen, 2007] система была незначительно модифицирована, в нее были добавлены *ě, ő*, которые, как отмечает автор, имеют маргинальный статус (см. табл. 1).

В связи с этими противоречиями для ответа о наличии или отсутствии разноместного ударения в лесном ненецком мы решили провести экспериментально-фонетический анализ современных цифровых аудиозаписей речи носителей лесного ненецкого языка с. Халясавей, Пуровского района ЯНАО.

---

¹ Транскрипция приводится по Т. Salminen, рукопись.

Таблица 1

Система вокализма лесного ненецкого языка

Table 1

Vowel's system of Forest Nenets language

Подъём	Ряд					
	передний		средний		задний	
	негубные	губные	негубные	губные	негубные	губные
Система Я. Н. Поповой [1978] (нуровский диалект)						
Верхний	i (ĩ, ī)		ы (ы̣, ы̅)			и (ĩ, ī)
Средний	ε (ě, ē)		ə (ǎ, ǣ)			о (ǒ, ȯ)
Нижний					а (ǎ, ǣ)	
Дифтонг			εə			
Система Г. Д. Вербова [1973]						
Верхний	i (ĩ) [*]		ы (ы̣) ^{**}			и (ĩ) ^{***}
Средний	e (ē), ε		ə (ǣ)			о (ȯ)
Нижний	a (ā)					
Дифтонг			aε ^{****}			
Система Т. Салминена [Salminen, 2007]						
Верхний	i ĩ		—			и ĩ
Средний	e (ē)		ə			о (ȯ)
Нижний	a ǎ		ä ǣ			
Дифтонг			—			

Примечание: ^{*} – соответствует «и»; ^{**} – соответствует «ы»; ^{***} – соответствует «у»; ^{****} – соответствует «ä».

Материалы и методы исследования

Записи были собраны М. К. Амелиной в с. Халясавей в 2012 г. Материал записан от 10 информантов. Но основной объем исконной лексики удалось записать только от 4 информантов мужского и женского пола. Слова были записаны как в изолированном произнесении, так и в контекстах. Темп речи информантов при изолированном произнесении и в связанной речи был разным, поэтому ниже мы анализируем не только абсолютную длительность каждого гласного, но и относительную, которая показывает его соотношение с другими звуками в словоформе. Они были затранскрибированы и обработаны в экспериментально-фонетической программе Праат П. И. Ли в 2020 г. В настоящее время они доступны онлайн: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3104/11/perspective/3104/12/view>. Ниже рассматриваемые лексемы говора с. Халясавей приведены в транскрипции П. И. Ли, в табл. 2 они упорядочены по абсолютной длительности гласного первого слога (сначала приведены самые краткие, потом более долгие) с указанием длительности и интенсивности гласных первого, второго и третьего слогов. Для первого слога также указывается в таблице полужирным шрифтом относительная длительность гласного, которая автоматически рассчитывается на ЛингвоДок в зависимости от длительности всего слова и количества звуков в нем. В аудиословаре на платформе ЛингвоДок для большинства слов представлено два или три произнесения, которые были проанализированы в Праате. В табл. 2 мы приводим одно произнесение для экономии места в тех случаях, когда в остальных произнесениях максимальная длительность и интенсивность маркируют тот же самый слог. В тех случаях, когда они маркируют другой слог, чем в первом произнесении, мы приводим данные по длительности и интенсивности гласных и по второму или третьему произнесению при опросе. Для анализа места ударения приводится по 25 лексем с каждым гласным первого слога.

Для лесных ненецких слов с гласными *u*, *ũ*, *i*, *ĩ* в первом слоге приводятся, по возможности, параллели из тундрового ненецкого языка, поскольку по реконструкции [Salminen, 2007, р. 366], именно они позволяют надежно реконструировать праненецкие **u*, **ũ*, **i*, **ĩ*, которые, как указывает Т. Салминен, сохранились в лесном ненецком:

ПрН [Salminen 2007: 366]	→	Т ненец. [Salminen 1997]
<i>*i</i> , <i>*ĩ</i>		<i>i</i> , <i>ĩ</i>
<i>*e</i>		<i>e</i>
<i>*ə</i>		<i>æ</i>
<i>*u</i> , <i>*ũ</i>		<i>u</i> , <i>ũ</i>
<i>*o</i>		<i>o</i>
<i>*a</i>		<i>a</i> , <i>ǎ</i> (ø).

Т. Салминен для лесного ненецкого также постулирует и другие долгие vs краткие гласные (в ряде случаев под вопросом), которые инновационно возникли, но для этих противопоставлений нет параллелей в тундровом ненецком, поэтому мы будем приводить без внешних параллелей и указаний как долгие vs краткие гласные, лишь с указаниями на абсолютную и относительную длительность.

Результаты

Группа I. Рефлексы праненецких нейтральных гласных: *a, *æ, *o, *e

Лесной ненецкий a. Мы видим (см. табл. 2), что в этой группе слов максимальная интенсивность обычно маркирует первый слог, либо интенсивность на первом и втором слоге фактически сравнимы, но есть три исключения: *kapt̃ẽeʔe* ‘взрослый кастрированный олень’, *mʔata (māxa)* ‘(крыша) дома’, *wat̃eif̃at* ‘левая рука’, *kat̃aʔiʔu* ‘ясный’. При этом средняя относительная длительность гласного первого слога в 17 лексемах больше 100 %, т. е. он в среднем более длительный, чем другие звуки в словоформах. Но при этом следует отметить, что разброс по относительной длительности очень большой – от 51,72 до 202,63 %. В словах с «однородным вокализмом», когда в первом и втором слогах гласный a, они выделены в таблице полужирным шрифтом, максимальная длительность может маркировать как первый, так и второй слоги.

Лесной ненецкий æ. В табл. 2 во всех случаях максимальная интенсивность всегда маркирует первый слог как единственный вариант или в одной из дублетных форм. Лишь в одном случае *rat̃eim̃t̃eij* ‘левая рука’ максимальная интенсивность маркирует не первый слог. Относительная средняя длительность гласного æ первого слога в 13 лексемах больше 100 %, а в 12 лексемах меньше 100 %, т. е. в среднем гласный совпадает со средней длительностью других звуков. Т. Салминен считает, что в лесном ненецком языке есть долгий æ и краткий ǣ. Действительно, слова с кратким ǣ по Т. Салминену расположены в верхних строках нашей таблицы: *wǣta* ‘плохой’, *xǣǣsu°* ‘шить’, *ŋǣwa* ‘голова’. В настоящей работе мы приняли решение не делить таблицу, поскольку наших собственных данных достаточно мало для надежного решения о том, какой гласный краткий, а какой долгий. Неизданный словарь Т. Салминена не содержит многих слов, рассматриваемых нами, а внешних параллелей у этой долготы нет. Такое же решение мы приняли и в отношении двух следующих гласных (o, e), рассмотренных ниже.

Лесной ненецкий o². В 23 примерах двусложных слов с o в первом слоге в с. Халясавей максимальная интенсивность маркирует первый слог, либо интенсивность первого и второго слогов сравнимы. Только в словах *kota* ‘олень-самец’, *ŋot̃eaki* ‘бисер’ есть дублет или единственный вариант с максимальной интенсивностью на втором слоге. Относительная средняя длительность гласного o в 15 словах более 100 %. Видно, что в словах с «однородным вокализмом», которые выделены полужирным шрифтом (см. табл. 2), и вторым открытым слогом, максимальная длительность во всех случаях маркирует второй слог.

Лесной ненецкий e³. Лишь в одном слове *tem̃pata* ‘грудь’ максимальная интенсивность во всех формах маркирует непервый слог. В 24 формах с e в первом слоге максимальная интенсивность маркирует первый слог или есть дублетные формы. В 15 формах относительная средняя длительность более 100 %. В 10 формах она менее 100 %, т. е. в среднем e немного более длительный, чем другие звуки.

---

² В рукописном словаре Т. Салминена нет примеров o краткого в словах, имеющих более одного слога.

³ В рукописном словаре Т. Салминена нет примеров e краткого в словах, имеющих более одного слога.

Таблица 2

Длительность гласных в словах лесного ненецкого языка

Table 2

Duration of vowels in words of the Forest Nenets language

№ п/п	Форма в с. Халясавай	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
Слова с а в первом слоге						
1	ηalka	а	0,052	51,72	81,864	большой
		а	0,092	91,45	80,238	
		2	ηanîca	а	0,077	53,98
î	0,112			78,89	81,619	
а	0,306			214,88	79,580	
3	diaʔta	1-е произнесение				тонкий, стройный
		а	0,099	92,78	84,490	
		а	0,174	163,31	82,500	
		2-е произнесение				
		а	0,172	171,04	80,324	
		а	0,135	134,29	81,041	
4	kasa	а	0,116	75,78	82,525	мужчина
		а	0,230	149,86	77,520	
		а	0,118	121,69	80,867	
5	karîcêʔe	е	0,044	45,67	82,240	взрослый кастрированный олень
		е	0,162	167,59	79,226	
		а	0,12	94,39	80,371	
6	kamra	а	0,11	88,24	74,979	волна
		а	0,137	102,68	82,169	
7	diaʔla	а	0,174	130,78	81,055	день, солнце

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
8	<i>teamti</i>	a	0,139	97,24	82,495	лягушка
		i	0,162	113,67	81,470	
9	<i>m'atā (māḡa)</i>	a	0,14	143,66	82,66	(крыша) дома
		a	0,03	32,59	84,89	
10	<i>watei</i>	a	0,14	71,76	83,07	левый
		i	0,10	51,25	83,11	
11	<i>apa</i>	a	0,140	106,55	81,286	старшая сестра
		a	0,152	104,41	78,55	
12	<i>di'aki</i>	a	0,143	91,9	80,776	дым
		i	0,179	115,1	75,515	
13	<i>w'apsami</i>	a	0,144	103,98	83,183	удачливый
		a	0,172	123,63	83,445	
		i	0,176	126,9	80,783	
14	<i>kaḡa</i>	a	0,163	106,84	82,004	рыба
		a	0,192	129,47	76,958	
15	<i>ḡapi</i>	a	0,167	104,5	81,348	утка
		i	0,194	121,64	76,748	
16	<i>ḡata?</i>	a	0,171	128,21	79,452	широкий
		a	0,154	115,38	78,024	
17	<i>t'ianuḡa</i>	a	0,173	134,37	83,635	медленно
		u	0,138	107,31	81,043	
		a	0,199	154,9	81,018	
18	<i>kata</i>	a	0,180	127,21	82,391	бабушка, тётя – старшая сестра отца или матери
		a	0,152	129,18	79,768	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
19	<i>dʲala</i>	a	0,188	113,2	82,367	песок
		a	0,197	118,69	78,550	
20	<i>wani</i>	a	0,189	113,8	82,709	корень
		u	0,177	106,54	82,836	
21	<i>wapta</i>	a	0,206	146,9	77,888	высыпать, вылить (3SG)
		a	0,194	138,03	75,150	
22	<i>wata</i>	a	0,230	147,59	81,099	слово
		a	0,172	115,58	80,882	
23	<i>dʲatei</i>	a	0,237	133,6	82,288	важенка, самка домашнего оленя
		i	0,110	71,22	78,137	
		a	0,242	202,63	81,608	
24	<i>kaʲatʲu</i>	a	0,105	87,66	84,260	ясный
		u	0,170	142,28	79,781	
25	<i>kata</i>	a	0,284	137,5	79,969	убивать
		a	0,396	191,85	77,227	

Слова с *æ* в первом слоге

1	<i>tæjku</i>	æ	0,076	76,21	82,419	берестяная миска
		u	0,107	107,97	77,283	
2	<i>wæjma</i>	æ	0,081	73,32	84,509	плохой
		a	0,146	131,44	80,854	
3	<i>χæjionʔ</i>	æ	0,082	71,68	82,733	шов
		o	0,183	159,21	82,115	
4	<i>ηæiwa</i>	æ	0,084	88,2	83,062	голова
		a	0,243	185,79	81,674	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
5	kæjma	æ	0,088	91,03	83,224	костный мозг
		a	0,115	118,62	81,547	
6	tæjwa	æ	0,093	119,4	84,759	хвост
		a	0,116	149,25	81,165	
7	taetaj	æ	0,115	111,7	84,116	в два раза
		a	0,092	89,24	81,932	
8	χætaku	æ	0,116	90,02	83,508	белый, светлый
		a	0,172	133,78	78,689	
		u	0,208	162,22	80,053	
		æ	0,118	115,59	84,306	
9	kætiæahki	a	0,097	94,99	83,063	красный
		i	0,209	204,86	81,558	
		æ	0,131	123,04	84,209	
10	pæeku	u	0,118	111,26	80,879	круглый, шарообразный
11	χæti	1-е произнесение				слепой
		æ	0,137	88,71	82,910	
		i	0,164	105,99	80,158	
		2-е произнесение				
		æ	0,185	96,51	82,829	
		i	0,183	95,42	79,879	
12	χætiäŋka	æ	0,139	105,17	77,246	рубить, прорубить (лёд)
		a	0,124	93,99	76,262	
		a	0,192	145,45	71,802	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
13	р̣ε̣т̣е̣и̣т̣ѣ̣и̣ј̣	æ	0,140	125	82,911	вечер
		u	0,055	48,97	84,309	
		u	0,129	115,56	81,597	
14	η̣ε̣ε̣α̣ḷṃa	æ	0,143	93,39	83,075	усталый, уставший
		a	0,174	113,22	82,002	
		a	0,250	162,81	79,561	
15	ḳæ̣ẉχ̣i	æ	0,152	115,14	82,272	сторона
		i	0,174	131,6	73,492	
16	р̣ε̣т̣п̣ṇa	æ	0,158	131,39	82,693	тёмный
		a	0,188	155,72	79,886	
17	ṭæ̣ẉṇæ̣	1-е произнесение				догнать
		æ	0,176	117,16	79,973	
		a	0,139	92,19	76,345	
		2-е произнесение				
		æ	0,085	75,49	81,177	
18	ẉæ̣j̣ḷa	a	0,133	117,96	76,741	перевезти через реку
		æ	0,154	88,08	79,351	
		a	0,298	170,05	74,578	
19	ẉæ̣ḷa	æ	0,158	96,73	82,713	нижняя часть шерсти на ноге оленя, «щетка»
		a	0,121	118,37	79,445	
20	χ̣æ̣ṭɔ̣ḳu	æ	0,104	81,01	83,198	самка птицы
		a	0,090	70,02	77,57	
		u	0,165	127,69	73,667	
21	χ̣æ̣ẉḳat	æ	0,178	101,67	80,912	дятел
		a	0,207	118,14	77,067	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
22	maɛʔaɛ	æ	1-е произнесение		75,162	выделывать шкуру, камысы
			0,188	91,8		
			0,182	97,64	74,286	
		a	2-е произнесение		78,943	
			0,162	93,91		
			0,169	97,64	75,508	
23	kaɛwʔti	æ	1-е произнесение		82,927	ребро
			0,204	143,07		
			i	0,144	101,11	
		æ	2-е произнесение		82,539	
			0,245	145,77		
			i	0,221	131,66	
24	waɛʔku	æ	1-е произнесение		83,230	муж, супруг
			0,215	131,13		
			u	0,211	128,85	
		æ	2-е произнесение		81,550	
			0,137	98,76		
			u	0,169	121,74	
25	maɛʔna	æ	0,256	170,7	80,561	хромать
		a	0,201	133,78	80,437	
Слова с o в первом слоге						
1	noxo	o	0,076	62,61	83,611	песец
		o	0,157	129,83	80,218	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
2	ɲomsa	о	0,077	61,25	82,924	мясо
		а	0,203	162,39	80,342	
3	ɛolate	о	0,083	60,48	79,668	отвернуться
		а	0,058	42,18	72,652	
		е	0,167	121,75	72,346	
4	soɣo	о	0,088	55,74	81,880	гора
		о	0,161	102,11	78,529	
5	d'olka	о	0,090	78,87	83,879	полукруг
		а	0,194	169,59	80,101	
6	ɲoŋea	1-е произнесение				ягода
		о	0,098	75,91	81,883	
		а	0,146	113,87	81,865	
		2-е произнесение				
		о	0,146	82,19	83,204	
		а	0,192	108,1	81,801	
7	kom'aei	о	0,100	80,77	84,615	глупый
		а	0,114	92,31	82,95	
		і	0,181	146,92	79,409	
		о	0,114	84,1	82,446	
8	n'oɣo	о	0,204	149,74	81,529	пот
		о	0,115	81,01	77,595	
9	ɲoŋeaku	а	0,157	110,53	78,260	бисер
		u	0,160	112,59	76,708	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
10	kola	о	0,123	110,71	80,773	олень-самец
		а	0,104	94,31	81,254	
		1-е произнесение				
		2-е произнесение				
11	poskan	о	0,151	116,96	84,512	ружьё
		а	0,177	136,61	83,477	
		о	0,128	111,01	82,260	
		а	0,148	128,04	81,703	
12	topa	о	0,141	147,1	81,821	копыто
		а	0,127	133	79,544	
		о	0,141	106,65	82,366	
		и	0,064	48,31	82,936	
13	tom'ita	а	0,153	115,36	78,688	сильный
		о	0,145	111,68	84,135	
		а	0,160	122,9	78,990	
		о	0,151	82,64	82,042	
14	χoma	а	0,237	129,67	80,969	пант
		о	0,165	120,16	83,987	
		а	0,173	126,4	82,293	
		о	0,170	116,37	84,415	
15	mola	а	0,216	147,77	82,204	мелкий, неглубокий
		о	0,171	103,2	82,160	
		е	0,121	72,85	81,881	
16	tola					глубокий, густой
17	d'olia					ловить рыбу неводом
18	d'oliee					

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
19	fom'a	о	0,175	116,63	83,094	капошон малицы
		а	0,195	121,27	81,599	
20	ponka	о	0,174	122,37	83,261	невод
		а	0,203	142,77	81,997	
21	pora?	о	0,177	139,53	82,530	рукавица
		а	0,122	96,66	82,790	
22	ponkana	о	0,179	170,5	83,426	между
		а	0,026	24,95	81,623	
		а	0,198	188,51	81,672	
23	kopa	о	0,194	139,25	80,552	кожа, шкура
		а	0,201	144,86	82,661	
24	d'onat	о	0,200	127,08	83,402	тысяча
		а	0,127	122,42	82,382	
25	topak	о	0,204	135,13	81,337	обувь мехом вовнутрь
		а	0,183	121,62	78,786	
Слова с е в первом слоге						
1	mie?tko	е	0,082	64,47	78,753	кочка на болоте
		о	0,170	133,24	74,40	
2	mie1ica	е	0,094	69,08	82,372	ветер
		а	0,196	142,95	77,618	
3	tempala	е	0,095	75,03	81,504	грудь
		а	0,111	87,4	79,838	
		а	0,201	158,56	82,458	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
4	<i>jensa</i>	e	0,106	85,7	83,830	прямой
		a	0,236	190,72	82,494	
5	<i>p'entaε</i>	e	0,107	94,45	78,834	выстрелить (о ружье)
		a	0,063	55,81	70,068	
6	<i>p'etad</i>	e	0,127	156,73	82,619	тайга, лиственный лес
		a	0,062	76,98	82,328	
7	<i>p'etiici</i>	e	0,134	86,13	82,612	нежилая половина чума
		i	0,120	76,72	80,024	
		i	0,239	153,44	76,762	
		e	0,137	105,85	82,109	
8	<i>teεena</i>	a	0,092	71,21	81,214	холодный
		e	0,140	85,61	82,956	отец
9	<i>neεa</i>	a	0,147	90,04	80,690	
		e	0,149	95,93	81,634	
		a	0,183	117,65	82,738	
10	<i>εetiεay</i>	e	0,147	84,65	81,561	заморозки
		a	0,108	62,12	79,677	
11	<i>εerpi</i>	e	0,148	77,56	83,897	спутанный
		i	0,234	122,66	79,660	
12	<i>w'εεa</i>	e	0,149	100,55	82,280	деньги
		a	0,172	115,85	80,334	
13	<i>εetna</i>	e	0,151	114,82	84,093	тяжёлый (по весу)
		a	0,104	78,77	80,457	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
14	p'ienko	е	0,152	129,79	77,120	болото с кочками
		о	0,119	101,31	69,434	
		е	0,153	104,75	83,331	
15	nenifa	i	0,082	56,29	83,048	правда
		а	0,248	169,6	77,312	
		е	0,167	82,84	82,766	
16	eetean	а	0,132	65,54	79,070	иней
		1-е произнесение				
		е	0,168	143,2	83,189	
17	w'epālāŋa	а	0,083	70,72	82,648	зелёный
		2-е произнесение				
		а	0,062	53,04	82,562	
18	w'eeə	а	0,183	155,58	80,771	железо
		е	0,168	103,7	81,987	
		а	0,139	85,8	79,967	
19	peŋki	е	0,174	109,23	82,436	шар, шарообразный предмет
		и	0,237	148,78	80,306	
		е	0,174	104,45	83,233	
20	w'epa	а	0,229	137,7	82,312	лист
		е	0,177	113,81	82,560	
		а	0,122	78,56	80,935	
21	nela	е	0,190	137,93	82,717	внешняя покрывка на чум
		а	0,206	148,97	81,464	
		22	dlet'a			

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
23	p'ena?	е	0,183	146,37	82,821	камыс
		а	0,100	79,89	83,636	
		е	0,183	146,16	82,521	
		а	0,157	125,84	79,718	
24	ædiat	е	0,195	128,85	81,149	внутренняя часть вёрши
		а	0,182	120,22	79,988	
25	nem'a	1-е произнесение				мать
		е	0,245	128,63	81,750	
		а	0,244	128,5	81,341	
		2-е произнесение				
		е	0,218	134,87	82,919	
		а	0,183	99,57	81,120	
Слова с и в первом слоге						
1	pini	и	0,116	95,72	83,969	колёно (Т. Салминен, рукопись: л. pini, т. pini)
		і	0,181	149,24	82,722	
2	pinaŋi	и	0,126	114,74	82,658	сзади (Т. Салминен, рукопись: л. piŋ° / pi-, т. piŋ° / pi-)
		а	0,138	125,5	81,922	
Слова с ѝ в первом слоге						
1	kăli	и	0,047	44,92	81,342	ворона (чёрная) (Т. Салминен, рукопись: л. kăli, т. xuli)
		і	0,124	117,65	81,663	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
2	tĩtĩcɛa	u	0,083	56,74	83,148	борода, усы (Т. Салминен, рукопись: л. tĩtĩtĩcɛsu ^о , т. tĩtĩcɛsu ^{оh})
		u	0,099	67,62	81,517	
		a	0,215	145	78,74	
3	ŋĩta	u	0,086	63,31	83,65	рука (Т. Салминен, рукопись: л. ŋĩta, т. ŋĩda)
		a	0,19	61,46	84,129	
4	ŋĩtɛa	u	0,086	78,88	81,130	маленький (Т. Салминен, рукопись: л. ŋũtũa, т. ŋũtũa)
		a	0,147	134,35	80,241	
5	kũlku	1-е произнесение				верёвка, привязанная к грузовой нарте (Т. Салминен, рукопись: л. kũlku, т. xũrko)
		u	0,101	42,84	81,655	
		u	0,210	89,63	81,899	
		2-е произнесение				
		u	0,082	60,25	82,735	
		u	0,193	141,37	80,546	
6	mĩĩŋɛa	u	0,129	101,78	80,299	внутренний нюк (Т. Салминен, рукопись: л. mũĩŋ ^о , т. mũĩŋ ^о)
		a	0,163	129,03	79,151	
7	ŋũlku	u	0,160	124,2	83,156	мягкий (Т. Салминен, рукопись: л. ŋũĩŋk ^о , т. ŋũĩŋk ^о)
		u	0,136	106,18	80,951	
8	tũrka	u	0,132	129,32	79,395	топор (Т. Салминен, рукопись: л. tũrka, т. tũbka)
		a	0,099	96,99	84,182	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавай	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)	
			абсолютная, с	относительная, %			
Слова с <i>i</i> в первом слоге							
1	<i>p'id'aku</i>	i	0,071	79,53	84,863	горноста́й (Т. Салминен, рукопись: л. <i>rujja / rujjaqki</i> , т. <i>rujya / rujyako</i>)	
		a	0,129	144,18	81,657		
		u	0,131	146,12	80,510		
2	<i>εim'a</i>	i	0,075	44,15	82,756	зола, пепел (Т. Салминен, рукопись: т. <i>s'iw°</i>)	
		a	0,230	134,64	80,317		
		i	0,076	72,2	81,808	кислый (Т. Салминен, рукопись: т. <i>tyi'byey°</i>)	
3	<i>d'iwεēna</i>	e	0,040	37,86	80,583		
		a	0,226	215,72	80,323		
		i	0,132	94,41	83,340	трусливый (Т. Салминен, рукопись: т. <i>p'in-</i>)	
4	<i>p'ineat</i>	a	0,217	154,62	81,072		
		i	0,142	114,29	82,842	облако (Т. Салминен, рукопись: л. <i>tyil°</i> , т. <i>tyir°</i>)	
		i	0,049	39,29	79,125		
5	<i>teitiŋu</i>	u	0,127	101,79	82,322		
		i	0,154	118,26	83,382	страшный (Т. Салминен, рукопись: т. <i>p'in-</i>)	
		a	0,219	169,04	81,636		
6	<i>p'innat</i>	i	0,179	115,26	84,328	большой палец руки (Т. Салминен, рукопись: л. <i>ryiqk°qsyu</i> , т. <i>ryik°syu</i>)	
		a	0,211	136,11	82,674		
		i	0,183	112,71	81,889	кто (Т. Салминен, рукопись: л. <i>kyimya</i> , т. <i>xibya</i>)	
7	<i>p'ik̄teα</i>	a	0,284	175,06	80,759		
8	<i>k'im'a</i>						

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
Слова с <i>й</i> в первом слоге						
1	<i>pʲiɕta</i>	i	0,067	41,99	83,964	весёлый, смеющийся (Т. Салминен, рукопись: л. <i>pyisy</i> ^o , т. <i>pyisy</i> ^o η)
		a	0,308	192,91	80,139	
2	<i>tʲiʎi</i>	1-е произнесение				луна, месяц (Т. Салминен, рукопись: л. <i>jilyi</i> , т. <i>yiri</i> / <i>yiryu</i> ^o)
		i	0,069	46,09	81,469	
		i	0,182	122,3	79,750	
		2-е произнесение				
		i	0,102	65,61	81,465	
		i	0,172	110,65	82,215	
3	<i>wʲiŋkɲi</i>	i	0,070	80,9	84,721	Росомаха (Т. Салминен, рукопись: л. <i>wʲiŋk</i> ^o nyɪ, т. <i>yinj</i> ^o nyey ^o)
		i	0,040	104,8	87,119	
4	<i>mʲiʎita</i>	i	0,076	47,78	83,513	Дорогой (Т. Салминен, рукопись: л. <i>myi</i> , т. <i>myir</i>)
		i	0,187	117,41	80,413	
		a	0,303	189,76	80,040	
		i	0,082	53,98	73,634	
5	<i>teimej wani?</i>	e	0,112	73	74,818	зуба корни (Т. Салминен, рукопись: л. <i>tyim</i> ^o , т. <i>tyibya</i>)
		i	0,095	77,15	77,973	
6	<i>ɕiɕidɪu?</i>	i	0,113	91,76	83,210	Двадцать (Т. Салминен, рукопись: т. <i>sidi(u)</i>)
		u	0,156	126,68	82,775	

Продолжение табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавай	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
7	eĩŋeə	i	0,100	69,51	76,434	два (Т. Салминен, рукопись: т. s'ĩdĩä)
		a	0,143	99,88	78,214	
8	m'ĩŋeəna	i	0,106	69,77	83,268	дешёвый (Т. Салминен, рукопись: л. m'ũŋ, т. m'ũr'ĩ)
		a	0,253	167,44	79,186	
9	n'ĩŋi	i	0,111	62,35	82,463	дедушка (Т. Салминен, рукопись: л., ðŋi, т. jir'ĩ)
		i	0,244	137,65	83,679	
10	eĩŋeəŋdĩu?	i	0,112	111,3	66,372	восемь (Т. Салминен, рукопись: т. s'ĩdĩä)
		e	0,203	200,53	78,967	
		u	0,111	109,38	81,989	
11	eĩdĩateĩj?	i	0,115	74,91	77,755	жук (Т. Салминен, рукопись: л. sũŋ'q, т. sũŋ'q)
		a	0,136	88,63	80,701	
		i	0,144	93,9	80,631	
Слова с ð в первом слоге						
1	kãŋew	ă	0,025	22,19	84,102	чайка
		æ	0,214	191,02	81,915	
2	lãmtu	ă	0,045	43,66	83,805	низкий
		u	0,147	142,66	81,548	
3	xãmpŋaŋkh	ă	0,046	50,06	82,433	пять
		a	0,146	159,18	82,113	

Окончание табл. 2

№ п/п	Форма в с. Халясавей	Гласный	Длительность		Интенсивность, дБ	Перевод (примечание)
			абсолютная, с	относительная, %		
4	<i>māla</i>	ă	0,056	36,82	81,906	песчаный берег, отмель, коса
		a	0,156	103,59	77,809	
5	<i>dāta?</i>	ă	0,057	49,20	82,3	выстрелить (3SG)
		a	0,314	176,27	77,2	
6	<i>ŋāni</i>	ă	0,065	53,58	83,141	лодка
		u	0,162	134,75	81,823	
7	<i>wāta</i>	ă	0,069	51,06	71,744	удочка, крючок
		a	0,139	102,6	77,549	
8	<i>dāpta</i>	ă	0,08	65,74	84,9	роса
		u	0,217	160,9	81,9	
9	<i>kālu</i>	ă	0,081	47,15	81,184	журавль
		u	0,252	146,01	78,396	
10	<i>măḡă</i>	ă	0,092	56,14	83,171	спина
		a	0,068	53,83	83,156	
11	<i>lāpta</i>	ă	0,095	62,98	81,109	равнина
		a	0,181	120,44	80,454	
12	<i>dāḡa</i>	ă	0,099	93,87	82,2	река средних размеров
		a	0,102	96	74,89	
13	<i>lārpa</i>	ă	0,142	106,52	79,720	весло
		a	0,190	142,61	80,812	

Группа II. Рефлексы праненецких гласных, противопоставленных по долготе: *u, *ū, *i, *ī

Лесной ненецкий *u* < праненецкий *ū. К сожалению, в лесном ненецком словаре достаточно мало слов, в когнатах которых в тундровом ненецком в первом слове представлено, по Т. Салминену, *ū*. Но в двух рассмотренных лексемах максимальная интенсивность маркирует первый слог. Относительная средняя длительность *u* – 111 % (см. табл. 2).

Лесной ненецкий *ū* < праненецкий *u. В 5 словах этой группы максимальная интенсивность маркирует непервый слог, а в 4 словах – первый слог. Относительная средняя длительность гласного *ū* первого слога – 80 %, т. е. гласный почти в два раза короче, чем другие звуки в слове.

Лесной ненецкий *i* < праненецкий *ī. В 8 рассмотренных лексемах максимальная интенсивность маркирует первый слог либо как единственный вариант, либо как вариант в одном из произнесений. Средняя относительная длительность гласного *i* приблизительно равна 94 %.

Лесной ненецкий *ī* < праненецкий *i. В этой группе слов из 11 лексем в большинстве случаев максимальная интенсивность маркирует непервый слог или есть дублеты. Исключениями являются 2 корня *pīeta* ‘весёлый, смеющийся’, *mīlī-* ‘цена’ в словах *mīlīta* ‘дорогой’, *mīlīena* ‘дешевый’. Приблизительная средняя относительная длительность гласного *ī* первого слога – 67 %.

III группа. Рефлексы праненецкого редуцированного гласного *a

Лесной ненецкий *ā*. В этой группе слов максимальная интенсивность также обычно маркирует гласный первого слога, исключения: *wāta* ‘удочка, крючок’, *lā?p'a* ‘весло’. Но средняя относительная длительность гласного первого слога *ā* составляет лишь 56 %, что ровно в два раза меньше, чем длительность лесного ненецкого гласного *a* (см. группу I). Совершенно корректно *ā* обозначать как краткий, как это делает Т. Салминен, потому что он действительно почти в два раза короче среднего звука в словоформе.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что **смыслоразличительного ударения** в лесном ненецком говоре с. Халясавей **нет**. Выше можно увидеть достаточно много примеров, когда максимальная интенсивность и длительность маркируют разные слоги в словоформе. При этом достаточно часто в двух произнесениях у одного и того же носителя они могут маркировать разные слоги, что является показателем отсутствия смыслоразличительного характера выделения по длительности и интенсивности. В большинстве случаев максимальная интенсивность маркирует гласный первого слога, исключения составляют слова с кратким *ī* в первом слоге и примерно половина слов с кратким *ū*. А максимальная длительность в большинстве случаев, наоборот, маркирует открытый гласный второго слога.

Как было показано выше, определенная корреляция с праненецкой реконструкцией Т. Салминена и с тундровыми ненецкими данным сохраняется в виде реликтов. Наиболее ярко это видно на примере слов из второй группы с рефлексами праненецких *u, *ū, *i, *ī. В словах с *ū* (< праненец. *u) и *ī* (< праненец. *i)

в первом слоге максимальная интенсивность значительно чаще маркирует непорочный слог слова, и средняя относительная длительность примерно на 30 % меньше, чем в словах с *и* (< праненец. *ī), *і* (< праненец. *ī) в первом слоге. Праненецкий редуцированный *э также сохраняется в виде *й* первого слога, которое по средней относительной длительности примерно в 2–2,5 раза более краткое, чем другие гласные нижнего и среднего подъема. Максимальная интенсивность, как и в случае других гласных нижнего и среднего подъема, маркирует обычно *й* первого слога.

Так, можно видеть, что на гласных нижнего и среднего подъема основным маркером просодических различий выступает длительность гласного первого слога. А в случае с гласными верхнего подъема различия по длительности играют меньшую роль, но появляется дополнительный маркер – выделение по максимальной интенсивности, которая не фиксирована на первом слоге, как в случае с гласными нижнего и среднего подъема.

Интересно, что аналогичную просодическую систему М. К. Амелина описывает для гыданского диалекта тундрового ненецкого языка, носители которого живут севернее, в пос. Гыда, по сравнению с с. Халясавей, но на том же 78° восточной долготы. Она указывает, что в словах с гласными верхнего подъема основным акустическим коррелятом словесного ударения на первом слоге является большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план. Безударный гласный второго открытого слога в большинстве случаев является более длительным, как и в лесном ненецком языке (см. [Амелина, 2018]). При этом для гласных нижнего и среднего подъема максимальная длительность является основным параметром ударения. А максимальная интенсивность в большинстве случаев маркирует первый слог вне зависимости от места ударения (см. [Амелина, 2017]).

Схожее явление – фиксация максимальной интенсивности в большинстве словоформ на первом слоге – присутствует и в говоре с. Тром-Аган сургутского диалекта хантыйского языка. Из размеченных аудиозаписей, доступных на ЛингвоДоке, можно видеть, что максимальная интенсивность маркирует гласный первого слога в подавляющем большинстве непроезжих словоформ в сургутском диалекте хантыйского⁴, носители которого живут наиболее близко к с. Халясавей. А в более южных диалектах хантыйского, в частности в шурышкарском⁵, ваховском⁶, максимальная интенсивность достаточно часто маркирует непорочный слог слова и в тех случаях, когда в нем представлены гласный нижнего и среднего подъема.

Интересно, что схожая тенденция к максимальной начальной интенсивности, которая иногда нарушается в словах с гласными верхнего подъема в первом слоге и реже с другими гласными, наблюдается и в других языках этого ареала: тундровом энецком⁷, непроезжих словах в тазовском селькупском⁸. Ареал проживания носителей этих диалектов можно видеть на рисунке ниже.

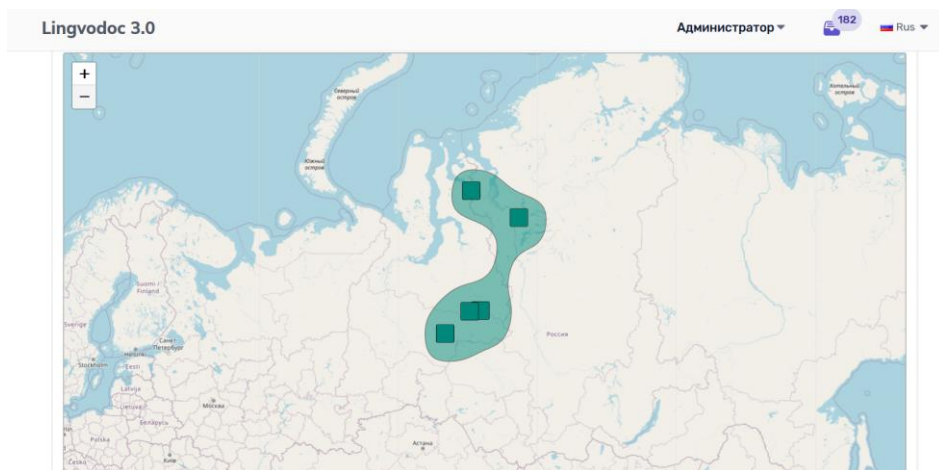
⁴ См.: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3958/7/perspective/3958/10/view/>, словарь создан Т. В. Тимкиным.

⁵ См.: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/528/4/perspective/528/5/view/>.

⁶ См.: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1230/570/perspective/1230/571/view/>.

⁷ См.: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/330/3/perspective/330/4/view/>.

⁸ См.: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1723/8454/perspective/1723/8455/view/>.

Ареал проживания носителей диалектов
с тенденцией фиксации интенсивности на первом слоге
The habitat of the dialect speakers
displaying a tendency toward accentuating the initial syllable

Безусловно, гипотеза о северном ареале диалектов с максимальной начальной интенсивностью нуждается в дальнейшем исследовании на материале более полных аудиословарей говоров этого региона.

Список сокращений

праненец. – праненецкий; л. – лесной ненецкий; т. – тундровый ненецкий

Список литературы

Амелина М. К. Ударение в непроезженных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъёмов // Урало-алтайские исследования 2017. № 3 (26). С. 7–116.

Амелина М. К. Ударение в непроезженных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъёма // Урало-алтайские исследования 2018. № 4 (31). С. 7–78.

Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 3–190.

Норманская Ю. В. Реконструкция прауральского разноместного ударения и его влияние на развитие систем вокализма. М.: Языки народов мира, 2018. 503 с.

Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь. Лесное наречие. Szeged, 1978. 152 с. (Studia Uralo-Altaica, 12)

Ackerman F., Salminen T. Nenets // Encyclopedia of language & linguistics. 2nd ed. Editor-in-chief Keith Brown. Amsterdam: Elsevier, 2006. Vol. 8. P. 577–579.

Burkova S. I. Nenets // Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic languages*. Oxford, 2022. 1115 p.

Lehtisalo T. *Juraksamojedisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XIII*. Helsinki, 1956. 603 S.

Salminen T. Tundra Nenets inflection // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 227. Helsinki, 1997. 155 p.

Salminen T. Notes on Forest Nenets phonology // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 253. Helsinki, 2007. P. 349–372.

Sammallahti P. *Material from Forest Nenets*. Helsinki, 1974. 140 p. (Castrenianumin toimitteita, 2)

References

Ackerman F., Salminen T. Nenets. In: *Encyclopedia of language & linguistics*. 2nd ed. Keith Brown (Ed.). Amsterdam, Elsevier, 2006, vol. 8, pp. 577–579.

Amelina M. K. Udarenie v neproizvodnykh imenakh s odnorodnym vokalicheskim sostavom v gydanskom dialekte tundrovogo nenetskogo yazyka. Chast' I. Foneticheskie slova s glasnymi nizhnego i srednego pod"emov [Stress in underived nouns with a homogeneous vocalic structure in the Gydan dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels]. *Ural-Altaic Studies*. 2017, no. 3 (26), pp. 7–116.

Amelina M. K. Udarenie v neproizvodnykh imenakh s odnorodnym vokalicheskim sostavom v gydanskom dialekte tundrovogo nenetskogo yazyka. Chast' II. Foneticheskie slova s glasnymi verkhnego pod"ema [Stress in underived nouns with a homogeneous vocal composition in the Gydan dialect of the Tundra Nenets language. Part II. Phonetic words with high vowels]. *Ural-Altaic Studies*. 2018, no. 4 (31), pp. 7–78.

Burkova S. I. Nenets. In: *The Oxford Guide to the Uralic languages*. Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (Eds.). Oxford 2022, 1115 p.

Lehtisalo T. *Juraksamojedisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XIII*. Helsinki, 1956, 603 p.

Normanskaya Yu. V. *Rekonstruktsiya praural'skogo raznomestnogo udareniya i ego vliyanie na razvitie sistem vokalizma*. [Reconstruction of the Proto Uralic phonological accent and its influence on the vocal development]. Moscow, Yazyki narodov mira, 2018, 503 p.

Popova Ya. N. *Nenetsko-russkiy slovar'*. *Lesnoe narechie* [Nenets-Russian dictionary. Forest dialect]. Szeged, 1978, 152 p. (Studia Uralo-Altaica 12)

Salminen T. Notes on Forest Nenets phonology. In: *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 253. Helsinki, 2007, pp. 349–372.

Salminen T. Tundra Nenets inflection. In: *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 227. Helsinki, 1997, 155 p.

Sammallahti P. *Material from Forest Nenets*. Helsinki, 1974, 140 p. (Castrenianumin toimitteita, 2)

Verbov G. D. *Dialekt lesnykh nentsev*. [Dialect of Forest Nenets]. In: *Samodiyskiy sbornik* [Samoyedic collection]. Novosibirsk 1973, pp. 3–190.

Информация об авторе

Юлия Викторовна Норманская, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. лабораторией «Лингвистические платформы» ИСП РАН; ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия).

Information about the author

Julia V. Normanskaja, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Linguistic Platforms Laboratory, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, Department of Ural-Altaic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 26.06.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 30.01.2025
The article was submitted on 26.06.2024;
approved after reviewing on 30.01.2025; accepted for publication on 30.01.2025*

Научная статья

УДК 811.161.1, 81'34

DOI 10.17223/18137083/92/14

Особенности интонационной интерпретации графического предложения в зависимости от формальных характеристик содержащихся в нем пунктуационных знаков (точка с запятой, двоеточие, тире)

Наталья Михайловна Новикова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

n.novikova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6392-5920>

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей интонационного отражения контекстов с пунктуационными знаками: точка с запятой, двоеточие и тире. Цель исследования – представить функционирование пунктуационного знака в графическом тексте как набор интонационных признаков его акустической (речевой) интерпретации. Актуальность обусловлена сложностью взаимодействия русской пунктуации и ее интонационной интерпретации непрофессиональными дикторами, что приводит к многочисленным вариантам прочтения текста с одинаковым пунктуационным оформлением. Исследование проводилось среди непрофессиональных дикторов, а пунктуационные знаки рассматривались с учетом их формальных характеристик. Материалами исследования служат контексты, извлеченные из произведений русских писателей-классиков XIX–XX вв., и аудиозаписи их прочтения информантами. В процессе экспериментального исследования установлено соотношение пунктуационного оформления текстовых единиц и интонационной интерпретации.

Ключевые слова

русская пунктуация, интонация, двоеточие, тире, точка с запятой, пауза, пространственные характеристики пунктуационных знаков

Для цитирования

Новикова Н. М. Особенности интонационной интерпретации графического предложения в зависимости от формальных характеристик содержащихся в нем пунктуационных знаков (точка с запятой, двоеточие, тире) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 211–224. DOI 10.17223/18137083/92/14

© Новикова Н. М., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 211–224
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 211–224

Prosodic features of written sentences depending on formal characteristics of their punctuation marks: a case study of semicolons, colons, and dashes

Natalya M. Novikova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

n.novikova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6392-5920>

Abstract

This paper examines the intonational characteristics of contexts featuring semicolons, colons, and dashes, focusing on their natural prosodic realization in speech. The study involves non-professional speakers, with punctuation marks considered in terms of their formal attributes. The functioning of a punctuation mark in a graphic text is presented as a set of intonation features of its acoustic (speech) interpretation. Account is taken of key intonation parameters, such as the tonal movement preceding punctuation marks and the duration of any pause at their location. A contrast is noted between vertical and horizontal signs regarding the nature of the fundamental tone movement. The experimental research has revealed a correlation between the punctuation design of textual units and intonation interpretation. Semicolons and colons have been found to be typically characterized by a tonal lowering on the final stressed syllable, occurring in 79.1% and 78.5% of cases, respectively. Dashes have proved to be related to a common increase in tone in 55% of cases. In the course of the work, average pause durations were identified for each of the examined characters: 0.38 seconds for semicolons, 0.25 seconds for colons, and 0.17 seconds for dashes. The findings concerning the intonation of vertical and horizontal indicators corroborate our hypothesis of there being no rigid correlation between intonation and punctuation.

Keywords

Russian punctuation, intonation, colon, dash, semicolon, pause, spatial characteristics of punctuation marks

For citation

Novikova N. M. Prosodic features of written sentences depending on formal characteristics of their punctuation marks: a case study of semicolons, colons, and dashes. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 211–224. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/14

Введение

Как правило, исследования по соотношению интонации и пунктуации идут от звуковой формы высказывания к графической или априори приписывают определенному пунктуационному оформлению соответствующую интонацию на основании интроспекции, нерелективно опираясь на внутреннюю речь, которая не воспринимается исследователем как нечто отчужденное от графического текста. Связано это кроме всего прочего с тем, что лингвистика традиционно, от Ф. де Соссюра, выводит письменную разновидность языка за его пределы. Считается, что письмо – это вторичная система, которая только отражает язык, но не воплощает его.

В нашем исследовании мы опираемся на иную точку зрения [Амирова, 1985; Ким, 2019а; Степанов, 1976, с. 30], согласно которой устное речевое произведение и письменный текст не тождественны друг другу, поскольку относятся к разным

репрезентативным формам, или формам представления, языка: устной (акустической) и письменной (графической). Из этого следует, что интонация как факт устной речи не может выступать прямым атрибутом письменного текста, а служит функциональным аналогом пунктуации, в каких-то отношениях более дифференцированным, но в других отношениях менее содержательным.

В связи с этим возникает необходимость обсудить самостоятельный выразительный потенциал русской пунктуации. Удобнее всего для описания формальной стороны пунктуационных знаков (далее – ПЗ) использовать подход, предложенный И. Е. Кимом в монографии «Теория пунктуации: пространство знака и пространство текста» [Ким, 2019б]. В рамках этого подхода ПЗ предлагается рассматривать в первую очередь не во взаимосвязи функций ПЗ с правилами их употребления, а в отношении их пространственно-графических характеристик. В рамках нашего исследования были отобраны три пунктуационных знака для эксперимента по установлению связи пунктуации текста и интонации его прочтения: точка с запятой, двоеточие и тире. Такой ограниченный набор ПЗ объясняется тем, что два из них (точка с запятой и двоеточие) противопоставлены третьему (тире) как вертикальные ПЗ горизонтальному, что представляет собой ясную и наглядную оппозицию по формальным признакам.

В настоящее время пунктуационная система русского языка описывается как набор графических знаков вместе с серией правил и подправил, богато разветвленная по синтаксическим и прагматическим условиям употребления и поэтому не сопоставимая с более или менее однотипными и значительно более простыми системами пунктуации других языков. Так, согласно точке зрения Н. С. Валгиной [2004], в современной русской пунктуационной системе за каждым знаком препинания стоят закрепленные за ними функции. В обобщенном виде основные функции ПЗ можно разделить на отделяющие и выделяющие. Точка с запятой и двоеточие относятся к знакам препинания, которые отделяют части текста друг от друга, например: *Она была удивительно сложена; ее коса золотого цвета и тяжелая, как золото, падала ниже колен, но красавицей ее никто бы не назвал; во всем ее лице только и было хорошего, что глаза...* (И. Тургенев. *Отцы и дети*); *Про себя Данилов сформулировал задачу так: из доктора Белова надо сделать начальника поезда* (В. Панова. *Спутники*). Тире при этом может включаться и в группу отделяющих знаков (при одиночном употреблении), и в группу выделяющих знаков (при парном употреблении) [Валгина, 2004, с. 47; Друговейко-Должанская, Попов, 2019, с. 161], например: *Удастся в Ташкент хорошо съездить – дело поправится* (А. Неверов. *Ташкент – город хлебный*); *В кабинете – это только так, из приличия, названо кабинетом, а скорее можно назвать конторой – ничего не было, кроме бюро, за которым сидел хозяин* (И. Гончаров. *Фрегат «Паллада»*). Отметим также в качестве парного ПЗ комбинацию двоеточия и тире в некоторых контекстах с обобщающим словом и однородными членами, например: *Все это: шум, говор и толпа людей – все это было как-то чудно Акакию Акакиевичу* (Н. Гоголь. *Шинель*). А вот пример прямой речи, разрывающей слова автора, где ставится парный знак двоеточие и тире: *Петр Михайлыч хотел сказать: «Не впутывайся ты, пожалуйста, не в свои дела!» – но промолчал* (А. Чехов. *Соседи*).

Проведенный нами анализ литературы по изучению функций и правил использования ПЗ показывает, что условия употребления точки с запятой достаточно ограничены и близки к условиям употребления одиночной запятой, в связи с чем отличие точки с запятой от запятой заключается в большей отделяющей силе

[Валгина, 2004, с. 108]. Согласно полному академическому справочнику, основная функция точки с запятой – разделение частей сложносочиненного предложения или бессоюзного сложного предложения, когда их части значительно распространены и имеют внутри запятые [Правила..., 2007]. В современной трактовке, отраженной в терминологическом словаре, этот одиночный отделяющий знак препинания используется в сложном или простом предложении для разграничения самостоятельных частей [Друговойко-Должанская, 2019, с. 166].

Для двоеточия на современном этапе характерны две основные функции. Во-первых, этот пунктуационный знак ставится в предложениях с обобщающим словом, когда оно предшествует ряду однородных членов. Во-вторых, двоеточие разделяет части бессоюзного сложного предложения со следующими типами отношений: причины, обоснования, пояснения, изъяснения. Опираясь на труды таких филологов, как Н. С. Валгина, В. В. Лопатин, С. В. Друговойко-Должанская, можно говорить о том, что двоеточие характеризуется четко регламентированным употреблением: однозначная функциональная ориентация, не выходящая, как правило, за пределы пояснительно-разъяснительной функции [Валгина, 2004; Друговойко-Должанская, Попов, 2019; Правила..., 2007].

Особенность тире заключается в том, что вследствие полифункциональности (в отличие от точки с запятой и двоеточия) его употребление вызывает трудности в кодификации и, что более важно, в оценке ее типового функционала [Валгина, 2004, с. 236]. Тем не менее, согласно полному академическому справочнику, можно выделить следующие случаи употребления тире: между членами предложения (в функции соединения, выделения и др.); в предложениях с обобщающим словом, когда оно следует после ряда однородных членов; при обособленных членах; при вводных и вставных конструкциях; в бессоюзных сложных предложениях (далее – БСП) с отношениями результата, следствия, условия и др. [Правила..., 2007].

Ориентация на формальные характеристики исследуемых ПЗ позволяет оценить влияние этих характеристик на потенциал их использования. ПЗ представляют собой сегментные единицы письма (графемы). Лишенные сложных смыслов, эти знаки участвуют в организации, членении и интерпретации текста, а их формальные характеристики помогают пространственной организации письменного текста. В соответствии с системно-формальным подходом [Ким, 2019б], формальное устройство пунктуационных знаков выражается в пространственно-кинематических характеристиках, среди которых наиболее значимыми в рамках нашей работы являются одномерность и вертикальность / горизонтальность. Эти формальные характеристики ПЗ могут влиять на их функциональную направленность, прежде всего это влияние на актуальное членение текста, т. е. на отделение значимых отрезков (синтагм) друг от друга, а также деление содержащейся в них информации на менее и более важную (тему и ремю).

В соответствии с описанной в работе [Ким, 2019б, с. 29–38] классификацией, можно кратко определить формальные характеристики для каждого из исследуемых знаков:

- точка с запятой – вертикальный (высокий одномерный), двухкомпонентный ПЗ, направленный вправо, с пробелом справа;
- двоеточие – вертикальный (высокий одномерный), двухкомпонентный ненаправленный ПЗ с пробелом справа;
- тире – широкий одномерный (горизонтальный), однокомпонентный ненаправленный ПЗ среднего уровня типа черты с пробелами с обеих сторон.

Таким образом, данные знаки обладают прекрасными перцептивными качествами в силу того, что они одномерные, в отличие, например, от точки и запятой. Помимо этого, двоеточие и точка с запятой благодаря своему вертикальному расположению (когда положение знака на строке пересекается с линией движения взгляда) обладают большой отделяющей силой – это знаки прерывания. В отличие от них тире характеризуется горизонтальным расположением (т. е. положение знака на строке совпадает с направлением движения взгляда) и поэтому может выполнять функцию соединения (или продолжения), но при этом, в сочетании с двумя пробелами, имеет большую длину и поэтому может выполнять функцию отделения (хоть и с меньшей отделяющей силой) [Ким, 2019б, с. 51]. Таким образом, к выполнению функции отделения двоеточие и точка с запятой приспособлены по своим формальным свойствам в большей степени, чем тире.

Материалы и методы исследования

Для того чтобы понять, насколько интонация прочтения фрагмента текста обуславливается употребленным ПЗ (с учетом его формальных характеристик), был поставлен эксперимент, цель которого заключалась в изучении непрофессионального интонирования ПЗ в графическом тексте как набора интонационных признаков его акустической (речевой) интерпретации. Нами была выдвинута следующая гипотеза: интонационная интерпретация ПЗ статистически обусловлена его формальными характеристиками, из которых наиболее важной является характер ориентации ПЗ: вертикальная или горизонтальная. Предполагалось, что для вертикального знака характерна интонация завершения, т. е. понижение тона на последнем предупредном слоге, а также более выраженная длительная пауза. Для горизонтального знака в этом случае должна быть характерна интонация неконечной синтагмы, т. е. повышение тона на последнем предупредном слоге и менее выраженная пауза или ее отсутствие.

Необходимо отметить, что данное исследование является для нас первым, но важным шагом по изучению соотношения двух систем членения и организации высказывания и текста – пунктуации и интонации. Ставя задачу определения закономерностей интонирования ПЗ, мы ограничивали наше исследование интонации довольно узким участком текста – местом постановки пунктуационного знака и его ближайшей левой окрестностью.

При проектировании и организации эксперимента для нас было важно собрать образцы интонирования непрофессиональных дикторов, чтобы получить представление об обычной практике интонирования ПЗ. С другой стороны, мы не ограничивались узким кругом синтаксических конструкций, стараясь учитывать конструктивно-синтаксическое разнообразие и разную длину контекстов ПЗ.

Материалом для исследования послужили звукозаписи, полученные от 30 информантов¹, каждый из которых произносил вслух предварительно отобранные фразы, содержащие ПЗ: точку с запятой, двоеточие, тире. Перед началом эксперимента (сбор данных, с использованием звукозаписывающего устройства, обработка и анализ полученных результатов) была проведена подготовительная рабо-

---

¹ Информанты: возраст от 18 до 74 лет; 12 мужчин, 18 женщин; представители различных профессий и специальностей, из которых 5 человек – студенты.

та, заключавшаяся в формировании первоначальной выборки. Для этого мы обратились к художественным произведениям русских писателей-классиков XIX–XX вв. Было отобрано 900 фраз из 27 произведений, среди которых 300 обязательно включали точку с запятой, 300 – двоеточие, 300 – тире.

Далее из первоначальной выборки были отобраны 44 фразы, содержащие 62 случая употребления изучаемых ПЗ. Отбор контекстов для эксперимента был осуществлен с учетом синтаксических, семантических и прагматических характеристик контекстов для максимального разнообразия представленных фраз (учитывалась длина контекста в словах, количество ПЗ в предложении), например: *Его полотняное пальто и панталоны были запачканы в грязи; цепкое болотное растение обвивало тулью его старой круглой шляпы; в правой руке он держал небольшой мешок; в мешке шевелилось что-то живое* (И. С. Тургенев. Отцы и дети) – длина 30 слов, 3 вхождения знака точка с запятой, сложное предложение с бессоюзной связью при значительной распространенности его частей; *Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговорились* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка) – 11 слов, одно вхождение знака точка с запятой (в несвойственном для современного употребления случае), сложносочиненное предложение; *Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядеть в окно* (А. С. Пушкин. Пиковая дама) – 12 слов, одно вхождение знака двоеточие в БСП; *Захар любил Обломовку, как кошка свой чердак, лошадь – стойло, собака – конуру, в которой родилась и выросла* (И. А. Гончаров. Обломов) – 16 слов, два вхождения знака тире в неполном предложении на месте пропущенных членов.

Отметим, что фразы не были пронумерованы и располагались на листе в случайном порядке. Информанты произносили вслух фразы, напечатанные на листе бумаги. Запись велась на звукозаписывающее устройство – диктофон. Всего было проведено 1 260 испытаний, давших материал для компьютерной обработки данных (за единицу измерения бралось чтение одного контекста одним информантом). Необходимо отметить, что в рамках исследования мы рассматривали не предложения, а более узкие контексты употребления пунктуационных знаков, часто образующие синтаксические конструкции внутри фразы. Исследовалась узкая область аудиозаписи, связанная с левой окрестностью конкретных пунктуационных знаков (точка с запятой, двоеточие, тире). Поэтому при описании полученных данных и подсчете результатов для нас наиболее важными оказались два параметра: характер движения тона в левой окрестности пунктуационного знака и величина ² паузы в месте его расположения.

Для анализа полученного материала звукозаписей использовались различные методы, среди которых наиболее важным был инструментальный, включающий автоматическую обработку акустических данных с помощью таких средств, как Audacity ³ (свободный многоплатформенный аудиоредактор звуковых файлов, ориентированный на работу с несколькими дорожками) и Praat ⁴ (свободный программный комплекс для анализа речи в фонетике). Индивидуальный аудиофайл каждого информанта сначала подвергался в Audacity разбивке на отдельные сег-

---

² Нулевая величина паузы характеризует ее отсутствие. Таким образом, параметр величины отражает два признака: наличие или отсутствие паузы и, при наличии, ее величину.

³ <https://www.audacityteam.org/> (дата обращения 23.06.2024).

⁴ <http://www.praat.org/> (дата обращения 23.06.2024).

менты – звуковые файлы, соответствующие количеству прочитанных фраз. Далее производилась разметка отдельно для каждой фразы: в Praat создавались специальные разметочные файлы формата textgrid, которые нужно было точно соотнести по времени с границами слов и пауз.

Результаты исследования

Проанализировав полученные данные, мы можем говорить о зависимости характера движения тона на границе ПЗ (в его левой окрестности) и синтаксической конструкции. На представленных ниже рисунках показаны примеры, подтверждающие этот тезис и демонстрирующие такую зависимость. Так, на рис. 1 наблюдается отчетливое понижение тона в границах ПЗ точка с запятой в сложно-сочиненном предложении. А в следующем примере, представленном на рис. 2, отмечается повышение тона на границе ПЗ тире, соединяющего два члена предложения. Для двоеточия характерно понижение тона в контекстах, представляющих БСП (рис. 3).

Суммируя все данные, полученные в процессе работы над акустическим материалом, можно сделать следующие выводы по каждому из рассматриваемых ПЗ. В предложениях с точкой с запятой отчетливо прослеживается абсолютное и слабо различающееся в зависимости от типа конструкции преобладание понижения тона во всех фразах (см. таблицу). Среднее квадратичное отклонение по каждому типу движения тона не превышает 1 %. Это говорит о том, что характер движения тона при интонировании точки с запятой практически не зависит от синтаксической конструкции.

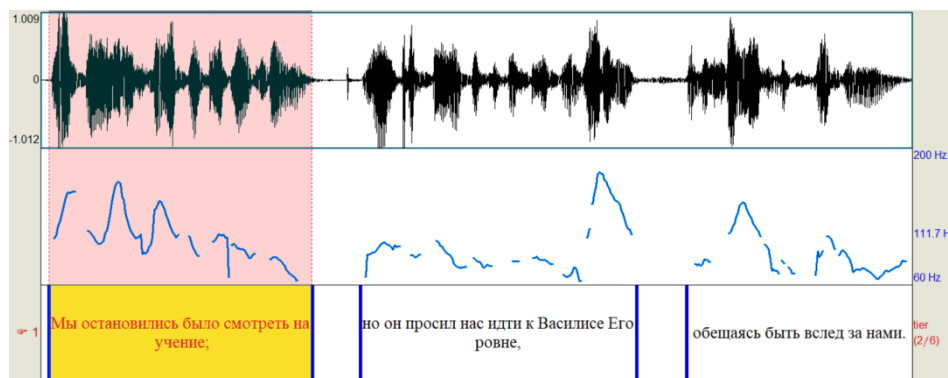

Рис. 1. Разметка в Praat аудиозаписи чтения информантом И8 фразы К8:

«Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами»

Fig. 1. Praat annotation of the audio recording of Informant I8 reading Phrase K8: “My ustanovilis’ bylo smotret’ na uchenie; no on prosil nas idti k Vasilise Egorovne, obeshchayas’ byt’ vsled za nami” (“We stopped to watch the training; but he asked us to go to Vasilisa Egorovna, promising to join us shortly”)

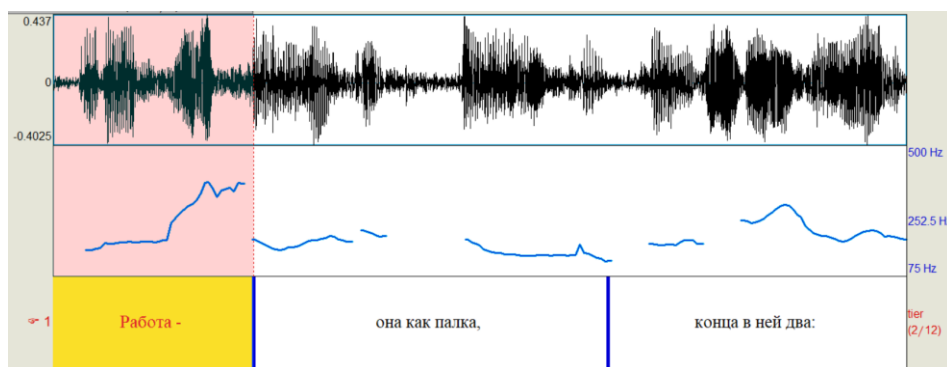

Рис. 2. Разметка в Praat аудиозаписи чтения информантом И13 фразы K40:
«Работа – она как палка, конца в ней два: для людей делаешь –
качество дай, для начальника делаешь – дай показуху»

Fig. 2. Praat annotation of the audio recording of Informant I13 reading Phrase K40:
“Rabota – ona kak palka, kontsa v ney dva: dlya lyudey delaesh’ – kachestvo day,
dlya nachal’nika delaesh’ – day pokazukhu” (“Work is like a stick – it has two ends:
if you do it for people, aim for quality; if you do it for the boss, aim for show”)

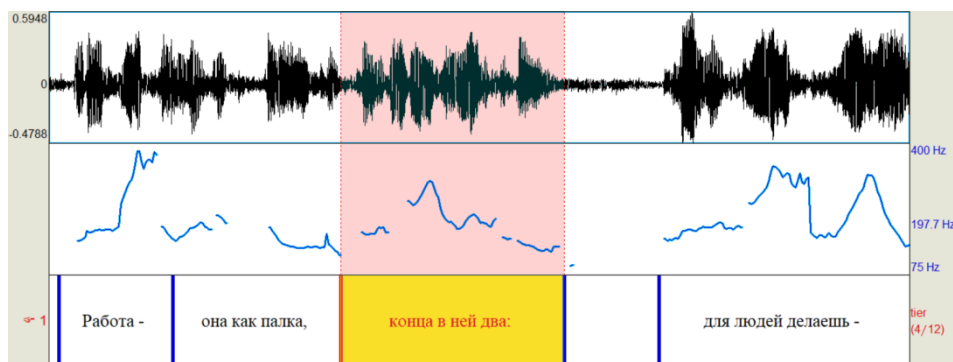

Рис. 3. Разметка в Praat аудиозаписи чтения информантом И26 фразы K40:
«Работа – она как палка, конца в ней два: для людей делаешь –
качество дай, для начальника делаешь – дай показуху»

Fig. 3. Praat annotation of the audio recording of Informant I26 reading Phrase K40:
“Rabota – ona kak palka, kontsa v ney dva: dlya lyudey delaesh’ – kachestvo day,
dlya nachal’nika delaesh’ – day pokazukhu” (“Work is like a stick – it has two ends:
if you do it for people, aim for quality; if you do it for the boss, aim for show”)

При произнесении информантами контекстов с двоеточием не наблюдается яркой зависимости характера движения тона от синтаксической конструкции (см. таблицу).

Однако, как видно из таблицы, тире представляет наиболее конструктивно-зависимый знак: в части конструкций превалирует повышение тона, а в других, напротив, заметно преимущество понижения тона.

Особенности характера движения тона
в различных типах конструкций, содержащих ПЗ, %
Features of the tone movement
within diverse constructions incorporating the semicolon, %

Конструкция	Движение тона		
	повышение	понижение	ровный
Точка с запятой			
Сложноподчиненное предложение	11,4	85,7	2,9
БСП со значением перечисления	12,6	85,1	2,3
Предложение с однородными членами	13,9	84,1	2,0
Сложносочиненное предложение	12,7	83,8	3,5
В общем по выборке	12,7	84,7	2,6
Среднее квадратичное отклонение	1,0	0,9	0,7
Двоеточие			
Предложение с однородными членами с обобщающим словом	8,0	89,9	2,2
БСП со значением пояснения	8,4	88,4	3,2
БСП со значением изъяснения	10,5	87,2	2,3
БСП со значением уточнения	14,0	85,0	1,0
БСП с вопросительно-зависимой частью	2,4	78,6	19,0
Предложения с однородными членами без обобщающего слова	13,3	73,3	13,3
БСП со значением причины	30,2	63,6	6,2
В общем по выборке	12,9	82,9	4,2
Среднее квадратичное отклонение	8,8	9,6	6,8
Тире			
Эллипсис	90,9	0,0	9,1
БСП со значением изъяснения	75,8	24,2	0,0
БСП со значением следствия	62,5	28,1	9,4
Предложение с тире между членами (подлежащее – сказуемое)	57,8	35,6	6,7
БСП со значением условия	55,1	31,9	13,0
Предложение с обособленными определениями	52,5	23,7	23,7
Предложение с однородными членами с обобщающим словом	44,7	35,3	20,0
Предложение с вводными конструкциями / вставками	44,0	48,4	7,6
Тема – рема	33,3	61,9	4,8
БСП со значением пояснения	23,8	52,4	23,8
БСП со значением причины	0,0	54,7	45,3
В общем по выборке	43,7	40,3	16
Среднее квадратичное отклонение	23,6	16,9	12,2

Таким образом, для точки с запятой и двоеточия характерно понижение тона на последнем ударном слоге (в 79,1 и 78,5 % случаев соответственно), для тире полученные данные демонстрируют характерное повышение тона в 55 % случаев (рис. 4).

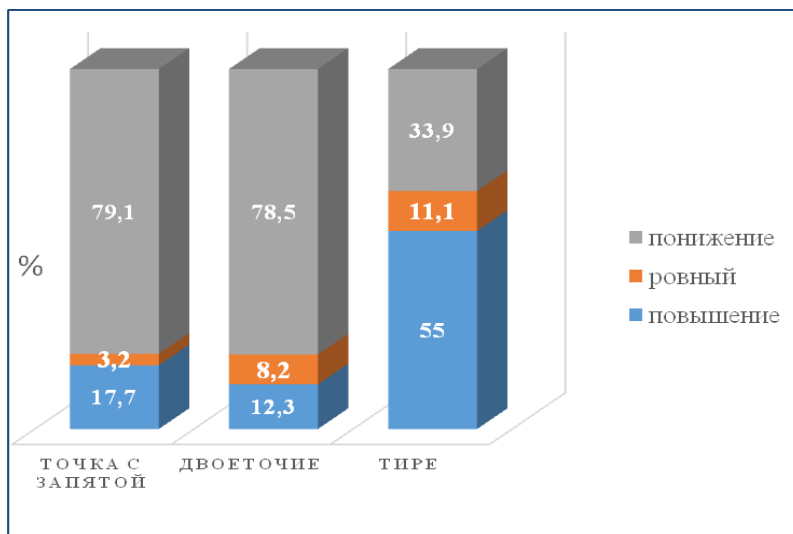

Рис. 4. Движение тона на границе ПЗ
Fig. 4. Tone movement at the punctuation mark boundary

Отсутствие движения тона наблюдается в незначительном количестве случаев: 3,2 % – у точки с запятой, 8,2 % – у двоеточия, 11,1 % – у тире. Эти данные убедительно доказывают, что ровный тон характеризует интонацию в меньшей степени, тогда как более ярким является соотношение понижения и повышения тона.

Таким образом, сопоставление данных по движению тона показывает, что для точки с запятой и двоеточия характерно выраженное понижение тона (почти в 80 % контекстов), что соответствует нашей гипотезе о понижении тона перед вертикальным знаком, пересекающим линию движения взгляда по строке, в то время как движение тона перед тире показывает его амбивалентность, с одной стороны, как горизонтального знака, а с другой – как знака, характеризующегося большой протяженностью с учетом двух пробелов, отделяющих его от левого и правого контекстов. Статистически повышение тона превалирует, но его преимущество над понижением и ровным тоном (55 / 34 / 11 %) не является подавляющим. Кроме того, можно отметить, что точка с запятой характеризуется выраженным движением тона, понижением или повышением, в то время как двоеточие и тире допускают большое количество недифференцированных отношений между разделяемыми синтагмами, выражающихся в значении независимости и незавершенности левой синтагмы [Иванова-Лукиянова, 2002]. Е. А. Брызгунова определяет синтагму как минимальный отрезок речевой цепи в объеме целого высказывания или его части. Количество синтагматических ударений, с ее точки зрения, соответствует количеству синтагм в высказывании. Вместе с тем интонация не только членит высказывания на синтагмы, но и осуществляет их

связь, создавая целостность высказывания. Синтагмы с разными интонациями, объединяясь друг с другом, образуют фразы [Брызгунова, 1980].

При анализе длины паузы для каждого пунктуационного знака было обнаружено, что средняя длина паузы при интонировании окрестностей точки с запятой составляет 0,38 с, двоеточия – 0,25 с, тире – 0,17 с. Максимальная величина паузы достигает 2,6 с. для точки с запятой в следующем примере: *Прежде он, не дослушав слов собеседницы, ушел; теперь он остановил своим разговором собеседницу, которой нужно было от него уйти* (Л. Н. Толстой. Война и мир). Среди контекстов, содержащих пунктуационный знак двоеточие, максимальная пауза составила 2,2 с: *Притом, я уверен, ты не мог сделать дурной выбор; если ты позволил ей жить с тобой под одною кровлей, стало быть она это заслуживает: во всяком случае, сын отцу не судья, и в особенности я, и в особенности такому отцу, который, как ты, никогда и ни в чем не стеснял моей свободы* (И. С. Тургенев. Отцы и дети). Для тире этот показатель равен 1,8 с: *Директор балагана достал откуда-то белый бумажный круг – дрессированные собаки в цирке прыгают через такие круги* (Ю. К. Олеша. Три толстяка).

Таким образом, выявленные средние показатели величины паузы для каждого исследуемого ПЗ наглядно доказывают, что наибольшая отделяющая сила, выраженная в относительно большой длине паузы, у точки с запятой, меньшая средняя длина паузы и, соответственно, отделяющая сила у двоеточия и существенно меньшая средняя длина паузы и отделяющая сила у тире. Следует также отметить, что не только для тире и двоеточия, но и для точки с запятой, интонирование которой максимально предсказуемо, обнаружен существенный разброс в длине паузы и в характере движения тона от понижения до повышения.

Что же касается второго параметра – характера движения тона в левой окрестности пунктуационного знака, можно сделать следующий вывод: есть противопоставление вертикальных знаков (двоеточие и точка с запятой), показывающих приблизительно одинаковую величину понижения тона и его существенное преобладание, и горизонтального знака тире, который показывает преобладание повышения тона. Всё это подтверждает нашу основную гипотезу. Однако следует учитывать, что имеется влияние частных факторов, а именно: синтаксической конструкции, длины фразы, одиночности / парности знака препинания.

Следовательно, особенности интонационного отражения контекста с ПЗ имеют вероятностный характер, т. е. существует разнообразие интонирования. А это означает, что не существует жесткой зависимости интонации от употребленного пунктуационного знака.

Таким образом, экспериментальным путем удалось определить один из моментов соотношения пунктуационного оформления текстовых единиц и интонационной интерпретации, связанный с ориентацией ПЗ в поле графического знака. В результате были получены новые данные о влиянии количественных и синтаксических параметров контекста на интонационную интерпретацию ПЗ.

Для разных знаков по-разному проявляется значимость конструкции, которую они оформляют. Точка с запятой почти безразлична к типу конструкции; двоеточие показывает контраст в длине паузы, но почти не проявляет различие в характере движения тона. Наиболее вариативным оказывается тире, для которого конструкция во многом определяет и среднюю длину паузы, и характер движения тона.

Заключение

Наши данные показали, что при чтении письменного текста (фраз) обычным непрофессиональным диктором можно обнаружить лишь общие закономерности в интонировании вертикальных и горизонтальных знаков, при этом наблюдается значительное разнообразие в интонировании фраз. Реальные интонационные варианты при чтении, т. е. переводе из письменной репрезентативной формы языка в устную, особенно у неподготовленных дикторов, не обязательно соответствуют умозрительно унифицированным параметрам интонации. Это выражается в большом диапазоне длины паузы на месте ПЗ, в разном характере движения тона в левой окрестности. При этом статистически и длина паузы, и характер движения тона зависят от такого параметра, как вертикальность / горизонтальность ПЗ, т. е. от одной из важнейших его системно-формальных характеристик. Можно предположить, что при чтении, включающем помимо общелингвистических операций, таких как конструктивный, семантический анализ и актуальное членение, еще и внутреннюю или внешнюю речь, каждый читатель опирается на свои внутренние установки, когда видит перед собой текст, который нужно / необходимо / желательно прочитать, и интуитивно, в соответствии со своими произносительными привычками и навыками, а также навыками выразительного и практического чтения, производит интонирование отрезка текста.

Итак, на основании вышеизложенных фактов можно сделать вывод, что формальные характеристики ПЗ могут влиять не только на их функции в тексте, прежде всего на членение, формально-синтаксическое и коммуникативное, в том числе актуальное. Интуитивное, непрофессиональное чтение позволяет интонации следовать за направлением взгляда и учитывать визуальный характер препятствий, формируемых вертикальными двоеточием и точкой с запятой и горизонтальным тире, что статистически проявляется в характере движения тона и количественной характеристике паузы.

Так как наше исследование является лишь первым шагом в изучении соотношения пунктуации и интонации и имеет хорошие перспективы для продолжения, то предполагается, что в дальнейшем будет расширен не только состав анализируемых ПЗ, но и текстовое пространство анализа, с выходом за пределы ближайшей левой окрестности. Мы рассчитываем на большую вовлеченность информантов в проведение эксперимента, что позволит нам сопоставлять данные по разным знакам препинания у одних и тех же лиц. Предполагается также, что в дальнейшем будут учтены формальные и семантические характеристики контекстов ПЗ, в частности порядка следования частей синтаксической конструкции, темпа речи и влияния текстовых фрагментов большей длины, например, чтения фразы в составе абзаца или текста.

Список литературы

- Амирова Т. А.* Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка / Отв. ред. В. М. Солнцев. М.: Наука, 1985. 284 с.
- Брызгунова Е. А.* Интонация // Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 96–122.
- Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М., 2004. 259 с.

Друговойко-Должанская С. В., Попов М. Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация. Терминологический словарь. СПб., 2019. 190 с.

Иванова-Лукьянова Г. Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2002. 200 с.

Ким И. Е. Современная русская пунктуация как знаковая система // Критика и семиотика. 2019а. № 2. С. 302–318.

Ким И. Е. Теория русской пунктуации: пространство знака и пространство текста. Новосибирск: НГУ, 2019б. 120 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. Ч. 1. 141 с.

References

Amirova T. A. *Funktsional'naya vzaimosvyaz' pis'mennogo i zvukovogo yazyka* [Functional relationship between written and sound language]. V. M. Solntsev (Ed.). Moscow, Nauka, 1985, 284 p.

Bryzgunova E. A. Intonatsiya [Intonation]. In: *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka, 1980, vol. 1, pp. 96–122.

Drugoveiko-Dolzhanskaya S. V., Popov M. B. *Sovremennoe russkoe pis'mo: grafika, orfografiya, punktuatsiya. Terminologicheskii slovar'* [Modern Russian writing: graphics, spelling, punctuation. Terminological dictionary]. St. Petersburg, 2019, 190 p.

Ivanova-Luk'yanova G. N. *Kul'tura ustnoy rechi: intonatsiya, pauzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm: Ucheb. posobie* [Oral speech culture: intonation, pausing, logical stress, tempo, rhythm: Textbook]. 4th ed. Moscow, Flinta, Nauka, 2002, 200 p.

Kim I. E. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya kak znakovaya sistema* [Russian punctuation as a sign system]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2019, no. 2, pp. 302–318.

Kim I. E. *Teoriya russkoy punktuatsii: prostranstvo znaka i prostranstvo teksta* [The theory of Russian punctuation: space of a sign and space of a text]. Novosibirsk, NSU, 2019, 120 p.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskii spravochnik [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference]. V. V. Lopatin (Ed.). Moscow, Eksmo, 2007, 480 p.

Stepanov G. V. *Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situatsiy v stranakh romanskoy rechi* [Typology of linguistic conditions and situations in the countries of Romance speech]. Moscow, Nauka, 1976, pt. 1, 141 p.

Valgina N. S. *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii: Ucheb. posobie* [Current problems of modern Russian punctuation: Textbook]. Moscow, 2004, 259 p.

Информация об авторе

Наталья Михайловна Новикова, аспирант кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Natalya M. Novikova, Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 26.07.2024;
одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 28.11.2024
The article was submitted on 26.07.2024;
approved after reviewing on 28.11.2024; accepted for publication on 28.11.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1: 81'374.4

DOI 10.17223/18137083/92/15

Заметки из истории русской лексики (по материалам «Русского этимологического словаря»)

Александр Евгеньевич Аникин

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Аннотация

Цель статьи состоит в иллюстрировании того, как в «Русском этимологическом словаре» (РЭС) решается важная проблема этимологической лексикографии: противоречие между стремлением к полноте, репрезентативности словарных статей, с одной стороны, и необходимым стремлением к экономности и ограничениям в подаче материала, с другой. Встав на путь достижения максимальной репрезентативности, словарь может дополняться решением других проблем, например описанием соотношения «западного» и «восточного» элементов русской культуры и их отражением в зеркале языка.

Вполне соглашаясь с важностью принципа экономности и ограничений, автор РЭС отдает в своем словаре предпочтение ориентированному на максимальную репрезентативность принципу, который развивал (например, в трудах по древнепрусскому языку) В. Н. Топоров. Обратной стороной ориентации РЭС на полноту является, как и следовало ожидать, разрастание объема и сроков написания словаря.

Названные и некоторые другие проблемы затрагиваются ниже в трех разделах, посвященных нескольким словам (известным в великорусских и сибирских говорах, отчасти и в литературном языке) – названиям плавательных средств *кайк* и *каюк*, полуфантастической птицы *иногъ*, а также слову *казик* в разных его значениях.

Ключевые слова

Русский этимологический словарь, принципы подготовки словаря, репрезентативность и ограничения, диалектная лексика, литературная лексика

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Русский язык и фольклор Сибири в историко-культурном аспекте»

Для цитирования

Аникин А. Е. Заметки из истории русской лексики (по материалам «Русского этимологического словаря») // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 225–238. DOI 10.17223/18137083/92/15

© Аникин А. Е., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 225–238
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 225–238

Notes from the history of the Russian vocabulary (a case study of the Russian Etymological Dictionary)

Alexander E. Anikin

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation
alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Abstract

This paper demonstrates how the Russian Etymological Dictionary (RES) addresses a key challenge in etymological lexicography: the reconciliation of thorough and representative entries with the demands of brevity and efficient presentation. In pursuit of comprehensive representation, the scope of the dictionary could be expanded to encompass the correlation between Western and Eastern elements within Russian culture and their linguistic reflection. Acknowledging the importance of parsimony and inherent limitations, the author of the RES gives precedence to the principle of maximum representativeness, exemplified by the research on the Old Prussian language conducted by V. N. Toporov. It was recommended that lexical coverage be maximized, foregoing the limitation of vocabulary to literary sources. Following the recommendation, the RES employs both lexical and textual materials extensively. A consequence of this orientation toward completeness is the resultant expansion in the scope and duration of dictionary development. The paper analyzes the aforementioned and related problems in three sections. The focus is on the etymology and semantics of various terms found in Great Russian and Siberian dialects, as well as some literary works. These terms include the watercraft designations *kaúk* and *kayúk*, the semi-mythical bird *inog*, and the word *kazák* with its diverse meanings.

Keywords

Russian Etymological Dictionary, principles of preparation dictionary, representativeness and limitations, dialectal vocabular, literary vocabular

Acknowledgments

The study was conducted within the framework of the project of the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, “Russian language and folklore of Siberia in the historical and cultural aspect”

For citation

Anikin A. E. Notes from the history of the Russian vocabulary (a case study of the Russian Etymological Dictionary). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 225–238. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/15

Около 20 лет назад началась подготовка, а с 2007 г. – издание «Русского этимологического словаря» (РЭС), который мыслится его автором как обширное дополнение к известному словарю М. Фасмера. Цель предлагаемой статьи состоит в иллюстрировании того, как в РЭС решается важная проблема этимологической лексикографии: противоречие между стремлением к информационной полноте (репрезентативности) словарных статей при этимологизации слов и описании их истории, с одной стороны, и, с другой – стремлением к характерной для этимологических словарей экономности в подаче материала и связанным с этим разного рода ограничениям, без которых этимологический словарь может критически разрастись. В связи с принципом полноты уместно привести одну из удачных формулировок задач этимологии: «определение координат разных систем (фонологической, словообразовательной, лексической, семантической, поэтической и т. п.),

пересечение которых порождает данное слово, и определение последующей траектории слова» [Топоров, 1960, с. 49]. Решение такой задачи может дополняться в этимологическом словаре решением других немаловажных задач – не в последнюю очередь задачи описания, через этимологию слов, отношения «западного» и «восточного» элементов русской культуры и их отражения в языке, что создает возможность синтетического описания этих элементов (В. Н. Топоров, см. [Аникин, 2016, с. 237]). Следует напомнить, что русский язык с давних пор выполняет активную роль посредника, промежуточного звена при распространении миграционных терминов между Западом и Востоком [Хелимский, 2002]. Важно напомнить, В. Н. Топоров рекомендовал не ограничивать словник лексикой литературного языка, но отдавать должное и лексике диалектной [Аникин, 2016, с. 237].

Стремление к экономности и ограничениям можно проиллюстрировать тезисом Ф. Копечного по поводу создания этимологических словарей: «In der Beschränkung zeigt sich der Meister¹» ‘мастер проявляет себя в ограничении’, который сочувственно цитировал О. Н. Трубачев [1978, с. 5–6]. Вполне соглашаясь с важностью данного принципа, автор РЭС все же отдает в своем словаре приоритет ориентированному на принцип полноты подходу, который развивал и теоретически, и практически (например, в трудах по древнеперсидскому языку) В. Н. Топоров. Важным ориентиром при создании РЭС служит труд Г. Дёрфера (Doerfer) о тюркских и монгольских заимствованиях в персидском, в котором основной материал подается на фоне демонстрации диффузии этих заимствований в языки Евразии.

Обратной стороной ориентации РЭС на полноту изложения является, как и следовало ожидать, разрастание объема и сроков написания словаря, на что указала А. В. Дыбо в замечании по поводу РЭС: «Идеология словаря, по-моему, совершенно правильная. Жаль только, что он вряд ли скоро будет закончен и предоставлен читателям» (см. (РЭС, вып. 2, с. 324)).

Приводимый ниже конкретный материал, почерпнутый из рукописных 19-го и 20-го выпусков РЭС (лексика на и- и к-), может проиллюстрировать также освещение в РЭС таких тем, как соотношение лексики книжного (книжно-церковного) и народного языка и отражение исторических процессов русской колонизации обширных пространств Севера и Сибири в языке. Ниже приводятся три лексикологических заметки на основании соответствующих статей РЭС.

Кайк и кайок

В словаре М. Фасмера есть статья, посвященная тюркизмам *кайк*, *кайок* ‘грузовая баржа (речная)’ сев.-рус., ‘лодка-однодеревка’ южн., *каючка* ‘лодка на малых реках’ сиб. (Даль, т. 2, с. 77). Они даются, по существу, как варианты одной лексемы (Фасмер, т. 2, с. 161). Необходимо уточнить недифференцированный у Фасмера статус данных слов в русском языке, опираясь на более полный материал.

В отношении первой формы можно сказать, что она в целом не свойственна диалектной речи. Диалектизмами являются рус. *каичка* ‘лодка’, *кайка* ‘маленькая лодка’ дон. (СРНГ, вып. 12, с. 323). Как правило, *каик*, *кайка* (*каика*) имеют значение ‘небольшое узкое и длинное гребное (редко парусное) судно’, принадлежат литературному языку и часто относятся к описанию реалий старого турецкого или

---

¹ In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister (J. W. Goethe).

арабского быта², в особенности в Константинополе (Стамбуле)³. Лексема появляется в русских текстах в XIX в. (возможно, и несколько ранее), ср. примеры из числа более ранних: ...*сели мы в Каику и отправились в Станко <...> были принуждены плыть на веслах, которыми сии Каики всегда снабдены* (1804 г.)⁴; ...*мы наняли «каикъ» (особаго устройства узенький, длинноносый яликъ) и погъхали кататься по Босфору* (1835 г.)⁵. Известны и поэтические фиксации, например, у П. Вяземского (в стихах о Босфоре): *Вот снуют здесь и там – против волн, по волнам, / Челноки, каики вереницей проворной* (1849 г.) (см. НКРЯ).

Очевидно, что рассматриваемое слово (которое широко известно в Евразии и может быть определено как бродячее) заимствовано из осм.-тур. *kajuk* (*kaıık*) ‘лодка на веслах или под парусом’ (родственно др.-тюрк. *qajıuk*, *qajıık* ‘лодка, челн’, тат. *каек* (*qajıq*), татЗС *кәйүк* ‘большая лодка’ и т. п.)⁶, откуда происходят также болг. уст., диал. *кайк* ‘лодка’, с.-хорв. *kàik* ‘большая лодка, баркас’, ст.-польск. *kaik* ‘длинная узкая лодка с веслами’, алб. *kajik*, новогреч. *кайкі*, рум. *saic*, а также перс. *qāyiq* (*qaiq*) ‘лодка’, араб. *qāyiq* ‘барка’, итал. *saicco* ‘вид барки’ и проч. (из литературы см. (Фасмер, т. 2, с. 161; Stachowski, 2014, s. 278)). Из того же тюркского источника рус. *кайка* ‘лодка в южных морях; шлюпка на галерах, военных судах’ (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 21).

Иначе обстоит дело со словом *каю́к*, некогда широко известным в народно-диалектной речи в качестве названия плавательных средств⁷, как можно судить по словарю В. И. Даля: *каю́к* ‘речное грузовое судно, род полубарки с крышей, загнутым носом и каюткою’. Основные разновидности каюка (по месту и грузоподъемности) – печорский, архангельский, волжский, камский (Даль, т. 2, с. 77). Сюда следует добавить *каю́к* ‘две лодки, скрепленные настилом (для перевозки сена)’ свердл., *каю́чка* ‘лодка на небольших реках’ сиб., *каючо́к* ‘небольшой челн’ южн., ‘небольшая лодка с каюткой’ обск. (СРНГ, вып. 13, с. 155, 156).

Каюк засвидетельствовано в русском языке намного ранее, чем *каик*. Из старших фиксаций можно указать: *каюк* ‘большая, обычно крытая лодка на северных реках’ (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 21), *каюкъ* ‘лодка, челн из ствола дерева’ (первая половина XVII в.), ‘морское или речное судно’: *Салтанъ Силенъби прислал... въ Азовъ... три каюки, а на каюкахъ... по осмидесяти человекъ* (1521 г.), ‘выдолбленное из дерева корыто’ (вторая половина XVII в.) (СлРЯ XI–XVII, вып. 7,

² Из других примеров этого рода можно указать на слова и выражения *кайф*, -а ‘эйфория (от вина, курения, особенно от наркотика)’, ‘благодать’, ‘расслабленное блаженное состояние, приятное безделье’, *ловить кайф* ‘получать наслаждение’, *кайфовать* ‘предаться кайфу’, ранее (XIX в.) *кейф*, *кейфовать* < осм.-тур. *keuf* (совр. тур. *keyif*, разг. *kef*) ‘хорошее настроение, веселость’, ‘опьянение (от алкоголя), одурение’ < араб. *kaif* (كايڤ) ‘состояние, положение’, ‘жизнерадостное настроение, здоровье’, ‘юмор’, ‘удовольствие’ [Дмитриев, 1958, с. 26] (см. также (Фасмер, т. 2, с. 221)). Любовь к кейфу-кайфу, блаженному безделью с курением отмечалась как особенность старого турецкого быта.

³ Слово *каик* скорее не заимствование (Lehnwort) как таковое, а иностранное слово (Fremdwort), см. (Doerfer, Bd. 3, S. 409)).

⁴ Отрывки, содержащие некоторые любопытные подробности о Турции и Египте // Вестник Европы, 1804. Ч. 17, № 20 (см. (НКРЯ)).

⁵ *Смирнов В. Д.* Турецкая цивилизация, ее школы, софта, библиотеки, книжное дело (2) // Вестник Европы. 1876. № 9 (см. (НКРЯ)).

⁶ Тюркское слово правдоподобно объясняется как производное от *qaj-* ‘скользящий’ (Doerfer, Bd. 3, S. 409).

⁷ *Каюк* известно и в литературном языке: слово встречается у Л. Толстого, П. Мельникова-Печерского, К. Случевского, А. Серафимовича и др. (см. (НКРЯ)).

с. 100), (в записях Р. Джемса) *kaiuke* ‘грузовое судно’ 1618–1619 гг. [Ларин, 1959, с. 183, 257]. Источник русского слова – тот же тюркский материал, что и в случае с *каик*, но детали не вполне ясны. Можно предположить контаминацию на тюркской почве исходного кр.-тат. и др. *qajıq* ‘лодка, судно’ и чаг. *qajıq* ‘отогнутый назад’ (ср. [Дмитриев, 1958, с. 26]). Допущение тюрк. *qajıq как этимона рус. *каюк* нуждается в обосновании.

Значение ‘речное грузовое судно, род полубарки’ у слова *каюк* могло сложиться под влиянием каз.-тат. *kajuk* ‘большая лодка, паром’ (Радлов, т. 2, с. 93). На диффузию слова в Сибири и на камских путях в Сибирь повлияло коми *каюк* ‘крытая грузовая лодка’ [Богородский, Кононов, 1978, с. 117–119], хотя коми слово, скорее всего, из русского, откуда также эвенк. *кајук*, якут. *хајук*, *хајүк* ‘каюк’, *хојук*, *хојүк* (*оһоһо*) ‘большое судно с одним килем, большая речная лодка’, хант. *kájək* ‘большая крытая лодка’ и др. (ЭСРЗ, с. 256; ЭСРДС, с. 278). Интересны нен. *kāyūk* ‘крытая лодка’ и записанное П. С. Палласом эвенк. (Мангазея) *kajūk* ‘судно’ (цит. по: (Doerfer, Bd. 3, S. 409)). Эти русизмы позволяют уточнить географию рус. *каюк*, косвенно подтверждая, в частности, использование каюков в Мангазее, на восточной окраине морского пути русских в Мангазею из устья Северной Двины (Мангазейский морской ход) – в качестве вспомогательного плавательного средства⁸.

Трудно обойти вниманием рус. разг. *каю́к* ‘смерть, конец’ (в литературных текстах фиксируется примерно с начала XX в.), для которого кажется правдоподобным объяснение от более раннего *каюк* ‘лодка-однодеревка (ненадежная)’ с синонимом *душегубка*. Писатель В. С. Толстой в 1880-х гг. писал о плавании в маленьком *каюке*, называемом народом «*душегубкою*» (НКРЯ). Однако есть авторитетная этимология, согласно которой *каю́к* ‘смерть’ возникло из оборота *каюк пришел*, так как в XVII в. на Дону в каюках перевозили убитых [Богородский, Кононов, 1978, с. 117–127].

Иногъ

В ряде переводных русско-церковнославянских памятников фигурирует название полуфантастической птицы, представленное несколькими вариантами в текстах, содержащих, в частности, запреты есть эту птицу и указания на некоторые ее свойства: *иногъ* ‘птица гриф’ (*да не ясте... орла инога* XV в.), *ногъ* ‘то же’ (XIV в.), *А гриппъ зовется ног* (XV в. ~ XII в.), *Ног – грифон есть птица* (XVII в.), *ногуй, нагуй* ‘то же’ (*Сихъ же да не ясте: орла и ногую...* XVI в.), *нагуи: ...нагуи птица емлетъ по лошаде с человека на всякъ день* (1640 г.) (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 238; вып. 11, с. 414, 417). Встречаются также варианты *нага*, *нога*, *ногои*, *ногпота* и др. [Белова, 2000, с. 187]. По поверью, *иногъ* / *ногъ* не имеет самки (Mashek, s. 401), чем напоминает мифический образ единорога, не имеющего пары и возрождающегося из собственного рога. Помимо рус.-цслав. *единорогъ* (РЭС, вып. 15, с. 268) известно *инорогъ*, *инърогъ*, *инрогъ*, *инорожьць* ‘единорог’ (Срз., т. 1, с. 1105, 1109) – сложение *ино-* ‘один’ (ср. рус. *инбй*, *йнок*) и *рогъ*, которое понимается как калька греч. *μονόκερως* ‘однорогой’, сложения *μόνος* ‘один, одинокий’ и производного от *κέρας* ‘рог’ (Фасмер, т. 2, с. 132). Сюда же, вероятно, рус. *индрик* ‘какой-то сказочный зверь в народных песнях и былинах’ (*индрик-*

⁸ Основным средством передвижения по морю (Мангазейский морской ход) были *кочи*, см. [Аникин, 2017].

зверь всем зверям отец, см. (Даль, т. 2, с. 44), *индрикъ* и *индракъ* ‘животное с бивнями; фантастическое животное’ (XVII в.) (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 236) < (?) *индрога* < *инорога*.

Рассматриваемое рус.-цслав. *инога* и под. находит надежные параллели в серб.-цслав. *инегъ*, *инога* ‘гриф’, чеш. *noh* ‘гриф, сказочный зверь (спереди орел, сзади лев)’, польск. уст. (< (?) чеш.) *nóg*, *noga* род. ед. ‘гриф, сказочная птица’. Наиболее вероятным этимологом этих слов является праслав. **jьnogъ* ‘одинокый (дикий) зверь’ (откуда развилось значение ‘сказочный зверь (гриф / лев)’), производное с суффиксом *-огъ*⁹ от **jьнь* ‘один’, ‘другой’, отождествляемым с **-инь* в сложении **edinъ* ‘один’ (вост.-слав. также **odinъ*), вытеснившим **jьнь* в этом значении, ср. рус. *единый*, *один* (РЭС, вып. 15, с. 269). Реконструкция **jьnogъ* поддерживается вероятным родством **jьнь* с лат. *ūnus* ‘один’ (< **oinos*), греч. οἷνῃ ‘очко на игральной кости’ и семантическими параллелями в рус. *кабан одинец* ‘самый крупный и злой, старый кабан-одиночка’ (< **edinъсь*, см. (ЭССЯ, вып. 6, с. 13–14)), греч. μονιός ‘одинок живущий (о диком звере)’, ὁ μονιός ‘живущий одинок кабан’ (Фасмер, т. 2, с. 133–134; ЭССЯ, вып. 8, с. 231). Еще одна подобная параллель – рус.-цслав. *инога diviu* ‘вепрь’ [Белова, 2000, с. 133] показывает, что **jьnogъ* можно рассматривать как вариант **jьnokъ(jь)* ‘одинокый’ (ср. рус. *инок* и проч., см. (ЭССЯ, вып. 8, с. 232–233)), и даже высказано предположение, что суффикс *-огъ* в **jьnogъ* сменил *-окъ* под влиянием праслав. **тъnogъ* ‘многий’ [Vaillant, 1974, p. 497].

Важным рубежом в истории слова *инога* на русской почве стало его распространение из переводных памятников в народно-диалектную речь, где оно вследствие контаминаций и народной этимологии подвергалось дальнейшим изменениям. Благодаря русской колонизации Сибири слово оказалось занесенным на территории «Полярной Руси» (В. Г. Богораз), в том числе на Нижнюю Индигирку и в Колымский край. Из-за постоянного сочетания со словом *птица* (*потка*) рассматриваемое слово допускает понимание как обозначение птицы-самки, что является существенным отступлением от первоначального образа.

Некоторые из соответствующих данных: рус. *Нагай-птица* фольк. [Ларин, 1959, с. 265], *nogui-potka* = *griffin*¹⁰ пск. (1607 г.) (Fenne, p. 47), *Нога-птица* ‘баснословная птица огромной величины’, *Ногой-птица* ‘утесы на склоне сопки Егорьевича носят название гнездо Ногой-птицы’ колым. (Богораз, с. 92), *Нагой-птица*, *Ногой-(п)тица* ‘сказочная птица’ н.-индиг. (ФРУ, с. 197), *мага-птица* ‘сказочная птица’ тоб., *магай* ‘то же’, крестьянское имя *Магай*, *Магаенок* волог. (СРНГ, вып. 17, с. 287, 288). Интересно манс. (Тавда) *takâptitsa* ‘волшебная птица, выносящая героя сказки из подземного царства’, – видимо, из рус. *мага-птица*. Упоминаемая в связи с *takâptitsa* рус. диал. *махая-птица* (также *нахай-птица*) [Liimola, 1971, S. 275–276]; (ЭСРДС, с. 363; ЭСРЗ, с. 346–347) выглядит как плод народной этимологии: *махая*, возможно, объясняет м- в *мага-птица*.

Для *Нагой-птица*, *Ногой-птица* иногда ищут альтернативную этимологию, а именно тюркскую: из тюрк. (< монг.) *noyai* ‘собака’. В качестве типологической параллели привлекаются иранский образ собаки-птицы Симурга или угорский образ Крылатого Карса [Топоров, 1981, с. 147]. Заметное сходство обнаруживается с известными в сказках, духовных стихах и заговорах названиями фантастической птицы *Ноготь-птица*, *Маговей-птица*, *Могут-птица* и др., образы кото-

⁹ Ср. праслав. **rarogъ* ‘вид сокола’, ‘злой дух’ и под.

¹⁰ Форма прямо указывает на птицу-самку грифа, букв. «грифиня».

рой, как предполагается, происходят из «иранско-византийского культурно-языкового круга» (при возможном тюркском посредстве) [Топоров, 1995, с. 167–168]. Ст.-рус. *ногуй*, *нагуй* оформлены, видимо, так же, как праслав. *korgujь ‘хищная птица (коршун, ястреб и др.)’ < тюрк. < иран. (ЭССЯ, вып. 11, с. 68–69), что наталкивает на мысль о подобном происхождении *ногуй*, *нагуй* resp. *jьnogъ [Журавлев, 2005, с. 255–256]. Осторожнее все-таки придерживаться славянской этимологии *иногъ* (не исключая кальки с греч. (ὁ) μόνιός).

Казák

Обратиться к данному слову и некоторым близким к нему (и литературным, и диалектным) побудила необходимость систематизации отношений между разными их значениями с учетом этимологии, о чем и пойдет речь далее:

казák I (*казáки* и *казаки́* мн.) ‘вольный человек из бежавших на реки Дон, Яик и др. крепостных крестьян, холопов, городской бедноты’, ‘человек из военного сословия на окраинах Руси (XV–XVIII вв.), складывавшегося из этих вольных людей’, ‘уроженец войсковых областей (Кубанской, Оренбургской и др.)’ (СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 192), *казák* или *козák* ‘поселенный воин из сословия казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении’ (Даль, т. 2, с. 72), диал. *казák* ‘одинокий свободный человек’, ‘смелый, удалой человек’, ‘эпитет Ильи Муромца в былинах’, ‘наемный человек’ (*идти в казаки́* ‘наниматься в батраки’), ‘конный гонец, рассыльный’, *казаки́* мн. ‘игра горелки’ (СРНГ, вып. 12, с. 306–308), *казакъ* (*козакъ*) (XV–XVII вв.) ‘вольный человек, кочующий с места на место, бродяга’, ‘легковооруженный воин из низшего разряда татарского войска’, ‘батрак’, ‘представитель вольной военной общины’, ‘служилый человек, несущий сторожевую службу по найму’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 15–16), *časakki* ‘гребцы на ладьях’ (1618–1619 гг.) (запись Р. Джемса, см. [Ларин, 1959, с. 197]), *казакъ* ‘(наемный) работник’ (1395 г.) (Срз., т. 1, с. 1173–1174), укр. *козák* ‘в XV–XVIII вв. – вольный человек из панских холопов, бедноты, бежавший на юг Украины и участвовавший в борьбе против турок и поляков’, блр. *казák* ‘казак’, ст.-блр. *козакъ*, *казакъ* (XVI–XVII вв.) ‘легковооруженный воин войск великого Княжества Литовского и Речи Посполитой’, ‘служилый, несущий пограничную службу в Московском государстве’, ‘охранник или курьер при дворе магната’, ст.-польск. (< ст.-укр.) *kozak* ‘разбойник, грабитель’, ‘наёмник’, ‘член воинского сообщества, живущий набегами на турецкие земли’, ‘легковооруженный воин из жителей Украины’, ‘об оседлых татарах в окрестностях Белгорода-Днестровского, Очакова и Запорожья’, ‘слуга на панском дворе, курьер’ (Stachowski, 2014, s. 354–355).

Речь идет об известном тюркизме, ср. каз.-тат., осм.-тур., чаг., кр.-тат. и др. *қазақ* (*qazaq*) ‘вольный, независимый человек, бродяга’ (каз.-тат. *қазақ қіуі* ‘смелый человек, ловкий наездник’, см. (Радлов, т. 2, с. 364–365)), тур. (вост.) *qazaq* ‘бродяга, авантюрист’, осм.-тур. *kazak* ‘казак, воин на польской службе, житель Украины’ (Stachowski, 2014, s. 355–356) < тюрк. *қазақ* ‘человек, отделившийся от своего рода-племени, лишившийся скота и кочевий’, также ‘киргиз’ (т. е. ‘казах’ = казах. *қазақ*, самоназвание¹¹), без достоверной этимологии. Вариант сла-

¹¹ Диалектизм *казаки́* ‘киргизы’ новосиб., дон. (СРНГ, т. 12, с. 308) обозначает казахов (не киргизов как таковых), ср. литер. *казахи*. Исходно тюрк. *қазақ* = *qazaq* обозначало бродягу, отделившегося от своего рода-племени и лишившегося имущества. С XV–XVI вв.

вянского слова с *о* (*козак*) не раз встречается в тюркизмах, ср. *таракан – тороканъ* и под. [Добродомов, 1970, с. 97–98].

Из тюркских языков происходят также перс. *qazāq* ‘бродяга, разбойник; наёмник’ (отсюда афг. *qazzāq*, урду *qazzāq* ‘разбойник, флибустьер’), калм. *χas^βG kōwīn* ‘холостяк’, осет. *qazaq(q)* ‘казаки’ и др. (Фасмер, т. 2, с. 158; Doerfer, Bd. 3, S. 462–468; ЭСБМ, вып. 4, с. 58–59; ЭСРДС, с. 232–233).

Казаки в Российской империи с XVIII в. стали военизированным сословием с привилегиями от власти. Необходимость различать это сословие от казаков-«инородцев» (киргизов, т. е. казахов) привела к появлению названий *киргиз-казаки*, *кайсаки*, *киргиз-кайсаки*, *киргиз-касаки*, *киргиз* и *кайсак* и под., с йотацией открытого слога в *кайсак*; после 1936 г. закрепилось название *казáх* [Благова, 1970, с. 143–159]; (Doerfer, Bd. 3, S. 468), ср. *Казахста́н* – казах. *Қазақста́н*.

Из русского языка слово *казáк* многократно заимствовалось в другие языки, в том числе в языки Сибири, где часто приобретало значение ‘русский’¹², так как первые русские пришельцы зачастую были казаками. Из числа соответствующих русизмов можно привести сельк. (Таз) *kazak*, (запись А. Кастрена) *kásak*, *kassak* ‘русский’, тел., леб., алт. *qazaq* ‘русский’ (первые русские на Алтае были казаки)¹³, хак. *хазах* (*хазах кизи*) ‘русский’¹⁴, тоф. *qahaq* ‘казак’, якут. *kasāk*, *hasāk*, *hasāx* ‘русский казак (в укорительном смысле и иронически)’, бур. *хасаг*, *хahaг* ‘казак’, ‘воин бурятских казачьих полков в XVIII–XIX вв.’ (ЭСРЗ, с. 228–230). Сюда же эск. (Аляска) *касак* ‘русский человек, священник; чужой человек’, (после продажи Аляски США и прихода американцев, с 1867 г.) ‘американец’, *касаник* ‘русский’, букв. ‘настоящий казак’, ср. *-ник* ‘настоящий, истинный’. Из русского также фин. *kasakka* ‘казак’, ‘поденщик’, карел. *kasakka* и др. [Мызников, 2019, с. 222–223], коми *казак* ‘батрак’, болг. *казáк* ‘русский кавалерист’, разг. ‘русский воин’. Ср. чеш., слвц. *kozák* < укр. [Machek, s. 287], франц. (< польск. < укр.) *cosaque*, откуда англ. *cossack*.

казáк II ‘самец животных и птиц’, ‘кабан, боров’, ‘вепрь’, ‘лось-самец’, ‘самец моржа, белухи и под.’, ‘рыба-самец’, ‘лосось’, ‘птица лапландский подорожник’, *казачиха* ‘самка морских зверей’, *казачок* ‘поросенок-самец, самец свиньи’, ‘самец кабарги’, ‘самец куропатки’, ‘дикий селезень’ диал. (преимущественно сев., сиб. (СРНГ, вып. 12, с. 307–308, 315–316; Даль, т. 2, с. 73)), *казак* (*коз-*) ‘жук-плавунец’ (СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 193), укр. диал. *козák* ‘черный таракан’.

стало выступать как этноним, применявшийся к скотоводческим общинам, отделившимся от Узбекского ханства Абулхайра. Возникшее Казахское ханство называлось в русских источниках *Казацкая орда*, *Казачья орда*, *Киргис-Кайсацкая орда* (https://ru.wikipedia.org/wiki/Казахское_ханство), что отразилось у Г. Державина в «Фелице»: ...царевна *Киргиз-Кайсацкия орды* 1782 г.). Самоназвание казахов *қазақ* (в русском литературном языке с конечным -х) было официально восстановлено в 1925 г. [Благова, 1970, с. 154]; (ЭСРДС, с. 233–234).

¹² Название русских типа «казак» стало их четвертым основным названием в языках Сибири и (ранее) в языках на путях в Сибирь через Урал. Три других основных типа этнонимов этого рода, усвоенных из рус. Русь: 1) тюрк. *орус*, *урус* (> бур. *ород*), 2) коми *роч* (> манс. *русь*, хант. *руть*, сельк. *рушь*), 3) др.-нен. *луотса* (> эвенк. *лууца* > якут. *нуучча* и др.), см. [Хелимский, 2000, с. 352].

¹³ Приведенные тюркские слова М. Ряснен русизмами не считает (VEWT, S. 243).

¹⁴ Ср. хакас. *хазах хомызы* ‘балалайка’, букв. ‘русский хомыс’, *хазах хурты* ‘блоха’. Калькой-заимствованием последнего может быть матор. (запись Г. Спасского) *казактога* ‘блоха’ (ЭСРЗ, с. 230).

Вероятно, метафора от *казák* I, что можно подтвердить аналогиями в рус. диал. *мужичóк* ‘самец диких животных и птиц’ от *мужíк* (ЭСРДС, с. 233) или коми *кыр* ‘самец, о зверях’ < уральск. **koj(e)-ra* ‘самец’ от **koje* ‘человек, мужчина’ (UEW, S. 168–169; ЭСРЗ, с. 229). В отношении жука-плавунца, таракана уместно вспомнить перенос на таракана этнонимов типа *прусак*, укр. диал. *шваб*, *москаль*.

Список сокращений названий языков, диалектов и грамматических терминов

алб. – албанский, алт. – алтайский, англ. – английский, араб. – арабский, афг. – афганский, блр. – белорусский, болг. – болгарский, бур. – бурятский, волог. – вологодский, вост. – восточный, вост.-слав. – восточнославянский, греч. – греческий, диал. – диалектный, дон. – донской, др.-нен. – древнененецкий, др.-тюрк. – древнетюркский, иран. – иранский, итал. – итальянский, казах. – казахский, каз.-тат. – казанско-татарский, калм. – калмыцкий, карел. – карельский, колым. – колымский, кр.-тат. – крымско-татарский, лат. – латинский, леб. – лебединский, литер. – литературный, манс. – мансийский, матор. – маторский, монг. – монгольский, нен. – ненецкий, н.-индиг. – нижеиндигирский, новогреч. – новогреческий, новосиб. – новосибирский; обск. – обской, осет. – осетинский, осм.-тур. – османотурецкий, перс. – персидский, польск. – польский, праслав. – праславянский, пск. – псковский, разг. – разговорный, рум. – румынский, рус. – русский, рус.-цслав. – русско-церковнославянский, свердл. – свердловский, сев. – северный, сев.-рус. – севернорусский, сельк. – селькупский, серб.-цслав. – сербско-церковнославянский, сиб. – сибирский, слвц. – словацкий, совр. – современный, ст.-блр. – старобелорусский, ст.-польск. – старопольский, ст.-рус. – старорусский, ст.-укр. – староукраинский, с.-хорв. – сербохорватский, тат. – татарский, татЗС – западносибирских татар, тел. – телеутский, тоб. – тобольский, тур. – турецкий, тюрк. – тюркский, хак. – хакаский, тоф. – тофаларский, укр. – украинский, уральск. – уральский, уст. – устарелый, фин. – финский, фольк. – фольклорный, франц. – французский, хак. – хакаский, хант. – хантыйский, чаг. – чагатайский, чеш. – чешский, южн. – южный, эвенк. – эвенкийский, эск. – эскимосский, якут. – якутский

Список литературы

- Аникин А. Е. Страничка из истории отечественной этимологии // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 227–249.
- Аникин А. Е. О происхождении некоторых русских слов из сферы материальной культуры. I. Водный транспорт: «коч», «бат», «ветка» // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 140–149.
- Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индик, 2000. 318 с.
- Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах* // Этнонимы. М.: Вост. лит., 1970. С. 143–157.
- Богородский Б. Л., Кононов А. Н. Тут ему и каюк пришел: К истории фразеологического словосочетания // Вестник ЛГУ. 1978. № 14. С. 117–127.
- Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М.: Наука, 1958. Вып. 3. С. 3–47.

Добродомов И. Г. Веселая этимология. Таракан в этимологическом аспекте // Русская речь. 1970. № 6. С. 96–100.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1003 с.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1959. 423 с.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.

Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 44–59.

Топоров В. Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Вост. лит., 1981. С. 146–162.

Топоров В. Н. Из «русско-персидского» дивана. Русская сказка *301А, В и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» – «Шах-Намэ» и авестийский «Зам-язат-яшт» (этнокультурная и историческая перспективы) // Этнокультурная и этноязыковая история Восточной Европы. М.: Индрик, 1995. С. 142–200.

Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (опыт параллельного чтения) // Этимология 1976. М.: Наука, 1978. С. 3–17.

Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. 639 с.

Хелимский Е. А. Трансъевразийские аспекты русской этимологии // Русский язык в научном освещении. 2002. № 4 (2). С. 75–90.

Liimola M. Etymologische Bemerkungen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1971. Bd. 39. S. 258–276.

Vaillant A. La Grammaire comparée des langues slaves. Paris: Klincksieck, 1974. T. 4: la formation des noms. 812 p.

Список источников и словарей

Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901. 163 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888–1911. 2-е изд., фототип. М., 1961–1962. Т. 1–4.

РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Нестор-История и др., 2007–.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.

Срз. – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893–1903. Т. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Т. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.

ФРУ – Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Л.: Наука, 1987. 382 с.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. Ё. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка / Белорусская наука, 1978–2017. Вып. 1–14.

ЭСРДС – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.: Новосибирск: Наука, 2000. 766 с.

ЭСРЗ – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 787 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: F. Steiner Verlag GmbH, 1963–1975. Bd. 1–4.

Fenne – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607 / Eds. L. L. Hammerich and R. Jakobson. Copenhagen, 1970. Vol. 2. 566 p.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha: Academia, 1971. 867 s.

Stachowski S. Słownik historyczno-etymologiczny turcyzmów w języku polskim. Kraków: Księgarnia akademicka, 2014. 379 s.

UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1989.

VEWT – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen seura, 1969. 533 S.

References

Anikin A. E. Stranichka iz istorii otechestvennoy etimologii [A page from the history of Russian etymology]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2016, no. 2 (32), pp. 227–249.

Anikin A. E. O proiskhozhdenii nekotorykh russkikh slov iz sfery material'noy kul'tury. I. Vodnyy transport: “koch,” “bat,” “vetka” [On the origin of some Russian words from the sphere of material culture. I. Water transport: “koch,” “bat,” “vetka”]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2017, no. 3, pp. 140–149.

Belova O. V. *Slavyanskiy bestiariy: Slovar' nazvaniy i simboliki* [Slavic bestiary: Dictionary of names and symbols]. Moscow, Indrik, 2001, 318 p.

Blagova G. F. Istoricheskiye vzaimootnosheniya slov *kazak* i *kazakh* [Historical relationships between the words Cossack and Kazakh]. In: *Etnonimy* [Ethnonyms]. Moscow, Vost. lit., 1970, pp. 143–157.

Bogorodskiy B. L., Kononov A. N. Togda k nemu prishel yalik: K istorii frazeologicheskikh slovosochetaniy [Then the skiff came to him: On the history of phraseological phrases]. *Vestnik LGU*. 1978, no. 14, pp. 117–127.

Dmitriyev N. K. O tyurkskikh elementakh russkogo slovaryā [About the Turkic elements of the Russian dictionary]. In: *Leksikograficheskii sbornik* [Lexicographical collection]. Moscow, Nauka, 1958, iss. 3, pp. 3–47.

Dobrodomov I. G. Veselaya etimologiya. Tarakan v etimologicheskom aspekte [Merry etymology. Cockroach in the etymological aspect]. *Russkaya rech*. 1970, no. 6, pp. 96–100.

Khelimskiy E. A. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparative studies, Uralic studies. Lectures and articles]. Moscow, LRC Publishing House, 2000.

Khelimskiy E. A. Trans'yevraziyskiye aspekty russkoy etimologii [Trans-Eurasian aspects of Russian etymology]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2002, no. 4 (2), pp. 75–90.

Larin B. A. *Russko-angliyskiy slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa* (1618–1619) [Russian-English dictionary-diary of Richard James (1618–1619)]. Leningrad, Leningrad univ., 1959, 423 p.

Liimola M. Etymologische Bemerkungen [Etymological remarks]. *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1971, no. 39, pp. 258–276.

Myznikov S. A. *Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar'*. *Leksika kontaknykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Lexicon of contact regions]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 10768 p.

Toporov V. N. Iz "russko-persidskogo" divana. Russkaya skazka 301 A, B i "Povest' o Eruslane Lazareviche" – "Shakh-Name" i avestiyskiy "Zam-yazat-yasht" (etno-kul'turnaya i istoricheskaya perspektivy) [From the "Russian-Persian" Divan. Russian Fairy Tale 301 A, B and "The Tale of Yeruslan Lazarevich" – "Shah-Nameh" and the Avestan "Zam-yazat-yasht" (ethnocultural and historical perspectives)]. In: *Ethnocultural and Ethnolinguistic History of Eastern Europe* [Ethnocultural and ethno-linguistic history of Eastern Europe]. Moscow, Indrik, 1995, pp. 142–200.

Toporov V. N. Ob iranskom vliyaniy v mifologii narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii (1–2) [On Iranian influence in the mythology of the regions of Siberia and Central Asia (1–2)]. In: *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura)* [The Caucasus and Central Asia in Antiquity and the Middle Ages (History and culture)]. Moscow, Vost. lit., 1981, pp. 146–162.

Toporov V. N. O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniyakh etimologicheskogo analiza [On some theoretical foundations of etymological analysis]. *Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the study of language). 1960, no. 3, pp. 44–59.

Trubachev O. N. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov i Praslavyanskiy slovar'* (opyt parallel'nogo chteniya) [Etymological dictionary of Slavic languages and Proto-Slavic dictionary (an experiment in parallel reading)]. In: *Etimologiya 1976* [Etymology 1976]. Moscow, Nauka, 1978, pp. 3–17.

Vaillant A. *La Grammaire comparée des langues slaves* [Comparative grammar of Slavic languages.]. Paris, Klincksieck, 1974, vol. 4: la formation des noms [The formation of nouns], 812 p.

Zhuravlev A. F. *Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A. N. Afanas'yeva "Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu"* [Language and myth. Linguistic commentary on the work of A. N. Afanasyev "Poetic views of the Slavs on nature"]. Moscow, Indrik, 2005, 103 p.

List of sources and dictionaries

Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Loanwords from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 766 p.

Anikin A. E. *Etimologicheskii slovar' russkikh zaimstvovaniy v yazykakh Sibiri* [Etymological dictionary of Russian loanwords in the languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 787 p.

Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, Znak, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, Nestor-Istoriya, and others. 2007–.

Bogoraz V. G. *Oblastnoy slovar' kolymского русского наречия* [Regional dictionary of the Kolyma Russian dialect]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk, 1901, 163 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 2nd ed. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarye, 1955, vols. 1–4.

Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, F. Steiner Verlag GMBH, 1963–1975, vols. 1–4.

Etymologichny složnik belaruskay movy [Etymological dictionary of the Belarusian language]. V. Ÿ. MartynaŸ, G. A. Tsykhun (Eds.). Minsk, Navuka i tekhnika, Belorusskaya nauka, 1978–2017, iss. 1–14.

Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavjanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (Eds.). Moscow, Nauka, 1974–, iss. 1–.

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. O. N. Trubachev (transl. from German and suppl.), B. A. Larin (Ed.). 2nd ed. Moscow, Progress, 1986–1987.

Fol'klor Russkogo Ust'ya [Folklore of the Russian Estuary]. S. N. Azbelev, N. A. Meshcherskiy (Eds.). Leningrad, Nauka, 1987, 382 p.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological dictionary of the Czech]. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971, 867 p.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru>

Radlov V. V. *Opyt slovary tyurkskikh narechiy* [Experience of compiling a dictionary of Turkic dialects]. St. Petersburg, 1888–1911. 2nd ed., phototype. Moscow, 1961–1962, vols. 1–4.

Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen*. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1969, 533 p.

Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1986–1989.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, St. Petersburg, Nauka, 1965–, vol. 1–.

Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv. [Dictionary of the Russian language of the 11–17 centuries]. Moscow, Nauka, 1975–, iss. 1–.

Slovar' russkogo yazyka 18 v. [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1984 –, iss. 1–.

Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the dictionary of the Old Russian Language]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk, 1893–1903, vols. 1–3.

Stachowski S. *Słownik historyczno-etymologiczny turczyzmów w języku polskim*. Kraków, Księgarnia akademicka, 2014, 379 p.

Tönnies Fenne's *Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607*. L. L. Hammerich and R. Jakobson (Eds.). Copenhagen, 1970, vol. 2, 566 p.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Аникин, академик РАН, заведующий сектором русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Scopus Author ID 57206656976
WoS Researcher ID L-5718-2017

Information about the author

Alexander E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Russian Language in Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57206656976
WoS Researcher ID L-5718-2017

*Статья поступила в редакцию 28.04.2025;
одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 05.05.2025
The article was submitted on 28.04.2025;
approved after reviewing on 05.05.2025; accepted for publication on 05.05.2025*

Научная статья

УДК 811-512+811.512.153:81'367.625

DOI 10.17223/18137083/92/16

Бытийные значения глаголов положения в пространстве в хакасском языке

Ольга Юрьевна Шагдурова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kokoshnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Аннотация

Объектом исследования являются хакасские лексемы *пол-* ‘быть’, *тур-* ‘стоять’, *одыр-* ‘сидеть’ и *чат-* ‘лежать’ со значением местонахождения и существования. Отличаясь своими основными значениями, во вторичных значениях они объединяются в одни группы по наличию общей семантики ‘быть, пребывать, существовать’. Рассматриваемые глаголы во вторичных значениях могут выражать разного рода пространственные ситуации, характеризующие расположение и существование живых существ, предметов, событий и явлений в некотором физическом пространстве. При сочетании с абстрактными понятиями в качестве субъектов бытия эти глаголы выражают значения, предполагающие их существование во временном и идеальном пространстве. Разные лексико-семантические типы локализаторов могут модифицировать пространственные значения бытийных глаголов.

Ключевые слова

хакасский язык, глаголы положения в пространстве, вторичные бытийные значения, физическое пространство, временное пространство, идеальное пространство

Для цитирования

Шагдурова О. Ю. Бытийные значения глаголов положения в пространстве в хакасском языке // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 239–250. DOI 10.17223/18137083/92/16

Existential meanings of verbs of position in space in the Khakass language

Olga Yu. Shagdurova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kokoshnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

Abstract

This paper investigates the Khakass lexemes *pol-* “to be,” *tur-* “to stand,” *odyr-* “to sit,” and *chat-* “to lie” belonging to the group of verbs of being denoting location and existence. These

© Шагдурова О. Ю., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 239–250
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 239–250

verbs are differentiated by their secondary meanings, which pertain to human body positions (sit, stand, lie down). They are semantically grouped together through the common notion of “to be, to abide, and to exist.” Based on the systematization of the secondary meanings, certain connections are established and some patterns of the meaning formation in terms of the development of this semantics are revealed. In the Khakass language, the secondary meanings of the verbs in question can express various kinds of spatial situations, depending on the type of the localizer and the localized subject. The subject type frequently relates to whether something is animate or inanimate, while the localizer type frequently specifies different space types and abstract phenomena where the subject exists, such as temporal, physical, or ideal spaces. The spatial localizer in this case signifies physical, ideal, and temporal spaces. A distinction is made between the values characterizing the location of entities in physical space. The verbs in question, when combined with temporal localizers, create meanings denoting the subject’s existence within a specific timeframe. When the verbs are integrated with ideal localizers, meanings are generated, signifying the subject’s existence within the intellectual domain.

Keywords

Khakass language, verbs of position in space, secondary meanings, physical space, temporal space, ideal space

For citation

Shagdurova O. Yu. Existential meanings of verbs of position in space in the Khakass language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 239–250. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/16

К бытийным относятся такие глаголы, которые называют существование и наличие чего-либо вообще или в определенном пространстве и времени. Они выражают факт наличия / существования предметов, событий, явлений и живых существ; существование субъекта в течение определенного времени; существование живых существ, предметов, событий и явлений в некотором пространстве.

В тюркологии нет единой семантической классификации категории бытия, в частности бытийных глаголов. Традиционно в тюркских языках к бытийным глаголам относятся глаголы хак. *пол* ~ алт. *бол* ~ якут. *ол* ‘быть’, хак. *тур* ~ туркм. *дур* ~ тат. *тор*- ‘стоять’, хак. *одыр*- ~ алт. *отур*- ~ тув. *олур*- ‘сидеть’, хак. *чат*- ~ алт. *јат*- ~ каз. *жат*- ‘лежать’, хак. *чөр*- ~ алт. *јүр*- ‘ходить’ и др. Полноценным бытийным глаголом считается только глагол *пол*-, который выступает как синоним глаголов *тур*-, *одыр*-, *чат*- и *чөр*-, в структуре которых имеются значения бытия и существования. Данные глаголы достаточно глубоко исследованы во многих тюркских языках, но с разных точек зрения: функционально-семантической, грамматической, синтаксической и др.

На материале тюркских языков анализируемые глаголы были рассмотрены в работах В. Г. Карпова [1980а; 1980б; 2003] с точки зрения полифункционального слова, Н. Н. Курпешко [1989], Н. Н. Курпешко и Н. Н. Широковой [1991], Т. Н. Боргояковой [2013; 2015], А. Р. Тазрановой [2005] в составе бивербальных конструкций, И. А. Невской [2005], А. Н. Чугуновой [2015] как глаголы, выражающие местонахождение в пространстве, О. Ю. Кокошниковой [2002; 2003], О. А. Тиниковой [2011] с лексико-семантической точки зрения, а также с точки зрения семантической классификации в работах Н. А. Сивцевой [2020; 2023] и др.

На материале хакасского языка глаголы бытия и положения в пространстве на сегодняшний день остаются малоисследованными с точки зрения лексической семантики, развития бытийных значений в структуре многозначных глаголов.

Цель нашего исследования – установить на основе систематизации вторичных, бытийных, значений глаголов положения в пространстве определенные семантические связи и выявить некоторые закономерности формирования их бытийных значений с точки зрения развития семантики глаголов положения в пространстве.

В данной статье рассматриваются семантические особенности глагола бытия *пол-* ‘быть’, а также глаголов положения в пространстве *тур-* ‘стоять’, *одыр-* ‘сидеть’, *чат-* ‘лежать’ в хакасском языке, развитие в лексической структуре последних вторичных бытийных значений. Проводится систематизация образуемых ими конструкций по наличию разных типов локализаторов и разных типов субъектов.

Все эти глаголы, как собственно глагол бытия *пол-*, так и глаголы положения в пространстве в бытийных значениях, которые мы для экономии также будем обозначать как глаголы бытия, содержат в своей семантике основные признаки, наличие которых дает возможность объединить их в одну группу: выражение значения существования в некотором пространстве, а в качестве их предметных валентностей – субъект бытия и локализатор, т. е. такие глаголы содержат три обязательных семантических компонента: область бытия, бытующий в этой области субъект и ситуация (пропозиция) пребывания субъекта в данной области. Обязательные компоненты могут сопровождаться дополнительными компонентами, которые главным образом характеризуют субъект бытия и время пребывания субъекта в определенной области [Шилова, 2003, с. 69]. Рассматриваемые глаголы в хакасском языке передают пространственные и экзистенциальные значения, которые распределяются по признаку статичности / динамичности, показывая положение и изменение положения субъекта действия в определенном пространстве и / или времени.

Глагол *пол=* показывает наиболее общее бытие, существование любого субъекта и объекта реальной действительности, имеет широкую сочетаемость с различными лексемами, обозначающими как реальные, так и абстрактные объекты действительности, например:

*Хабарлар тартчаң средстволар үчүн чаа **полыбысча*** (Хакас чирі) ‘**Бывают войны** из-за средств массовой информации’; *Чаа тузы **полган** нооза* (Тиников, 1982, с. 151) ‘Ведь **было** военное время’.

Глагол *одыр-* с основными значениями ‘сидеть, садиться’ передает общее значение «занимать или занять в пространстве позицию сидя». Этот глагол «детализирует своим значением семантический признак – опора на поверхность» [Чугунекова, 2015, с. 210] (о людях и животных), например:

*Иней пазох пес хыринда **одырча*** (Костяков, 1989, с. 33) ‘Бабушка опять **сидит** у печки’; *Паска атха иди **одырбацаң*** (Бурнаков, 1987, с. 7) ‘Паска на коня так не садился’.

По отношению к животным глагол *одыр-* передает значение ‘занять / изменить положение в пространстве’:

*Хара хус уязының хабыргазында **одырыбысхан*** (Толстой Л. Н. олғаннарға, 1985, с. 34) ‘Орёл сел на краю своего гнезда’; *Харга-саасханнар тал, сыбы пастарында толдыра **одырглааннар*** (Бурнаков, 1987, с. 51) ‘На верхушках ив и елей сидело полно ворон и сорок’.

Глагол *тур-* с основным значением ‘стоять’; ‘вставать / встать (с места)’ передает общее значение «занимать / занять в пространстве позицию стоя (о людях, животных и неодушевленных предметах)» [Чугунекова, 2015, с. 210], например:

Ичем көзенексер пахлап турчатхан ‘Моя мама стояла, смотря в окно’; *Икі хыринда тогылах башнячахтар турган* (Толстой Л. Н. олғаннарға, 1985, с. 3) ‘С двух сторон стояли круглые башни’; *Паскир, иди адынаң айгас чөрп, тигір чалыннаанында көрзе, пір пүүр, харалып, чылгылар алнында тур салтыр* (Костяков, 1989, с. 13) ‘Паскир, так возясь со своим конем, когда сверкнула молния, увидел, один волк, чернея, встал перед табуном’.

Глагол *чат-* с основным значением ‘лежать; лечь’ передает общее значение «лежать, занимать в пространстве позицию лёжа, всей поверхностью, на определенной плоскости» (о людях, животных и неодушевленных предметах) [Чугункова, 2015, с. 210], например:

Паягы кизи сырайын чыыра тудып чатча (Кобяков, 1982, с. 10) ‘Тот человек лежит, сморщив лицо’; *Адай сиден төзінде чатчатхан* ‘Собака лежала под забором’; *Кип-азахтар орғында хайди ла полза чатханнар* ‘Одежда лежала на кровати как попало’.

Данные глаголы различаются по своим основным конкретным значениям, в которых они связаны с положением тела человека (*сидеть, стоять, лежать*). Во вторичных значениях они могут объединяться в одну группу по наличию общей семантики ‘быть’, ‘пребывать’, ‘жить’, ‘существовать’ и др., но в разные группы в зависимости от типа локализатора и субъекта бытия.

Для типа субъектов основным дифференцирующим признаком, влияющим на состав и семантику конструкций, образуемых этими глаголами, является признак одушевленности. А тип локализатора чаще всего связан с названием разного рода пространств или абстрактных явлений, в которых находится субъект бытия (соответственно, локализаторы, выражающие физическое пространство, и разнообразные метафорические пространства – интеллектуальное, эмоциональное, информационное, социальное, временное) [Невская, 2005, с. 78].

Позиции, которые могут принимать субъекты бытия в физическом пространстве, варьируют в зависимости от того, являются ли они выраженными предметными именами или абстрактными именами. При этом лексические значения рассматриваемых глаголов варьируют в зависимости от лексико-семантического типа локализатора (физическое пространство, идеальное пространство, временное пространство).

Бытийные значения глаголов, связанные с физическим пространством

В структуре многозначных глаголов *пол-* ‘быть’, *тур-* ‘стоять’, *одыр-* ‘сидеть’ и *чат-* ‘лежать’ формируются значения, которые связаны с нахождением, пребыванием субъекта в некоем физическом пространстве или занятием им определенного физического пространства, что характеризуется признаками статичности и динамичности.

Физическое пространство глагола *пол-*

У бытийного глагола *пол-* выделяются такие значения, как ‘быть, находиться, пребывать где-л., иметь местопребывание’, ‘побывать где-л., посетить кого-л.’

Субъектом бытия при значении ‘быть, находиться, пребывать где-л., иметь местопребывание’ являются живые существа, чаще человек. В данном значении важно нахождение субъекта действия в каком-либо физическом пространстве,

поэтому в качестве локализатора выступают разного рода артефакты, строения, населенные пункты, географические пространства:

Удаа *пол парча ол пісте* (Топоев, 1992, с. 7) ‘Он часто у нас бывает’; Ол кічигдең сыгара *аалда асхынах полча* (Доможаков, 1975, с. 211) ‘Он с самого детства мало бывает в деревне’; Хончыктарым *тайгада полганнар* ‘Соседи мои были в тайге’; Чайгы туста уучаның *туразында кізі көп полча* ‘Летом в доме бабушки бывает много народа’.

В данном значении глагол *пол-* может принимать показатели разных акционсартов, состоящих из деепричастия на *-л* или *-а* и вспомогательных глаголов в различных аспектуально-временных формах.

Значение ‘побывать где-л., посетить кого-л.’ реализуется в сочетании со вспомогательными глаголами *пар-* ‘идти’ и *кил-* ‘приходить’, для которых не являются важными цель и многоаспектность действия. В данном случае предполагается недолговременное местопребывание субъекта бытия в таких разнообразных локациях, как страны, города, дома, учреждения и т. п.

Төрөөн чирімде пол килерчкнн (Топоев, 1992, с. 7) ‘Побывала бы я на родной земле’; Сергей Петровичтің чоогынаң, олар *Австралияда, Африкада, пасха даа чирлерде пол килген* улус (Татарова, 1991, с. 205) ‘По словам Сергея Петровича, они народ, который побывал в Австралии, в Африке и в других местах тоже’.

Физическое пространство глагола *тур-*

В структуре глагола *тур-* также развились бытийные значения ‘находиться где-л., иметь местоположение’; ‘временно расположиться, поселиться где-л., остановиться где-л. на некоторое время’; ‘быть в наличии в данном месте’. Они связаны с физическим пространством – ‘находиться на поверхности в неподвижном положении (нижней узкой своей частью, вертикально)’ или принять такое положение.

Субъектом бытия при значении ‘находиться где-л., иметь местоположение’ являются живые существа (человек, животные, стада животных), а также разного рода населенные пункты, географические объекты. В данном значении также предполагается нахождение субъекта в каком-либо физическом пространстве, поэтому в качестве локализатора выступают географические пространства, выраженные местным падежом:

Арыгда малнаң турза, одың имдіең (Ах тасхыл, 1984, с. 18) ‘Когда [он] со стадом находился в лесу, то готовил на зиму дрова’; *Хызыл көл чазызында, хураган тыыганча, хой туупчатхан тустаң ала, Хапыңның хойы турадыр* (Доможаков, 1975, с. 42) ‘В степи Хызыл көл, пока окрепнут ягнята со времени начала окота, стоит стадо овец Хапына’; *Син пісте пірсінде ныхах ысхазың, піс анда да пасха орында турчатхабыс* (Хан тигір, 1993, с. 42) ‘Ты однажды у нас рассказывал сказки, мы тогда в другом месте находились’.

Кроме того, к субъектам бытия в данном значении также относятся объекты реальной действительности, для которых характерно вертикальное расположение на поверхности, в некотором пространстве. Это такие реалии, как наименования населенных пунктов, строений, горных массивов и т. п.:

А пістің аал сіліг чирде турча (Топоев, 1992, с. 22) ‘А наша деревня стоит в красивом месте’; *Аалның алнында кизек тигей таацах турча* (Бурнаков, 1987, с. 6) ‘Впереди деревни стоит небольшая горочка’.

Значение ‘временно расположиться, поселиться где-л., остановиться где-л. на некоторое время’ характеризуется динамическим признаком, реализуется

в сочетании с такими локализаторами, как какие-либо вместилища, помещения. В данном случае, кроме того, могут встречаться и метафоризированные вместилища, связанные с нахождением у кого-либо в доме, например: *минде* ‘у меня’, *набамда* ‘у отца’ и т. п.

Истіледір, ол пигде талай-тасхыл озаринаң килгеннері турадырлар тін (Пьесалар, 1991, с. 236) ‘Слышно, что у того начальника останавливаются приехавшие из-за рубежа’.

В структуре глагола *тур-* ‘стоять’ имеется значение ‘быть в наличии в данном месте’, в котором исчезает основной признак глагола расположения в вертикальном положении, а на первый план выдвигается абстрактное значение пространственного положения. Субъектами бытия в данном значении выступают в основном природные субстанции, метеорологические и атмосферные явления:

Нинче-де кўн саңай чабал кўннер турган, пу наа ла аястирге настанча ‘Несколько дней **стояла** плохая погода, только вот сейчас начинает проясняться’; *Пөзік чирде киш дее сырыгыстыг, удаа тубан турадыр* (Татарова, 1991, с. 65) ‘На высокой местности даже воздух влажный, часто **стоит** туман’; *Тураа толдыра ыс турча* ‘По всему дому **стоит** дым’; *Алтын нўрліг пай кўскў турган* (Бурнаков, 1977, с. 106) ‘**Стояла** богатая золотая осень’; *Аалда сымзырых турган, отар чарыбаан* (Толстой Л. Н. олғаннарға, 1985, с. 47) ‘В деревне **стояла** тишина, огни не горели’.

Это значение характеризуется как метафорическое. Данные погодные явления концептуализируются как подобные объектам, имеющим вертикальную ось, в том числе и человеку.

Физическое пространство глагола *чат-*

Бытийные значения глагола *чат-*, связанные с физическим пространством, – ‘находиться на поверхности в неподвижном положении (широкой своей частью, горизонтально)’; ‘существовать, занимая собой какое-л. пространство на поверхности чего-л., быть расположенным где-л., находиться где-л. или принять такое положение’.

Субъектом бытия при значении ‘находиться на поверхности в неподвижном положении (широкой своей частью, горизонтально)’ являются наименования продуктов питания (крупы, овощи, фрукты), предметов домашней утвари, посуды. Данное значение развилось на основе ассоциативного признака – расположения предмета широкой стороной на горизонтальной поверхности. В качестве локализатора выступают разные емкости неустойчивой формы, либо предметы, имеющие широкое основание: *хап* ‘мешок’, *стол*, *харчах* ‘ящик’, выраженные местным падежом:

Ол пайның аңмарларында толдыра тамах чатхан (Тиников, 1982, с. 76) ‘В амбарах того бая **лежит** много пшеницы’. *Уучамың талганы хапта толдыра чатча* ‘Вкусный талкан моей бабушки **лежит** наполненным в мешке’.

Значение ‘существовать, занимая собой какое-л. пространство на поверхности чего-л., быть расположенным где-л., находиться где-л.’ говорит о расположении разного рода географических пространств, территориальных единиц, артефактов на определенном физическом пространстве, т. е. предполагается общее нахождение объекта:

Ағбанның ікі хырындагы чазыларны ибіре көрерге харах читпинче: прай ла чазы чатча (Костяков, 1989, с. 79) ‘Глаз не хватает обозреть степи, находящиеся

с двух сторон реки Абакан: **лежит** сплошная **степь**»; *Аал таглыг чирде чатча* (Бурнаков, 1987, с. 6) '**Деревня находится** (букв.: **лежит**) в **горной местности**'.

В структуре глагол *чат-* 'лежать' формирует аналогичное значение, в котором появляется абстрактное значение пространственного положения. Субъектами выступают разного рода световые понятия, например *күн сузы* 'луч солнца', *көлек* 'тень', *харасхы* 'темнота', *хараа* 'ночь':

Чыплама харасхы хараа тайгаа чадыбысхан (Хан тигір, 1993, с. 20) '**Тёмная-претёмная ночь легла** на тайгу'; *Сиден тёзінде көлек чатча* '**У забора лежит тень**'.

Физическое пространство глагола *одыр-*

В структуре глагола *одыр-* также развились бытийные значения 'находиться в каком-л. месте, внутри чего-л.; быть помещённым куда-л.'; 'осесть, поселиться на постоянное жительство'. Его бытийные значения также связаны с физическим пространством – 'находиться на поверхности, сидя, в неподвижном положении (используя соответствующую часть тела) или принять такое положение'.

Глагол *одыр-* со значением 'находиться в каком-л. месте, внутри чего-л.; быть помещённым куда-л.' относится к локативным глаголам. Субъектом бытия являются живые существа (человек, животные). В качестве локализатора выступают разного рода строения, дома, жилища:

Пістің кізілер андаг кирекке араласпін ибде одырғаннар (Ах тасхыл, 1984, с. 85) '**Наши люди, в такие дела не вмешивались, сидели дома**'; *Адайах кўн тооза пиктегде одырған* '**Собачка целый день просидела взаперти** (в клетке)'.

В структуре многозначных глаголов *одыр-* 'сидеть' формируется метафорическое значение, выражающее нахождение субъекта бытия в одном месте в течение длительного времени:

Ол туста піс ахча чох одырыбысхан полгабыс 'В то время мы были (букв.: **сели**) без денег'; *Кирек пу оңдайнаң парар полза, хайзы-пірсі хозяйстволар инек тее чох одыр халарлар* (Хакас чирі) '**Если дела пойдут дальше так же, то некоторые хозяйства останутся без коров** (букв.: **сев, останутся**)'.

Значение 'осесть, поселиться на постоянное жительство' связано с местопребыванием субъекта бытия в определенном пространстве. Локализатором выступают географические наименования, страны:

Сакис Сарыг-Монгуштар чирінде пик одырыбысхан (Нербышев, 1983, с. 116) '**Сакис крепко осел на земле Сарыг-Монгушей**'; *Кўстен сурганда, пір чуртха тўскенде, одырбин, хайдар парам? – тидір хыс* (Катанов, 1997, с. 17) '**Когда насильно допросили, девушка говорит: «Когда остановилась в одном доме, не поселившись, куда пойду?»**'.

Таким образом, в структуре рассматриваемых глаголов сформировались бытийные значения, характеризующиеся признаками статичности и динамичности, которые связаны с нахождением, пребыванием субъекта бытия в некотором физическом пространстве либо с перемещением и занятием им определенного физического пространства. Физическое пространство связано с реальными локализаторами – разного рода географическими объектами, административно-территориальными пространствами, строениями и т. д.

Бытийные значения глаголов, связанные с временным пространством

В структуре глаголов *пол-* ‘быть’ и *тур-* ‘стоять’ при сочетании с временными локализаторами формируются значения, указывающие на существование субъекта бытия в определенный период времени. Данные значения связаны с нахождением и пребыванием субъекта бытия в некотором временном пространстве или с наступлением определенного временного периода, что характеризуется признаками статичности и динамичности.

Субъектом действия выступают человек, единицы времени (*күн* ‘день’, *чыл* ‘год’), сезоны, времена года (*күскү* ‘осень’, *часхы* ‘весна’ и др.), события (*кирек* ‘случай’, *ниме* ‘событие’), а также указательные местоимения, реферирующие на событие, произошедшее ранее (анафора), или которое должно произойти позднее (катафора). Данные лексемы часто выражают меру времени, когда актуализируется определенный временной период.

В качестве временного локализатора выступают имена существительные, выражающие разные единицы времени *тус* ‘время’, *күн* ‘день’, *ай* ‘месяц’, время суток *хараа* ‘ночь’, *иш* ‘вечер’, сезоны года *хысхы* ‘зима’ и т. д., периоды и эпохи, а также указательные местоименные наречия:

Алында-пурунда полтыр пу кирек (Хакас чонының нымахтары, 1986, с. 69) ‘Это **было** давным-давно’; *Андада сидік чыллар турган* чи ‘Тогда трудные **годы** были (букв.: **стояли**) ведь’; *Хакас каганады (VI–XIII в.в.), пик хазна полтып, сайбалбин читі век тур салган* (Татарова, 1991, с. 55) ‘Хакасский каганат (VI–XIII вв.), являясь сильным государством, **просуществовал**, не рушась, **семь веков**’; *Харасхы пол париганда, Пычон хараан тазырайта көр парчатхан...* (Доможаков, 1975, с. 127) ‘Когда почти **настала** темнота, Пычон шел с широко раскрытыми глазами’.

Бытийные значения глаголов, связанные с идеальным пространством

В структуре всех рассматриваемых глаголов при сочетании с идеальными локализаторами формируются бытийные значения, указывающие на существование субъекта бытия в интеллектуальном пространстве. В данном случае речь идет о таком пространстве, в котором бытуют мысли, воспоминания, чувства, эмоции и т. д. В качестве идеального локализатора выступают мысли, образы, воспоминания, прошлое время и др., например:

Арина Петровнаның алында чоон тадарның пазы иңілерінең тудыс өс парган сырайлыг омазы турган (Доможаков, 1975, с. 68) ‘**Перед** Ариной Петровной стоял образ лица большого хакаса с головой, сросшейся с плечами’.

Субъектом бытия могут быть абстрактные понятия *өрініс* ‘радость’, *сагыссырас* ‘печаль, забота’ и др.:

Іценің жүреенде палазының үчүн сагыссырастар полган ‘В сердце матери было беспокойство из-за сына’; *Аның хараанда кірі паба-ічезі турганнар* ‘**Перед** его глазами **стоял** образ пожилых родителей’; *Чиит хыстың жүреенде хынганынга хынызы чатхан* ‘В **сердце** молодой девушки была (букв.: **лежала**) любовь к своему любимому’; *Іземнің сизіндіриі істімде тирең одырча* (Тиников, 1982, с. 199) ‘Предупреждение мамы моей глубоко во мне **сидит**’.

В данном случае возможны и динамические значения:

Харааның алнында ізезінің омазы турыбысхан ‘Перед глазами встал образ матери его’; *Аар сағыстар минің чүреemde чадыбысханнар* ‘Тяжелые мысли легли в моем сердце’; *Ачырғас паза кізее хыртыс саңайға аның істінде одырыбысхан* ‘Отчаяние и ненависть к людям навсегда засели внутри него’.

Таким образом, временное пространство характерно только для глаголов *пол-* ‘быть’ и *тур-* ‘стоять’, в то время как значения, связанные с идеальным пространством, характерны для всех четырех глаголов.

Заключение

Таким образом, в хакасском языке рассмотренные глаголы *пол-* ‘быть’, *тур-* ‘стоять’, *одыр-* ‘сидеть’ и *чат-* ‘лежать’ относятся к группе глаголов бытия со значением местонахождения и существования. Они формируют в своих лексико-семантических структурах значения местонахождения и существования разного рода субъектов бытия в течение определенного времени и в некотором пространстве. Отличаясь основными значениями, во вторичных они включают в свою семантику расположение и существование живых существ, предметов, событий и явлений в некотором физическом или ином пространстве, предполагающем некоторую фиксированность в пространстве и нахождение в определенном месте в определенном положении: в стоячем, сидячем и лежащем. Рассмотренные глаголы совмещаются с локализаторами и субъектами бытия разных типов, во многом теряя свои исходные значения положения тела в пространстве и лексикализуются как бытийные. При сочетании с абстрактными понятиями глаголы бытия образовали значения, относящиеся к временным и идеальным пространствам, в данном случае происходит некоторое абстрагирование от положения человеческого или иного физического тела в пространстве, развиваются бытийные значения, сочетаясь с идеальными субъектами бытия и локализаторами.

Список литературы

- Боргоякова Т. Н. О функционально-семантических особенностях форманта =*n одыр* в хакасском языке // Российская тюркология. 2013. № 2 (9). С. 10–24.
- Боргоякова Т. Н. Глагольное аналитическое сказуемое с формантом =*n тур* в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 2 (10). С. 2–6.
- Карпов В. Г. О полифункциональности глагольного корня *тур* в тюркских языках // Сибирский диалектологический сборник. Новосибирск, 1980а. С. 28–31.
- Карпов В. Г. Семантика глагола *пол*= ‘быть’, его морфологические и синтаксические функции в хакасском языке // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980б. С. 63–74.
- Карпов В. Г. О полифункциональности глагольного хакасского корня *чат*= ‘лежать’ в хакасском языке // Материалы Международной конференции, посвященной 140-летию Н. Ф. Катанова. Абакан, ХГУ, 2003. С. 34–42.
- Кокошников О. Ю. Сопоставительный анализ структуры значений многозначного глагола *одыр*= ‘сидеть’ в языках Южной Сибири // Третья зимняя типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров. М., 2002. С. 174–177.
- Кокошников О. Ю. Сопоставительный анализ семантики глагола *тур*= ‘стоять’ в хакасском языке с его аналогами в языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 4. С. 61–63.

Курнешко Н. Н. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами *чат, одур, тур, чөр* в шорском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 20 с.

Курнешко Н. Н., Широбокова Н. Н. Бивербальные конструкции со служебными глаголами *тур, одур, чор, чат* в шорском языке: Учеб. пособие. Кемерово, 1991. 74 с.

Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.

Сивцева Н. А. Бытийные глаголы в научном тексте Алексея Елисеевича Кулаковского // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK320.pdf> (дата обращения 01.03.2025).

Сивцева Н. А. Функционально-семантическая категория бытийности в якутском языке // Алтаистика. 2023. № 3 (10). С. 5–12.

Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: Сова, 2005. 226 с.

Тиникова О. А. Бытийные глаголы хакасского языка // Филология и человек. 2011. № 2. С. 167–173.

Чугункова А. Н. Лексико-семантическая группа пространственных глаголов в хакасском языке в сопоставлении с ненецким языком (на материале бытийных глаголов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44), ч. 1. С. 209–213.

Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск: НГУ, 2003. Ч. 1. 106 с.

Список источников

- Ах тасхыл. Ағбан, 1984. № 32. 142 с.
Бурнаков Ф. Т. Тигір оды. Абакан, 1977. 168 с.
Бурнаков Ф. Т. Пора тай нанчым. Абакан, 1987. 168 с.
Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Красноярск, 1975. 256 с.
Катанов Н. Той тойлааны. Абакан, 1997. 35 с.
Кобяков В. А. Хызыл чазы. Абакан, 1982. 277 с.
Костяков И. М. Чібек хур. Абакан, 1989. 232 с.
Нербышев Н. Т. Көгім Хорымнарда. Абакан, 1983. 288 с.
Пьесалар: Сб. пьес. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 264 с.
Татарова В. Н. Аат табызы. Абакан, 1991. 232 с.
Тиников Н. Е. Тіріг кізі өлбечен. Абакан, 1982. 239 с.
Толстой Л. Н. олғаннарға / Пер. на хак. яз.: М. Н. Чебодаева, С. Е. Карачакова. Абакан, 1985. 200 с.
Топоев И. П. Туғаннар. Ағбан, 1992. 119 с.
И. Топоев. Хоңалтах өдік. Ағбан, 1997. 160 с.
Хакас чирі. Республиканская газета на хакасском языке.
Хакас чонының нымахтары. Абакан, 1986.
Хан тигір. Ағбан, 1993. № 1. 142 с.

References

Borgoyakova T. N. O funktsional'no-semanticheskikh osobennostyakh formanta = *n* *odyr* v khakasskom yazyke [On the functional and semantic features of the formant =*n* *odyr* in the Khakass language]. *Russian Turkology*. 2013, no. 2 (9), pp. 10–24.

Borgoyakova T. N. Glagol'noe analiticheskoe skazuemoe s formantom =n tur v khakasskom yazyke [Verbal analytical predicate with a formant =n tour in the Khakass language]. *Sayan-Altai scientific review*. 2015, no. 2 (10), pp. 2–6.

Chugunekova A. N. Leksiko-semanticheskaya gruppa prostranstvennykh glagolov v khakasskom yazyke v sopostavlenii s nenetskim yazykom (na materiale bytiynykh glagolov) [Lexico-semantic group of spatial verbs in the Khakass language in comparison with the German language (based on the material of genesis verbs)]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 2 (44), pt. 1, pp. 209–213.

Karpov V. G. O polifunktional'nosti glagol'nogo khakasskogo kornya chat= 'lezhat' v khakasskom yazyke [About the polyfunctionality of the Khakass verb root chat= 'to lie' in the Khakass language]. In: *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 140-letiyu N. F. Katanova* [Proceedings of the International Conference dedicated to the 140th anniversary of N. F. Katanov]. Abakan, KhSU, 2003, pp. 34–42.

Karpov V. G. O polifunktional'nosti glagol'nogo kornya tur v tyurkskikh yazykakh [On the polyfunctionality of the verb root tur in the Turkic languages]. In: *Sibirskiy dialektologicheskii sbornik* [Siberian dialectological collection]. Novosibirsk, 1980a, pp. 28–31.

Karpov V. G. Semantika glagola pol= 'byt', ego morfologicheskie i sintaksicheskie funktsii v khakasskom yazyke [Semantics of the verb gender= 'be', its morphological and syntactic functions in the Khakass language]. In: *Issledovaniya po sovremennomu khakasskomu yazyku* [Studies in the modern Khakass language]. Abakan, 1980b, pp. 63–74.

Kokoshnikova O. Yu. Sopostavitel'nyy analiz semantiki glagola tur= 'stoyat' v khakasskom yazyke s ego analogami v yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Comparative analysis of the semantics of the verb tour= 'stand' in the Khakass language with its analogues in the languages of Southern Siberia]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2003, no. 4, pp. 61–63.

Kokoshnikova O. Yu. Sopostavitel'nyy analiz struktury znacheniy mnogoznachnogo glagola odyr= 'sitet' v yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Comparative analysis of the structure of meanings of the polysemous verb odyr= 'to sit' in the languages of Southern Siberia]. In: *Tret'ya zimnyaya tipologicheskaya shkola. Mezhdunarodnaya shkola po lingvisticheskoy tipologii i antropologii. Materialy lektsiy i seminarov* [The third winter typological school. International school on linguistic typology and anthropology. Materials of lectures and seminars]. Moscow, 2002, pp. 174–177.

Kurpeshko N. N. *Biverbal'nye konstruksii s vspomogatel'nymi glagolami chat, odur, tur, chör v shorskoy yazyke* [Biverbal constructions with auxiliary verbs chat, odur, tur, cr in the Shor language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1989, 20 p.

Kurpeshko N. N., Shirobokova N. N. *Biverbal'nye konstruksii so sluzhebnymi glagolami tur, odur, chor, chat v shorskoy yazyke: Ucheb. posobie* [Beaverbal constructions with the service verbs tur, odur, chor, chat in the Shor language: Textbook]. Kemerovo, 1991, 74 p.

Nevskaya I. A. *Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (a case study of the Shor language)]. Novosibirsk, 2005, 304 p.

Shilova V. V. *Prostranstvennye modeli elementarnykh prostykh predlozheniy v nenetskom yazyke* [Spatial models of elementary simple sentences in the Nenets language]. Novosibirsk, NSU, 2003, pt. 1, 106 p.

Sivtseva N. A. Bytiynye glagoly v nauchnom tekste Alekseye Eliseevicha Kulakovskogo [Genesis verbs in the scientific text of Alexei Eliseevich Kulakovsky]. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2020, no. 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK320.pdf> (accessed 01.03.2025).

Sivtseva N. A. Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya bytiynosti v yakutskom yazyke [The functional and semantic category of being in the Yakut language]. *Altaistics*. 2023, no. 3 (10), pp. 5–12.

Tazranova A. R. *Biverbal'nye konstruksii so vspomogatel'nymi glagolami bytiya v altayskom yazyke* [Biverbal constructions with auxiliary verbs of being in the Altaic language]. Novosibirsk, Sova, 2005, 226 p.

Tinikova O. A. Bytiynye glagoly khakasskogo yazyka [Genesis verbs of the Khakass language]. *Philology and Man*. 2011, no. 2, pp. 167–173.

List of sources

- Akh taskhyl*. Abakan, 1984, no. 32, 142 p.
Burnakov F. T. *Pora tay nançym*. Abakan, 1987, 168 p.
Burnakov F. T. *Tigir ody*. Abakan, 1977, 168 p.
Domozhakov N. G. *Yrakhkhy aalda*. Krasnoyarsk, 1975, 256 p.
Katanov N. *Toy toylaany*. Abakan, 1997.
Kobyakov V. A. *Khyzyl chazy*. Abakan, 1982, 277 p.
Khakas chiri. Respublikanskaya gazeta na khakasskom yazyke [Khakas chiri. Republican newspaper in Khakassian language].
Khakas chonynny nymakhtary. Abakan, 1986.
Khan tigur. Abakan, 1993, no. 1, 142 p.
Kostyakov I. M. *Chibek khur*. Abakan, 1989, 232 p.
Nerbyshev N. T. *Kögin Khorymnarda*. Abakan, 1983. 288 p.
Patachakov K. M. *Naa churtas üchün*. Abakan, 1990. 144 p.
P'esalar: sbornik p'es [P'esalar: collection of plays]. Abakan, Khak. kn. izd., 1991, 264 p.
Tatarova V. N. *Aat tabyzy*. Abakan, 1991, 232 p.
Tolstoy L. N. *olzannarğa*. M. N. Chebodaeva, S. E. Karachakova (Transl. into Khakass). Abakan, 1985, 200 p.
Topoev I. P. *Khoŋaltakh ödik*. Abakan, 1997, 160 p.
Topoev I. P. *Tuyannar*. Abakan, 1992, 119 p.

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Шагдурова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Olga Yu. Shagdurova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 23.06.2025;

одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 10.07.2025

The article was submitted on 23.06.2025;

approved after reviewing on 10.07.2025; accepted for publication on 10.07.2025

Научная статья

УДК 398.224(=512.1)(571.1/.5)

DOI 10.17223/18137083/92/17

Сравнения с параметром «блеск, сияние» в алтайском и хакасском героическом эпосе

Елена Валерьевна Тюнтешева

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

tyunteshvae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Аннотация

Рассматривается семантическая структура образных сравнений с параметром «блеск, сияние» в алтайском и хакасском эпосе, выявляются общность и специфика сравнений в сказаниях двух народов. В алтайских сказаниях сравнения с данным параметром отличаются большим, чем в хакасском, разнообразием конструкций, компонентного состава и переосмысления семантики.

Особое внимание уделяется параметру как компоненту смыслового содержания сравнительной конструкции. При наличии параметра «блеск, сияние» на формальном уровне в зависимости от компонентного состава наблюдается появление дополнительного параметра в силу переосмысления признака, и происходит перенос из физической в эмоциональную и другие сферы (сияющее, как луна и солнце, лицо → радость; блеск коня, его гривы, хвоста → стремительный бег и др.).

Ключевые слова

алтайский язык, хакасский язык, эпос, образные сравнения, сравнительная конструкция, компоненты сравнения, эталон сравнения, параметр сравнения, метафорическое переосмысление

Для цитирования

Тюнтешева Е. В. Сравнения с параметром «блеск, сияние» в алтайском и хакасском героическом эпосе // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 251–264. DOI 10.17223/18137083/92/17

© Тюнтешева Е. В., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 251–264
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 251–264

Comparisons regarding the parameter of “shine, glow” in the heroic epics of Altai and Khakass

Elena V. Tyuntешеva

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
tyunteshvae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Abstract

This paper considers the semantic structure of figurative comparisons with the parameter “shine, glow” in Altai and Khakass epic tales, revealing both commonalities and specificities in the epics of these two peoples. Altai epics exhibit a broader spectrum of constructions, compositional complexity, and semantic reinterpretations regarding the parameter of “brilliance, radiance” when compared to those of Khakass. The comparisons found within Khakass tales exhibit unique traits, for example, likening the physiques of departed bogatyrs to lunar and solar luminescence, or the precious metals of gold and silver. The standards of brilliance and radiance in the Altai epic are objects-sources of light: celestial luminaries and natural phenomena (moon, sun, stars, lightning, dawn, rainbow), fire (flame, fire). Within Khakass folklore, the moon, sun, gold, silver, and stone constitute a limited set of objects serving this function. Special attention is paid to the parameter in question as a component of the semantic content of the comparative construction. The presence of the parameter of “shine, glow” at the formal level indicates the emergence of an additional parameter according to specific ethnocultural representations and transfer from physical to emotional and other domains. The examples include the shining of celestial bodies or radiant faces to denote joy; a face of a bogatyr flaming like fire to represent anger, emotional tension; the shine of a horse, its mane, tail to indicate swiftness, and others. In these constructions, abstract nouns may be employed figuratively for comparative purposes: shining like a diamond speech to indicate eloquence.

Keywords

Altai language, Khakass language, epic, figurative comparisons, comparative constructions, components of comparison, standard of comparison, comparison parameter, metaphorical transformation

For citation

Tyuntешеva E. V. Comparisons regarding the parameter of “shine, glow” in the heroic epics of Altai and Khakass. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 251–264. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/17

Введение

Исследователи отмечают типологическую общность мотивов, сюжетов и образных выражений эпических произведений тюркских народов Сибири [Кузьмина, 2005; Ондар, 2020]. Интерес лингвистов вызывают сравнительно-сопоставительные исследования образных средств, в частности сравнений, используемых в героических сказаниях этих народов [Львова, Герасимова, 2017; Львова, 2019; Ефремов и др., 2019; Ондар, 2020; Шенцова, 2022; Захарова, 2023]. Во всех этих работах наряду с общими чертами эпических текстов отмечаются специфика языка эпоса каждого из народов, свойственные только ему «языковые средства выразительности, характерные для текстов данного жанра фольклора», собственный набор стандартных фраз и их лексическое наполнение [Ондар, 2020, с. 171].

Новизну нашего исследования составляет обращение к такому важному компоненту смыслового содержания сравнительной конструкции, как параметр, выявление выражаемого им смысла в эпическом тексте. Параметр – совокупность свойств сравниваемых объектов, «выделяемых как актуальные для данного сравнения» [Кошкарева, Плотников, 2023, с. 192], на основе которых устанавливается сходство между объектами-компаратами – предметом сравнения (CMPR₁) и эталоном (CMPR₂) [Федина, Кошкарева, 2023].

В данной статье рассматриваются сравнения с параметром «блеск, сияние» в алтайском и хакасском эпосе. Они являются важным средством изображения персонажей, передают красоту и величие главных героев, их коней, снаряжения, а также эмоциональное состояние и некоторые другие характеристики; служат более выразительному описанию и усиливают воздействие на слушателя. Особенно сравнения с данным параметром характерны для алтайских героических сказаний.

Спецификой рассматриваемых сравнений в эпических произведениях является усложнение их смысловой нагрузки: при наличии параметра «блеск, сияние» на формальном уровне в определенных контекстах наблюдается появление дополнительного параметра в силу переосмысления данного признака («блеск, сияние» → «скорость», «блеск, сияние» → «эмоциональное состояние»), что обусловлено этнокультурными представлениями.

Цель статьи – анализ семантической структуры сравнений с рассматриваемым параметром и выявление условий переосмысления признака в зависимости от компонентного состава сравнительной конструкции в алтайских и хакасских сказаниях.

1. Типы конструкций с параметром «блеск, сияние»

В алтайских и хакасских эпических текстах среди сравнительных конструкций с параметром «блеск, сияние» выделяются именные и глагольные. Именные сравнения передают общность какого-либо качества, глагольные – подобие действий предмета и эталона. Последние преобладают, так как посредством сравнений с названным параметром в большей степени описываются действия, состояния, события. Это является особенностью таких сравнений, в отличие, например, от сравнений с параметром «размер» [Тюнтешева и др., 2024].

1.1. Глагольные сравнения

Глагольные сравнения различаются как формальной, так и содержательной структурой в зависимости от отнесенности глагольного компонента к предмету или эталону сравнения.

У первых глагольный компонент при CMPR₂ предполагается, но, как правило, бывает опущен. Действие предмета сравнения уподобляется этому же действию эталона.

В случае отнесенности глагольного компонента к CMPR₂ он является предикатом зависимой части полипредикативной конструкции, и формальный показатель сравнительных отношений присоединяется к нему. Ситуация сравнивается с той же ситуацией при условии какого-то нереального события.

1.1.1. Конструкции, в которых действие предмета сравнения уподобляется такому же действию эталона. По семантике глагольного компонента выделяются три группы сравнений, которые включают: 1) глагол со значением ‘сиять’, ‘сверкать’, ‘гореть’; 2) глагол ‘показаться’, ‘видеться’; 3) некоторые другие глаго-

лы, которые обозначают действия, характерные для объектов, выступающих в роли эталонов.

а) Сравнения с глаголами ‘сиять’, ‘сверкать’, ‘гореть’

Особенность семантической структуры сравнений с глаголами такой семантики – наличие указания на параметр «блеск, сияние» в лексическом значении глагола.

В качестве глагольного компонента выступают следующие лексемы:

алт. *жалтыра*- ‘сверкать, блестеть’, *жалтырт эт*- ‘сверкнуть’, *чагыл*- ‘сверкать’, *жары*- ‘светить; светиться’, *чалы*- ‘светить, сиять, освещать’ (о светильниках), *суркура*- ‘блестеть, сверкать’, *мызылда*- ‘сверкать, мерцать’, *жалбыра*- ‘полыхать’, *күй*- ‘гореть’; **хак.** *чары*- ‘светить, светиться’, *палаңна*- ‘сверкать, сиять; блестеть, переливаясь’, *суста*- ‘сиять, сверкать, блестеть’.

алт. *Көргөн көзи көк чолмондый* / *Суркурап туртан жанду болтыр* (МК, с. 157) ‘Смотрящие глаза его, **как синие звезды**, / **Сияли** – с таким обыкновением [он] был’; *Эмди ол согооным* / *Ай ошкош жалтырап турат*, / *Күн ошкош мызылдап жүрет* (АБ, с. 146) ‘Теперь эта моя стрела, / Подобно луне, мерцает, / Подобно солнцу, **сияет**’.

хак. *Арыг сiлiг Ай Хуучын*, / *Ай чiли чарып*, / *Аарлыг торгы кип кискен*, / *Күн чiли палаңнап*, / *Күмүс аралыг кип кискен* ‘Прекрасная Ай-Хуучин / **Светится, как луна**, / Платье из дорогого шелка надев, / **Сияет, как солнце**, / С серебряной [нитью] платье надев’ (АХ, 1997, с. 312–313).

б) Сравнения с глаголами ‘показаться’, ‘видеться’

Сравнения с глаголами *көрүн*- ‘видеться, показаться’ и *билдир*- / *пүлдүр*- ‘показаться’ выявлены только в алтайском эпосе. Они гиперболизированно описывают появление героя и его коня. Эталоны блеска, сияния, яркости богатыря / его лица выступают *чолмон* ‘звезда’, *тандак* ‘заря’ и *солонгы* ‘радуга’; блеска коня – *тандак* ‘заря’, *жалкын* ‘молния’ и *жалбыш* ‘пламя’.

Часто такие примеры содержат обстоятельство места *тенгери* ‘небо’, что подчеркивает величие богатырей:

Минген ады солонгыдый, / *Кан-Жеереним тенгериде тандактый*, / *Пу ла полуп көрүнди*. / *Жүрген пойы Очы-Балам*, / *Тенгериде тан чолмондый* / *Эмди полуп пу көрүнди* (ОБ, с. 104) ‘Конь ее, будто радуга, / Мой кроваво-рыжий [конь], **как заря в небе**, / Вот так **показался**. / Моя Очи-Бала, сама как есть, / **Будто утренняя звезда в небе**, / Вот так **показалась**’; *Кыс чырайы чолмондый* / *Тенгериден көрүнөт* (ОБ, с. 152) ‘Лицо девушки, **как звезда**, / **С неба видится**’.

в) Сравнения с глаголами, которые обозначают действия, характерные для явлений, выступающих в роли эталонов

В алтайском эпосе выявлено небольшое количество сравнений, где в роли эталонов выступают ‘молния’, ‘пламя’, ‘пожар’. Эти сравнения представляют мощь и масштаб действий богатыря и его коня, а также высокую степень эмоционального напряжения.

алт. *Баатыр кижы бу чырайы* / *Кызыл жалбыш жайылыптыр* (МК, с. 82) ‘Лицо богатыря, / **Как красное пламя, распространялось**’; *Үч тенгери түбинен* / *Жалкын кептү жайылды...* (ОБ, с. 123–124) ‘Со дна трех небес [конь], / **Как молния, полыхнул** (букв.: **распространился**)...’; *Алып жүзи кызыл өрттий тенгери тозуп...* (МК, с. 127) ‘Лицо алыпа, **как красный пожар**, небо заслонив...’

1.1.2. Сравнения, в которых одна ситуация уподобляется той же при условии какого-то нереального события. Глагольный компонент, относящийся к СМРР₂, оформляется в алтайском языке показателем *-ГАноБлй* (< форма причас-

тия -ГАН + показатель сравнения -ДЫЙ). Эта форма в полипредикативной конструкции «представляет событие в зависимой части как не имевшее место в действительности и выступает как показатель связи» [Озонова, 2023, с. 48]. Главная предикативная единица обозначает объект сравнения, а зависимая является эталоном.

В алтайском эпосе такие сравнения часто описывают эмоциональное состояние персонажей, их восприятие ситуации или внешности («блеска») главных героев и включают предикат *тий-* ‘касаться’, субъектами при котором выступают *ай* ‘луна’ и *күн* ‘солнце’. Эмоциональное состояние героев передается через уподобление природным явлениям.

алт. *Айдан жарык ай тийгендий*, / *Күннен изү күн тийгендий*, / *Ак-Бөкө лө Алтын-Топчы / Айдары жок сүүндилер* (АБ, с. 198) ‘Будто ярче луны луна засияла (букв.: коснулась), / Будто жарче солнца солнце засияло’, / Ак-Бөкө и Алтын-Топчы / Несказанно радовались; *Сенин жүзинди көргөмдө*, / *Күнге тийгендий, көзим тайкылат*. (АБ, с. 640) ‘Когда на лицо твоё смотрю, / Как будто на солнце взглянул (букв.: коснулся), глаза ослепляются’.

Встречается и сравнение двух разных ситуаций в конструкциях, где к $CMPR_2$ относится глагол в форме причастия -ГАН + афф. Дат. п., к нему присоединяется показатель сравнения – послелог *түңей* ‘похож’:

алт. *Адакы учында жанганын / Ай тийгенге түңей болды* (АБ, с. 21) ‘Наконец-то, с твоим возвращением / Будто луна засияла (букв.: Наконец-то, [то, что] ты вернулся, / Стало похожим [на то, что] луна коснулась’).

1.2. Именные сравнения

В алтайском и хакасском эпосе отмечаются именные сравнения с параметром «блеск, сияние», выражающие отношения равенства (уподобление предмета эталону) и отношения неравенства (указание на разную степень проявления признака у предмета и эталона).

1.2.1. Сравнения, выражающие отношения равенства. Параметр в данных сравнениях часто не выражен эксплицитно:

алт. *Ай билдирлү, күн билдирлү* / *Мандык торко чамча кийет* (АБ, с. 178) ‘Как луна, как солнце, / Шелковую с вытканым узором рубашку надевает’.

Указание на параметр может содержаться в компоненте, выраженном существительным, входящим в $CMPR_2$:

алт. *Ай жалтагы ак чырайы / Ачык-жарык бу келетен* (МК, с. 84) ‘[Как] сияние луны, белое лицо его / Открытым-светлым было...’; *Күн жаркынду күрег жүзи / Күлүмзиреп, каткыр келтен* (МК, с. 84) ‘Коричневое лицо его с сиянием [как у] солнца / Улыбалось и смеялось при входе [домой]’.

В приведенных примерах отсутствует формальный показатель сравнения, но он подразумевается, поэтому Л. Н. Тыбыкова [1993, с. 66–67] относит такие конструкции к отдельному семантическому типу именных метафорических сравнений без специальных показателей.

1.2.2. Сравнения с параметром «сияние, блеск», выражающие отношения неравенства. Примеров употребления суперлативных конструкций (указывающих на превосходную степень проявления признака) с рассматриваемым параметром не выявлено. В хакасских и в меньшей степени в алтайских текстах имеются компаративные конструкции (указывающие на большую или меньшую степень проявления параметра). В таких конструкциях $CMPR_2$ маркирован формой исходного падежа, которая выражает отношения неравенства. Параметр вы-

ражен прилагательными алт. *жаркынду* ‘яркий’, хак. *соглыг* ‘жаркий’, *сыных* ‘чистый’, *арыг* ‘чистый’, ‘светлый, ясный (о светилах)’; наречием *артых* ‘лучше’:

алт. *Кӧргӧн кӧзинг кӱннен жаркынду* (АБ, с. 60) ‘Смотрящие глаза твои **солнца ярче**’; хак. *Ай Арыгның чариш пу чирде / Ай-күн чариинан артых полтыр* (ХО, с. 55) ‘Свет Ай-Арыг на этой земле / **Лучше света луны и солнца** был, оказывается’; *Айдаң арыг Пицен Арыг...* / *Ай чили, чарып турчададыр* (АА, с. 43) ‘Пичен Арыг, **светлее луны**... / Словно луна светится’.

Э. В. Султрекова отмечает «совершенно необычный синтаксис» для хакасского языка, когда в сравнительной конструкции эпического текста показатель сравнения *-ча* оформляет прилагательное, выражающее параметр, «при том, что эталон сравнения оформлен исходным падежом» [Султрекова, 2017, с. 218]:

Сыгар кӱннең хыс кизи / Сыныхча чатчададыр, / Падар айдаң чачазы / Соглыгча чатчадыр (АХ, 1997, с. 328) ‘**Восходящего солнца** девушка / **Чище** лежит, / **Заходящей луны** старшая сестра его / **Жарче** лежит’.

Таким образом, анализ материала показал преобладание глагольных сравнений с параметром «блеск, сияние» и большее их разнообразие в алтайском эпосе. Выявлены конструкции, которые описывают эмоциональное состояние через сравнение с природными явлениями. В хакасских сказаниях в большей степени, чем в алтайских, присутствуют компаративные конструкции с рассматриваемым параметром.

2. Лексическое наполнение сравнений с параметром «сияние, блеск» и передаваемая ими семантика

В алтайских сказаниях наблюдается более детализированное описание персонажей посредством сравнений с параметром «блеск, сияние». Сияющими предстают герои, лицо, глаза, одежда и ее детали, оружие, грива, хвост, упряжь коня и др. В хакасском эпосе описываются как сияющие общий облик и лицо героев. В качестве эталонов сравнения в алтайском эпосе выступают природные явления и объекты, излучающие свет (небесные светила, молния, огонь); отражающие свет, являющиеся эталоном блеска в данной лингвокультуре (золото, серебро, алмаз) и объекты ландшафта, хорошо освещенные солнцем (таежный луг, гора, лес). В хакасских текстах эталоны сияния, блеска – луна, солнце, золото, серебро, камень.

Рассматриваемые сравнения описывают не только внешний вид, но и другие сферы: эмоциональное состояние, речь и др. Интерпретация сравнений с параметром «сияние, блеск» обусловлена семантикой предмета и эталона сравнения. Разные типы компаратов определяют актуализацию разных свойств предметов как параметров сравнения.

2.1. Сравнения с эталонами, обозначающими небесные светила

Самые распространенные эталоны сияния, блеска в алтайском и хакасском эпосе – небесные светила: луна, солнце, а в алтайском также звезда.

Предметами сравнения с эталонами «луна», «солнце» в алтайском эпосе являются лицо, оружие, одежда богатыря, снаряжение коня, родная земля Алтай, некоторые предметы; в хакасском – богатырь, его лицо.

2.1.1. Сравнения с эталонами «луна», «солнце». Сравнения с данными компонентами описывают внешний вид и эмоциональное состояние.

а) Внешний вид

В основном сравнения с этими эталонами передают красоту и великолепие главных героев эпоса, их одежды и ее деталей (украшений, пуговиц); реже с сиянием луны и солнца сравнивается сияние оружия:

алт. *Алтан алты ай жаркынду*, / *Алтын тана пу топчулу* / *Ай капсалга кийбий кайтты*. / *Јетен эки кўн жаркынду*, / *Кўмўш тана бу топчулу* / *Кўн капсалга кийип турды* (ОБ, с. 98) ‘С шестьюдесятью шестью с сиянием [как у] луны, / Золотыми перламутровыми пуговицами / Луноподобный камзол она надела. / С семьюдесятью двумя с сиянием [как у] солнца, / Серебряными перламутровыми пуговицами / Солцеподобный камзол надела’; [*Јес согоон*] *јендеп јўрзем, омок болзом*, / *Кўн ошкош јалтырап јўрер* (АБ, 2016, с. 82) ‘[Медный наконечник] если буду побеждать, бодрым буду, / Как солнце, будет сверкать’.

хак. *Изеби чох хыс пала* / *Кўн чили чарып килеедир* (АА, с. 66) ‘Могучая девочка / Сияет, словно солнце...’

В алтайском эпосе в таких сравнениях в качестве предмета сравнения встречается Алтай:

Ары јанын бу кўрўрдў, / *Ай бўлдўрлў Алтай болтыр* ‘Когда по ту сторону [горы] посматрел: / Сияющий, как луна, Алтай, был, оказывается’.

Особенность хакасских сказаний – описание сияния тела мертвого богатыря. Посредством такого сравнения даже мертвым герой предстает красивым и величественным, что подчеркивает драматизм события и усиливает эмоциональное воздействие на слушателя:

хак. *Ай Чарых, хыс чахсызы*, / *Ай чили чарып, чадыбысхан* ‘Лучшая из дев, Ай-Чарых, / Как луна, сияя, лежала’ (АХ, 1997, с. 190–191).

б) Эмоциональное состояние

Сравнения, предметом которых служит лицо, а эталонами – луна и солнце, описывают также эмоциональное состояние:

Кўн жаркынду кўрен јўзи / *Кўлўзиреп, каткыр келтен* (МК, с. 84) ‘С сиянием [как у] солнца коричневое лицо его / Улыбалось и смеялось, когда он приходил [домой]’.

В следующих примерах изменение состояния героя передается через контраст «сияющее лицо» – «лицо, ставшее темным»:

алт. *Ай кеберлў бу чырайы* / *Кара бўдер бу тартылтыр*, / *Кўн кеберлў бу бўдўжи* / *Кара бўрўнқўй бу кубултыр* (МК, с. 83) ‘Луноподобное его лицо / Потемнело. / Солцеподобный его лик / Стал мрачным’;

хак. *Хулатайнын оолгы тарынын*, *Айча сырайы ардап турадыр*, / *Кўнче сырайы хубул-турадыр* (АН, с. 60) ‘Сын Хулатая сердился, / Луне подобное лицо помрачнело, / Солнцу подобное лицо изменилось’.

Радостное эмоциональное состояние сравнивается с сиянием солнца и луны, являющихся атрибутами среднего мира:

алт. *Артып калган албатыга* / *Айы јогы бу Алтайга* / *Ай тийгендий ырыс болды*. / *Кўни јогы бу Алтайга* / *Кўн тийгендий ырыс болды* (МК, с. 186) ‘Оставшийся народ, / Как будто безлунного Алтая / Лунный свет коснулся (букв.: луна коснулась), счастливым стал, / Как будто бессолнечного Алтая / Солнечный свет коснулся (букв.: солнце коснулось), счастливым стал’; *Ай тийгендий јарый берди*, / *Кўн тийгендий изий берди* (АБ, с. 192) ‘Будто лунный свет коснулся, засиял, / Будто солнечный свет коснулся, разогрелся’.

2.1.2. Сравнения с эталоном «звезда». В алтайском эпосе сияние героев, их глаз, а также некоторых предметов сравнивается с сиянием звезд. Эталон *чолмон*

‘звезда’ часто выступает с определением: *көк чолмон* ‘синяя звезда’, *таң чолмон* ‘утренняя звезда’.

а) Внешний вид

Предметом сравнения выступают герои, их глаза, реже – какие-либо предметы. Такие сравнения в основном описывают красоту персонажей, их лучистый живой взгляд, а также внешний вид некоторых предметов:

алт. *Очы-Бала кайран пойы / Тан чолмондый суркураган* (ОБ, с. 146) ‘Очы-Бала, милая сама, / **Как утренняя звезда, сверкала**’; *Колына туткан бу чөбчөйи / Жылтыс чылап бу мызылайт* (МК, с. 211) ‘В руках их чёбчөй, / **Как звезда, сияет**’.

Хотя подобные сравнения не обнаружены нами в хакасском эпосе, уподобление красавицы утренней звезде (*солбан*) отмечается в сказках: хак. *Аның ипчизи таң солбаны ла осхас сіліг тееннер* (АХ, 1992, с. 70) ‘Говорили, его жена **красивая, словно утренняя звезда**’.

б) Зоркость и принадлежность к среднему миру

Сияющий взгляд, глаза с огнем – признак жизни, здоровья, хорошо видящих, зорких глаз: ср. *чолмон көстү кижги* ‘человек с зоркими глазами’ (букв.: с глазами, [как] звезды) (АРС, с. 824). Сравнения, $CMPR_1$ в которых выступают глаза, а $CMPR_2$ – звезды, кроме красоты глаз, выражают их зоркость:

алт. *Тан чолмондый ала көзим / Артай берди эмди ле...* (МК, с. 75) ‘**Как утренней звезда, глаза мои** / Ослабели теперь...’

Это также признак обитателей среднего мира. Устойчивое сравнение *жылтыс-чолмон көстү аймак* ‘с глазами, [как] звезды, народ’ – традиционное описание богатыря.

2.2. Сравнения с эталонами «золото» и «серебро»

В эпосе обоих народов эталоном блеска являются также золото и серебро. В этом случае сравнения включают в себя глаголы со значением ‘блестеть’, ‘сверкать’. Предметом сравнения в алтайском эпосе выступает лицо главного героя, в хакасском – тело богатыря.

алт. *Ай жалтагы чырайлары / Алтын чылап жалтырашкан, / Күн жалтагы чырайлары / Күмүш кептү мызылдашкан* (МК, с. 209) ‘Лунный свет излучающие лица (букв.: [с] лунным сиянием лица их), / **Подобно золоту, блестят**, / Солнечный свет излучающие лица (букв.: [с] солнечным сиянием лица их), / **Подобно серебру, сверкают**’.

хак. *Алтын аарлыг сөögі / Айга частап чадыбысхан, / Күмүс осхас аның сөögі / Күнге сустал халган* ‘**Как золото**, драгоценное тело [его], / Под луною **блестя**, лежит, / **Как серебро**, тело его / Под солнцем **сверкает**’ (АХ, 1997, с. 352–353).

Из примеров видно, что золото и серебро как эталон блеска часто встречаются в контексте с обозначениями луны и солнца. В последнем хакасском примере золото и серебро являются также эталоном драгоценности, и чаще эти металлы в алтайских и хакасских сравнениях используются именно в таком качестве, а в алтайских текстах служат также эталоном желтого цвета:

алт. *Айткан сөзин алтыннан баалу* (АБ, с. 60) ‘Сказанное тобой слово **золота дороже**’; ...*Алтын чылап саргар калтыр* (МК, с. 141) ‘...**Как золото, пожелтел**, оказывается’.

2.3. Сравнения с эталонами «молния», «пламя», «огонь»

Сравнения с огнем, пламенем, молнией очень характерны для алтайского эпоса. В зависимости от предмета сравнения они передают эмоциональное и физическое состояние, красноречие героев, стремительность богатырского коня и др.

а) Великолепие внешнего вида персонажа и его грозный вид

Предметом именных сравнений являются лицо героя, богатырский конь, эталонами – огонь, пламя и молния. В данных примерах описаны великолепие и грозный вид богатырского коня и богатыря:

алт. *Очы-Јеерен кайран ат / От јалбырдый көрүнди...* (ОБ, с. 152) ‘Очы-Дьеерен, драгоценный конь, / **Как пылающий огонь** (букв.: как огонь-пылание), показался...’; *Јалкын ошкош чырайы јангыс...* (АБ, с. 54) ‘**Как молния**, лицо его **одно** (такое же)’.

б) Эмоциональное состояние

В ряде случаев сравнения с огнем, пламенем передают не столько яркость и великолепие, сколько эмоциональное состояние героев. Это объясняется тем, что в основе таких сравнений лежит также признак «горячий», который подвергается переосмыслению. Предметами сравнения в таких примерах служат богатырь / богатырка, лицо, глаза, а эталоном – «огонь», «пламя», «красный пожар»:

алт. *Эки јаак – кызыл марал, / Эки көзи оттый күйген* (АБ, 2016, с. 69) ‘Две щеки ее – красный маральник, / Два глаза ее, **как огонь, горели...**’; *Алып јүзи кызыл өрттий* (МК, с. 199) ‘Лицо алыпа, **как красный пожар**’.

Имеются примеры, в которых предметом сравнения является *јүрек* ‘сердце’ – один из центров эмоциональной жизни человека в языковой картине мира алтайцев:

алт. *Јалбыш кептү бу јүрегин / Јаба тудуп ол ошкошты* (МК, с. 158) ‘**Как пламя**, сердца свои, / Прижав друг к другу, поцеловались’.

Эмоциональное состояние выражается также посредством глагольных конструкций, в которых СМРР₁ выступают облик богатыря, его лицо + действие ‘гореть’, ‘светить’, ‘распространяться’:

алт. *Очы-Бала паатыр-кысчак / Јалбыш кеби јарып турды* (ОБ, с. 116) ‘Очы-Бала, богатырка-девушка, / **Как пламя**, облик ее [все] **освещает**’; *От јалбырдый кесерди / «Отыр» – теерге јарабас* (ОБ, с. 172) ‘Богатырке, **будто огонь полыхающей**, / «Сиди» сказать нельзя...’

в) Физическое состояние

Огонь в глазах, как и сияющие, подобно звездам, глаза, – характеристика живого, молодого, сильного человека. Возможно, в таких случаях присутствует дополнительный параметр, указывающий на физическое состояние:

алт. *Көкси ойлу јараштан, / Көзи оттый чоктудан талдап* (АБ, с. 70) ‘Мудрую [девушку] из красавиц, / Из тех, кто с глазами, **как огненные искры**, выбрав...’; *Эки јаак кан кызыл, / Эки көзи от-јалбыштый* (АБ, с. 70) ‘Две щеки кроваво-красные, / Два глаза его, **как огонь-пламя**.’

Ср. фразеологизм *көстин чогы өчкөн* ‘умер’ (букв.: искра глаз погасла).

г) Скорость

Молнии, пламени уподобляются конь, его грива и хвост, что выражает не только блеск и красоту коня, но и необыкновенную скорость его бега:

алт. *Јал куйругы јалкындый, / Јалтырашкан подолду...* (ОБ, с. 174, 176) ‘...Грива и хвост, **как молния**, / **Будто сверкали...**’; *Азулудан Очы-Јеерен / Јалкын кептү јалтырт этти, / Јалбыш кептү мысылт этти* (ОБ, с. 158–159) ‘Очи-Дьерен, [конь] из клыкастых, / **Подобно молнии, сверкнул, / Подобно**

пламени, вспыхнул' [Озонова, 2023, с. 49]; *Жал-куйругы жалбыш кептү...* (МК, с. 122) 'Грива и хвост его подобны пламени...'

Таким образом, здесь сверкание молнии и вспышка пламени выступают как эталоны высокой скорости [Озонова, 2023, с. 49]. В первом примере сравнение с блеском молнии передает красоту коня и его стремительность, во втором же подчеркивается именно быстрота бега, на что указывают сложные глаголы, представляющие собой образное слово + вспомогательный глагол *эт*- 'делать': *жалбырт эт*- 'сверкнуть', *мысылт эт*- 'вспыхнуть'.

Ср. пример, где «молния» и «пламя» непосредственно выступают как эталоны скорости: *Жалкын кептү барып жадат, / Жүрген бойы мызылаган, / Жалбыш кептү учуп барат* (МК, с. 127) 'Как молния, передвигается, / Сам всадник сияет – / Как пламя, летит'.

д) Красноречие

С пламенем сравнивается речь (*тил* 'язык', *сөс* 'слово'), обозначая красноречие как одну из черт положительных героев:

алт. *Айткан тили от жалбыштый*, – / *Айдып отурар жанду болтыр* (МК, с. 157) 'Говорящий язык его, как огненное пламя, – / Такое он имел обыкновенное говорить'.

Компонент *от* 'огонь' вместе с *алмыс* 'алмаз' входит в состав сравнений, также описывающих красноречие:

алт. *Айткан тили от алмыстый...* (МК, с. 209) 'Говорящий язык их, как огненный алмаз...'; *Айткан сөзи от-алмыстый мысылдаган* (ОБ, с. 94) 'Речь (букв.: слово) ее, как огненный алмаз, сверкала'.

В последнем примере абстрактное существительное *сөс* 'слово' сочетается с глаголом *мысылда*- 'сверкать', что уже само по себе является метафорическим употреблением. Данный глагол обозначает также первенство в данном сравнении именно эталона «алмаз».

2.4. Сравнения с эталонами «заря» и «радуга»

«Заря» и «радуга» – эталоны яркости и красоты по употреблению в сравнительных конструкциях близки к эталону «блеск, сияние». Сравнения с данными компонентами являются отличительной чертой алтайских сказаний. Предметы этих сравнений – облик главного героя (заря, радуга), лицо (заря), щеки (радуга), а также богатырский конь (заря, радуга).

алт. *Солонгыйды бу качарлу...* (МК, с. 157) 'С щеками, как радуга...'; *Солонгыйды кан-жеереним...* (ОБ, с. 96) 'Как радуга, кроваво-рыжий мой...'.

В качестве глагольного компонента в сравнениях с эталонами «радуга» и «заря» могут быть только лексемы со значением 'показаться':

алт. *Минген ады солонгыйды*, / *Кан-Жеереним тенгериде тандактый*, *ут пу полуп көрүнди* (ОБ, с. 104) 'Конь ее, будто радуга, / Мой кроваво-рыжий, как заря в небе, появился'; *Паатыр-кыстыг пу чырайы / Кысыл чолмон тенгери-тандак пу кеберлү* / *Тенгериден пу пүлдүрди* (ОБ, с. 118) 'Лицо богатырки-девушки, / Как красная звезда, словно небесная заря, / С неба появилось'.

2.5. Сравнения с эталонами, обозначающими природные объекты

Эталонами блеска являются также природные объекты, которые ярко освещаются солнцем: таежный луг, лес, гора в алтайских сказаниях и камень – в хакасских. Они описывают красоту и великолепие главных героев, снаряжения богатырского коня, грозную силу оружия.

С таежным лугом сравниваются блестящий, чистый лоб богатыря, его брови: алт. *Айан кептү бу мандайы / Мызылдашкан бу отурды* (МК, с. 225) 'Ее лоб, подобный таежному лугу, блеснул'; *Айан кептү бу кабагы / Мызылдаган турбай кайтты* (МК, с. 180) 'Как таежный луг, брови его / Сияли'.

Блеск острия оружия уподобляется блеску леса, вершин гор, гиперболизовано изображая его мощь:

алт. *Ыда миизи жылтыраган, / Ыш аралдый мызылдаган, / Ылду миизи жылтыраган, / Ыч тайкадый мызылдаган* (ОБ, с. 102) 'Острие копья сверкало, / Будто черновой лес, блесло, / Острие сабли сверкало, / Будто три горы, блесло'.

Множественность эталона сравнения (*ыш аралдый* 'как черновой лес', *ыч тайкадый* 'три горы') выражает интенсивность блеска богатырского оружия.

В хакасском эпосе отмечается сравнение блеска конского снаряжения с ярким камнем:

хак. *Ах Сабдар аттың изері-тими / Прай, чарых тас чили чарып турча* (АА, с. 15) 'Светло-игревого коня снаряжение / Все, словно яркий камень, сверкает'.

Заключение

Таким образом, в сравнениях алтайского и хакасского героических сказаний с параметром «блеск, сияние» наблюдаются как общие черты, так и существенные различия, определяющие специфику языка эпоса каждого из народов. Алтайские сравнения с рассматриваемым параметром отличаются разнообразием с точки зрения конструкции, компонентного состава и описываемых этими сравнениями сфер. В хакасском эпосе параметр «блеск, сияние», по-видимому, менее значим. Но сравнения с ним имеют свою специфику (сияние тел погибших богатырей, описание богатырей как еще более чистых и сияющих, чем небесные светила).

Эталонами блеска, сияния в алтайском эпосе выступают объекты – источники света: небесные светила и природные явления, появляющиеся на небе (луна, солнце, звезды, молния, заря, радуга), огонь (пламя, пожар); объекты, отражающие свет (золото, серебро, алмаз); объекты ландшафта, ярко освещаемые солнцем (таежный луг, гора, лес). В хакасских сказаниях в качестве эталонов сравнения используется более ограниченный круг объектов: луна, солнце, золото, серебро, камень.

Наблюдается лингвокультурологически обусловленное переосмысление признака «блеск, сияние» в зависимости от компонентного состава сравнения. Параметр «блеск, сияние» проявляется на поверхностном уровне сравнения, но в каждом конкретном примере этот параметр приобретает другое значение в зависимости от контекста: «красота», «скорость», «радость» и др. Так, радость героев передается через сравнение с сиянием луны и солнца; гнев, эмоциональное напряжение ассоциируется с пылающими, как огонь / пожар, обликом богатыря, его лицом, глазами; красноречие – с огнем, сверкающим алмазом; стремительный бег коня выражается через уподобление его гривы и хвоста пламени, молнии и др. В этих сравнениях появляется другой параметр наряду с параметром «блеск, сияние» или вместо него.

Список литературы

Ефремов Н. Н., Прокопьева А. К., Озорова А. А. Образные сравнительные конструкции в эпическом тексте (на материале якутского олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» и алтайского героического эпоса «Маадай-Кара») // Категория образ-

ности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками). Якутск: ИД СВФУ, 2019. С. 134–146.

Захарова А. М. Вербализация сравнения в героическом эпосе П. А. Ойунского «Дьуллуруйар Ньургун Боотур» и в алтайском эпосе «Маадай Кара» // Вопросы национальных литератур. 2023. № 2. С. 27–32.

Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксперимент. изд. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1382 с.

Львова С. Д. Сравнения в якутском и алтайском эпосах (на материале олонхо «Могучий Эр Соготох» и кай чөрчөк «Маадай-Кара») // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия: Эпосоведение. 2019. № 3. С. 126–139.

Львова С. Д., Герасимова Л. Н. Объекты и образы сравнений в якутском и хакасском эпосах (на примере текстов олонхо «Кыыс Дэбилэйэ» алыптых ныхам «Ай-Хуучин») // Эпическое наследие народов мира: традиции и этническая специфика: Междунар. науч. конф. Якутск: Алаас, 2017. С. 72–74.

Озонава А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. 2023. № 3. С. 42–55.

Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 300 с.

Султрекова Э. В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2017. 324 с.

Тыбыкова Л. Н. Семантические типы именных сравнительных конструкций в алтайском языке // Язык и культура алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. республ. тип., 1993. С. 55–69.

Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Байыр-оол А. В. Сравнения с параметром «размер» в героическом эпосе тюрков Южной Сибири // Эпосоведение. 2024. № 3 (35). С. 59–74.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом *шылап* // *цылап* // *цынап* 'как, как будто' в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 2 (Вып. 46). С. 53–64.

Шенцова И. В. Прагматика компаративных конструкций в эпических текстах тюрков Саяно-Алтая // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 158–173.

Список источников

- АА – Алтын Арыҕ. Алыптыг ныхам. Абакан, 1987. 232 с.
АБ – Алтай-Баатырлар (Алтайские богатыри). Горно-Алтайск, 2016. Т. 2. 800 с.
АН – Алыптыг ныхам. Героические сказания. Абакан, 1951. 400 с.
АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.
АХ, 1992 – Алтын Хыс. Хакасские народные сказки. Абакан, 1992. 80 с.
АХ, 1997 – Ай-Хуучин. Хакасский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).
МК – Маадай Кара. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1973. 474 с.
ОБ – Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).

References

Efremov N. N., Prokop'eva A. K., Ozonova A. A. Obraznye sravnitel'nye konstruktsii v epicheskom tekste (na materiale yakutskogo olonkho "D'uluruyar N'urgun Bootur" i altayskogo geroicheskogo eposa "Maaday-Kara") [Figurative comparative constructions in the epic text (on the material of the Yakut olonkho "Nyurgun Bootur the Swift" and the Altai heroic epic "Maadai-Kara")]. In: *Kategoriya obraznosti v yazyke (na materiale sopostavleniya yakutskogo yazyka s kazakhskim, kirgizskim, altayskim i mongol'skim yazykami)* [Category of imagery in the language (on the comparison of the Yakut language with Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages)]. Yakutsk, NEFU Publ., 2019, pp. 134–146.

Fedina N. N., Koshkareva N. B. Reduktsiya kak mekhanizm var'irovaniya sravnitel'nykh analitiko-sinteticheskikh polipredikativnykh konstruktsiy s poslelogom shy-lap/shchylap/shchynap 'kak, kak budto' v chalkanskom yazyke [Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition shy-lap/shchylap/shchynap 'as if' in the Chalkan language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2023, no. 2 (iss. 46), pp. 53–64.

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metayazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [The metalanguage of describing the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 2, pp. 180–216.

Kuzmina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Eksperiment. izd.* [Index of typical sites of heroic epos of People of Siberia (Altai, Buryat, Tuva, Khakas, Shor, Yakut): Experimental ed.]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 1382 p.

L'vova S. D., Gerasimova L. N. Ob"ekty i obrazy sravneniy v yakutskom i khakas-skom eposakh (na primere tekstov olonkho "Kyys Debiliye" alyptykh nymakh "Ay-Khuchiin") [Objects and images of comparisons in the Yakut and Khakas epics (on the example of the texts of olonkho "Kyys debiliye" alypty nymah "Ai-huchiin")]. In: *Epicheskoe nasledie narodov mira: traditsii i etnicheskaya spetsifika: Mezhdunar. nauch. konf.* [Epic heritage of the peoples of the world: traditions and ethnic specificity: Intern. sci. conf.]. Yakutsk, Alaas, 2017, pp. 72–74.

L'vova S. D. Sravneniya v yakutskom i altayskom eposakh (na materiale olonkho "Moguchiy Er Sogotokh" i kay cherchek "Maaday-Kara") [Comparisons in Yakut and Altai epics (on the material of the olonkho "Mighty Er Sogotokh" and kai-cherchek "Maadai-Kara")]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*. 2019, no. 3, pp. 126–139.

Ondar M. V. *Osobennosti yazyka tuvinskiikh geroicheskikh skazaniy (v sopostavitel'nom aspekte)* [Features of the language of Tuvan heroic tales (in a comparative aspect)]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2020, 300 p.

Ozonova A. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom epose (na materiale eposa "Ochy-Bala") [Ways of expressing comparison in the Altai epic (on the material of the epic "Ochy-Bala")]. *Epic studies*. 2023, no. 3, pp. 42–55.

Shentsova I. V. Pragmatika komparativnykh konstruktsiy v epicheskikh tekstakh tyurkov Sayano-Altaya [Pragmatics of comparative constructions in epic texts of Sayano-Altai Turks]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2022, no. 2, pp. 10–23.

Sultekova E. V. *Sravnitel'nye konstruktsii khakasskogo yazyka* [Comparative constructions of the Khakas language]. Abakan, Khak. knizhn. izd., 2017, 344 p.

Tybykova L. N. Semanticheskie tipy imennykh sravnitel'nykh konstruktsey v altayskom yazyke [Semantic types of nominal comparative constructions in the Altai language]. In: *Yazyk i kul'tura altaytsev* [The language and culture of the Altaians]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya respubl. tip., 1993, pp. 55–69.

Tyuntseva E. V., Shagdurova O. Yu., Bayyr-ool A. V. Sravneniya s parametrom “razmer” v geroicheskom epose tyurkov Yuzhnoy Sibiri [Comparisons with the parameter “size” in the heroic epic of the Turks of Southern Siberia]. *Epic Studies*. 2024b, no. 3 (35), pp. 59–74.

Zakharova A. M. Verbalizatsiya sravneniya v geroicheskom epose P. A. Oyunskogo “D’uluruyar N’urgun Bootur” i v altayskom epose “Maaday Kara” [Verbalization of comparison in P. A. Oyunsky’s heroic epic “Nyurgun Bootur the Swift” and in the Altai epic “Maadai Kara”. *Issues of national literature*. 2023, no. 2, pp. 27–32.

List of sources

Altay-Baatyrlar [Altai heroes]. Gorno-Altaysk, 2016, vol. 2, 800 p.

Altayskie geroicheskie skazaniya: Ochi-Bala. Kan-Altyn [Altai heroic tales: Ochi-Bala. Kan-Altyn]. Novosibirsk, Nauka, 1997, 668 p. (Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 15).

Altaysko-russkiy slovar’ [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018, 935 p.

Alyptyz nymakh. Geroicheskie skazaniya [Heroic tales]. Abakan, 1951, 400 p.

Altyn Aryz. Alyptyz nymakh. Abakan, 1987, 232 p.

Altyn Khys. Khakassian folk tales. Abakan, 1992. 80 p.

Ay-Khuuchin. Khakasskiy geroicheskiy epos [The Khakas heroic epic “Ai-Huuchin”]. Novosibirsk, Nauka publ., 1997, 479 p. (Pamyatniki fol’klora narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 16).

Khan Orba: bogatyrskoe skazanie [Heroic tale]. Abakan, 1989, 208 p.

Maaday Kara. Altayskiy geroicheskiy epos [Altai heroic epic]. Moscow, Nauka, 1973, 474 p.

Информация об авторе

Елена Валерьевна Тюттешева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-6651-2017

Information about the author

Elena V. Tyuntseva, Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6651-2017

Статья поступила в редакцию 23.06.2025;

одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 10.07.2025

The article was submitted on 23.06.2025;

approved after reviewing on 10.07.2025; accepted for publication on 10.07.2025

Научная статья

УДК 811.1/8

DOI 10.17223/18137083/92/18

Средства выражения интенсивности в русском жестовом языке

Елизавета Владимировна Филимонова

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

ev.filimonova@list.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1255-6938>

Аннотация

Рассматриваются средства выражения семантики интенсивности в русском жестовом языке. Исследование проводилось с помощью метода элицитации и корпусного метода. Результаты показали, что семантика интенсивности в русском жестовом языке может быть выражена на нескольких языковых уровнях: с помощью регулярных изменений параметров жеста, таких как движение и конфигурация, двуручной редупликации, немануальных маркеров и лексических жестов – интенсификаторов. В большинстве случаев для интенсификации используется сочетание мануальных и немануальных показателей. Русский жестовый язык обнаруживает большое сходство с другими жестовыми языками в отношении использования модификаций жеста и немануальных маркеров.

Ключевые слова

интенсивность, интенсификация, русский жестовый язык, немануальные маркеры, модификация жеста

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения: русский звучащий и русский жестовый язык» в Институте языкознания РАН

Для цитирования

Филимонова Е. В. Средства выражения интенсивности в русском жестовом языке // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 265–280. DOI 10.17223/18137083/92/18

Expression of intensification in Russian Sign Language

Elizaveta V. Filimonova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

ev.filimonova@list.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1255-6938>

Abstract

The paper describes the ways of expressing intensification in Russian Sign Language. The study methodology involves direct elicitation and analysis of data from the Russian Sign Lan-

© Филимонова Е. В., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 265–280
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 265–280

guage corpus. The findings indicate that Russian Sign Language uses diverse methods to express intensification. Regarding adjectives, intensity can be indicated through variations in signs parameters, including movement and configuration. Both adjectives and verbs can be intensified through two-handed reduplication. Also, non-manual markers play a crucial role, with common combinations including closed eyes, furrowed brows, an open mouth, or raised brows paired with an open mouth, often accompanied by head position changes. Additional non-manual intensifiers include puffed cheeks and the mouth gesture “af.” Lexical intensifiers are also used, such as OCHEN’ (VERY), PSIKH (CRAZY), and SIL’NO (STRONG), the latter likely loaned from spoken Russian and used predominantly by hard-of-hearing signers. OCHEN’ and PSIKH are applied to different type predicates and seem to differ stylistically. Notably, Russian Sign Language employs similar strategies for both intensification and narrative foregrounding, such as increased movement amplitude. While Russian Sign Language shares intensity-marking features with other sign languages (e.g., non-manual markers and parameter modulation), it diverges sharply from spoken languages as it relies not on affixation but on non-manual cues absent in oral communication.

Keywords

Russian Sign Language, intensification, non-manual markers, sign modification

Acknowledgments

The research was conducted under the State Assignment “Sociopragmatic Factors of Adaptation of Verbal and Kinetic Behavior in Russian and Russian Sign Language” at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

For citation

Filimonova E. V. Expression of intensification in Russian Sign Language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 265–280. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/18

Введение

Русский жестовый язык (РЖЯ) – естественный язык визуально-кинестической модальности, используемый для общения глухими и слабослышащими на территории России и некоторых стран СНГ [Беликов, 1983]. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., количество носителей составляет 120,5 тыс. [Введение в лингвистику жестовых языков..., 2019].

Средства выражения интенсивности изучались как в других жестовых языках, так и в РЖЯ. Несмотря на то что, согласно данным исследованиям, жестовые языки имеют сходство в выражении семантики интенсивности, в некоторых аспектах, таких как, например, лексические жесты – интенсификаторы, обнаруживаются и различия. Способы выражения интенсивности в РЖЯ изучались В. Харитоновой [2022]; также этот вопрос затрагивался в работе К. Аксенова [Aksenov, 2019], посвященной градуальным предикатам, и в диссертации М. Кюсовой [2018], посвященной физическим свойствам в РЖЯ. Данные работы, однако, описывают не все средства, использующиеся для выражения интенсивности в РЖЯ, и не затрагивают вопрос сочетания этих средств между собой. Исследование средств выражения интенсивности в РЖЯ может быть полезно и для выявления типологических сходств и различий в жестовых языках, и для выявления отличительных особенностей жестовых языков как языков визуально-кинестической модальности.

Интенсивность как семантическая категория

Категория интенсивности определяется как «особый способ количественной характеристики признака, лексическим воплощением, маркером которого можно

считать слово *очень* [Родионова, 2005, с. 153]. По мнению Е. И. Шейгал [1981], интенсивность является частным проявлением категории количественности, обозначающим недискретное количество, приблизительную количественную характеристику качества. От других способов характеристики признака, таких как сравнительная или достаточная величина, ее отличает наличие субъективности: в данном случае нет другого объекта для сравнения или установленной системы мер. Одна и та же ситуация может быть интерпретирована по-разному, говорящий считает, что количественное изменение признака достаточно значимо, чтобы информировать слушающего [Родионова, 2005, с. 157]. Поэтому данная категория рассматривается также как промежуточная между количеством и качеством: количественная модификация некоего качества делает это качество существенным для слушающего и привлекает к нему внимание. Таким образом, категория интенсивности включает в себя прагматический аспект, содержание которого передано с помощью понятий «выделенность» и «выдвижение» [Родионова, 2005, с. 156].

Н. Х. Савичева и Э. Ф. Рахимова отмечают, что категория интенсивности имеет трехчастную структуру: центральный член, представляющий собой понятие о норме, и два противочлена – больше нормы и меньше нормы [Савичева, Рахимова, 2016, с. 89]. В данной статье речь пойдет только о средствах выражения повышенной интенсивности в РЖЯ (больше нормы), средства выражения пониженной интенсивности были описаны в статье [Филимонова, 2024].

Категория интенсивности тесно пересекается с другими семантическими категориями, такими как градуальность, оценочность, эмотивность, компаративность и экспрессивность [Родионова, 2005; Кадысева, 2010].

Для передачи семантики интенсивности в звуковых языках могут использоваться различные средства. Лексические средства включают в себя интенсификаторы – эксплицитные средства усиления (*очень, сильно, весьма*) и интенсификаты, слова, имплицитно содержащие сему интенсивности (*великолепный, чудовищный*) [Родионова, 2005]. Среди морфологических средств выделяют аффиксы (*суперважный, ультрамодный*, нем. *hochinteressant* ‘очень интересный’, нидерл. *reuzegroot* ‘очень большой’), использование редупликации (польск. *nikt a nikt* ‘со всем никто, букв. никто и никто’, словацк. *veľa-preveľa* ‘очень много’ [Sojda, 2023]). Также отмечается использование компаундов (нидерл. *spinnijdig* ‘очень сердитый, букв. сердитый как паук’, нем. *kristallklar* ‘кристально ясный’); отличие компонентов spin- и kristall- от аффиксов заключается в том, что они используются только с указанными прилагательными [Wouden, Foolen, 2017]. Помимо того, интенсификация может быть выражена и на синтаксическом уровне с помощью сложноподчиненных предложений (например, построенных по модели *так, что, такой, что*) и особых синтаксических конструкций (*Вот это...; Ну и...*) [Родионова, 2005]. Для выражения семантики интенсивности также могут быть задействованы фонетические средства, такие как интонация (*До-о-олго он смотрел ей вслед*) [Там же]. С. Е. Родионова отмечает, что для выражения интенсивности в принципе характерно одновременное использование разноразрядных средств [Там же, с. 166].

Исследования средств выражения интенсивности в жестовых языках

Способы выражения семантики интенсивности в жестовых языках изучены довольно хорошо: в работах, посвященных различным жестовым языкам, анали-

зируются модификации (изменения) параметров жеста, двуручная редупликация, немануальные маркеры и лексические жесты, выражающие значение повышенной интенсивности.

Впервые исследователи жестовых языков обратили внимание на модификации параметров жеста¹ для интенсификации его значения на примере прилагательных в американском жестовом языке. Так, для жеста, приобретающего значение интенсивности, характерны следующие изменения: напряжение мышц руки и кисти, долгое удержание мануального артикулятора перед исполнением жеста, быстрое единичное движение и удержание жеста в конечной фазе [Klima, Bellugi, 1979, p. 259]. В работе [Willbur et al., 2012], выполненной на материале американского жестового языка, указывается также на увеличение амплитуды движения жеста и добавление траекторного движения в случае его отсутствия в исходной форме жеста. Схожие изменения параметров жеста для выражения семантики интенсивности отмечались в исследованиях британского [Sutton-Spence, Wall, 1999], австралийского [Jonston, Schembri, 2007] и итальянского [Brancini, Mantovan, 2020] жестовых языков. Позднее, в исследовании Ю. Аноуки [Anouki, 2019], эти данные подверглись проверке и количественному измерению на материале американского жестового языка. По ее результатам, удержание жеста в начальной и финальной фазах жеста значительно превышает таковое в исходной форме жеста, данные об ускорении движения и утрате повтора пока не подтверждаются.

В большинстве работ, посвященных данному вопросу, изменения, происходящие с жестом при выражении семантики интенсивности, рассматриваются как морфологический процесс, в частности как процесс словоизменения [Klima, Bellugi, 1979; Sandler, Lillo-Martin, 2006; Aronoff et al., 2005; Jonston, Schembri, 2007]. На это указывают регулярность и последовательность изменения формы жеста для выражения семантики интенсивности и применимость этих модификаций к определенной группе жестов, в отличие, например, от растягивания гласной в звуковых языках, что считается паралингвистическим феноменом и обычно употребляется вместе с другими средствами выражения интенсивности [Anouki, 2019].

В бразильском и итальянском жестовых языках также отмечается возможность использования двуручной редупликации² для выражения семантики интенсивности [Brancini, Mantovan, 2020; Xavier, 2013]. В бразильском жестовом языке также может использоваться изменение конфигурации или локализации жеста. Например, конфигурацию жеста ПАЦИЕНТ 'терпеливый' в бразильском жестовом языке в исходной форме составляют два пальца (указательный и средний) на обеих руках (жест симметричный с контактом рук между собой), в интенсифицированной форме все пальцы принимают одинаковую, открытую позицию [Xavier, 2013, p. 171].

Также исследовалась роль немануальных маркеров, использующихся для выражения интенсивности. Отклонение головы из нейтрального положения описывается в американском и итальянском жестовых языках [Willbur et al., 2012;

---

¹ Жест состоит из компонентов, или параметров, которые служат аналогами фонем в звуковых языках. Выделяют пять параметров жеста: конфигурация руки, локализация, ориентация, движение и немануальные маркеры (движения лица и тела) [Stokoe, 1960; Sandler, Lillo-Martin, 2006].

² Двуручная редупликация в жестовых языках представляет собой удвоение мануального артикулятора, при котором редуплицируемый сегмент и его копия исполняются одновременно [Буркова, Филимонова, 2014].

Brancini, Mantovan, 2020]. Нахмуренные брови отмечаются в американском, польском и итальянском жестовых языках [Willbur et al., 2012; Tomaszevski, Farris, 2010; Brancini, Mantovan, 2020]. Надувание щек служит показателем интенсивности в австралийском и польском жестовых языках. По наблюдениям исследователей австралийского жестового языка, этот маркер часто сопровождается выдохом и означает нечто очень большое или осуществляемое с большим усилием [Jonston, Schembri, 2007, p. 155]. Выпяченные губы обнаруживаются в польском и итальянском [Tomaszevski, Farris, 2010; Brancini, Mantovan, 2020]. Поджатые губы как маркер интенсивности отмечаются в австралийском жестовом языке: они ассоциируются с негативными контекстами и часто употребляются с мануальными жестами TERRIBLE ‘ужасный’, RISKY ‘рискованный’, SORE ‘болезненный’ [Jonston, Schembri, 2007, p. 155].

Также в выражении интенсивности участвуют жесты рта, связанные с произнесением определенных звуков. Так, некоторые жесты в американском жестовом языке могут сопровождаться маусингом *too* ‘слишком’, заимствованным из звукового языка [Willbur et al., 2012, p. 96]. Другие артикулируемые показатели не имеют связи со звуковым языком. Так, жест рта с артикуляцией «аф» употребляется как показатель интенсивности в польском жестовом языке [Tomaszevski, Farris 2010, p. 302]. Жест рта с артикуляцией «ее», представляющий собой растягивание губ с обнажением зубов, описан в исследованиях австралийского жестового языка. Исследователи полагают, что этот маркер указывает на близость во времени или пространстве; он часто употребляется в сочетании с немануальным маркером, который выглядит как наклон головы к плечу и одновременно подъем плеча к голове [Jonston, Schembri, 2007, p. 155]. Жесты рта также, по наблюдениям американских исследователей, синхронизированы с мануальными жестами: позиция рта начинает меняться только после начала движения, т. е. немануальный показатель также обнаруживает задержку артикуляции [Willbur et al., 2012].

В жестовых языках есть и лексические жесты, передающие значение интенсивности: жесты VERY ‘очень’, QUITE ‘довольно’ в британском жестовом языке [Sutton-Spence, Wall, 1999], жесты VERY ‘очень’, TRUE ‘настоящий’ в австралийском [Jonston, Schembri, 2007]. Жест американского жестового языка VERY ‘очень’ не встречается в корпусе и считается калькированным со звукового языка. Другой заимствованный из звукового языка жест (посредством дактиля³) – *too* ‘слишком’. В американском жестовом языке есть еще один жест, употребляющийся как интенсификатор и глоссируемый как Y-OO (рука в конфигурации «Y» совершает круговые движения возле носа); этот жест не может употребляться с градуальными прилагательными и отменяет удержание в начале адъективного жеста [Willbur, Malaia, Shay, 2012, с. 96].

В РЖЯ В. Харитонова выделяет такие средства интенсификации, как жест ОЧЕНЬ, немануальный компонент, например, открытый рот, нахмуренные брови, а также указывает на то, что изменение формы жестов-прилагательных в РЖЯ совпадает с описанным для американского жестового языка в работе [Willbur et al., 2012]. В работе [Aksenov, 2019] делается попытка разграничить функции лексических жестов – интенсификаторов. В диссертации М. Кюсовой рассматриваются

---

³ Дактильная азбука – передача букв русского алфавита с помощью конфигураций руки.

некоторые немануальные маркеры, указывающие на увеличение количества признака [Кюсева, 2018].

Способы выражения повышенной интенсивности в РЖЯ

Материалом исследования послужили данные эlicitации от 6 информантов, собранные в Москве и Новосибирске, а также данные корпуса текстов РЖЯ [Буркова, 2012–2015]. В результате исследования были обнаружены следующие способы выражения интенсивности у глаголов и прилагательных в РЖЯ: изменение (модификация) параметров жеста, двуручная редупликация, использование немануальных маркеров и лексические жесты – интенсификаторы. Данные средства могут использоваться независимо друг от друга, но в большинстве случаев интенсивность маркируется сочетанием нескольких средств.

1. Изменение параметров жеста

В основном для интенсификации признака модифицируются характеристики параметра движения. Для выражения повышенной интенсивности у прилагательных характерны увеличение амплитуды исполнения жеста, удержание жеста в начальной и конечной точках и напряженность мануального артикулятора. Так, в исходной форме жеста ТЯЖЕЛЫЙ есть траекторное движение: ведущая рука поднимается вверх от пассивной руки и, меняя ориентацию, возвращается на пассивную руку. В интенсифицированной форме жеста ведущая рука поднимается выше по сравнению с исходной формой (рис. 1). В жесте ИНТЕРЕСНЫЙ в исходной форме есть круговое повторяющееся движение; в интенсифицированной форме оно имеет больший диаметр.

Рис. 1. Жест ТЯЖЕЛЫЙ без интенсификации и в интенсифицированной форме
Fig. 1. The sign TIAZHELYI (HEAVY) in neutral and intensified forms

При этом в некоторых случаях в интенсифицированной форме жеста присутствует не весь комплекс данных модификаций параметров жеста. Это может объясняться, например, тем, что у некоторых жестов невозможно увеличить амплитуду движения. Например, жесты ПЛОХОЙ и СТАРЫЙ исполняются на лице (на носу и щеке соответственно), т. е. ограничены своей локализацией, поэтому для

интенсификации признака используется только напряженность руки и удержание жеста в начальной и конечной точках (а также немануальные маркеры) (рис. 2).

Рис. 2. Жест СТАРЫЙ в интенсифицированной форме
Fig. 2. The intensified form of the sign STARYY (OLD)

Стоит отметить, что увеличение амплитуды движения также наблюдается при выдвигании клаузы на первый план в нарративе, наряду с большей длительностью исполнения жеста [Филимонова, 2023, с. 75]. Таким образом, в РЖЯ наглядно проявляется прагматический аспект категории интенсивности, вплоть до того, что семантика интенсивности и выдвигание на первый план в нарративе осуществляются теми же средствами.

Некоторые жесты в интенсифицированной форме характеризуются увеличением скорости исполнения, но данное явление не отличается регулярностью. Более того, быстрое движение, одиночное или повторяющееся, обычно используется для описания событий и характеристик, семантически связанных с быстротой движения. Например, некоторые глаголы могут исполняться с быстрым повторяющимся движением: жест ДОЖДЬ.ИДТИ с ускоренным движением обозначает сильный дождь, ливень; скорость движения в жесте СКАКАТЬ иконически отражает скорость движения лошади; жест БЫСТРЫЙ может исполняться с быстрым единичным движением или с быстрым редуцированным движением. Однако данный способ не используется с теми жестами, интенсификация которых семантически не связана с ускорением (МЕДЛЕННО, ИНТЕРЕСНО). Таким образом, это скорее иконичный способ передать быстроту движения, чем регулярный способ выражения семантики интенсивности.

Что касается других параметров жеста, материал содержит несколько примеров изменения конфигурации жеста. Например, жест СИЛЬНЫЙ обычно исполняется у плеча пассивной руки указательным пальцем ведущей руки (полукругом очерчивает мускулы). Один из информантов, чтобы передать значение 'очень сильный', меняет конфигурацию ведущей руки (рис. 3). Такая форма жеста СИЛЬНЫЙ также встречается в корпусе у нескольких информантов. Схожие изменения

конфигурации наблюдаются в употреблении жеста ОЧЕНЬ, что будет рассмотрено подробно ниже, в пункте 4.

Рис. 3. Жест Сильный в исходной форме и с изменением конфигурации
Fig. 3. The sign SIL'NY (STRONG) in its neutral form and with reconfiguration

2. Двуручная редупликация

В качестве средства интенсификации может использоваться двуручная редупликация. Большую часть собранного материала составляют глагольные жесты, в исходной форме одноручные, но при выражении семантики интенсивности выполняющиеся двумя руками. Например, жест ПОМНИТЬ:NEG выполняется двумя руками, в то время как обычно он выполняется одной. Достаточно регулярно такой способ используется для интенсификации адъективного жеста ХОРОШИЙ (рис. 4). Также в полученных данных встречается случай двуручного исполнения отрицательного жеста ОТСУТСТВОВАТЬ, который обычно выполняется одной рукой у рта. Жест описывает отсутствие чего-то либо, и, так как отсутствие затруднительно измерить, в данном случае можно предположить, что двуручная редупликация выполняет экспрессивную функцию (1).

- (1) ОТСУТСТВОВАТЬ ИТОГ ОТСУТСТВОВАТЬ КНИГА
'Нет, у меня вообще нет книги!'

3. Немануальные маркеры

Для маркирования интенсивности в РЖЯ используется большое количество немануальных маркеров, которые в основном представляют собой движения различных частей лица, а также изменение положения головы. К выражению интенсивности могут иметь отношение следующие немануальные маркеры: брови (нахмуренные или поднятые), глаза (широко открытые, прищуренные, закрытые, взгляд вверх), рот (открытый, приоткрытый, поджатые губы), щеки (надутые).

Рис. 4. Жест ХОРОШИЙ,
интенсифицированный с помощью
двуручной редупликации

Fig. 4. The sign KHOROSHIY (GOOD)
intensified by two-handed
reduplication

Определить точные функции всех немануальных маркеров на данный момент затруднительно. Немануальные маркеры имеют множество функций – просодические, грамматические, синтаксические, а также передают эмоции и мимику. Тем не менее в данном исследовании удалось выявить некоторые закономерности в употреблении немануальных маркеров для выражения интенсивности.

Во-первых, анализ материала показывает, что некоторые немануальные маркеры имеют тенденцию употребляться совместно друг с другом. Такая закономерность уже отмечалась С. И. Бурковой при описании маркирования условных конструкций. По ее мнению, каждый из немануальных маркеров обладает более обобщенным значением и вносит вклад в формирование общего смысла [Буркова, 2012, с. 56].

Для маркирования интенсивности чаще всего используется сочетание таких немануальных маркеров, как «нахмуренные брови», «прищуренные глаза» и «открытый рот» (37 % случаев). Также встречается сочетание маркеров «открытый рот» и «поднятые брови» (12 % случаев).

Мануальный жест в интенсифицированной форме часто сопровождается маркером «закрытые глаза», иногда в сочетании с изменением положения головы (16 % случаев). Движения глаз четко синхронизированы с движениями руки: глаза открываются / закрываются точно в момент начала или конца движения руки. В основном этот маркер появляется в положительных контекстах (2), (3).

- _____ес
- (2) ТАКОЙ САМ КАЧЕСТВО **ЦЕННЫЙ**
‘[Детали] сами такие качественные, ценные’.

- _____ес
- (3) INDX ⁴ ОБОЖАТЬ **ЛЮБИТЬ** ЖЕНА
 'Он безумно любит жену'.

Для передачи семантики интенсивности также используются немануальные маркеры «надутые щеки» (рис. 5) и «аф». Согласно исследованию М. Кюсевой, с помощью этих маркеров выражаются большие значения признака [Кюсева, 2018, с. 19]. Некоторые жесты всегда сопровождаются артикуляцией «аф», как, например, жест **ОЧЕНЬ.МНОГО**. Другие жесты, особенно классификаторы, могут сопровождаться им, чтобы указать на то, что данный предмет является большим (4) или длинным (5).

- _____af
- (4) INDX ТРИ КОРОБКА++ ОДИН КОРОБКА ДВА КОРОБКА СРЕДНИЙ ТРЕТИЙ **КОРОБКА**
 'Там три коробки, одна коробка, вторая коробка средняя, третья коробка большая'.
- _____af
- (5) ЮБКА INDX **ДЛИННЫЙ**
 'Эта юбка длинновата'.

Рис. 5. Немануальный маркер «надутые щеки», употребленный с мануальным классификаторным жестом РЯД, передает значение 'долго стоял в очереди'

Fig. 5. The non-manual marker 'puffed cheeks' applied to the classifier sign RYAD (ROW) conveying the meaning 'stood in line for a long time'

Часто немануальные маркеры являются лексическим компонентом жеста (например, прищуренные глаза при описании ветра, взгляд вверх при описании высокого), выражают оценку (поджатые губы при описании достижений), отражают эмоции говорящего (поднятые брови при удивлении). Вероятно, такие не-

⁴ Условные обозначения в глоссах: af – жест рта с артикуляцией «аф»; ес – закрытые глаза; INDX – указательный жест; DISTR – значение дистрибутива; : – несегментное выражение нескольких значений в рамках одной формы; NEG – отрицание; + – повторение при редукации; К-М – передача слов с помощью дактиля.

мануальные маркеры могут блокировать появление немануальных показателей интенсивности. На данный момент нельзя говорить о полной грамматикализации немануальных маркеров интенсивности в РЖЯ, они все еще тесно связаны с выражением эмоционального состояния, что не позволяет определить функции немануального маркера в конкретном случае. К тому же употребление немануальных маркеров различается у разных информантов: у некоторых они используются активнее и являются более выраженными, другие информанты используют немануальные маркеры сдержанно, особенно в сочетании с лексическими интенсификаторами.

4. Лексические интенсификаторы

В РЖЯ обнаруживаются и лексические жесты, которые употребляются с глаголами и прилагательными для выражения семантики интенсивности. В полученных данных встречаются три таких жеста – **ОЧЕНЬ**, **ПСИХ** и **СИЛЬНЫЙ**.

Указанные жесты рассматриваются в работе К. Аксенова как модификаторы степени. Согласно его данным, употребление жеста **ОЧЕНЬ** ограничено стативными предикатами (см. (6), (7)), тогда как жест **ПСИХ** может сочетаться с предикатами, обозначающими процессы, качества, стативными глаголами. Также, по его мнению, жест **ПСИХ** ориентирован на момент говорения: **ОНА КРАСИВЫЙ ПСИХ** подразумевает 'она очень красивая (и я это вижу сейчас)', тогда как **ОНА ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ** подразумевает 'она очень красивая (всегда)' [Aksenov, 2019].

Что касается различий в сочетании с типами предикатов, мой материал также подтверждает эту корреляцию: жест **ОЧЕНЬ** не употребляется с жестами, обозначающими процессы, тогда как жест **ПСИХ** может использоваться с предикатами, обозначающими процессы, и состояния. Также можно предположить, что жест **ПСИХ** употребляется для более сильной и выраженной интенсификации – он употребляется в высказываниях, где интенсивность ситуации дополнительно подчеркнута контекстом: ссора с бросанием тарелок (8), скорость 200 км/ч (9). Носители языка также обращают внимание на сферу употребления этих жестов: так, переводчики не склонны использовать жест **ПСИХ** в официальной обстановке; возможно, сфера его употребления ограничена неформальным общением и бытовым контекстом.

(6) **ГЛУХОЙ СЛЕПОЙ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО**

'Слепому очень тяжело'.

(7) **ОЧЕНЬ СКУЧНО** ВСЕГДА ОБЪЯСНЯТЬ

'[Учитель] всегда объяснял очень скучно'.

(8) **ТАРЕЛКА БРОСИТЬ ДРАКА ВМЕСТЕ РУГАТЬСЯ ПСИХ** ОЧЕНЬ СИЛЬНО

'Тарелки бросают, дерутся, сильно ссорятся'.

(9) **ОБОГНАТЬ СКОРОСТЬ 200 К-М БЫСТРЫЙ ПСИХ**

'Обогнал на скорости 200 км/ч'.

Как было упомянуто выше, жест **ОЧЕНЬ** может исполняться с другой конфигурацией. В исходной форме он имеет конфигурацию «Э»: форму руки составляют только два пальца – большой и указательный, а остальные находятся в закрытой позиции. В полученных данных есть примеры исполнения с конфигурацией «С», при которой все пальцы согнуты и находятся в одинаковой позиции. Жест **ОЧЕНЬ** с конфигурацией «С» может использоваться как для передачи значения 'очень', так и для передачи значения 'слишком'. В изменении конфигурации жеста прояв-

ляется та же тенденция, что и с жестом СИЛЬНЫЙ: чем больше выбранных⁵ пальцев в конфигурации, тем интенсивнее значение. Похожая ситуация описана в диссертации М. Кюсевай для жестов ВЛАЖНЫЙ и МОКРЫЙ: в первом движение выполняется средним и большим пальцами, во втором – всеми пальцами, так, степень влажности кодируется иконически в данных жестах [Кюсева, 2018, с. 14]. Жест ОЧЕНЬ также может быть дополнительно усилен с помощью модификаций движения: он может исполняться с большей амплитудой и удержанием в начальной и конечной позициях.

Жест СИЛЬНЫЙ, предположительно, в роли интенсификатора является заимствованием из русского языка. Согласно корпусным данным, в роли интенсификатора он используется редко, преимущественно слабослышащими информантами.

Выводы

РЖЯ обладает широким набором средств для выражения семантики интенсивности: наиболее регулярно и последовательно используются модификации параметра «движение», немануальное маркирование и лексические интенсификаторы. При этом редко значение интенсивности выражается только одним средством: для РЖЯ характерно сочетание мануального и немануального выражения интенсивности.

РЖЯ обнаруживает большее сходство с другими жестовыми языками в отношении показателей интенсивности: наблюдаются те же изменения параметров конфигурации и движения, а также активное использование немануального маркирования, причем многие немануальные маркеры также совпадают в разных жестовых языках (нахмуренные брови, надутые щеки, «аф»). Больше различий в жестовых языках наблюдается в лексических интенсификаторах.

Маркирование интенсивности в РЖЯ отличается от средств, используемых в звуковых языках. Изменение характеристик движения в структуре жеста сравнивается лингвистами с удлинением гласных в звуковых языках, которое не является регулярным и относится исследователями к паралингвистическим феноменам. В жестовых же языках данное явление регулярно, свойственно разным жестовым языкам и рассматривается как морфологическое явление. В РЖЯ, как и в других жестовых языках, исследованных на данный момент, не встречается случаев выражения интенсивности с помощью аффиксации или компаундов. Выражение семантики интенсивности с помощью немануального маркирования также является особенностью жестовых языков в силу их визуально-кинестической модальности.

Список литературы

Беликов В. И. Жестовые системы коммуникации // Семиотика и информатика. М., 1983. Вып. 20. С. 127–148.

Буркова С. И. Корпус русского жестового языка [Электронный ресурс] / Рук. проекта С. И. Буркова. Новосибирск, 2012–2015. URL: <http://rsl.nstu.ru/> (дата обращения 10.05.2024).

---

⁵ Выбранные пальцы составляют особую конфигурацию руки, они могут двигаться и изменять положение; невыбранные пальцы остаются в одном положении и служат фоном [Введение в лингвистику жестовых языков..., 2019].

Буркова С. И. Условные конструкции в русском жестовом языке // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция: Сб. ст. / Под ред. О. В. Федоровой. М.: Буки Веди, 2012. С. 50–81.

Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: Учебник / [С. И. Буркова, В. И. Киммельман, Е. В. Филимонова и др.]; ред. С. И. Буркова, В. И. Киммельман. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 354 с.

Буркова С. И., Филимонова Е. В. Редупликация в русском жестовом языке // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 202–258.

Кадышева С. С. Категория интенсивности в системе функционально-семантических, функционально-стилистических стилей категорий // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2010. Т. 12, № 5. С. 196–199.

Кюсева М. В. Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 222 с.

Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.

Савичева Н. Х., Рахимова Э. Ф. Понятие семантической категории интенсивности и ее языковое выражение // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3 (45). С. 87–89.

Филимонова Е. В. Основная линия и фон в нарративах в русском жестовом языке: роль аспектуальности и акциональности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2023). Серия 22. М.: Изд-во МИИ, 2023. Т. 22. С. 69–78.

Филимонова Е. В. Средства выражения аттенуативной семантики в русском жестовом языке // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: Сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. М.: МГЛУ, 2024. С. 117–121.

Харитонов В. Д. Средства усиления в русском жестовом языке // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 142–148.

Шейгал Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 244 с.

Aksenov K. Gradable predicates in Russian Sign Language. Higher School of Economics. Working paper. Moscow, 2019. 19 p.

Aonuki Y. Adjective intensification in American Sign Language // Proceedings of Canadian Linguistics Association. Vancouver, 2019. URL: <https://cla-acl.ca/pdfs/actes-2019/Aonuki-CLA-2019.pdf/>.

Aronoff M., Meir I., Sandler W. The Paradox of Sign Language Morphology // Language. 2005. Vol. 81 (2). P. 301–344.

Branchini C., Mantovan L. (eds.). A grammar of Italian Sign Language (LIS). Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2020. 827 p.

Johnston T., Schembri A. Australian Sign Language (Auslan). An introduction to Sign Language Linguistics. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2007. 323 p.

Klima E., Bellugi U. The signs of language. Cambridge, MA; London: Harvard Uni. Press, 1979. 417 p.

Sandler W., Lillo-Martin D. Sign Language and Linguistic Universals. New York: Cambridge Uni. Press, 2006. 547 p.

Sojda S. The Intensifying Function of Reduplication in Contemporary Polish and Slovak // Journal of Linguistics / Jazykovedný časopis. 2023. No. 73 (2). P. 161–174.

Stokoe W. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. New York: Uni. of Buffalo, 1960. 78 p.

Sutton-Spence R., Woll B. The Linguistics of British Sign Language. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1999. 299 p.

Tomaszewski P., Farris M. Not by the Hands Alone: Functions of Non-Manual Features in Polish Sign Language // Studies in the Psychology of Language and Communication. Warszawa: Matrix, 2010. P. 289–320.

Wooden T. van der, Foelen A. A most serious and extraordinary problem. Intensification of adjectives in Dutch, German, and English // Leuvense Bijdragen. 2017. No. 101. P. 82–100.

Willbur R., Malaia E., Shay R. Degree modification and intensification in American Sign Language adjectives // Logic, Language and Meaning: 18th Amsterdam Colloquium. Amsterdam, 2012. P. 92–101.

Xavier A. N. Doubling of the number of hands as a resource for the expression of meaning intensification in Brazilian Sign Language (Libras) // Journal of Speech Sciences. 2013. No. 3 (1). P. 169–180.

References

A grammar of Italian Sign Language (LIS). Branchini C., Mantovan L. (Eds.). Venezia, Edizioni Ca' Foscari, 2020, 827 p.

Aksenov K. Gradable predicates in Russian Sign Language. Higher School of Economics. Working paper. Moscow, 2019, 19 p.

Aonuki Y. Adjective intensification in American Sign Language. In: *Proceedings of Canadian Linguistics Association*. Vancouver, 2019. URL: <https://cla-acl.ca/pdfs/actes-2019/Aonuki-CLA-2019.pdf/>.

Aronoff M., Meir I., Sandler W. The Paradox of Sign Language Morphology. *Language*. 2005, vol. 81 (2), pp. 301–344.

Belikov V. I. Zhestovyye sistemy kommunikatsii [Sign systems of communication]. *Semiotika i informatika*. Moscow, 1983, iss. 20, pp. 127–148.

Burkova S. I., Filimonova E. V. Reduplikatsiya v russkom zhestovom yazyke [Reduplication in Russian Sign Language]. *Russian Language and Linguistic Theory*. Moscow, 2014, no. 2 (28), pp. 202–258.

Burkova S. I. *Korpus russkogo zhestovogo yazyka* [Russian Sign Language Corpus]. Novosibirsk, 2012–2015. URL: <http://rsl.nstu.ru/> (accessed 10.05.2024)

Burkova S. I. Uslovnyye konstruksii v russkom zhestovom yazyke [Conditional constructions in Russian Sign Language]. In: *Russkiy zhestovyy yazyk: Pervaya lingvisticheskaya konferentsiya: Sb. st.* [Russian sign language: First linguistic conference: Coll. of art.]. O. V. Fedorova (Ed.). Moscow, Buki Vedi, 2012, pp. 50–81.

Filimonova E. V. Osnovnaya liniya i fon v narrativakh v russkom zhestovom yazyke: rol' aspektual'nosti i aktsional'nosti [Foreground and background in Russian Sign Language narratives: the role of aspect and actionality]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" (2023). Seriya 22* [Computational linguistics and intelligent technologies. Based on the materials of the annual international conference "Dialogue" (2023). Series 22]. Moscow, 2023, pp. 69–78.

Filimonova E. V. Sredstva vyrazheniya attenuativnoy semantiki v russkom zhestovom yazyke [Means of expressing attenuative semantics in Russian Sign Language]. In: *Mezhkul'turnoe prostranstvo zhestovykh yazykov: perevod, kommunikatsiya, issledova-*

niya: *Sb. nauch. st. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Intercultural space of sign languages: translation, communication, research: Coll. sci. art. III Int. sci.-pract. conf.]. Moscow, MSLU, 2024, pp. 117–121.

Johnston T., Schembri A. Australian Sign Language (Auslan). In: *An introduction to Sign Language Linguistics*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2007, 323 p.

Kadyseva S. S. Kategoriya intensivnosti v sisteme funktsional'no-semanticheskikh, funktsional'no-stilisticheskikh stiley kategoriy [Category of intensification as a part of system of functional-semantic and functional-stylistic categories]. *Izvestia RAS SamSC*. 2010, vol. 12, no. 5, pp. 196–199.

Kharitonova V. D. Sredstva usileniya v russkom zhestovom yazyke [Means of intensification in Russian Sign Language]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. Moscow, 2022, iss. 2 (857), pp. 142–148.

Klima E., Bellugi U. *The signs of language*. Cambridge, MA, London, Harvard Uni. Press, 1979, 417 p.

Kyuseva M. V. *Fizicheskiye svoystva v russkom zhestovom yazyke v tipologicheskoy osveshchenii* [Physical properties in Russian Sign Language in typological perspective]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2018, 222 p.

Rodionova S. E. Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke [Semantics of intensification and its expression in modern Russian language]. In: *Problemy funktsional'noy grammatiki: polevye struktury* [Issues of functional grammar: field structures]. A. V. Bondarko, S. A. Shubik (Eds.). St. Petersburg, Nauka, 2005, pp. 150–168.

Sandler W., Lillo-Martin D. *Sign Language and Linguistic Universals*. New York, Cambridge Uni. Press, 2006, 547 p.

Savicheva N. Kh., Rakhimova E. F. Ponyatie semanticheskoy kategorii intensivnosti i ee yazykovoe vyrazhenie [Concept of semantic category of intensification and its expression on language]. *International research journal*. 2016, no. 3 (45), pp. 87–89.

Sheygal E. I. *Intensivnost' kak komponent semantiki slova v sovremennom angliyskom yazyke* [Intensification as a component of word semantics in modern English]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1981, 244 p.

Sojda S. The Intensifying Function of Reduplication in Contemporary Polish and Slovak. *Journal of Linguistics*. 2023, no. 73 (2), pp. 161–174.

Stokoe W. *Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf*. New York, Uni. of Buffalo, 1960, 78 p.

Sutton-Spence R., Woll B. *The Linguistics of British Sign Language*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1999, 299 p.

Tomaszewski P., Farris M. Not by the Hands Alone: Functions of Non-Manual Features in Polish Sign Language. In: *Studies in the Psychology of Language and Communication*. Warszawa, Matrix, 2010, pp. 289–320.

Vvedenie v lingvistiku zhestovykh yazykov. Russkiy zhestovyy yazyk: Uchebnik [Introduction to sign language linguistics. Russian Sign Language: Textbook]. Burkova S. I., Kimmel'man V. I. (Eds.) Novosibirsk, NSTU, 2019, 355 p.

Willbur R., Malaia E., Shay R. Degree modification and intensification in American Sign Language adjectives. In: *Logic, Language and Meaning: 18th Amsterdam Colloquium*. Amsterdam, 2012, pp. 92–101.

Wooden T. van der, Foolen A. A most serious and extraordinary problem. Intensification of adjectives in Dutch, German, and English. *Leuvense Bijdragen*. 2017, no. 101, pp. 82–100.

Xavier A. N. Doubling of the number of hands as a resource for the expression of meaning intensification in Brazilian Sign Language (Libras). *Journal of Speech Sciences*. 2013, no. 3 (1), pp. 169–180.

Информация об авторе

Елизавета Владимировна Филимонова, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник лаборатории мультимедийной коммуникации Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия)
Scopus Author ID 57209606581

Information about the author

Elizaveta V. Filimonova, Candidate of Philology, Junior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Scopus Author ID 57209606581

*Статья поступила в редакцию 24.05.2024;
одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 12.07.2024
The article was submitted on 24.05.2024;
approved after reviewing on 12.07.2024; accepted for publication on 12.07.2024*

Рецензии

Рецензия

УДК 81

DOI 10.17223/18137083/92/19

Рецензия на книгу:

Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: Монография. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.

Наталья Викторовна Патроева

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Аннотация

Предлагается разбор концепции, представленной в новой монографии Санкт-Петербургских лексикографов. Книга посвящена проблемам изучения и лексикографического представления устойчивых словесных комплексов старорусской эпохи. Авторы описывают структуру, морфологический состав, особенности употребления, семантику, типы и варианты фразеологизмов, зафиксированных в памятниках XVI–XVII вв. и функционировавших в сфере делового и повседневного общения. На основе разноаспектного анализа старорусского фразеологического фонда решается целый комплекс теоретических и прикладных задач: выявление параметров типологизации и классификация устойчивых словесных комплексов, выработка принципов лексикографической фиксации в историческом дифференцированном фразеологическом словаре и актуальных тенденций в сфере исторической фразеологии, представление макро- и микроструктуры фразеологического словаря дифференциального типа и образцов вокабул.

Ключевые слова

историческая лексикография, дифференцированный словарь фразеологизмов, стереотипная формула, идиома, плеонастические устойчивые комплексы, тавтологические устойчивые комплексы, фразеология, деловой и обиходный язык, Московская Русь

Для цитирования

Патроева Н. В. Рецензия на книгу: Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: Монография. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с. // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 281–284. DOI 10.17223/18137083/92/19

© Патроева Н. В., рец., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 281–284
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 281–284

Book review:

Generalova E. V., Zinovieva E. I. Istoki russkoy frazeologii: ustoychivye sochetaniya yazyka delovogo i povsednevnogo obshcheniya Moskovskoy Rusi 16–17 vv.: Monografiya [The origins of Russian phraseology: Fixed expressions in the business and everyday language of Muscovite Rus' (16th–17th centuries): Monograph]. St. Petersburg, Publishing Press Association, 2024, 462 p.

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation

nvpatr@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Abstract

The monograph under review presents a study of fixed expressions in the administrative and everyday language of Muscovite Rus'. The authors analyze the structure, morphological composition, usage patterns, semantics, and variants of phraseological units attested in 16th–17th century texts, offering a comprehensive typology of these linguistic phenomena. The work addresses both theoretical and practical challenges in historical phraseology. These include developing classification parameters for fixed expressions, establishing principles for their lexicographic representation in a historical differential phraseological dictionary, identifying current trends in historical phraseography, and proposing macro- and microstructural models for such a dictionary with sample entries. Notably, the study examines stereotyped formulas, idioms, and pleonastic/tautological fixed complexes, shedding light on their functional and semantic evolution. The analysis of Muscovite Rus' administrative and colloquial language provides valuable insights into the sociolinguistic dynamics of the period.

Keywords

historical lexicography, differentiated dictionary of phraseological phrases, stereotyped formula, idiom, pleonastic/tautological fixed complexes, phraseology of business and everyday language of Muscovite Rus'

For citation

Patroeva N. V. Book review: Generalova E. V., Zinovieva E. I. Istoki russkoy frazeologii: ustoychivye sochetaniya yazyka delovogo i povsednevnogo obshcheniya Moskovskoy Rusi 16–17 vv.: Monografiya [The origins of Russian phraseology: Fixed expressions in the business and everyday language of Muscovite Rus' (16th–17th centuries): Monograph]. St. Petersburg, Publishing Press Association, 2024, 462 p. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 281–284. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/19

Область устойчивых сочетаний и фраз благодаря достижениям российской академической и вузовской науки (прежде всего Московской, Санкт-Петербургской, Томской и Самаркандской школ фразеологии и фразеографии) на протяжении последних десятилетий переживала период бурного становления и плодотворного развития: число посвященных проблемам общей и частной, сопоставительной, диалектной и исторической фразеологии монографий, статей, словарей неуклонно растет, что отражает активный исследовательский интерес к этим разделам современной филологии. Появление новых лексикографических изданий, отражающих историю народной речевой культуры той или иной эпохи, всегда находит широкий читательский отклик, вызывая научные дискуссии, – например,

в сфере этимологических гипотез, принципов описания устойчивых оборотов или отбора источников для словарного представления фразеологизмов. Так, итог многолетним разысканиям в области славянской и русской исторической лексикологии, которые велись не только членами Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов – лингвистами Санкт-Петербурга, Магнитогорска и др. городов России, но и фольклористами, этнографами, историками, культурологами, подвели словари [Бирх, 2005] и [БФСЯ, 2020–2024].

Рецензируемая монография состоит из двух частей, первая из которых последовательно и подробно излагает теоретико-методологические основы исследования и принципы описания старорусского фразеологического фонда. Важно, что авторы подчеркивают отличия в содержании термина «фразеологизм» в его применении к диахронии и синхронии: если в аспекте современного языкового состояния главными свойствами фразем являются постоянство состава, семантическая спаянность компонентов и устойчивость при воспроизведении в речи, порождающие идиоматичность оборота, то с точки зрения становления фразеологизмов «трудно говорить об устойчивости сочетаний... в связи с невозможностью в большинстве случаев установить момент фразеологизации» [Генералова, Зиновьева, 2024, с. 15]. Кроме того, как процесс, а не результат фразеологизации при диахронном рассмотрении следует рассматривать обретение таких существенных признаков, как семантический сдвиг (метафоричность), экспрессивность, стилистическая окраска.

Источниковой базой исследования служат деловая письменность, бытовые повести и демократическая сатира, семейная и дружеская переписка эпохи Московского государства, отражающие обиходно-разговорный язык XVI–XVII вв. и становление жанров светской словесности в допетровское время как значимый начальный период становления общенационального русского языка. Создатели монографии опирались также на данные старорусского подкорпуса «Национального корпуса русского языка», материалы исторических словарей и личных карточек.

В объем фразеологии, включенной в описание, вошли, в соответствии с так называемым широким пониманием ее границ, наряду с фразеологическими сравнениями, единствами и сочетаниями (в их виноградской трактовке), лексикализованные, терминологические, плеонастические и тавтологические сочетания, стереотипные формулы, паремии, разграничение которых предполагает выбор авторами монографии в качестве ведущего дифференцированного подхода к составлению исторического словаря.

Вторая часть монографии представляет логично и адекватно материалу выстроенную концепцию лексикографического представления фразеологизмов, объяснение применяемого в структуре вокабул метаязыка, а также новый ценнейший материал, во многом еще не включавшийся в словарные описания: пробные статьи исторического дифференциального фразеологического словаря, посвященные идиомам, устойчивым предложно-падежным комплексам, формульным и терминологическим сочетаниям, зафиксированным в памятниках делового и обиходно-разговорного языка Московской Руси. Приведем только некоторые примеры слов и выражений, включенных в качестве пробных вокабул в монографию: *говорить не по делу, убить бобра, александрийская бумага, ваше благоутробие, в свал, за посмех, (не) за обычай, без ведания, мед братский, сосуд избранный, бурмитский жемчуг* и др.

Заключая, подчеркнем, что книга Санкт-Петербургских исследователей стала закономерным результатом многолетнего кропотливого и неустанный труда членов Межкафедрального словарного кабинета, созданного в 1960 г. по инициативе проф. Б. А. Ларина. Хотелось бы пожелать авторам монографии скорее порадовать всех заинтересованных читателей выходом в свет первого тома словаря старорусской фразеологии.

Список литературы

Бирих А. К. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2005. 926 с.

БФСЯ – Большой фразеологический словарь старославянского языка / Авт.-сост.: С. Г. Шулежкова и др. М.: Флинта, 2020–2024. Т. 1–4. (продолжающееся издание)

Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв.: Монография. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.

References

Birikh A. K. *Russkaya frazeologiya: Istoriko-etimologicheskii slovar': okolo 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units]. A. K. Birikh, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova (Comps.); V. M. Mokienko (Ed). 3rd ed. Moscow, Astrel', AST: Khranitel', 2005, 926 p.

Bol'shoy frazeologicheskii slovar' staroslavjanskogo yazyka [A comprehensive phraseological dictionary of the Old Church Slavonic language]. S. G. Shulezhkova et al. (Comps.). Moscow, Flinta, 2020–2024, vols. 1–4. (cont. ed.)

Generalova E. V., Zinov'eva E. I. *Istoki russkoy frazeologii: ustoychivye sochetaniya yazyka delovogo i povsednevnogo obshcheniya Moskovskoy Rusi 16–17 vv.: Monografiya* [The origins of Russian phraseology: stable combinations of the language of business and everyday communication of Moscow Rus of the 16th – 17th centuries]. St. Petersburg, 2024, 462 p.

Информация об авторе

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)

Scopus Author ID 56732932100

WoS Researcher ID ABF-7100-2020

Information about the author

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philology, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 56732932100

WoS Researcher ID ABF-7100-2020

Статья поступила в редакцию 30.01.2025;

одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 10.03.2025

The article was submitted on 30.01.2025;

approved after reviewing on 10.03.2025; accepted for publication on 10.03.2025

Сибирский филологический журнал

Научный журнал

2025. № 3

Учредители

Сибирское отделение РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Томский государственный педагогический университет
ул. Киевская, 60, Томск, 634061, Россия

Томский государственный университет
пр. Ленина, 66, Томск, 634050, Россия

Главный редактор
член-корреспондент РАН И. В. Силантьев

Адрес редакции, издателя
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Ответственный за номер В. А. Горбунова
Редактор И. А. Похорукова
Корректор текста на английском языке Е. В. Давыдова

Сдано в набор 14.08.2025. Подписано в печать 08.09.2025
Дата выхода в свет 22.09.2025. Бумага офсетная № 1. Формат 70×108/16
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая
Подписная цена 1000 руб.
Уч.-изд. л. 35,5. Тираж 45 экз.
Заказ № 179

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

ISSN 1813-7083

00003

9 771813 708308